

РУССКИЙ ФРОНТИР

ОЛЕГ ДИВОВ • ВАДИМ ПАНОВ • ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН • АЛЕКСАНДР БЕЛАШ
ЛЮДМИЛА БЕЛАШ • АЛЕКСАНДР ТЮРИН • ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ • и другие

РУССКИЙ ФРОНТИР

ОЛЕГ ДИВОВ • ВАДИМ ПАНОВ • ДМИТРИЙ
ВОЛОДИХИН • АЛЕКСАНДР БЕЛАШ
ЛЮДМИЛА БЕЛАШ • АЛЕКСАНДР ТЮРИН
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ
и другие

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКИЙ ФРОНТИР

ОЛЕГ ДИВОВ
ВАДИМ ПАНОВ
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
АЛЕКСАНДР БЕЛАШ
ЛЮДМИЛА БЕЛАШ
АЛЕКСАНДР ТЮРИН
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ
и другие

РУССКИЙ ФРОНТИР

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р89

Серия основана в 2003 году

Разработка серии *Е. Савченко*

Составители сборника *С. Чекмаев, Д. Володихин*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

**Р89 Русский фронтир. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 544 с. — (Русская фантастика).**

ISBN 978-5-04-091196-7

Могучая Российская Империя 2.0 начала масштабную экспансию по всем направлениям. Она основывает новые города и колонии в космосе, берет под контроль планеты в разных концах галактики, ведет разведку океанских глубин, если надо — отстаивает свои интересы с помощью вооруженных сил. Но имперская экспансия — это и стремительное развитие науки, обновление информационной сферы, творческий поиск и напряженное размышление над этикой и новыми формами образования. Империя постоянно раздвигает свои пределы во всех сферах мироздания: территориально, интеллектуально, творчески. Она не знает понятия границ, ибо ее потенциал безграничен. Россия веками прирастала дерзновением горстки смельчаков, когда за казаком шел монах, а за ними — строитель и купец.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белаш А., Белаш Л., Володихин Д.,
Геворкян О., Дявов О., Елинсеев Г.,
Марков А., Панов В., Прососов И.,
Сизарев С., Трускиновская Д., Тюрин А.,
Федотов Д., 2018

© Состав и оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018

ISBN 978-5-04-091196-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЕОГРАФИЯ БУДУЩЕГО

сегодняшнем дне всегда присутствуют образы будущего. И не только образы, но и сценарии. Мало того, время от времени начинается битва сценариев на вытеснение: одни падают, избитые, изувеченные, другие торжествуют.

Притом совершенно необязательно, что реализуются сценарии-победители. Для того чтобы тот или иной футуро-сценарий стал реальностью через десять, пятьдесят или сто лет, достаточно, чтобы сегодня он захватил изрядное количество умов. Иными словами, чтобы его помнили, о нем думали, он присутствовал как возможная перспектива хотя бы для меньшинства.

Быть может, время еще не раз поменяет цвета перед тем, как реальность потянется к одному из припасенных сценариев и оживит его. Кто знает, из кого тогда будет состоять большинство... и сколь могущественным окажется меньшинство, выбравшее тот футуро-сценарий, который, казалось бы, заведомо проиграл и выбыл из интеллектуальной гонки.

★ Посмотрите вокруг себя: кусочки смальты из мозаики будущего уже появились здесь и сейчас, география будущего уже проступает в истории настоящего.

Горе той стране и тому народу, которые не имеют собственной утопии. Утопию им обязательно нарисуют... деловитые художники откуда-то извне. И скорее всего, в предложенной утопии будет маленькая червоточинка, которая со временем разрастется в большую пропасть. Ведь никто не станет рисовать утопии соседям... совершенно бескорыстно.

А где она, наша утопия? Утопия, пригодная для современного русского человека? Ау! «Не дает ответа...»

Антиутопий — ворох: от самых серьезных, основательных до сталкерной бутафории и «метро»шных страшилок. А вот «светлого-доброего» на будущее написано скудно.

Да и можно ли ныне создать футуро-сценарий, который удовлетворит все население России или хотя бы большинство? Вот уж вряд ли, учитывая, до какой степени это самое население расколото. Одни зовут: «О, пойдем же, поклонимся Европе, о, станем же наконец людьми, что мы все в потемках да в потемках?!» Другие мечтают: «Подайте нам СССР-2, и чтобы всех изменников — на кол!» Третьи видят, что ничем, кроме Империи, Россия быть не может, а потому предлагают: «Совместим традицию с прогрессом! Когда-то, при царе, талантливые русские инженеры построили Транссиб, самую длинную железную дорогу в мире. Хорошо бы и в будущем совместить сильных царей с отличными инженерами».

Мы сделали книгу, которая предназначена для тех, кто мысленно уже выбрал третье, и для тех, кто

еще колеблется, но уже подумывает встать на этот путь. Наша Россия будущего — звездная Империя с монархом во главе, с Церковью, но и с высокоразвитой наукой, технологиями, мощной экономикой. Это не палеоимперия, это футуроимперия.

Наша Россия будущего — государство, постоянно развивающееся, не стоящее на месте ни единого дня. Она позволяет выбрать: одним — покой и уют метрополии, другим — звенящие ветра фронта.

В сборнике «Российская империя 2.0» мы говорили о том, что в конце XXI — начале XXII столетия на месте нынешней России будет существовать могучая Российская империя. В ней быстрое инженерно-техническое развитие придет в гармонию с традиционными ценностями: крепкая семья, прочная вера, ощущение братства в обществе, монархия. В Российской империи не будет понятия «сверхчеловек», «постчеловек», «homo super»: все делают обыкновенные люди из плоти и крови, с биологическим мозгом, а не с электронным. В сборнике «Русский фронт» мы показываем Империю не в статике, а в динамике: она ведет постоянную всестороннюю экспансию. Она основывает новые города и колонии в космосе, берет под контроль планеты в разных концах галактики, ведет разведку океанских глубин, если надо — отстаивает свои интересы с помощью вооруженной силы.

Но экспансия ведется не только в пространстве. Имперская экспансия — это еще и стремительное развитие науки, которую государство щедро финансирует, создавая мощные центры-узлы научного поиска; это и постоянное обновление информационной сферы; это и творчество в искусстве; это и на-

пряженное размышление над этикой и новыми формами воспитания, которое должно создать человека, твердого в основах, но способного к стремительному освоению новых знаний и творческому их применению. Империя постоянно раздвигает свои пределы во всех сферах мироздания: территориально, интеллектуально, творчески. Она не знает понятия границ, ибо ее потенциал безграничен.

Рубежи Империи, «Русский фронтир» — это то, что постоянно отодвигается дальше, дальше, дальше.

Наши границы в будущем — прощание с границами.

Дмитрий Вологихин

ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ

ПОСЕВ

Далеко-далеко, за морем,
Стоит золотая стена.
В стене той заветная дверца,
За дверцей большая страна.

Михаил Фроман

Ногда они смеются, то не прикрывают рот ладонью. У них всех здоровые белые зубы. Как жемчуг.

А еще их командиры носят тонкие суконные шинели цвета голубинового крыла, волшебные легкие и очень теплые. Такой же сизый цвет — у туч, из которых они опускаются в Наместье. На барахолке за похожую шинель просят пять дирхамов серебром или дюжину банок тушенки.

Зовут их «орланы», морские орлы, поскольку они прилетают по небу со стороны моря. И еще из-за гербов на фуражках. Эти гербы у них повсюду. Что конвойный бронебагги, что фургон, что воздушный корабль — каждый борт с двухголовым орлом.

Говорить с ними запрещено, за это меч, башка с плеч. Но смотреть можно, когда разгружаешь заморский завоз с едой и мануфактурой.

Из себя важные, глядят свысока, поступь широкая, твердая.

Наблюдая за орланами, Коби пытался представить — кто они, откуда? Почему такие сытые и чистые?

Про старину и заморье мало кто знал. Когда были книги из бумаги и плитки с бегучими буквами, в них читали о старинном, но еще при бабке Коби алиены-господа велели все сломать и сжечь. В резервации позволили оставить одну Библию, она постоянно хранилась в подземной молельне, выносить нельзя. Преподобный пастырь и его ученики за это отвечали головой. И если лишнее рассказывали — тоже. Бывает, найдется наушник, алиенам донесет — ради награды или чтобы самому стать пастырем. Должность завидная — кормиться от общины, а работа — знай читай да требы исполняй.

О мире и о новостях неверным сообщал глашатай алиенов. У него тоже работка непыльная — кричать с башни призыв на молитву, учить недорослей и оглашать в резервации волю господ. От него Коби и нахватался знаний, не считая рассказней между своими.

Мир зачумило неверие, за это Бог покрыл его наполовину морем, покарал дождями и снегами. А кого и вовсе утопил — Альданимарк, Хуланду, которые дряхлый пастырь называл Голландия и Дания. Но Наместье, где держалась вера алиенов, пощадил, лишь побережье там-сям залил. И оставил Ирланду на западе, как охотничье угодье; смельчаки туда ходили за хабаром и милашками, не брившими голов. Правда, не все возвращались.

На востоке за волнами — черно-рабская Фаранса, там другие алиены ложно исповедуют по-дикому —

воинственные, злобные укурки. А дальше вдоль земли и моря высится Вахтам-Раин, защитный вал германов. За ней — «дом войны», земли неверных. Там злой ад и тьма — чем дальше, тем чернее. Оттуда-то, из самой дали, прилетают в тучах корабли, похожие на кабачки.

— Огражденные морем, — вещал глашатай согнанным на майдан неверным, — мы как светоч посреди кромешной ночи. Вам даем жизнь и защиту, а пришельцам — милость. Орланам позволено держать подворья в Кинате, в Сасикисе, чтоб складывать к ногам наместника завоз даров...

— Кент, Суссекс, — потупив взгляд, еле слышно шептал Коби себе под нос. Глядеть прямо на глашатая, как на любого алиена, — запрет, башка с плеч. Но истому скинхеду полагается хоть в малом поступать наперекор. Да и звучат старорежимные названия на прежнем языке гораздо лучше, чем на пиджине.

— Помните главные запреты — не подходить к стене подворья, не говорить с чужаками, не брать из их рук, не оказывать знаки внимания жестами или гримасами! Нарушитель лишается милости и снисхождения, он — жертва меча, и голова его — на тыне. Кто малые запреты преступил, тот извергается прочь из Наместья — как скотину, отдадут его за море, в рабство без возврата, на муки и долгую смерть!..

Каждое воскресенье он так выкрикивал, заученно и одинаково. В аккурат после литургии, когда причастишься, вылезешь на свет божий из молельного подвала и вздохнешь полной грудью — а тут этот петух как загорланит! Половина настроя на-смарку. Или больше, судя по новостям.

Перед стадом неверных, сидящих на корточках, глашатай чувствовал себя возвышенно, словно на башне в час призыва. Вместо лиц и глаз на него смотрели бритые макушки. Велико поголовье скинхедов в Кинате, много пользы от него наместнику.

— Близится срок платить выкуп за жизнь — دينار с мужчины. Помните о нем! Кто ленив или скуп, отдаст городу ребенка...

От толпы донесся сдавленный долгий вздох. Двадцать дирхамов, немалые деньги. Но скинхеды чадолюбивые — надорвутся, а уплатят.

— Теперь возрадуйтесь! Лето выдалось урожайное, зимой всех ждет сытный прокорм. Вдобавок наместник дарует вам приработок...

При этих словах кое-где мелькнули поднятые на миг лица.

— В долинах и холмах размножились бродячие собаки. Они — злой ад, угроза овцам, гибель женщинам и детям. Можете их убивать ножами, самострелами, ловушками. Оплата — дирхам за семь голов, а собачина и шкуры — ваши. Соль и химикаты на выделку шкур город даст за полцены.

По сидячей толпе прошло оживление, раздался радостный гомон. Охоту разрешили! Впереди жирная зима, да и на выкуп заработать стало проще! Кожевникам и скорнякам прибавится работы, зато можно будет приодеться, а излишки сбыть в другие резервации.

Тотчас, как глашатай и его охранники ушли, собрался сход мужчин. Стайных псов добывают сообща, и мэр поселка назначил — от тинейджеров и старше всем собраться в промысловые ватаги, чинить охотничьи снасти, ладить волокуши. От охо-

ты отстранили только винокуров, потому что гнать спиртягу для заправки алиенских тачек — дело архиважное.

Снаряжение готовили с одушевлением, словно готовились брать город приступом. И если вместе, то уж вместе. Для такого раза собирались вечерами в повети при чьей-нибудь хижине, зажигали лампы, вострили ножи, мастерили, пели скинхедские песни —

К пеньку на болоте приколот листок,
Его накорябал какой-то пророк —
Мол, злые собаки захватят страну
И скопом пойдут англичане ко дну.

И столько в полях наших стало собак,
Что не продохнуть уже, так их растак!
Так ладь самострел, наконецник точи,
Готовься собак проклятуших мочить!

Не псалом же и не бунтовское разжигалово — дозволенное песнопение неверных.

Под конец скопом пошли к преподобному, чтобы тот освятил болты и арбалеты, а на другое утро до рассвета двинулись ватагами в поля. За каждым отрядом ребяшня, зевая с недосыпа, тащила волокуши, пока порожние.

Впереди крылась в синем тумане осенняя ширь, слабо виднелись огни на корабельной вышке орланов — красные, похожие на звезды.

Из мглы доносились удары колокола — в подворье звонили к заутрене.

Правда, тогда Коби не знал, что это церковное, вроде криков глашатая с башни. Думал, орланы часы отмечают.

Их подворье находилось на так называемой Голгофе, где встарь был свиной могильник.

Издавна там рубили или распинали, судя по вине, и лобное место пришлось передвинуть, когда орланы стену строили. Но традиции святы, казнить продолжали. Стена оставалась глуха ко всему, что под нею творилось. Высоченная, в четыре роста, из плит вроде железных, с круглыми слепыми башенками через равные промежутки. Как они там живут?.. Над стеною торчала лишь вышка, к верху которой носом прикреплялись корабли. И ни звука оттуда — один колокол.

Из-за стены они чаще вылетали кораблем. Запускали в воздух крутолеты, иногда такие маленькие, кошке не влезть, или пузыри с винтами по бокам, бесшумные как призраки. А выезжали — с дарами, колонной. Бронебагги впереди и сзади, посередине фургоны. Разгрузятся у города, их командиры погуляют взад-вперед, после по машинам и обратно.

Кроме этого, ворота открывались, чтобы принять рабов от алиенов. В месяц-два раз виновных собирали с резерваций — и туда. На взгляд Коби, это похуже казни. Так хоть похоронить позволят, а тут люди пропадали без следа. Каково с живыми-то детьми навек прощаться!.. Кто на малых запретах палится? Тинейджеры! Им «снисхождение» самое лютее — от отца-матери в неведомую даль...

И все равно стена притягивала, как все тайное.

Хоть краем глаза глянуть за нее.

Последнюю собачью стаю окружили недалеко от Голгофы, перестреляли издали. Ох, визгу было!.. И, как на грех, Коби по псу промазал — тот извер-

нулся, вырвал зубами болт из ляжки и на трех ногах пустился в заросли.

Дружки насмехались:

— Твое мясо убежало и полкуртки с ним. Натяг у самострела слаб, еле воткнулось.

— Догоню подранка, — будто не замечая подколов, сказал Коби вожаку ватаги. — Он кровит, далеко не уйдет. Сам в поселок притащу.

— Иди, — кивнул тот. — Долго не плутай, к стене не лезь.

Было к полудню, небо хмурилось, с моря натянуло мелкий дождь. Знал подранок, где скрываться — ушел в низкий и непроглядный терновник, куда лезть можно только в рачьей скорлупе, кругом шипы.

А рассказывали, раньше на холмах высился лес с легким подлеском, насквозь все видно. Но алиены пришли и пожгли деревья на дрова, осталось как в Библии — плевелы, волчцы и терния. Ходи тут по кровавым следам!..

— Я ж тебя достану, — цедил Коби, продираясь сквозь колючки со взведенным арбалетом. — И жарю с луком.

Возвращаться без добычи было горше смерти. Изведут попреками и шутками — горе-охотник! — а вдобавок прозвище дадут, Мазила. С таким ником ни к одной девчонке не подкатишь.

След пересекся ручьем. Здесь пес, от боли поумнев, пустился вдоль воды — в какую сторону? Впору отчаяться.

— Где же ты, тварь?

— Сюда!.. — вдруг позвал со стороны голос, тонкий, словно девичий.

Коби вздрогнул, опуская самострел, чтобы случайно не нажать спуск. Сколько раз бывало на охоте — поворачивался человек на оклик и без умысла пускал болт.

— Кто тут?

— Сюда!.. — слабея, звал голос.

«Может, кто из девчонок за мной увязался?.. Побежала, заблудилась...»

За сплетенными ветвями и зелено-желтой рябью листвы ни черта не разглядеть!

— Где ты?

— Сюда!..

Он полез напролом — вдруг с ней беда? Ногу подвернула или что.

Но, оказалось, звал его не человек.

На травянистом пятачке из вздутой бугорком земли торчало нечто, вроде мелкого яйца или гриба-дождевика — тусклое, бледное, серовато-желтое. Именно от этой штуки шел голос.

В растерянности опустившись рядом на колени, Коби пробормотал:

— Господи Сусе, да что ты такое?..

— Руслик?.. — позвал Матвей внезапно замолчавшего соседа по столу. — Если срочные новости, сразу выкладывай.

— Да. Есть возможная добыча, — заговорил Руслан, выслушав шепот модуля на ухе. — Прошла первый уровень годности — народ, возраст, вера. Система ведет анализ личности и усыпляет его бдительность.

Сигнал застал их в офицерской столовой. Матвей обмакнул в винный соус пельмень и изучал его, наколотый на вилку:

— Парень?

— Подросток. Уточняется возраст и уровень интеллекта.

— Негустые у нас всходы. За посевной сезон — три кандидата. Один зерно разбил, другой зарыл... До фазы деления ни разу не дошло.

— Эти два были черного толка; я на них и не рассчитывал особо. Рано горевать, посев-то первый, опытный. И таки результаты налицо.

— Когда ляжет снег, все кончится. И нас с тобой отправят на Аляску, ставить опыты на белых мишках. Кажется, эти будут перспективней. Потрудиться, так они хором «Боже, Царя храни» нам споют.

— Я писал уже в центр — зерна невсхожие, программа годности неизбирательна. Потребуем к весне еще полкило зерна и повторим посев. Из-за неудачи глупо закрывать проект...

— Начальству доказывай. Давай по компоту — и за работу. Где он, этот наш кандидат?

Руслан сверился с картой на запястном мониторе, поменял что-то в настройках:

— Метров семьсот от стены, в терновнике. Зерно у него в руке. Положение не изменяется. Идет речевой контакт.

— Ну да, выйти из леса не может, грибы не пускают... Представляю себе его состояние — встреча с говорящим коконом. А догадался кто-нибудь проверить зернышки на нашей детворе?.. Ладно, вопрос некорректный.

С этим Руслан про себя согласился. Детям только дай. Младшенькие сразу раскурочат, старшие станут исследовать и доберутся до фазы деления. Вот тут веселье и начнется! Пока родители и учителя хва-

тятся, весь школьный класс обзаведется игрушками-болтушками. Если раньше не приедут ласковые дяди в штатском, чтобы выкупить расплотившиеся зерна по пять рублей за штуку. Ведь когда-нибудь деление кончается.

Всю дорогу до места работы он глядел на монитор — контролировал зерно и кандидата, — изредка отрываясь отковырять старшему по званию или ответить младшему на приветствие.

Кругом военные, даже на кухне, поскольку передовая база — форпост на отдаленном рубеже, в отрыве от империи. Гарнизон и арсенал с расчетом на недельный бой в осаде, если алиены обезумеют, решив пойти на приступ. То есть если дойдут до стены, что навряд ли.

— Вот кстати, — заметил Руслан оживленно, изучая на ходу экран, — и псовая охота объяснилась. Пишет разведка — прослушала тайный военный совет. С городских складов уйдет тонн пять провизии, которые хранились на прокорм скинхедов.

— Куда еще?

— Маленькая священная войнушка. Смельчаки Кента и Суссекса отправляются в поход на Лондон, бить паки, индусов и их жалких гнилозубых кокни. За неправильную веру, разумеется. По планам командиров, обернутся до снегов. Рассчитаны потери и добыча. То есть наши местные заготавливают солонину не себе, а тем, кого пригонят смельчаки. А винокурня гонит спирт для боевых тачанок.

— Значит, богатый урожай пойдет не впрок — все изведут на кампанию, — рассудил Матвей как эксперт. — И кандидата нашего в обоз возьмут вьючным ослом, а в Лондоне паки его из винтовки застре-

лят. Вот мы и потрудились для державы, Руслан Альбертович. Оправдали свое денежное довольствие, подготовку по проекту, перевозку наших тушек дирижаблем и банку зародышей с искусственным интеллектом, местами достигающим кошачьего. Слушай, а может, осуществим подстрекательство? — Он остановился у дверей их кабинета. — Зарядим парня мыслью, что пора валить? Семьсот метров до стены...

— И нарушим сразу ряд пунктов проекта. Полнота анализа, ввод мотивации и вектора стремления, а также...

«Упертый, все б ему по пунктам!..»

— Зато об успехе отчитаемся, центр возликует, пришлет кило семенного материала и новый дрон-селяку. Освоим Суссекс...

— Мне тоже хочется, — потупившись, негромко молвил Руслан. — Но давай попробуем сначала разработать Коби, как предписано. Пусть выберет сам.

— Коби... Джейкоб? Значит, Яша. Тогда начинай. Внуши ему позитивную модальность его имени. В конце концов, все начинается с семантики. Может, они и развалились потому, что разучились называть явления и вещи правильно.

— Ну, с алиенами у них ошибки нет...

— Скинхедский термин. Между этническими группами в ходу другое — «господа» и «неверные».

После охоты в поселке был праздник стряпни и обжорства.

Пока вожак ватаг сдавали по счету собачьи головы и получали взамен серебро, посельчане разожгли надворные очаги, жарили-варили, мездрили шкуры скребками. Всем дело нашлось, все балагурили и ве-

★ селились, предвкушая сытный ужин, — один Коби, позже других вернувшийся с полей, выглядел замкнуто, подавленно. Про его неудачу уже разрезвонили, но по сути она пустяковая — с кем не бывает?

И дружки перестали вышучивать, и отец по плечу потрепал в утешенье: «Забудь! Подумаешь, промах, велика забота!» — а он, поджав губы, все смотрел сквозь собеседников или под ноги.

Общее веселье шло мимо него, обтекая Коби по сторонам, как ручей — камень. Единственная мысль его сверлила и давила:

«Что же я нашел? Что мне с ним делать?»

По мискам разложили мясо, приправленное петрушкой и томатами, Коби возился в нем ложкой, но перед глазами вместо харча шли туманные картины, навевая голосом... гриба? клубня? Даже назвать кругляш правильно слов не хватало. Одно ясно — яичко не живое. Твердое, холодное, как галечный голыш, лишь весом легче камня. Гладкое, без глаз, корней и кожуры.

Но этот голыш говорил с ним, понимал и отвечал. Больше того — давал советы и рассказывал о небывалом. За то малое время, пока Коби с ним беседовал в терновнике, яйцо успело наболтать столько, что можно месяц ломать голову.

«Я твой друг из восточного мира, — его речь фраз за фразой накрепко откладывалась в памяти. — Ты нашел меня, чтобы жить лучше. Береги меня, храни рядом с телом. Я буду учить тебя верным словам и указывать путь».

«Ты... тебя... что... У тебя имя есть?»

«Чтобы назвать его, нужен точный язык. Пиджин плох — он уродлив, его слова — чужие, огрызки

речи алиенов и чалматых хинду. Прежний тоже — он коверкает рот. Ты научишься говорить правильно, потом — писать».

«Зачем? Что... мне нельзя».

«Можно, если осторожно. Кто знает язык и письмо, тот откроет дверь на восток и даст свет западу. Мы будем говорить наедине — ты и я».

Задавая вопросы и слушая ответы яйца, можно было просидеть в зарослях дотемна.

«И где мне с ним уединяться? — донимало Коби. — Уходить из поселка в долину... Прятаться в повети или подвале... Вдруг еще кто застучает — тогда хана. Слухи пойдут — де, Коби стал задумываться, заговариваться. С гладким камушком беседует — как пить дать в юродивые метит, вот-вот начнет пророчить. До алиенов дойдет — разрешат ли они дурака держать в поселке?.. Тьфу, да о чем это я?!. Не лучше ли будет зарыть его?.. Или разбить?»

Но тогда — конец волшебной речи, всем мечтам конец. Живи скотом у алиенов и до могилы жалей — зачем расколотил кругляшку молотком, зачем в землю закопал?

«И ведь я это отрою вновь. Буду в ладонях греть, шептать над ним: «Ну, проснись, хоть словечко скажи о востоке, как оно там у орланов...»

А говорила круглая вещица странное, до дрожи странное.

За морями, за утонувшими землями, за огнедышащим валом германов — Rossiya, Imperiya. Она громадная, куда больше Наместья; ее граница там, куда дойдут орланы. Это великие равнины, горы поднебесные, города и поселки, несчетный народ — и без рабов, без бритья голов, все ходят словно господа,

высоко держа голову, рядятся не в собачьи шкуры. Их молельни — над землей, каждая с колокольной башней. Еды много, есть даже свинина, которую поминают в сказках.

«Я зерно Іmpегіі, — вещало яйцо на пиджине, — я выросло в этой земле для тебя».

В эти слова Коби и верил, и не верил. Голова кружилась.

Был порыв пойти к преподобному, открыть все старику и попросить совета. Потом Коби отпустило — это может оказаться хуже, чем самому от кругляша избавиться. Пастырь пожурит, наложит епитимью, велит молчать о находке... да и заберет. Отними у него после. Будет сам один с чудом общаться, знаний набираться, а ты так и останешься безграмотным.

Решил оставить себе, у живота привязать тряпкой, а перед мытьем в одежде прятать. Как с яйцом беседовать — придумается; главное, выбрать место и время побыть одному.

Вот и началось его заветное учение.

По счастью, алиены не забрали Коби грузчиком и ишаком-носильщиком в поход, на очередную зачистку Ландана от лжеверующих паки. Брали двужилых, крепконогих, кому таскать не перетаскать, а молодняк оставили скорнякам в помощь — со шкурами возня вонючая и долгая.

В иной раз Коби и сам напросился бы. Нечестивый Ландан, говорят, велик ужасно, его грабят-грабят, а вещи в нем не кончаются. Там пропасть старых маклюшек и всякого карго — с большой добычи и скинхедам дозволяют нагрести себе мешок, какой спина выдержит. Кроме кукол и картинок, тех сразу в огонь.

Но за время листопада он услышал столько о заморье, что его не соблазнило б даже взять себе девчонку из полона. Что она? Юбка в доме, у чалматых выросшая в неизвестной вере. Пока еще ее хурды-мурды поймешь, своей речи научишь. А в словах кругляша — целый мир.

— Из разведки пишут, — доложил Руслан, постоянно висевший на связи со службой мониторинга. — Только что гонец прибыл к градоначальнику с докладом. Экспедиционный корпус кентских алиенов завяз в Бромли, на правобережье Темзы. То ли потрошат какие-то склады, то ли на зимовку окапываются. Им нужен спирт для машин... А что, Бромли годится как база. Метро нет, паки под землей не подкрадутся.

— Скоро снег ляжет. Чтобы прошел конвой с горючим, колея должна замерзнуть. — Матвей за соседним пультом сводил воедино суточный улов с зерен на пастбищах Вилда, между грядами меловых холмов. Заодно для экологов отслеживал численность и активность диких кроликов — угнетенные людьми и псами, ушастики здесь перешли на ночной образ жизни. Они выглядели в тепловом диапазоне словно пушистые комочки света.

А вот людской трафик по тропам и дорогам снизился в разы. Температура падала, зернам пора было в спячку.

— После забоя овец я их всех отключу. Никакого толку. Опять же, Самайн, день открытых дверей на том свете. Любой контакт — классика историй о призраках, — и, отъехав вместе с креслом, Матвей стал водить руками в воздухе, как будто рисовал

★ картину. — Вечер, темнеет рано. Сгущается туман. Одинокий путник идет по обочине. Из придорожной канавы слышится потусторонний голос: «Джек, остановись и помолись! Я твоя сестричка Ди, которую отдали орланам десять лет назад! Теперь я живу в ином мире, в Воронеже. Меня здесь окрестили Таней, учусь в медицинской академии Луки Крымского, есть жених Сережа. Я по вам скучаю, иди ко мне». Тут Джек руки в ноги и драпала в резервацию. Ужас-ужас-ужас, упокойная сестра звала в могилу... Самайн, что вы хотите?

Руслан мыслил прозаичнее:

— По-моему, хороший ход для пропаганды. Поднять личные дела изъятых, сопоставить с базой данных на их семьи... да, и создать эти базы... затем ввести в программу поисковый алгоритм и — остается лишь устроить встречу Джека и волшебного боба. Даже двух-трехступенчато, через родню или знакомых Джека, с учетом их IQ и уровней годности.

— Штат две дюжины сотрудников, минимум полгода на сбор базы и маршрутизацию родни, сетевой посев в пределах Кента, это пять кило зародышей плюс рост рисков выявления сети и контрмеры алиенов.

— Зато охват и эффективность!.. Твое предложение надо включить в месячный рапорт. Главное, правильно оформить и подать тему начальству. Обязательно отметить, что у нас два удачных контакта...

— ...на двух научных офицеров с марта по октябрь. Ладно, Яшу твердо пишем в плюс. Но твой Лейс мне надежд не внушает от слова «отнюдь». Во-первых, алиен. И что он откопал зерно — еще не повод ликовать. Просто с уходом банд на Лондон в го-

роде стало меньше лишних глаз и толчеи, уединиться проще. Это рабочий случай, повод отработать действия программы.

Руслан не уступал:

— В нем есть какой-то фактор... Что-то неучтенное. Может, кодеры упустили ряд малых этнических параметров. Во всяком случае, я с ним продолжу.

— Действуй. Писать в рапорт одного клиента — считай, сознаться в провале миссии. Да, лови картинку — Лейс под покровом тьмы крадется в резервацию.

— О... как ты его отловил?

— Ночным дроном, пока кроликов считал. Биометрия, одежда — полное совпадение. Зерно с ним?

— В гараже, в смотровой яме, кирпичом заложено. Говорю же, с этим не все ясно. Уже который раз...

— Руслан Альбертович, мысли проще. Кролик ходит по капусту. Традиция! Пойдем-ка ужинать, а дрон на автопилоте за ним последит.

Чтоб возмужать, городскому недорослю надо нарушить — хоть однажды — три запрета. Даже четыре. Стать сотрапезником неверных, выкурить табак, выпить автомобильное топливо и согрешить с неверной.

И потом чтоб не таился, а пришел открыто — пьян, накурен, осквернен. Книга строго воспрещает, но для смелости, типа, надо. Так повелось, неписанный закон. За это выпорют ремнем при всех, но дадут право носить пистолет.

Обычай казался Лейсу отвратительным до тошноты. От табачного смрада спирало горло, спиртовой дух шибал в нос и пугал, а уж последнее — впору повеситься, чем совершить. Трясло при одной мыс-

ли о грязных скинхедках из резервации — наряжены в тряпье и шкуры, самокрутками дымят, хохочут гнилозубо, топливным перегаром дышат.

«Неужто и мать была такой?.. Не верю, не могла она...»

Конечно, не все их девчонки похожи на гулей, что подстерегают ночью у дорог, заманивают красотой в кусты и там высасывают кровь. Есть и хорошенькие. Но такие не ходят на пьяные сборища, таятся и прячутся.

Из города он выбрался после ночного моления. Ни звезд, ни луны, темнотища, лишь на вышке орланов виднелись огни. До костей пробирал сырой ветер, даже сквозь куртку. Дорогу развезло после дождей, пришлось идти полем. На полпути стало мерещиться — шуршит рядом в воздухе, где-то вверху, но поднять голову или посветить фонариком Лейс боялся. Вдруг там нечисть? Увидишь пасть с клыками, выпученные глазища...

Так, молясь шепотом, и добрел. Шуршание отстало и пропало.

В повети, где собирался молодняк неверных, жарко пылала железная печка на ножках, пахло жареными голубями с лучком и картохой, витал едкий дымок самосада. При входе Лейса никто и не подумал встать — если аalien тайком явился на рубон к скинхедам, где одни запреты, пусть подчиняется здешним обычаям.

— О, господин пришел!.. Раздвинься, братва, дайте ему место... Полголубя схарчишь? Он дозволенный, сбит из рогатки, задушен с молитвой...

На святотатственную шутку старшины ребята заржали, девки захихикали, а Лейсу оставалось криво улыбаться.

— Ну как, сегодня-то решишься? Глянь, нарочно тебе привели... Э, где там Трис затарилась? Выньте ее из угла.

На ту, которую после возни вытолкнули вперед, Лейс едва посмотрел. Взгляда мельком хватило увидеть — девчонку трясет, как его самого. Только он не подавал виду, так господам положено. Бросил ей объедок голубиной тушки. И ведь поймала.

— Во, одарил, все правильно сделал! Трис, ты понравилась. Садись к нему.

Пожалуй, да, почище прочих, но глядит затравленно. Надо было ей что-то сказать, а слов не нашлось.

Лейс прикрыл веки, как бы наслаждаясь идущим от печки теплом. На самом деле он пытался забыть все вокруг, даже запахи, не замечать девчонку и вспомнить видения из говорящего яйца.

«Вы жалкое отребье, вы ничтожества, живете в свинной грязи и ничего, ну ни-че-го не знаете. И я такое же дерьмо, если опустился до вашей низости, если пришел к вам для мерзости. Но я видел. Я слышал. Есть другой мир, где все иначе. Только стена нас отделяет от него. Стена и огнеметы в круглых башенках».

Наверное, оно питалось тем, что грелось в руках. Шептало: «Положи меня в воду, я напьюсь. Дай мне коснуться земли». Из него вытягивались щупики и вращались в землю, потом оно сбрасывало старую шкурку. А дальше у него открылся глаз навроде рыбьего: «Смотри в меня». И там...

— Ну, Трис подходящая?

Вздвогнув, Лейс открыл глаза. Вонь, рванина и бритые головы. Бесстыдно косятся, заигрывают пьяные глаза, скользко блестят выпяченные губы.

— Может, я сгожусь? — спросила деваха постарше.

«Не глядеть. Не видеть, — рябило в уме. — Назад, в гараж, там ночью никого. Достать яйцо, согреть в ладонях, потереть и приложить к глазам. Пусть покажет Rossiya. Там все чистые, без срама. Или злой дух меня морочит?.. Но если в яйце — зло неверных и кресты, почему оно — чистота и красота?.. Я так свихнусь».

— Помню, тут парень был, Коби Мазила, — нашел он чем сменить тему. — Что-то его не заметно. Много дразнили?

— Не-е! — отмахнулась хмельная скинхедка. — Так, слегонца шутили. Вообще он меткий, хорошо добыл собачины... Сам от нас отбился. Да и заходил-то раз-другой. Чудной стал — бродит в одиночку, думает чего-то, щепкой на песке рисует, а то в заросли уйдет, и не докличешься... Короче, дурака кусок. Накатишь со мной кружечку напополам, а?

От ее слов Лейса пробрало не по-хорошему.

Щепкой на песке. Можно быстро ногой стереть буквы.

— Не сегодня. — Он поднялся, потянув за руку робкую Трис. Та упиралась, на аalien тащил настойчиво и под глумливые напутствия вывел из повети в ночной холод. Снаружи она принялась всхлипывать, пряча лицо, и ахнула, когда Лейс дернул ее к себе.

— Иди домой, — тихо заговорил он сквозь зубы. — Больше сюда ни ногой. Никогда. Уважай себя. Поняла?

— Ага.

— Будешь умницей, я... дам тебе котенка. Когда кошка родит, и они подрастут.

Тогда Трис перестала сжиматься, оттаяла. Кошек любили все, и алиены, и скинхеды.

— Теперь ступай. Брысь!

Хотя на обратном пути нечисть-невидимка вновь шуршала в темном воздухе, сопровождая Лейса, он не обращал внимания.

«Ну, вот зачем я в резервацию ходил?.. Тьфу, словно в помоях извалялся!.. И как теперь пистолет получить?.. Пересилю себя, хлебну их пойла — в гараже из бака. Дымом и так весь пропах. Назову Трис. Все видели, что я увел ее. Пусть в городе верят. Что еще им остается? По закону, чтоб уличить в блуде, надо четыре надежных и благочестивых свидетеля — будут! Четыре распутные скинхедки... Судья и скажет — всех пороть!»

Но больше его волновал Коби, отказавшийся от вечеринок со спиртягой.

Казалось бы, самое то для рабов и неверных — бухать, дуреть, курить и кис-кис-мяу с кем попало. Натурально по-скотски. Скотина и та поразборчивей будет!

А этот отбился. Понюхал — и прочь.

В одиночку стал ходить, от других прятаться. И щепка...

Сам Лейс пользовался гвоздем.

Осталось незаметно проскользнуть в гараж, собравшись с духом хлебнуть топлива и, пока не выветрилось из одежды, нагло пойти к дому законоучителя.

Отрава крепко ударила в голову, ноги заплетались. У порога дома Лейса вырвало, тут его взяли в оборот. На допросе он во всем признался, хотя половину вины свалил на злого духа, всю дорогу шелестевшего над головой крыльями нетопыря.

— Окажите снисхождение, он сбил меня с пути!

Но учитель злился за облеваный порог и спуску не дал:

— Эй, сын греха, в твоих жилах кровь неверных — пьяниц и блудниц. Она звала тебя в притон бесчестья, окунула в свинство. Шесть ремней — славный урок для полукровка!

За такой намек на мать положена расплата, и Лейс, вырвавшись из рук охраны, с налета боднул законоучителя под дых, так что тот рухнул навзничь. Вдобавок оскорбил охранников — мол, оба они евнухи, раз не пошли биться с чалматými за веру. Итого дюжина ремней.

Отлежавшись, он ходил по стенке, а когда окреп маленько, командир стражи дал ему старый, но еще исправный «ЗИГ-Зауэр»:

— Люби его, теперь он твой друг и защита.

Тяжесть оружия в ладони радовала, но мысли Лейса были не в тире.

«Скорей бы в гараж. Как там оно без меня?»

Пока он валялся, выпал первый снег, стоял и выпал вновь, дороги вконец раскисли, и на оставшиеся в городе тачанки ладили грязевые шины с мощными грунтозацепами. С городских стен равнины Вилда смотрелись будто огромный маскировочный халат, раскинутый вдаль до холмов Норт-Даунса — пятнистый, белый с черным и бурым. Вон строгая крепость орланов на взгорье Голгофы, а вон в низине кривая, неровная загородь вокруг резервации. Над тростниковыми и камышовыми крышами — дымки очагов, кузни и винокурни...

— Пустите в полевой дозор, — попросил он командира. — Я хорошо вожу квадроцикл.

Тот, поразмыслив, кивнул:

— Хорошо, запишу тебя в график. С пистолетом не балуй, зря по неверным не пристреливай, а то опять ремня отведаешь. Помни, магазин к твоему снарядить — два дирхама. Перчатки, боты, шлем, бинокль и прочее возьмешь в цейхгаузе.

Вот было зрелище, когда он, затянутый в кожу, с кобурой у пояса лихо подкатил к воротам резервации! Засуетились неверные, забежали — ой, ой, зачем дозорный недоросль явился? Не иначе как с приказом на работы. Или на расправу?.. Одно странно — почему у него в багажной сумке мяукает.

Бензином бы заправить квадроцикл, он больше жара дает и мощности. Можно так разворот отчудить на скорости, грязь на семь метров плеснет, всех скинхедов до ушей окатит. Да где взять этот бензин...

Тот молодняк, что прежде в повети пошучивал над ним, теперь клонил головы.

— Ты, Щербатый! — властным голосом позвал Лейс старшину, когда-то предлагавшего полтушки голубя, забитого не по закону. — Позови мне Трис, живо. Бегом!

На дневном свету девчонка оказалась даже мильenkой. К Лейсу она подходила опасливо, не только согнув шею, но и отводя лицо. Должно быть, молва ходила — «Нежничала с алиеном», — и ее здесь нет-нет да шпыняли понапрасну.

— Ближе подойди.

В уме Лейс попытался представить ее с длинными пышными волосами, с прической, как у девушек в Rossii, каких показывало яйцо. И не в дрянной кур-

нке, а в ярком платье. Даже с крестиком в ложбинке на груди, за который здесь бы голову снесли. Так даже красивей. Ну и пусть это сказка про пери, все равно здорово.

— Вот, — извлек он из сумки встрепанного, перепуганного котенка. — Обещал. Твой.

— О... — растерялась она. — Да, да! Как вас благодарить...

Он поманил ее:

— Ближе. Еще ближе. Это самец. Сама назовешь.

— Пусть будет — Лев.

Совпало случайно, но Лейса приятно кольнуло.

«Мое имя!»

— Я спрошу... — зашептал он, — но клянись не разболтать.

— I swear to God! — согревая котика под курткой на груди, поспешно выдохнула Трис на прежнем языке, каким вещали в их молельне. Лейс сделал вид, что не слышал запретного.

«Зато искренне».

— Где Коби Мазила? Где он сейчас?

— Он... ушел ставить силки для кроликов. После охоты на собак их стало много...

— Куда ушел? Рукой не показывай. Скажи.

— В сторону Голгофы, где под склоном заросли. Он... что-нибудь нарушил?

«Не больше, чем я».

— Все в порядке. Помалкивай. Ты khorosho, krasivo, — прибавил Лейс на языке яйца, сколько нашел из запомненных слов, и запустил мотор. Она еле успела недоуменно спросить: «А?... Что-что?», а он уже рванул с места.

По отъезде алиена к Трис сбежались девчонки — всем хочется погладить котика. Заодно и выведать, о чем она шепталась с полевым дозорным.

— Он тебе свидание назначил, да?

— Уже хватит отмалчиваться! Скажи прямо — у вас было.

— Его мать моей тетке сеструха была, только веру сменила и в город ушла, за смельчака замуж. Такая вот несчастная любовь! Ее там затравили, потому что лысая и языка не знает, она и зачахла. А парня к своим тянет...

Звук мотора Коби слышал издали, но значения не придавал.

Дело обыкновенное — дозор по полям разъезжает, спирт впустую жжет. То ли следят, чтоб паки не подкрались, то ли опасаются соседей — не нагрянут ли, пока в городе мало смельчаков. Им виднее.

Кого алиены не боятся, так это скинхедов. Раньше, когда-то в старину, были отчаянные, воевали под крестовым флагом против черного, только их головы давно истлели на колах. Куда против господ без огнестрела?.. Были те, что пустились в Исход, по-библейски, искать земли без черноты, но и этих след простыл.

До поры Коби считал, что бежать некуда, кругом Наместье. Пока яйцо не открыло ему другую жизнь — сначала голосом, потом зрением. Это внушило надежду, словно дало в бурю кров, в голод — пищу. Даже просто повторяя, затверживая слова иной речи, меняя произношение под руководством голоса, он изменялся внутри, будто в размякшем теле рос новый костяк, крепче прежнего.

★ — Ищи достойного, — внушал голос. — Будь осторожен, но ищи. С ним ты разделишь меня, вы сможете говорить по-новому друг с другом, учиться речи и письму. Одиночество пройдет, придет единство, а единство и есть Rossiya, Imperiya. Чем нас больше, тем больше мы можем».

«Точно, — мысленно соглашался Коби. — Надо других вовлекать. Потихоньку. Чтоб было с кем говорить по-новому, писать друг другу. А то быть одному грамотным — все равно как зрячему среди слепых».

В том, что ему открылось, Коби смутно подозревал перст Божий. Очень оно походило на евангельское — если умолкнут люди, то камни возопиют. Значит, пришел им час заговорить. Кому еще, если все глухо молчат?

Туманилось. В приподнятых чувствах он шастал по зарослям, расставляя кроликам приглашения к столу, когда мотор зарокотал уже вблизи, и Коби насторожился, замер.

«Кого там нелегкая несет?»

Возник черный контур одноместной тачки с седоком; фигура в шлеме повела головой, вылезла из седла и направилась к нему.

Пока всадник снимал с головы свою кастрюлю, Коби привычно опустил глаза, но успел взглядом исподлобья — неверные это умеют — опознать гостя. Лейс, сродник скинхедам. Бывал на посиделках для мужского посвящения, чтобы детство кровью смыть. Судя по стволу у пояса, парень таки пришел к успеху.

— Ты Коби Мазила? — спросил юный алиен скорее для порядка. Пусть не познакомились, но виделись и имена друг друга слышали.

— Да, господин.

Потянулось молчание. Достигнув цели, Лейс за-был, зачем явился. Вернее, в мыслях думалось одно, а на деле сложилось иначе. В повети, среди собак-не-верных, он старался не выпячивать свое господство, но с пистолетом, при исполнении его роль стала дру-гой, и она владела им.

Между голых колючих ветвей терна медленно тек холодный воздух, тяжелый от влаги. От пятен волглого водянисто-серого снега парило сыростью, проникавшей под одежду, ледящей как чье-то не-живое дыхание.

— Я знаю... — начал Лейс и тотчас поправился: — Я точно знаю, что у тебя есть одна вещь...

Из оружия у Коби был только нож. Он дозво-лен — из-за собак и бродяг, если накинута. Было и мелкое преимущество — кобура Лейса застегнута, а нож достать куда быстрее.

— Небольшая вещь. В горсти спрячешь. Вроде желтой картошки.

До Лейса шагов пять. Одним махом с места не до-прыгнуть. Значит, в два скачка. Собаки живучей лю-дей, но и с ними справлялись. Потом бежать, биться в стену. Вдруг впустят?

— И эта вещь говорит.

— Не знаю ничего такого.

— Обыскать тебя? Или покажешь сам?

Пока Коби менял позу, готовясь, пока делал вид, что тянется к карману — а тянулся к ножу, — Лейс откинул застежку и выхватил ствол:

— Стой, не двигайся!

Еще миг — и Коби сник бы, распался духом и умом, как бусы без нитки, но чудом сдержался от паники. Яйцо не выдаст, не затем нашлось.

«Он не мог видеть находку. Значит...»

Овладев собой, Коби тихо, почти вкрадчиво спросил:

— Разве я угрожал господину? Судья в городе защищает меня... Готов идти к нему. Вам тоже есть что предъявить судье?..

Здесь дрогнул уже Лейс. Только судьи не доставало!.. Скинхед спецом разговорится, чтобы насолить ему, и чистеньким уйдет, запретов-то не нарушал. Подобрал чужое? Так ведь не из рук орланов.

«А ты, сын греха, недостойн оружия! В первой же ездке угрожал смертью первому встречному. Кстати, откуда ты узнал о говорящем камне? Ну-ка, расскажи мне без утайки... Онемел? Так пусть твоя спина ответит».

Чем вновь быть поротым до беспамятства, лучше разрядить на два дирхама патронов в судью, законоучителя и кто рядом. Уж тогда за дело обезглавят, как большого.

Похоже, скинхед заметил его слабинку. В глазах какое-то злорадство появилось.

«Я слишком далеко зашел. И Трис сказал, кого и где ищу. Вальну его — смолчит ли?.. Котенок и скинхед, есть разница. А этот вымогать из меня будет... Ему яйцо кресты показывало — ничего, дозволено, а мне — значит, я стал неверным, раз тотчас вдребезги не разнес. Кто я теперь? Куда мне?»

— Стой, где стоишь. — Лейс отступил, сняв левую руку с рукоятки, стал шарить за пазухой. Нагретое яйцо в ладони тикнуло, как часы.

— Эй, вы, в подворье, — позвал он, держа яйцо у рта. — Вы же слушаете, да?.. Я рядом, у ваших стен. Тут и Коби Мазила с резервации, он тоже с вами

связан. Ну вот, если хотите, чтобы он остался цел, — идите сюда. Я хочу вас видеть. Когда ударит ваш колокол, я прострелю ему ногу. Не придете — и другую тоже. Слышите меня? Отвечайте!

Яйцо еле слышно запиликало и отозвалось другим, незнакомым — мужским голосом на грубом, но правильном пиджине:

— Слышим. Опустите оружие и жди. Мы скоро будем.

— Все не как у людей! Вместо праздников — порка, вместо воскресенья — казнь, вместо приглашения — шантаж... — бурчал Матвей, пристегивая оружейный блок на предплечье.

Руслан сварливо бросил:

— Черный толк! Террор у них в крови...

— Малый ротор на площадку, срочная готовность к вылету... Придется принимать меры! Налицо двое с намерением порвать друг другу глотки. Два кандидата на звание «имперский подданный». Теряюсь, кому вручить. Есть соображения?

— Первый уровень годности, пункт третий. По этому пункту один выпадает.

— Человеко-часы на его подготовку потрачены.

— Разве что запустить парня в программу санации, — задумчиво взглянул Руслан на потолок. — Но он и к ней не готов. За свой комфорт готов другого искалечить. То есть убить — без надлежащей медпомощи второй обречен.

— Посмотрим на месте. Все равно как-то решать придется. Служба периметра — пожалуйста, обеспечьте нам завесу в юго-западном квадранте на дистанции полтора километра, высота облака сто ме-

тров, видимость — двадцать. Через десять минут мы туда вылетаем. Спасибо. Нет, поддержка гарнизона не нужна.

При пуске рукотворного тумана влажность — друг маскировщика. Меньше расход химиката, слабей нагрузка на эмиттер поддержки аэрозоля. Ветер — полметра в секунду, выгоднее только штиль. В зыбкой пелене, окутавшей с юга крепость-подворье, малозумный роторет не виден и едва слышен. Застывшие друг напротив друга пареньки заметили его, лишь когда потоки от винтов закружили мокрую взвесь и погнали ее вниз колеблющимися столбами.

Лейсу вспомнился шорох в ночи над головой — тот был еще тише, а похож.

Рука его, уставшая держать пистолет на изготовку, опустилась. С орлами моря шутки плохи. Раз или два всего они стреляли с той поры, когда отстроилось подворье, но даже самым отчаянным из смельчаков хватило, чтоб понять — этих не задирай, себе дороже выйдет.

А тут прям целая машина опустилась — кабина пузырем, по сторонам винты в кожухах, с лопастями-зигзагами.

Вышли двое — в шинелях, фуражках. Один рослый и широкий, лицо рубленое, глаза и волосы светлые, другой тонкий и стройный, брюнет черноглазый, чуть раскосый. Людей вроде второго Лейс видал, они жили в Сасикисе.

— Здравствуй, мы пришли, — сильным, рокочущим голосом заговорил блондин на пиджине. — Брось оружие, оно не поможет. Что тебе нужно, Лейс?

Забыв про обомлевшего, стоящего столбом Коби, он уронил пистолет и двинулся к ним как во сне.

— Возьмите меня к себе.

— Исключено, — бесчувственно ответил брюнет.

— Возьмите, пожалуйста. Я знаю ваши слова, видел ваш мир. Здесь мне нельзя жить, я не могу.

— По оценке с воздуха... — Блондин прошелся твердыми, тяжелыми шагами, приминая талый снег и бурую палую листву, — в Наместье живут двенадцать миллионов человек. Живут!.. Тут, по-вашему, светоч, огражденный морем, — чем ты недоволен? Чем лучше других?

Пока этот похаживал, неподвижный брюнет пристально наблюдал за Лейсом, держа правую руку согнутой в локте. Под обшлагом виднелось нечто темно-серое со стержнями-выступами.

— Но вы же забираете детей неверных!..

— Они — лучше. Потому и забираем.

Очнувшись от столбняка, Коби подался к ним — молча, жадно вслушиваясь в голоса орланов, впервые для него звучащие на пиджине.

— Что сделать, чтоб вы меня взяли?

— Стать лучше, — ответил брюнет. — Речь, письмо, знание, правила жизни. Правила прежде всего.

Коби решился заговорить:

— Zdravstvuyte! Privet!

— О, вот хорошее начало. — Блондин приветливо улыбнулся ему. — Privet, Yasha!

— Я тоже так могу! — выступил Лейс вперед, чтоб Коби позади остался.

— Вот бы и начинал, как полагается. Так вот, — встал блондин перед ними, оставив линию огня между Лейсом и брюнетом с его штукой в рукаве, — оба вы получили подарок и воспользовались им. Похвально. Но вы из разных лагерей и вы уже

сцепились. Поэтому мы заберем одного. Если захочет. Тихо! — остановил он жестом Коби, собравшегося что-то сказать. — Он в Наместье не вернется, все связи с прошлым будут навсегда оборваны. Другой мир, другие люди, другая жизнь. Все незнакомое и непривычное. Если «да» — пожалуйста, в машину. Туман скоро рассеется. Если «нет» — неволить не станем. Здесь тоже найдется что делать.

Коби закусил губу, склонив голову, как прежде перед господами. Зато Лейс молчать не стал:

— А я? Вы что, бросите меня тут одного с яйцом?.. Зачем тогда его подбросили? Зачем? Чтоб я в глазок подсматривал, как вы там... как вы в роскоши гуляете, а мы тут в грязи... Да пропадите вы пропадом! — размахнувшись, он швырнул яйцо под ноги блондину и бросился к оставленному пистолету. Не успел нагнуться, как оружейный блок Руслана щелкнул, и молния взрыла борозду в палой листве рядом с «ЗИГ-Зауэром». Запахло гарью, Лейс отшатнулся.

— Плохая идея, парень.

— Ты!.. Ты тюрок, да? Как в Сасикисе? Замолви за меня, брат!..

— Не брат ты мне, — ответил брюнет с холодком. — В империи твой черный толк запрещен. И все, кто в нем вырос. Из Наместья нас интересуют только годные и чистые, у кого мозг не зачумлен.

— За нас отомстят... — едва сдерживая слезы бессильной ярости, Лейс опустил на корточки, будто неверный перед алиенами, обхватил колени руками и уткнулся в них лицом. Ноющей болью отзывалась поротая спина, в голову буйной толпой лезли детские сказки о могучих смельчаках за морем. — Придут сауды и вырежут вас...

— Не придут. Кончился их век, — слышался голос блондина. — Но ты не расстраивайся. Мечта, что можно перебраться из грязи в роскошь и зажить богато, — глупая. Так живут лишь за чужой счет; это уже сгубило вас однажды. А у нас так: хочешь империю — построй ее там, где ты есть. Займись, вдруг у тебя получится. Мы поможем.

— Да?..

— Подбери зерно, оно твое. Пригодится еще.

Медленно, волоча ноги, пошел Лейс за яйцом, косясь на брюнета. Тот опустил правую руку вдоль тела и смотрел мягче.

— Только это дело трудное, — продолжал блондин. — Очень опасное. На годы. Можно отказаться.

Лейс выпрямился; яйцо, казалось, пульсировало в его сжатой ладони, будто радовалось, что вернулось к другу.

— Попробую...

— Я остаюсь, — выпалил Коби.

— Что так? — У блондина брови вскинулись. — Почему?

— Потому что не слабей его. И вообще... Империя там, где орланы ступили, верно? Значит, она уже здесь? А подворье — оно вроде зерна.

Пареньки переглянулись с недоверием, гадая, чего ожидать друг от друга. Каждый знал о втором только то, что и он владеет талисманом из-за моря, учащим иной, лучшей жизни. А вот сойтись, поговорить на равных — до этого момента им и в голову не приходило. Теперь стало иначе. Поневоле придется быть ближе и как-то приходить к согласию.

Так, молча, и держась отстраненно, они покинули терновник, но вместе на одном квадроцикле — Лейс

жестом позвал Коби в седло, с трудом пересилив свое убеждение в том, что господин едет, а скинхед идет.

Ехали недолго.

— Слезай. Здесь нас могут увидеть в бинокль.

— Спасибо, что подвез.

— Да ладно. Там, у себя, присмотри за Трис.

— Мы теперь заговорщики оба. Смертники. Что-то жутко.

— А с чего ты отказался? Ну, по правде?..

Прежде чем ответить, Коби крепко подумал.

— Они, эти двое, настоящие. В глазке — как сон, но все это взаправду есть. Вот прямо за стеной уже империя, представь. А если стену построили, то и передвинуть ее можно — дальше, на весь Кент.

— Кинат.

— Нет уж, Кент!

— А по-русски?

Собрав в уме понятие о новом языке с его особенным произношением, Коби старательно выговорил:

— Kentskaya oblast.

— Ничего, красиво так, годится. А почему я — «черный толк», яйцо не говорило?

От религиозных вопросов Коби предпочел уйти в сторону:

— Тебе имя уже дали?

— А как же! Я — Lev.

— Yakov, будем знакомы.

Пожимать руки неверным не принято, но Лейс и тут преодолел себя, прибавив:

— Надо найти место, чтоб встречаться без опаски.

— Верно. Тебе сказали, что зерна могут множиться?

— Ка-ак?..

— Без вражды, в безопасности и с тем, кому веришь, если держать зерно вместе.

— Надо проверить. — Про себя Лейс наметил — с кем.

Как повествуют базы данных, с них и началась история Кентской автономной области (первоначально Кентское наместничество), и хотя могилы мучеников Якова и Льва в Архангельском соборе Кентерберри — условные, почитание их — прежде всего там.

Офицеры научно-практической миссии «Посев» Щербаков и Акчурин, взявшие Льва с Яковом в работу, известны гораздо меньше. Кроме энциклопедий, найти их фамилии можно в отчетах отдела экспансии при Министерстве заморских владений Российской империи.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Томню, как сейчас: я стоял на краю летного поля, а экипаж Чернецкого бодро прошагал мимо к своему конвертоплану, и командир воздушного судна смотрел куда-то вперед и вдаль, не замечая никого, зато второй пилот Шурик Гилевич издали мне подмигнул.

Они все были очень красивые и деловые в темно-синей форме гражданской авиации, такие шикарные ребята, ну просто герои, прямо хоть лети с ними вместе спасать мир, но вот нутром понимаешь, что им — можно, а тебе нельзя.

На планете карантин, полеты запрещены. И если эти бедовые парни решили-таки подняться в небо по своим неотложным героическим делам, ты-то не дергайся.

Следом за экипажем прошли геологи, которым тоже летать нельзя, но в своих защитных робах они смотрелись рядом с авиаторами как багаж и глядели чистым багажом, равнодушными глазами, демонстрируя всем видом, что если КВС Чернецкий задумал грузить балласт, ему лучше знать. У них крепко спетая банда типа «сам погибай, товарища выручай» —

а ты жуй травинку и не вмешивайся. Зря, что ли, тебе подмигнул Шурик, он попусту не подает сигналов.

Травинку я жевал и глазел по сторонам не ради безделья, а согласно этикету: стояли мы на краю поля с великим вождем Унгусманом по прозвищу Тунгус, имея вполне дружескую, однако утомительную беседу на актуальные темы внутренней политики. Смотреть на вождя династии Ун, покуда он вещает, не положено. Но опустить очи долу не позволял уже мой личный статус. Приходилось, наострив уши, озираться туда-сюда, то на далекую глинобитную стену местной столицы, где мудро и жестко правил Тунгус, то на домики нашей базы, где свирепствовал начальник экспедиции полковник Газин. В обоих случаях зрелище не радовало.

Я слишком хорошо знал, что творится там внутри.

А на орбите звездолет, только нас не заберет.

Очень не вовремя я вспомнил, что хочу домой и не могу улететь. Моя третья полугодичная вахта здесь подошла к концу, но так и не завершилась. Мои профессиональные навыки больше не имеют значения, я никому не могу помочь, ничего не могу сделать, от меня никакого толку. Временами так устаю, что готов сдохнуть, но даже на это не имею права...

И тут летчики изобразили свой, извините за выражение, демарш. Пока я пытался его осмыслить, Тунгус как-то весь подобрался, двухметровая антрацитовая громадина, и сделал короткий едва заметный жест от живота, будто оттолкнул Чернецкого и компанию тыльной стороной ладони. У нас это значит «шли бы вы отсюда», а у местных — наоборот, универсальный знак сопричастности и пожелание скорейшего исполнения задуманного.

Чернецкий вдруг коротко оглянулся через плечо и кивнул Тунгусу.

Грешным делом я испытал вместе с недоумением известное облегчение. Вождь меня совершенно измучил, приятно было отвлечься.

Не знаю, объяснит ли это мое замешательство, но великий вождь Унгусман действительно великий, у нас теперь таких не делают. Он до того великий, что ходит повсюду один и с голыми руками, может себе позволить. Видит насквозь все живое, а оно его слушается. Даже лютые степные псы, которые чисто из вредности не поддаются одомашниванию, завидев Тунгуса, радостно виляют хвостами совсем как земные собаки... И когда этот ослепительно-черный и оглушительно харизматичный дядька начинает на тебя давить, а ты жуешь травинку и делаешь одухотворенное лицо, — ей-богу, даже война обрадует.

Обычно вождь меня не плющит своим величием, держит за равного. Я ведь из «первой высадки» и с тех пор здесь, считайте, прописался. Тунгус зовет вашего покорного слугу другом. И сегодня чисто по-дружески так наступил на горло, что я счастлив был отдышаться хоть самую малость.

А Тунгус сказал, провожая летчиков взглядом:

— Хорошие парни, доброе задумали, почему вожди запрещают им?..

И сам же ответил, пока я искал слова:

— Вожди боятся потерять силу управления. Понимаю. Сам такой. Иногда проще все запретить, чем устранять последствия. Особенно в трудные времена. Но если находятся герои...

Я не успевал переводить слово в слово; к счастью, речь любого туземца по умолчанию «пишется», по-

том расшифруем, да и общий посыл ясен. Тунгус пытался донести до меня очевидную, как ему казалось, мысль, что правильный вождь умеет отличать правильных героев. И даже когда всем запрещено все подчистую, надо оставлять лазейки для хороших парней: вдруг они своим самоуправством выручат племя, не казнить же их потом.

Второй смысловой слой я тоже выловил: Тунгус деликатно намекнул, что очень уважает полковника Газина, и вообще русские молодцы ребята, но стоило бы нам наплевать на отдельные запреты, а то как бы не стало еще хуже. Сдохнем же.

У местных есть аналог нашему понятию «интуиция». Летчики, на взгляд Тунгуса, сейчас повиновались инстинкту и потому имели шанс на выигрыш; а контрольная башня, с которой начали орать невнятное, — она как стояла на месте, так и обречена стоять. Ну и заткнулась бы. Сошла бы за умную.

— Вот семеро смелых! — провозгласил вождь. — Запомни их, друг мой. Наверное, их потом накажут. Но такие, как они, проложили твоему народу дорогу к звездам!

Тунгуса так разобрало, что он даже руку положил мне на плечо, а другую эпически простер Чернецкому вослед.

Я ничего не понимал, кроме того, что вождь, в отличие от меня, все понимает.

Честно говоря, я не мог в тот момент нормально исполнять служебные обязанности, поскольку боролся с приступом паники.

Вождь пришел по вопросу, как я уже говорил, внутренней политики: он настоятельно рекомендовал мне сделать ребенка его младшей дочери, прекрасной

Унгури. Тунгус знал, я буду против; а я вдруг почувствовал, что очень даже «за» — помирать, так с музыкой. Тут-то мне и стало дурно, впервые по-настоящему дурно за последние безумные полгода, когда сначала убился Сорочкин, а потом на глазах развалилось все, и прахом шли бывшие достижения, и смерть косила местных, и вчера погиб наш спецназ... Мы в поисках выхода метались так и сяк, плевали на дисциплину, нарушали карантин, это было в порядке вещей, и я не чувствовал страха. Теперь — когда понял, что летит к черту моя профессиональная этика, — испугался. Значит, край настал. То ли сдают нервишки, то ли я чую, как близко гибель, и мечтаю хоть под занавес немного побыть нормальным человеком.

А великий вождь Унгусман, папуас этакий, не боится ничего, он считает, что у нас временные трудности и русские с ними совладают.

Мы уже сами в себе разуверились, а туземец — верит в нас.

Спасибо ему, конечно.

А семеро смелых, растуды их туды, полезли в конвертоплан.

У нас в санчасти на сегодня пятеро, двое с подтвержденным иммунитетом, но вирус «пробил» его. В городе около двух тысяч больных, и тысячу уже похоронили. Атипичная ветрянка валит местных без разбора со смертностью под сорок процентов у детей и семьдесят у взрослых. Мы кое-как сбиваем эти показатели до десяти и тридцати. Наша полевая лаборатория превратилась в фармацевтический заводик и пытит, как самогонный аппарат. Вся экспедиция, кроме спецназа и транспортников, вспомнила навы-

ки парамедиков и бегают по столице, пользуя страдалцев жаропонижающим и окормляя здоровый еще народ иммуномодуляторами.

Сотня русских на двадцать тысяч местных, как вам такой расклад. Переболевших туземцев мы обучаем, даем им экспресс-аптечки, это здорово помогает. Но легче на душе не становится.

Народ счастлив, что русские с ним возятся, и дохнет, улыбаясь. Русские пока вроде недохнут, зато болеют трудно, заливаясь слезами и матерясь. Когда подсакивает температура и у человека ослабевает контроль, становится видно, как тяжело мы переносим стыд и позор.

Вирус земной ветрянки боится солнца, живет на открытом воздухе десять минут, шансы заболеть повторно близки к нулю. А эта сволочь — такая устойчивая и злая, будто ее нарочно выпестовал безумный ученый, подправив слабые места. Почему она мутировала и набрала силу, отдельная тема для разговоров шепотом. Лично я об этом даже не думаю. Была идея, я ее оформил, послал куда надо и забыл. Как советует доктор Шалыгин — не умножайте сущностей, а то с ума сойдете, тогда придется вас поймать и вылечить; вы же этого не хотите, правда?

Мы заперты тут полгода, а кажется — полжизни. Помогаем местным по собственной инициативе. В первые дни эпидемии метрополия не успела принять никакого «решения по туземцам», и мы буквально навязали Москве свой выбор, о чем не подозревает даже полковник Газин. Он-то уверен, будто дома ему аплодировали. Считается естественным, что в какую бы задницу ни угодил русский человек, то поступит по совести, ибо русская идея есть идея

справедливости для любой божьей твари. Мы в ответе за тех, кого приручили, и так далее. Чисто для протокола Газин собрал личный состав, поставил вопрос на голосование — и все сделали шаг вперед. А Москва долго чесала в затылке, требуя отчет за отчетом, прежде чем сообразила, что чем бы экспедиция ни тешилась, лишь бы не вешалась, и одобрила наши действия.

Тем более одно самоубийство за нами уже числилось.

Полковник много чего сказал об этом прискорбном инциденте. А мы стояли и губы кусали от бешенства. А некоторые глупо хихикали на нервной почве. До нас четыре месяца ходу на сверхсвете, с нами можно только по дальней связи переругиваться, зато какой каннибализм сейчас в Управлении Внеземных Операций, где полезли друг на друга медицина, психология, безопасники, а еще начальство мертвеца... Поглядим, кто уцелел, когда вернемся домой.

Если вернемся.

Тунгусу знакомо понятие «мор»; он полагает, что заразу принес торговый караван с запада — как минимум он так говорит, а что думает, бог весть. Вождь закрыл столицу наглухо, но за пару дней до того случилась плановая рассылка гонцов с новостями и ценными указаниями. Вернуть успели меньше половины курьеров, остальные ушли далеко, а следом поскакали «вестники мора» — короче, черт знает, сколько племен они совместными усилиями заразили. Разведка гоняет высотные дроны над континентом, мониторя ситуацию, и ничего не рассказывает: полковник запретил. Он не доверяет Тунгусу и все пробует догадаться, где этот хитрый папуас учуял выгоду

в таком безнадежном деле, как эпидемия, готовая перейти в пандемию, и какой подлянки от него ждать.

Кочевые племена уже пару раз подъезжали к нам с идеей совместно ограбить столицу. Гордые черные морды степняков были украшены довольно точными копиями наших респираторов. Здесь быстро соображают и быстро учатся. Красивый, умный и благородный народ. А мы, с их точки зрения, милашки и симпатяги. Что наводит на размышления. Звать местных «братьями по разуму» не повернется язык. Судя по тому, насколько совпадают наши представления об эстетике, у нас общие предки.

Когда нас осчастливили вторым деловым визитом, из города внезапно явился Тунгус. Великий вождь династии Ун тепло приветствовал милых родичей — кочевые вожди его кузены или вроде того — и обещал: едва мор в столице пойдет на спад и великий будет чуток посвободнее, то пригласит всех в гости и сделает такое заманчивое предложение, что те не смогут отказаться. Еще он от души пожелал кочевникам доброго здоровья. Типа, оно им понадобится.

Несостоявшиеся грабители погрустнели и убрались восвояси. Попутно они стянули у нас с помойки бочку из-под краски, дырявую покрышку от вездехода и полевой системный интегратор, который мы безуспешно искали всей базой второй месяц. Когда его уволокли на пять километров, интегратор включил самоподрыв и громко бахнул. Загорелась степь, Чернецкий и подъемный кран несколько часов мотались туда-сюда, заливая пожар. Тунгус долго хохотал и сказал, что он нас обожает. Полковник рвал и метал.

Со стороны это было, наверное, забавно, а нам как раз таких приключений не хватало для полного

★ счастья, экспедиция и без того валилась с ног. Москва подбадривала советами по дальней связи и клялась: вакцина уже в пути. Доктор Шалыгин построил модель вируса и отослал ее на Землю в первые же дни эпидемии. Вся загвоздка была в том, что наладить на месте производство вакцины без «живых» образцов и набора материалов мы не могли. Оставалось держаться извечным нашим манером, коим славны русские, — «стоять и умирать». Трудиться и ждать.

Дождались мы третьего дня: на орбите нарисовался тяжелый звездолет МЧС «Михаил Кутузов». И стало бы нам облегчение, но мы спускаемый аппарат с вакциной, как бы сказать помягче, не поймали.

То есть мы старались, но куда нам с ним справиться.

Связисты говорят, когда полковник обсуждал этот умопомрачительный казус с командиром «Кутузова», было полное ощущение, что Газин вот-вот выскочит на улицу, откроет стрельбу из пистолета вверх, дострелит до орбиты и продырявит звездолет, чисто со злости.

Он так на него орал: «Падла ты одноглазая!» — что слышала вся база.

А командир ответил: простите, ребята, сбой системы ориентации, виноват, но помочь ничем не могу, вы на карантине, у меня приказ.

Ага, закричал Газин, пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов, вот твой приказ, да?! Ну и лети отсюда, железяка хренова, без тебя справимся!..

Не справились. Потеряли десять человек. Это был такой удар, что экспедицию будто пыльным мешком по голове стукнуло, всю и сразу.

И сейчас я твержу себе: поверь вождю, он не ошибается, у Чернецкого сработала интуиция. Разве трудно поверить?

Трудно.

...И эти семеро смелых, растуды их туды, сели в конвертоплан, и сразу врубились движки, а я стоял, жевал травинку и наблюдал. Чернецкий не выглядел сумасшедшим или дезертиром, он смахивал на человека, затеявшего авантюру, за которую по головке не погладят. Но раз Чернецкий рискует, значит, он видит какой-то вариант. Все КВС так обучены, чтобы в безвыходном положении использовать любые ресурсы. Они дерутся чем попало и до последнего вздоха. В точности как командиры звездолетов, кораблей, субмарин, в общем, нормальные русские офицеры.

От контрольной башни бежали люди, на взлетке тоже началось суматошное движение, но делать что-то было уже поздно. Ну разве схватить конвертоплан за хвост манипулятором подъемного крана. Хорошая, кстати, идея. Поймать, да и черт с ним, как мудро заметил великий вождь Унгусман. А то разве-лось героев. Имперское мышление, видите ли: наш паровоз вперед летит, а кто не спрятался, тот не пьет шампанского.

Одного я не мог угадать: зачем Чернецкому геологи с пустыми руками, без рюкзаков и инструмента. Лишних три центнера и более никакого смысла... И тут в голове мелькнуло: развесовка. Геологи имитируют полную штатную загрузку машины. Похоже, нас ждет воздушная акробатика.

На душе стало как-то пусто и холодно. Я все понял.

Тунгус отпустил мое плечо и вполне по-человечески сложил руки на груди. Вид у него был самый что ни на есть довольный. Вождь наслаждался подготовкой к несанкционированному подвигу, за который ему не придется никого дубасить по голове.

Конвертоплан дал тягу. Маленькая забавно сплюснутая машинка с плоским брюхом и прямоугольным крылом, прочно стоящая на крепком шасси, окуталась пыльным облаком, и вдруг из него раздался такой адский рев, будто там разбудили дракона неким вполне непечатным способом.

В лицо плеснуло горячим воздухом. Я отшатнулся и кого-то толкнул. Это оказался командир сводного авиаотряда капитан Петровичев. Одной рукой он держался за фуражку, а другой совершал жесты, не обещавшие Чернецкому ничего хорошего. Он еще и кричал, но я не умею читать по губам такие авиационные термины.

В одном я был с капитаном согласен: мне тоже с перепугу казалось, что Чернецкий много на себя берет.

Тунгус покосился на капитана с плохо скрываемым сарказмом. Петровичев был, по его понятиям, вроде кандидата в младшие вожди или жреца невысокого ранга — великий вождь любит, когда таким ребятам худо. Говорит, только через страдание можно научиться управлению. Большой мудрец великий вождь Унгусман, но лучше бы его сейчас тут не было. Не надо ему видеть, как русские грызутся между собой...

Конвертоплан прыгнул вверх.

Он вознесся в небо с такой прытью, которой я за ним не подозревал, хотя много лет имел дело с эти-

ми машинами, любил их и даже худо-бедно умел пилотировать. По моему скромному разумению, бор-тмеханик сорвал ограничители. Это был не форсаж, а аварийный режим, способный прикончить движки, но дать машине фору в безнадежной ситуации. На такой бешеной тяге полетит даже кирпич, и полетит быстрее пули.

Конвертоплан пер строго вертикально.

И вдруг резко лег набок. Левое крыло вверх, правое вниз.

Петровичев уронил фуражку.

А конвертоплан показал цирковой фокус. Он продолжал по инерции набирать высоту боком. Два-три размаха крыла, как мне показалось. Потом его зава-лило, он совершил кульбит — у меня внутри все перевернулось вместе с маленьким самолетиком, — но тут Чернецкий ловко «поймал машину» тягой и грохнул ее на шасси почти туда же, откуда взлетел.

Грохнул — мягко сказано. Звон раздался колокольный, и бабах нешуточный, полетели во все стороны детали подвески, брызнуло фонтаном из амортизаторов, пара шин разорвалась в клочки, не выдержав такого варварства, но планер явно уцелел, движки не отвалились; в общем и целом бедная машинка показала себя молодцом.

Великий вождь Унгусман одобрительно крикнул.

Капитан Петровичев сделал вид, что туземца, цинично нарушившего карантин, вовсе нет на подведомственной ему территории. Он подобрал фуражку и не спеша двинулся к конвертоплану. Я выплюнул травинку, давая понять вождю, что готов к ответной речи, но получил все тот же подталкивающий жест — иди давай, — и ноги сами понесли меня впе-

ред. На ходу я соображал, как бы высказаться, если вдруг спросят о текущем моменте. Кроме «Что это было?!» ничего в голову не лезло.

Все-таки в моей работе слишком много притворства. Я же знаю, что это было. Теперь это понял каждый. Чернецкий придумал, как спасти положение.

Если повезет, конечно.

На днях, просматривая свои отчеты по туземцам, заметил: все чаще там попадаются обороты вроде «удивительно, но», «тем не менее» и «как бы ни показалось странным». Кажется, я побаиваюсь, что меня сочтут предвзятым и некритичным. Это типично здешний синдром, через него прошли многие, кто с местными работал и поневоле в них влюбился. Начинаешь заслоняться от чувства, что они лучше нас. Химически чистая версия человека, лишенная всего наносного, всего дерьма, которым мы забили себе головы.

Ну да, у них тут в общем тепличные условия. Умеренный прирост населения, порядок с кормовой базой, никаких катаклизмов, а если доходит до боевых действий, это скорее игра в войнушку. Здесь не любят умирать. Здесь жизнь сама по себе в радость.

Они чертовски рациональны — и поэтому счастливы.

Счастливее нас, потому что лучше нас.

Честно говоря, мы не знаем, что с ними делать.

На уровне отдельно взятого русского вопросов нет — здорово, братишки. А вот на уровне государства с его далекоидущими планами и интересами все не так однозначно. Планета под кодом «Земля-2», идеальная для заселения, готовый форпост на пути к центру Галактики — сами прикиньте, какие на нее

были замыслы, — и вдруг по ней ползают несколько миллионов людей, подозрительно смахивающих на людей. Да еще и с зачатками централизованной власти.

И сразу начинается вся эта чушь: нельзя лишать народ его истории; давайте вспомним индейцев и чукчей; а что скажет мировое сообщество; а не лучше ли нам уйти. Хорошо, ума хватило сообразить, что уйти никогда не поздно — к нам тоже прилетали всякие, пока мы были совсем маленькие, и ничего ужасного не произошло. Ладно, высадились. Знакомимся. Ведем себя предельно осторожно. Водку с местными не пьянствуем, от незамужних девчонок шарахаемся, от замужних тем более.

Туземцы глядят на нас как на полных идиотов. Чувствуют, что у нас внутри идет мучительная борьба, но не понимают ее смысла. Так мы сами не понимаем! Нет у Москвы окончательного решения. Есть старый имперский шаблон, который никогда не применялся к инопланетному доминиону, и никто не знает, будет ли эта схема работать, и вообще имеем ли мы право, и так далее, и тому подобное. На нас еще ООН давит, чтобы мы не мытьем так катаньем уговорили Тунгуса провозгласить независимое государство.

А вождю независимость даром не нужна, он сразу понял, чем это пахнет. Его запрут на родной планете, всего из себя незалежного. Скажут, давай, развивайся, лет через тысячу поговорим, а сейчас ты под культурными санкциями для твоего же блага... Нет и еще раз нет. Тунгус хочет выбить для своего народа те же права, что у землян, и прямо сейчас. Это часть коварного стратегического плана, из кото-

рого он вовсе не делает секрета. Профессия великого вождя Унгусмана, если кто еще не догадался — специалист по дружественному поглощению. Он потомственный император-администратор и умеет поглощать так, что ты пикнуть не успеешь. Династия Ун уже внедрялась в более продвинутую культуру, и ничего зазорного Тунгус в этом не видит.

Сейчас хитрец нацелился на Землю.

Когда Тунгусу подвернулись русские и он в первом приближении разгадал их менталитет, вождя осенило: да ведь на нашем горбу можно выехать к звездам! Тут очень вовремя приперлась делегация ООН. Тунгус ее принял, выслушал, расстроился — и закатил дипломатам лекцию о неуместности двойных стандартов и лицемерия в международной политике. Сказал, идите отсюда, человечки, вы даже врать нормально не умеете... После чего заинтересовался русскими уже вполне прицельно. Уяснил, что землянам палец в рот не клади, и фиг кто ему позволит за одно поколение шагнуть из античности в открытый космос, — а с российским паспортом это прокатит само собой. А уж на каких условиях Россия примет его под свою руку — наша головная боль; вождь готов торговаться и ждет предложений. А мы чего-то мнемся и рефлекслируем.

И тут — бац! — эпидемия.

Трудно описать, насколько она нас сплотила. У местных редкий дар проницательности и сопереживания. Они видят, как искренне мы стараемся помочь, остро чувствуют наше горе. Одна беда: поскольку русские тяжело болеют, но все-таки не умирают, теперь все здешние женщины яростно хотят от нас детей. Мужчины как минимум не против. Наши

уже в таком состоянии полного опупения, что сами не против — вон, даже меня пробрало. Но это ведь не простая ветрянка, а вирус-мутант неясного происхождения, злобный до ужаса, с которым еще разбираться и разбираться. Наплодим уродов — потом хоть вешайся.

Так или иначе, от местных мы ничего плохого не ждем, а вот родной звездолет на орбите нас нервнует.

«Кутузов» здесь транзитом, должен был сделать один виток, сбросить контейнер и лететь дальше. А сейчас он пошел на двадцатый оборот, и это никому не нравится — мало ли чего у командира в сейфе лежит. Допустим, приказ на прижигание местности в целях нераспространения эпидемии. Дезинфицировать сразу весь континент со всем контингентом. И годков через сто, когда атмосфера восстановится и травка снова зазеленеет, поставить тут форпост, как было с самого начала задумано. Только без проблем с туземцами ввиду их отсутствия. Десантируем сто тысяч узбеков и миллион сельскохозяйственных роботов — плодитесь и размножайтесь, твари божьи. Есть и такой запасной вариант, я-то знаю.

У них там всегда есть запасной вариант.

У нас тут — нет.

...К машине неслись люди — кажется, проснулся и высыпал на поле целиком отдыхающий состав экспедиции, — и все остановились в нескольких шагах.

Потому что Чернецкий и Гилевич глядели на нашу суматоху, широко улыбаясь. И бортмеханик Попцов скалил зубы. Неизвестно, как там геологи, но живые, это точно.

Правая щека у Чернецкого была ободрана — при-
слонился к чему-то.

Капитан Петровичев проложил себе путь сквозь толпу взглядом. Чернецкий распахнул дверь и легко выпрыгнул из машины. Он не обязан был вставать перед капитаном навытяжку, но «руки по швам» сделал и набрал в грудь воздуха, приготовившись докладывать.

Петровичев его упредил. Он выставил перед собой ладонь, давая понять, что слушать не намерен.

— КВС Чернецкий, благоволите нынче же подать рапорт о бессрочном отстранении вас от полетов по собственному желанию. Честь имею... Что?!

Он успел козырнуть Чернецкому и повернуться кругом, а вот это «Что?!» — оно уже было адресовано мне.

— Что?.. — растерянно повторил я, чувствуя, как сотня глаз впивается в меня.

— Ну вы же со-вет-ник! — процедил капитан. — И очень хотите дать мне со-вет! Вас прямо распирает! А?!

— Вы уже приняли решение... — сказал я, невольно опуская очи долу.

Петровичев фыркнул и зашагал к башне.

Не любит меня капитан. Очень крепко не любит.

Вбил себе в голову, будто я был дружен с покойным Лешей Сорочкиным.

А я со всеми стараюсь держаться ровно. Обязан по инструкции. Даже когда задушить своими руками хочется. Это я про Сорочкина, да. Только кто мне поверит.

— Все с поля! — рявкнул Петровичев на ходу, не оборачиваясь. — Все лишние — с поля! Не-медленно! О-бес-пе-чить!

— Так, господа-товарищи, вы слышали! — закричал дежурный лейтенант. — Попрошу вас!..

Публика, стараясь особо не спешить, чтобы никто не подумал, будто мы кого-то тут боимся, начала расходиться. Под машину полезли механики. Чернецкий уселся обратно в свое кресло. Гилевич что-то говорил командиру, тот неопределенно пожимал плечами.

Из заднего люка выгружались геологи, имея вид, как обычно, загадочный и слегка пренебрежительный. Люди отважной профессии, что с них взять. Один из них сообщил мне:

— Если вашему начальству интересно мнение специалиста, лично я — за нападм. А не выгорит — и черт с ним. Еще семерых покойников экспедиция просто не выдержит. Если вы понимаете, о чем я.

И ушел, не интересуясь, понимаю я или нет.

Появился доктор Шалыгин, плечистый, бритоголовый и необъяснимо уютный человечище, — и сразу все расслабились, задышали свободнее. Давно замечено: рядом с нашим главврачом даже полковник становится временно похож на человека. Доктор осмотрел Чернецкого, мазнул каким-то препаратом по его ссадине, одобрительно хлопнул летчика по плечу и повернулся ко мне:

— Ну хотя бы вы в порядке. На вождя поглядывайте, ладно? Какой-то он задумчивый. Увидите, что потеет, — зовите меня сразу.

— Дочка на него давит, вот и задумчивый, — ляпнул я в сердцах.

И тут же выругал себя за проявленную слабость. А с другой стороны, кому жаловаться, как не главному врачу экспедиции. Иногда очень надо просто пожаловаться. Я ведь не каменный и чертовски соскучился по обычному человеческому разговору с соотечественниками. Увы, со мной мало кто готов откровенничать и в принципе нормально общаться. Парадокс: я на дежурствах во дворце вождя отдыхаю душой, а в нашем лагере — устаю.

— Ах, дочка... Младшая? Сочувствую, — протянул доктор. — Редкостный соблазн. Замечательная девушка. Хорошо бы ее в Москву вывезти, подучить немного, чего она тут пропадает... А может, Тунгус к вам в родичи метит, а, советник? Или у вас не тот уровень?

Я счел за лучшее многозначительно промолчать.

На самом деле, насколько я знаю вождя, ему симпатичен Чернецкий. Просто нравится. Тунгус прямо весь просветлел, когда тот отправился геройствовать: не ошибся, значит, в человеке. Но в зятя Чернецкий уровнем не вышел. Он способен думать, как вождь, однако вождем никогда не станет. Это трудно объяснить, надо просто принять. Не важно, что у тебя хватит сил свернуть горы; важно, что ты завоевал право на поступок и ни с кем не будешь делить ответственность. А то дадут тебе по шее и скажут: не балуйся, мальчик. И не пустят горы сворачивать. Если смотреть объективно, даже у полковника уровень не тот...

Я подошел к двери конвертоплана и понял, отчего у командира пострадало лицо: сорвался с потолка какой-то прибор.

— Ничего-ничего, — сказал Чернецкий. — Все нормально. Она просто чудо. Моя прелесть.

— Любите вы ее.

— Ха. Когда выпустился из училища, дал зарок: ни в жизнь не сяду на такую каракатицу. И тут же по закону подлости... Ну, взял себя в руки — и буквально часов через двадцать налета что-то почувствовал. А потом в серию пошла вот эта машинка. И мы с ней нашли друг друга, как говорится. А дальше... Извините за пафос, она подняла меня выше неба — к звездам. Мы с ней теперь астронавты. Вот, осваиваем космический пилотаж, хе-хе...

— Сильно грохнулись?

— К вечеру будет как новая, — донеслось из глубины салона.

— Там в пещере все равно темно, — сказал Чернецкий в ответ на мой немой вопрос. — А уронить машину боком в трещину я сумею при минимальной подсветке. Алик поможет, у него такая люстра... Верно, Алька?

Я оглянулся. Рядом стоял Акопов, командир подъемного крана.

— Алька-то поможет, — буркнул тот. — Свечку поддержать дело нехитрое. А кто поможет Альке, когда с него спустят шкуру?

— Да ладно тебе, — сказал Чернецкий.

Видно было, что ему лень разглагольствовать и кого-то в чем-то убеждать. Нечего рефлексировать, надо расхлебывать кашу, которую мы тут заварили.

Акопов переминался с пятки на носок. Он тоже КВС, тоже мастер своего дела, но подъемный кран — это большущий вертолет, и его манипулятор выдвигается только на двадцать пять метров.

А у нас узкая трещина, и под ней глубокая пещера.

★ А в пещере, будто в сказке, сундук. В сундуке утка, в утке яйцо, в яйце игла и на конце иглы смерть Кощеева. Расскажешь — не поверят.

Скользнуть в трещину боком конвертоплану раз плюнуть.

Сможет ли он выскочить обратно, вот вопрос.

Теоретический ответ мы уже имеем. Но, к сожалению, время героев-одиночек прошло. Один человек способен все угробить — и мы знаем, как это бывает, даже имя человека известно. А чтобы разгрести дерьмо, нужны согласованные усилия многих героев. Помимо технической поддержки, Чернецкому надо хотя бы двух-трех стрелков, готовых стоять насмерть, отвлекая противника на себя. И код от люка спускаемого аппарата.

Дело за малым: кто возьмет на себя ответственность. Кто способен поставить на карту не жизнь, но честь ради призрачного шанса на выигрыш. Для этого мало иметь голову вождя, думать, как вождь. Надо быть вождем.

Вся надежда на то, что империя в нашем лице не отступает и не сдается. Не бросает ни своих, ни чужих. Мы так воспитаны. Говоря совсем по чести, империя как государственная система может думать много чего. Неспроста на орбите болтается «Кутузов», который, если чихнет, нас сдует вместе с вирусом. У империи полно всяких «планов Б», запасных вариантов и так далее.

Но конкретно мы, рядовые граждане империи на ее переднем крае — упрямся рогом. И эту нашу способность империя тоже имеет в виду. Здесь, далеко от дома, под чужим солнцем, решается вопрос поинтереснее жизни и смерти: мы вообще русские или кто.

Как нарочно, туземцы за последние годы видали разных землян — и всех нерусских послали. Это политика дальнего прицела, трезвый холодный расчет, никто не спорит. «Разделять и властвовать» можно не только сверху; Тунгус показал, как это делается снизу, крепко взяв Россию за жабры. Но в основе такого решения, насколько я знаю вождя и его детей-советников, искренность: нам они верят, а другим нет. Между прочим, если здешняя братия кому не верит, это повод крепко задуматься.

Вот же мы вляпались...

— Не понимаю, что ты будешь делать, когда вылетишь из пещеры, — сказал Акопов. — Тебе не хватит высоты, чтобы выровнять машину. Я вижу только один вариант: положить ее на спину. Или я чего-то не знаю?

— А я, наверное, не вылечу, — спокойно ответил Чернецкий. — То есть я попробую, но вряд ли получится.

И улыбнулся.

Спускаемый аппарат для атмосферных планет — надежная и простая капсула. Ты бросай ее аккуратно, и все будет хорошо.

Поскольку у нас все было плохо, и ждали мы капсулу, без преувеличения, как манну небесную, вполне логично, что именно нам ее бросили неаккуратно. Вроде ничего страшного, промах на полтора-ста километров, только снесло аппарат в зону разломов, где скалы и трещины. Чернецкий и Акопов устремились на перехват. Петровичев приказал не делать глупостей, но все догадывались: если Акопов успеет — он именно это и сделает. Капсула уверен-

но целилась туда, где рельеф самый трудный, дырка на дырке.

Скорость подъемного крана на форсаже — триста; Петровичев орал, чтобы командир прекратил убивать машину; Акопов раскочегарил ее до трехсот тридцати, все отрицал и советовал контрольной башне протереть глаза, потому что подъемные краны так быстро не летают... На высоте в километр спускаемый аппарат раскрыл парашюты, и его вдобавок начало сносить ветром. Чернецкий нарезал вокруг капсулы петли и докладывал обстановку таким казенным голосом, что стало ясно: прилетели.

Геологи посмотрели на карту: имеем каньон глубиной метров двести, стены полого сужаются, подъемный кран не сможет туда опуститься. Пусть спецназ грузится в вертолет и берет столько троса, сколько у него есть. Внизу множество пещер, но слава богу, спускаемый аппарат не круглый, никуда не закатится... Больше доложить нечего, мы эту зону исследовали поверхностно, там известняк, он нам даром не сдался.

Капсула совершила мягкую посадку на краю обрыва, постояла немного как бы в задумчивости, а потом рухнула в каньон.

Полежала там на дне — и покатилась.

Подъемный кран опоздал буквально на пару минут. Когда Акопова спросили, какую именно глупость он задумывал, тот ответил: я бы поймал капсулу манипулятором за парашют, еще в воздухе... Петровичев трижды перекрестился.

Тем временем спускаемый аппарат медленно, рывками, катился в ту сторону, где разлом становился уже, и неведомо куда уходила глубокая подземная расщелина.

Чернецкий летал туда-сюда над каньоном, пытаясь разглядеть, что за чертовщина там творится.

Я прыгнул в вездеход и помчался к городу.

Часом позже я вернулся со старым опытным следопытом. Разведка потеряла в каньоне два дрона, начальник экспедиции сидел, держась за голову. Подземелье населяли существа наподобие термитов, общественные насекомые, только размером с большую кошку, и орда этих тварей, облепив трехтонную железяку, радостно толкала ее куда-то в свои закрома.

На наших биологов было просто больно смотреть.

Следопыт объяснил, что сейчас время неудачное: сезон, когда термитники делятся, образуются новые гнезда, и под это дело насекомые тащат туда все, что им кажется полезным. Рабочие особи не представляют большой опасности, но все происходит под надзором и прикрытием солдат, а у тех жвалы такие, что руку перекусят на раз, и еще эти гады умеют прыгать. Убить термита-солдата очень трудно, разве только оглушить.

Полковник заметил, что как они прыгают, мы уже в курсе, у нас два дрона загрызли. И спросил, когда следопыт имел дело с термитами. Тот сказал: мы туда вообще не ходим, но вот мой прапрапрадедусшка по распоряжению тогдашнего великого вождя изучил повадки термитов. Они питаются в основном грибами, у них в пещерах целые грибные сады. Пока твари жрать не просят, они нас не волнуют.

Пра... дедушка спускался вниз и ходил по пещерам?

Ну да, конечно, ответил следопыт.

И как он это делал?

Он был великий охотник. Он делал вот так, — следопыт показал руками, — и твари замирали. Не надолго, но хватало времени, чтобы проскочить мимо. Не знаю, как у него получалось, я-то не великий охотник, но совершенно точно он делал вот так. Попробуйте, это должно помочь.

Спасибо большое, сказал полковник. Мы непременно сделаем вот так, только с шокowymi гранатами.

Я как мог описал следопыту действие светозумовой гранаты.

Не надо, сказал тот. Сотрясение привлечет только больше солдат. Лучше жечь их огнем, если у вас есть пламенное оружие, но учтите, они решат, что это стихийное бедствие и надо спасать все ценное. Солдаты продолжают драться, а рабочие укатят вашу штуку в пещеры, где вы ее просто не найдете...

Подумал и добавил: кстати, жареные они очень вкусные.

А ты-то откуда знаешь?

Ну так прапрапрадедушка...

Достаточно, попросил Газин. Советник, на будущее увольте меня от сказок про дедушек.

Не хотел бы, чтобы у вас сложилось превратное мнение о полковнике. Он первый сказал, что проблема решается инсектицидом, и в теории мы даже смогли бы его сделать. Нам просто катастрофически не хватало времени. Капсула приближалась к расщелине, ведущей в черт знает какие катакомбы. На дне каньона у спецназа есть хотя бы свобода маневра. Чтобы достать контейнер с вакциной, хватит трех-четырех минут. И резко наверх, вертолет нас вытащит. В конце концов, там всего лишь тараканы, пускай здоровые и с зубами...

Следопыт догадался, что ему не поверили, и слегка обалдел. Всю обратную дорогу я объяснял ему, как у нас устроена передача опыта из поколения в поколение, и почему никто на Земле не сможет доказать, что его прапрапрадедущка «делал вот так», если не предъявит картинку или письменный источник.

О том, что источник хорошо бы с печатью и на официальном бланке, я деликатно умолчал. И без того местные жалеют землян за нашу очевидную бестолковость. А тут уважаемый человек может решить, будто мы совсем убогие.

Я сам был такой убитый всем этим, что когда попался на глаза Унгури, она взяла меня за руку и долго не хотела отпускать. Пришел Унгусман, оценил, как девушка на меня смотрит и как я под ее взглядом набираюсь жизненных сил. И вдруг говорит: знаешь, есть люди, у которых голова вождя. Они правильно думают, правильно все оценивают, умеют смотреть в будущее... Но этого мало, чтобы стать вождем. Чтобы стать вождем, надо быть вождем!

По счастью, я уже научился интуитивно ловить тонкие нюансы языка. Программу-транслятор от такой мудроты просто заклинило.

Объясни, о великий, попросил я.

Да он сам не понимает, сказала Унгури и рассмеялась.

У вашего покорного слуги чуть сердце не выпрыгнуло. Перешучиваться с вождем может кто угодно, но насмехаться над ним — дело сугубо родственное. Либо меня приняли в семью, а я и не заметил, либо в династии Ун намечаются подвижки, и великий Унгусман уже ограниченно великий, а я, лопух, опять-таки, прошляпил.

Вождь напустил на себя загадочный вид и ушел.

Нет, ограниченно великим он не выглядел даже со спины.

Пообещай, что не полезешь в каньон, вдруг попросила Унгури. Понимаю, надо идти, но пусть это сделают воины, а ты не думай даже.

Я честно ответил, что таскать барахло из муравейника не мое дело.

Она обрадовалась и меня поцеловала — научилась по земным фильмам, наблюдательная барышня, — сказав, чтобы я лишнего не думал, что ей просто интересно, как это у русских делается и какие ощущения. Мы немного еще потренировались, и я поспешил обратно в лагерь, уже не такой убитый, зато несколько озадаченный.

Ребятам из спецназа жить оставалось меньше часа.

Тремя часами позже капсула прекратит движение. Мы локализуем ее на дне огромной пещеры. Там найдется узкая трещина в потолке и относительно ровная площадка близко к центру.

Вертолетчики скажут, что им, к сожалению, в трещину — никак.

На обсуждение встанут два варианта: либо взорвать потолок, либо залить пещеру напалмом. Первый будет признан ошибочным (термиты откопают капсулу раньше нас), второй сомнительным (вдруг и правда укатят ее в боковые туннели, которых внизу тьма).

Чернецкого вообще никто ни о чем не спросит.

...Подкатил вездеход, с брони съехал на заднице полковник Газин, невысокий, крепкий, поперек себя квадратный. Быстро кивнул Акопову, меня как бы не

заметил, отмахнулся от дежурного лейтенанта и бросил Чернецкому — тот уже стоял возле машины на вытяжку:

— Я видел. Не надо доклада. Потом накажу за самоуправство, а сейчас давайте главное: получилось?..

— До потолка пещеры допрыгнем легко, боком в трещину войдем. Может, удастся высунуть крыло наружу, но не факт.

— То есть вылететь целиком не получится...

— А вылетать не надо. Сверху над трещиной встанет подъемный кран и схватит меня за крыло манипулятором. И вытянет.

Акопов издал сдавленный звук.

— Сможете? — полковник обернулся к нему.

— Сердечный приступ я смогу, — сообщил Акопов и сунул руку под куртку. — Прямо сейчас.

— Не разрешаю. По завершении операции — пожалуйста. Хоть инфаркт.

— Злодей ты, Саша, — сказал Акопов, потирая грудь. — Предупредить же надо.

— Я как раз собирался все тебе объяснить, просто не успел, — Чернецкий развел руками и посмотрел на меня: мол, вот свидетель.

— У меня же струя!.. Я зависну — тебя сдует к чертовой бабушке.

— Тебе не надо висеть над трещиной, ты встанешь на края. Только немного раскрути винт. Опустит манипулятор на десять метров, и я тебе свое крылышко прямо в клешню суну.

Акопов со страдальческим видом уставился вверх.

— Законцовка крыла отвалится.

— Ты ближе к мотогондоле хватай, — посоветовал Чернецкий. — Даже если перекосит, это не имеет значения, главное, у меня боковая проекция — совсем плоская. Хватай и тащи, я отлично пролезу. Это все займет минуту. Положишь меня рядом с трещиной, мы перейдем к тебе на борт и поедем домой за заслуженным наказанием.

— А если застрянешь?

— Тогда Шурик с контейнером вылезет на крыло, ты опустишь трап и заберешь его, — терпеливо объяснил Чернецкий. — Меня сбросишь, а дальше по обстановке. Если я смогу, то попробую еще раз. Если машина не сдюжит — будем из пещеры выходить пешком в сторону каньона, там нас военные подберут вертолетом.

Акопов глядел на Чернецкого, тот делал невинное лицо. Все отлично понимали, что это значит: «выходить в сторону каньона». Вчера отделение спецназа там сгнуло с концами, даже мокрого места не нашли.

— Ну, я смотрю, у вас все продумано, — сказал полковник. — Сколько моих бойцов возьмете?

— Четверых. Ровно четыре центнера, ни грамма больше. Садимся, ваши прикрывают, Гилевич достает контейнер, взлетаем... Надеюсь, ясно, что никаких гарантий.

— Еще бы. А вам-то ясно, что я не могу дать санкцию на такую авантюру? Она технически невыполнима, и я обязан ее запретить. Поэтому — только добровольцы. Все пишут заявления, что добровольно решили принять участие без ведома начальства. И ваши, и мои. И экипаж подъемного крана тоже!

— Естественно, — слабым голосом согласился Акопов. — Вот я их сейчас обрадую...

— Думаете, меня развлекает вся эта хреновень? — взвился полковник. — Воодушевляет, ага?!

— Извините, — сказал Чернецкий. — Может, по нам не видно, но мы в шоке после вчерашнего. Очень жалко парней. Мы глубоко скорбим.

— Угу, — подтвердил Акопов.

Полковник обвел летчиков пронзительным взглядом и кивнул. Отстегнул от пояса фляжку, сделал несколько жадных глотков, плеснул воды на ладонь и протер глаза. Стало заметно, что он совершенно вымотан и держится на одних нервах.

— Слушайте, Акопов. Я понимаю, вы ничего не боитесь, вам просто сама идея не нравится. Но у меня нет для вас других идей. Мы в полной заднице. Мы не можем перестрелять этих тварей. Не можем залить хренов муравейник напалмом. Вообще ничего хорошего сделать не можем...

— А геологи — за напалм! — ввернул Акопов.

Чернецкий сделал предупреждающий жест, а полковник — судорожный вдох. Акопов на всякий случай попятился.

Я уже почти набрался смелости вступить в беседу, чтобы не допустить кровопролития, но тут у меня в левом ухе звякнул сигнал с поста дальней связи. Я дал подтверждение и весь последующий разговор слушал одним правым.

— Геологи — эксперты в своей области, — процедил Газин. — Мне очень жаль, дорогой Акопов, но напалм не решает проблему. Эта пещера вроде склада ценностей, там помимо нашей капсулы много каких-то странных предметов. И пока одни твари будут

гореть, другие растащат все имущество по туннелям и спустят еще глубже. Единственный шанс — внезапная атака. Свалиться на голову, изъять контейнер и быстро отступить. КВС Чернецкий придумал, как это сделать. И ему нужен подъемный кран. Обеспечьте ему подъемный кран, очень вас прошу!

— Он обеспечит, — заверил Чернецкий. — Он меня не бросит.

Акопов вздохнул и потупился.

— Код от спускаемого, — вспомнил Чернецкий.

— Ах ты, блин... Как же вы его украдете, это тоже невыполнимо технически...

— Давайте Шурик у вас планшет свистнет. Але, Шурик!..

— Может, он еще и пистолет у меня свистнет?! Отставить. Все равно вы планшет не взломаете. А вот в спецназе ловкие ребята... Поставлю им задачу, пусть соображают. Уфф... Мама, роди меня обратно... И еще эта падла одноглазая висит, на нервы действует... — вдруг нажаловался полковник, глядя в небо и кривя лицо.

— «Кутузов» никак не объясняет, почему он... Если не секретно, конечно.

— Да ничего не секретно. Сказали задержаться, он и болтается тут, железяка хренова. У него пункт назначения Глизе пять восемь один, везет туда госпиталь, детский сад и родильный дом. Сомневаюсь, что ему с таким деликатным грузом позволят нас эвакуировать. Хотя это «тяжелый» МЧС, трюмы большие, капсул для гибернации не меньше тысячи... Но лучше бы простой грузовик. А от этого красавца черт знает, чего ждать...

— Боимся спасательного корабля. — Чернецкий

криво усмехнулся. — Докатились. Надо попросить у доктора таблеток от паранойи. Да-да, я тоже опасуюсь, не вы один.

— Такие у нас спасательные корабли! У нас все такое! И сами мы в общем не подарки... Спускаемый аппарат весом в три тонны пролюбить на ровном месте — это что?! Это как?! Это я не вас спрашиваю! Это я вообще! Но считаю, всем должно быть стыдно! Всем!

Чернецкий закусил губу, Акопов еще глубже засунул руки в карманы.

— Когда будете готовы? — деловито спросил полковник.

— Момент... — Чернецкий заглянул в салон конвертоплана, там ему что-то сказали. — Полная готовность — три часа.

— С вашего позволения, я пойду тренироваться, — слабым голосом сообщил Акопов. — Э-э... Начальник, будьте добры, скажите Петровичеву, что я немного полетаю тут.

— Капитан не против, я гарантирую это.

— Добровольно? — спросил Акопов вкрадчиво.

— В смысле?..

— Ну, капитан — добровольно не против?.. Он тоже напишет заявление?

— Обязательно напишет, — сказал я.

Все уставились на меня. До этого момента они, похоже, в упор не видели, что рядом торчит дипломатический советник.

Конечно, я умею становиться незаметным, работа такая. Но если честно, им просто было на советника наплевать глубочайшим образом.

Герои, что с них взять.

Все-таки переборщили мы, запугивая наших партнеров и заклятых друзей тяжелыми звездолетами МЧС. Сделали кораблям такую шикарную рекламу, что у самих поджилки трясутся.

А с другой стороны, должна быть у великой державы сообразная по размеру дубина. Если держава совсем добродушная, вот, к примеру, как наша — дубина народной войны. Мирный русский трактор.

Тяжелый звездолет МЧС это такая вещь в себе. С выдающимися конструктивными особенностями. Специалисты подозревают, что она может крепко вломить. У России нет военного флота в чистом виде — а у кого он есть? — но, черт побери, раньше мы не давали спасательным кораблям имена полководцев. А как пошла со стапелей «тяжелая» серия — опаньки, то «Жуков», то «Суворов»... Имена с намеком. На борьбу с метеоритной опасностью, например. Чтобы не мелочиться, сразу в размере астероида. Бац — и нету. В крошево.

В нашем положении как раз «Кутузова» не хватало, чтобы внутри экспедиции начали плодиться конспирологические теории.

Понятное дело, это страхи наши, мы полгода на взводе, нас транквилизаторы не берут. Не будет никакого прижигания — сейчас, по крайней мере, — а просто еще месяцев через пять-шесть другой звездолет скинет новый контейнер. И оставшиеся в живых начнут вакцинировать оставшихся в живых. Но местная цивилизация окажется подкошена напрочь, едва ли не безнадежно. И разругаемся мы с ней вдребезги. Ну геноцид же в натуре. Любому идиоту ясно: пришельцы освобождают планету для себя.

К счастью, Тунгус легко может представить, как его внуки заседают у нас в Сенате — я тоже могу, да так и будет, — а идея геноцида вождю недоступна. Весь опыт предков Тунгуса — это опыт завоевания ради умножения, а не вычитания. Тунгус сам кочевого рода, его пращуры ходили сюда, на границу степи, чтобы торговать с земледельцами. Потом кто-то умный сказал: надо дать оседлым по шее и возглавить. Объединим два племени, тогда нас уже никто не тронет, а мы — кого захотим, того и пригласим в долю, пристроим к общему делу... Так началась династия Ун, так сложилась ее идеология: плавно и по возможности без боя расширять сферу влияния. Так мотивировать роды и племена, чтобы те осознали себя частью большого единого народа и поняли свою выгоду. И соседям пусть расскажут.

Типичная имперская модель. Поэтому Тунгус не верит, что русские способны истребить его людей. Он нас видит насквозь — и видит своих. Мы реально одной крови.

Тунгуса мало трогает то, что мы светлокотые милашки с открытыми мягкими лицами, а наши улыбки точь-в-точь копируют умильные мордочки здешних кошек — неспроста черные девчонки так и рвутся обнять и погладить русского парня. Этой лирикой вождя не проймешь. Ему близки российские понятия совести и чести. Он тоже за справедливость для всех.

Пока мы изучали его народ и его землю, он изучал нас. Мы засыпали столицу и окрестности «жучками», а вождь прислал к нам младших сыновей и дочерей. Они преподавали нам язык и манеры, а сами — наблюдали. И рассказывали отцу. То, что

вождь, с его открытой неприязнью к дипломатам, называет меня другом — заслуга моей юной наставницы Унгури. Ходить в гости к начальнику экспедиции Тунгус начал с подачи молодого вождя пограничной стражи Унгасана, который, если верить полковнику, вынул из него душу и едва не раскрутил на военную тайну. Унгелен, парень с солнечной улыбкой, о котором разведка говорила, что если вы с этим юношей поздоровались, то уже сказали лишнего, встречал во дворце земные делегации — и рубил контакты один за другим. Вот не нравились они ему. А нас по сей день обвиняют, что мы задурили туземцам головы... Местные неплохо рассорили нас с остальным миром. Не исключено, что вполне осознанно. Чтобы мы уже не могли отыграть назад.

Ну, испортить репутацию России невозможно, она и так в принципе отсутствует с тех пор, как мы переформатировались в империю. Когда я объяснил Тунгусу, что русских скорее побаиваются, чем уважают, а в целом просто не любят, и ему надо это учитывать, вождь равнодушно сказал: чего тут учитывать, сам такой. Поглядел на меня сверху вниз и добавил: то, что вы зовете «внешней политикой», вообще глупость. У нас тут не бывает внешней политики, только внешняя торговля. И еще долг, смысл которого — собирать народы воедино, ибо вместе мы сможем больше.

И никакой, заметьте, болтовни об исторической миссии династии Ун. Никакой мании величия. Тунгус и так великий, по должности, куда ему еще ма-ньячить.

По-настоящему вождь нас зауважал, когда мы не сбежали от эпидемии. До того момента он еще по-

думывал о России в категориях стратегических, как о сильном игроке, под которого надо так хитро лечь, чтобы осталось непонятно, кто кого поимел.

А тут он просто убедился, что мы не дерьмо.

Кстати, наших летчиков вождь знает и отличает еще с первой высадки. Чернецкий предлагал его прокатить на конвертоплане, пока полковник не видит, а Тунгус говорит: «Лет двадцать назад я бы с радостью, а теперь не могу себе позволить. У меня народ, за который я отвечаю. Вот ты упадешь — и что тогда?..»

Покойный Леша Сорочкин вспоминал, что сломал половину головы и подвесил транслятор, пытаюсь разгадать, в чем подвох и чего он не понял, — настолько по-земному прозвучала эта фраза.

Лингвиста Сорочкина великий вождь тоже хорошо знал...

— А-а, это вы, Русаков... — сказал полковник. — Не заметил.

И даже руку мне пожал, счастье-то какое.

— Вас здесь не стояло, — на всякий случай уточнил он.

— Еще как стояло. Я передал экипажам одобрение и пожелание удачи от великого вождя Унгусмана.

— Вот же хитрый папуас! Нет, он прекрасный дядька, я ничего такого... но сволочь редкая.

— Это мы оставим за скобками, с вашего позволения. Что же касается любезного капитана... да и всех присутствующих. Кажется очевидным, что в случае провала нашей затеи...

— Нашей?! — полковник сделал большие глаза.

— Представьте себе, да. В случае провала она будет объявлена безответственной выходкой сводного летного отряда. В случае же успеха мы имеем план операции, дерзкий и решительный, оформленный вашим штабом во всех подробностях, доведенный своевременно... и так далее. И мое скромное «Ознакомлен» на этом плане тоже будет.

— Ваш-то какой интерес лезть в наши игры... гражданин Русаков?

Я чувствовал, как летчики буравят мою спину недобрыми глазами. Чернецкий явно призадумался, не напрасно ли держал меня за человека.

— Медальку захотелось в случае успеха? — Полковник невесело хохотнул. — А если я вас за собой потяну, когда меня военная прокуратура возьмет за жабры?.. Нет, правда, объяснитесь, будьте добры, пока мы сами чего лишнего не придумали.

— Мне сейчас по дальней связи поступила инструкция, которая частично предназначена вам, — произнес я со всей возможной мягкостью. — Могу передать на словах, но будет лучше, если вы ознакомитесь с частью, вас касающейся, на посту ДС. Как я понимаю, Управление не хочет оставлять следов и поэтому действует через мое ведомство.

Полковник выразительно глянул на летчиков. Акопов кивнул и ушел, Чернецкий залез в конвертоплан и захлопнул дверцу.

— Ну что там? Решились наконец? Приказано драпать? А вы, значит, против? — спросил полковник недоверчиво.

— Приказано выжить. Каким образом, я вам доложил — путем реализации плана Чернецкого на наш страх и риск. Мне передали код от люка спуска-

емого аппарата, и я могу поступить с ним на свое усмотрение, не поставив вас в известность. Сообщить его летчикам, например.

Полковник обдумывал эту новость целую секунду, прежде чем прийти к очевидному выводу.

— Настуча-али, — протянул он. — Я так и знал.

— Смею вас заверить, до сегодняшнего дня у меня не было повода делать это. Мои донесения никогда в общем и целом не расходились с вашими. Но если Чернецкий нашел выход из положения, отчего бы не сообщить?

Полковник размышлял еще секунды три.

— А для меня — что передали?

— Загадочную кодовую фразу: «Дима, мальчик, если хочешь, чтобы было как надо, делай сам».

Газин хмыкнул. И молчал целых пять секунд.

— А вот если бы я не... Тогда бы вы что?.. — не очень внятно, но понятно спросил он.

— Ну... Вот это самое. На свой страх и риск. Пришлось бы побегать по лагерю, стараясь не попасться вам на глаза. Летчики, спецназ, Петровичев... Труднее всего с капитаном, он меня недолюбливает, но по такому случаю мог бы и смиростивиться...

— У Петровичева был роман с одной местной. Она умерла. А вы дружили с Сорочкиным, вот он и...

— Я не дружил с Сорочкиным. А у Унгури был любимый брат, Унгелен. Мы вместе его выхаживали, потом я сидел рядом, когда девочка его оплакивала. Дальше рассказывать?

— Эх, Гена... Золотой был парень... — полковник вздохнул. — Ладно, к черту лирику. А в случае провала? Как думали выкручиваться?

— А вам не все равно?

— Ничего себе! Вы диверсию планировали у меня под носом, советник! Заговор и бунт!

— Я буду все отрицать. Между прочим, оцените, как быстро Москва ответила.

— Это как раз элементарно, — заявил полковник сварливо. — Вы забыли, что там сегодня выходной. Какие теги на вашей стучалке?

Ишь ты, теги ему назови. Перебьешься. У нас все равно номенклатура не совпадает. И вообще, я же не спрашиваю, что значит это ваше «мальчик».

— Я не прошу конкретики, — полковник ухмыльнулся, поняв мое молчание. — Срочность какая? Типа «мало не покажется»?

— Типа «жду немедленной реакции, иначе пожалеем».

— Ну и слава богу. Значит, донесение нельзя было отложить до понедельника. Оперативный дежурный МИДа пульнул его в Управление, а наш оперативный — в кризисный штаб. По случаю воскресенья штабом рулит дедушка-адмирал, старый, как яйцо динозавра, зато такой же крутой. Смысл информации он усвоил за минуту, еще минуту пил чай и глядел в потолок, еще через минуту у него было решение. Основное время он потратил на то, чтобы отыскать вашего шефа и с ним договориться по-хорошему. Начальник у вас, похоже, правильный мужик. Это радует. А вот стучать на моих людей, не предупредив меня, — это не по-нашему. Не по-товарищески... гражданин Русаков.

— Я поддался импульсу. Великий вождь Унгусман считает, что Чернецкий послушал свою интуицию, и всем советует поступать так же...

— Да отстаньте вы со своим папуасом! — рявкнул полковник.

Со стороны города донесся приглушенный гул. На самом деле он потихоньку нарастал уже давно, мы просто не обращали внимания, а сейчас в столице зашумело не на шутку.

— Что за хрень... Минуту, я сейчас.

Полковник склонил голову, прислушиваясь.

— Дай картинку. Так, вижу... Ничего себе! Эй, идите сюда, вам тоже надо на это посмотреть.

Он достал из сапога планшет, встряхнул его и сунул мне в руки.

— Этнографы говорят, засекли что-то новенькое. Похоже на ритуал передачи власти. К чему бы, а? Что затеял ваш приятель?

На планшет шла прямая трансляция с «жучков» из дворца. Как они там не глохнут от своих бубнов, а главное, как у них дворец не развалился до сих пор от таких басов, свихнуться можно... Кошки, наверное, разбегаются каждый раз. Заодно и мышки разбегаются, конкретный же инфразвук.

— Это не передача власти, — сказал я. — Это церемония возведения Унгасана в достоинство боевого вождя. Он был начальником пограничной стражи, а теперь его, считайте, повысили до министра обороны.

— Кстати, Гасан очень славный юноша, — заметил полковник. — Внятный. Понимает службу.

Еще бы. Гасан ходил за полковником хвостиком, и вопросы по организации службы войск так и сыпались из него, а самого Гасана пасла наша разведка, подозревая, что парень замышляет налет на базу как минимум.

— Это все каким-то образом затрагивает экспедицию? Мне начинать беспокоиться?

— В принципе да... — тут я заметил в группе жен и дочерей красотку Унгури, перевел фокус камеры на нее и залюбовался, дурак дураком.

Я на двадцать лет старше, но еще очень даже ничего. И холостой. И если жив останусь, выпрошу себе работу попроще, без длительных командировок. Или с командировкой сюда. У меня есть мечта идиота — одомашнить степных псов. Сдается мне, ими просто никто всерьез не занимался.

Мне по-прежнему очень хочется домой, но когда я смотрю на Унгури, ностальгия слабеет с каждой секундой.

— В принципе да? — Полковник сунул нос в планшет. — А-а... Стесняюсь спросить — что вы чувствуете, советник, втыкая шприц в ее несовершеннолетнюю попку?

— Да вы пошляк, оказывается, полковник.

— Ну извините. Воображение у меня такое... живое.

— Плакать хочется, вот что я чувствую. А еще жалею, что Сорочкин самоубился, а не я его грохнул.

— Это вы не одиноки, мягко говоря!.. Ну так что же там в принципе? Давайте, не тяните.

— Боевого вождя не назначали лет двадцать. Собственно, последним действующим боевым вождем был сам Унгусман...

— Это знаю, — перебил меня полковник. — А чего я не знаю?

Я на миг задумался, пытаюсь сформулировать мысль почетче.

— Тогда не было ни войны, ни кризиса, никакого вообще повода для назначения Унгусмана боевым вождем. Просто его отец почувствовал себя плохо и решил подстраховаться. Наличие боевого вождя сильно упрощает процедуру передачи власти. Все делается буквально за час. Тоже очень шумно, зато быстро.

— Полностью легитимный преемник?

— Еще круче. Боевой вождь даже не заместитель, а лицо, облеченное правами и обязанностями великого вождя. Папаша тогда сразу наплевал на дела и с чистой совестью лег помирать. Унгусман впрягся в руководство по полной, тут отец неожиданно выздоровел и еще три года с наслаждением бил баклуши, а над Унгусманом хохотала вся родня. Отец устал объяснять сыну, что это было не нарочно. Пару дополнительных братьев успел ему сделать...

— Понятненько... — полковник затеребил мочку уха. — Доктор! Отвлекитесь на минуту. Кто у вас сейчас во дворце, пусть при первой же возможности подберется к Тунгусу и посмотрит, как он себя чувствует... Да, есть такое мнение. Спасибо... Ну-с, а что же мне делать с вами, советник?

С некоторым усилием полковник вернул себе планшет, оценивающе поглядел на меня и заявил:

— Я дам вам парабеллум.

— Простите?..

— Мне пора идти к бойцам, сказать им... Не важно. Короче, время дорого. А вы действуйте по своему плану, желаю удачи. Вон сидит Чернецкий, испереживался весь. А я понятия не имею, что вы знаете код спускаемого аппарата. И что у вас инструкция поступать по совести.

— По своему усмотрению, — поправил я.

— А есть разница?.. Вашу руку, советник. Кстати, найдите возможность прилечь хоть на пару часов. Вы же заступаете во дворец в ночную смену? Спокойного дежурства.

Я чуть было не козырнул, но припомнил, что «к пустой голове руку не прикладывают». Вдруг запершило в горле. К чему бы это. Надеюсь, не к ветрянке. Переболел в детстве, но здешний штамм настолько лютый, что у нас уже пошел второй десяток с повторной, и Шалыгин приказал всем бояться.

Да, нынче вечером командир воздушного судна Чернецкий полетит совершать подвиг, а советник Русаков пойдет во дворец на ночное дежурство фельдшером. Что вы чувствуете, советник, когда втыкаете шприц...

У девочки было девять братьев и сестер, трое умерло детьми, и она говорит о них так, будто те на минуту вышли. У туземцев своя философия смерти. Те, кого они любили, остаются с ними навсегда. История из жизни прапрапрадедушки не станет байкой или анекдотом — поколение за поколением будут пересказывать ее слово в слово и жест в жест, без малейших искажений. Зато плохих людей тут забывают наглухо, просто стирают из памяти рода и племени. Как при этом рефлексировается негативный опыт, мы пока не разгадали. Если пойдем, нас ждет форменный переворот в психологической науке. Возможно, мы станем намного счастливее...

Я подошел к конвертоплану, Чернецкий открыл дверцу.

— Код от спускаемого — надо?

— Черт побери! — Летчик криво усмехнулся. —

Я должен Алику бутылку. Он сказал, что Газин примет вас в игру, а я грешным делом засомневался.

Я открыл было рот, чтобы ляпнуть: «Это кто еще кого принял...» — и закрыл. Вдруг пришло осознание, что я не обижен таким принижением своей роли, да и вообще наплевать. Результат важнее. Кажется, я наконец-то бросил играть в дипломата — и стал дипломатом. Поздновато созрел. Но как сказал бы вождь, чтобы кем-то стать, надо им быть. Я — могу. Я гожусь для серьезного дела, от меня есть польза, и идите вы к чертовой матери.

Видимо, некое внутреннее напряжение все-таки отразилось на моем лице, поскольку Чернецкий добавил:

— Не в вас сомневался, в полковнике.

А я улыбнулся в ответ и сказал: да мне все равно.

Прозвучало это несколько иначе и довольно экспрессивно, но смысл я вам передал в точности.

У бравого летчика очень смешно отвисла челюсть.

Он, наверное, думал, я и слов-то таких не знаю.

На санитарное дежурство я заступал к шести вечера и отдохнуть, конечно, не успел. Не расслабишься, когда такие события. Я взял в санчасти пезаряженную аптечку, сел в вездеход, но поехал не к дворцу, а на летное поле. Сначала посмотреть, как там наши заговорщики.

Все оказались в сборе: оба экипажа, хмурый Акопов, сосредоточенный Чернецкий, четверо спецназовцев — трое рядовых и немолодой сержант, полковник Газин и капитан Петровичев. Обступили трехмерную карту пещеры-«хранилища» и тыкали пальцами, что-то согласовывая.

Мне никто особо не обрадовался. Как всегда. Правда, капитан против обыкновения пожал руку и даже выдавил нечто вроде кривой улыбки... Поднялся и ушел в сторону каньона вертолет спасателей. Полковник начал говорить — и осекся. Он глядел через мое плечо, и выражение лица у него было сложное.

Со стороны города к нам шел Тунгус.

Великий вождь, облаченный в парадную расписную тогу, смотрелся беззаботным, словно на прогулку собрался. И никаких признаков болезненного состояния. Рослый пятидесятилетний красавец, запрограммированный природой на долгую счастливую жизнь.

Земляне изобразили приветственные жесты, кому какие положено, а мы с полковником, обозначив взгляд в глаза вождю, сунули в рот по зубочистке: говори с нами, о, великий, мы внимаем.

— Давно хотел полетать, — сказал великий. — Самое время.

Полковник нервно прожевал зубочистку и чуть не проглотил ее.

— Давайте говорить, как принято у вас, — решил вождь. — Нет времени для церемоний. А ты молчи. И ты тоже.

Он указал на Петровичева и Акопова. Экипажи и солдат вождь просто не рассматривал, да те и не рвались в собеседники.

— Господин великий вождь, разрешите обратиться к товарищу полковнику? — ляпнул Петровичев, взяв под козырек.

Господин великий вождь гавкнул на капитана так, что тот едва не упал.

Местный смех это гулкое уханье, похожее на собачий лай; в исполнении Тунгуса тянуло примерно на сенбернара. Я чуть не оглох.

Не знаю, что уж там напереводил вождю транслятор, может, с титулами намудрил, или сама ситуация его рассмешила.

— Иди, лезь на свою вышку, — разрешил вождь. — Начальник тебя отпускает.

Поднял руку Чернецкий, но спросить ничего не успел.

— Останется этот, — вождь ткнул в одного из спецназовцев, на вид самого молодого.

Зашел внутрь карты и начал осматриваться.

Капсула лежала, привалившись боком к куче обломков неясного происхождения, до того заросших пылью и грязью, что даже форму их установить толком не получилось. Тем более разведка теперь очень берегла свои дроны.

— Вот же воришки, — произнес вождь задумчиво, почти ласково. — Жаль, не хватит времени... Не так все надо делать, конечно... Но как-нибудь потом вы придумаете способ обездвигить этих тварей или распугать. И тогда мы в их хозяйстве покопаемся.

— Всех перетравим, — заверил полковник.

— Травить не надо, — сказал вождь строго. — У себя дома трави... Кто идет со мной к этой штуке?

Чернецкий толкнул локтем Шурика, тот церемонно поклонился.

— Увеличить, — приказал вождь.

Карта начала расти, люди подались назад.

— Довольно. Воины, ко мне.

Тунгус выстроил тупой клин с собой во главе спиной к капсуле. Остался недоволен, не хватало ему

четвертого бойца для симметрии. Передвинул солдат, каждого быстро вполголоса проинструктировал. Вышел из карты и бросил полковнику:

— Должен тебя предупредить, что они, скорее всего, умрут.

Полковник смотрел на вождя, не отводя взгляда.

— Если я не вернусь, будешь вести дела с Унгасаном, — сказал Тунгус. — И самое большее через три года первая группа наших учеников должна отправиться в Москву. Мы не можем ждать. И вы не можете. Мы вам нужны. Вы сами не знаете, как мы вам нужны. Чтобы стать им-пе-ри-я, — вождь произнес чужое слово по слогам, но очень четко, — мало думать как империя. Надо делать как империя. А вы хорошо думаете, но плохо делаете. Скорее учитесь делать. Удачи, друг.

И сунул полковнику руку.

Я думал, тот ее сейчас поцелует.

По-моему, Газин дышать начал, только когда вождь повернулся к нему спиной.

Мне Тунгус бросил, проходя мимо:

— А ты не будь, как вы говорите, и-ди-о-том. Я правильно сказал?

— Ты делаешь большие успехи в языке, друг мой.

Тунгус вдруг остановился и буркнул под нос:

— Как странно. Ты очень хочешь пойти со мной — и не можешь. Почему?

— Сам не понимаю. Наверное, меня так научили. Это часть моей работы — ни во что не лезть руками. Иногда бывает стыдно. Иногда мне кажется, я просто трус. Да здесь, наверное, все так думают. И я вместе с ними...

— А гвоздь в голову забить — это не руками?..

Скажи такое кто из наших, я не особо удивился бы. Но тут прямо остолбенел. Наружу рвалась мольба: «Ты же знаешь, что это не я! Ты же всех насквозь видишь!» Молчать. Тихо. Ни слова, а вот эту недостойную умоляющую интонацию я взял и задал в себе.

Проклятье, я нынче точно стал дипломатом. Выдрессировал меня великий вождь Унгусман.

— Береги мою девочку, она тебя очень любит, — бросил Тунгус, уходя.

— Ты вернешься... — прохрипел я ему вслед. Говорить оказалось вдруг неимоверно трудно.

Вождь совсем по-людски дернул плечом в знак того, что бог знает, вернется он или нет, — а вот мне задача дана, и полковнику тоже, и как бы не всей матушке-России, и он оставляет на наше попечение свой народ, и нам теперь никак нельзя быть идиотами...

— Ну, ты обещал меня прокатить на своей леталке! — донеслось издали.

Чернецкий показал высокий класс понимания этикета: суетиться и не подумал, только сделал приглашающий жест, а дверь конвертоплана открыл, согнувшись в поклоне, бортмеханик.

Я пошел к вездеходу. Я больше не мог оставаться здесь.

Они вернутся, твердил я про себя, они вернутся.

Боевой вождь Унгасан сидел на ковре, весь заваленный какими-то свитками. Несколько лежало у него на коленях, пара торчала из-за пазухи, один он держал под мышкой, другой в руке, а третий развернул, помогая себе зубами, и косил в него хмурым глазом.

— Что скажешь? — спросил он невнятно.

Гасан был не просто хмурый, он был злой, что для туземца редкость. Можно понять — двадцать лет парню на наши года, и вдруг такой подарочек: государственное управление в полный рост.

— Он умеет делать вот так? — я показал руками.

— Лучше всех. Но эти твари, они же тупые. И отец их в жизни не видел. Говорю ему: давай я пойду...

— Ты их тоже не видел.

Гасан выпустил свиток из зубов и уставился на меня.

— Я воин! Я умею биться! А отец... Он другой. Он умеет заставлять все живое любить себя. Я сейчас здесь не потому, что отец приказал, а потому, что очень люблю его!

Сказав это, боевой вождь династии Ун шмыгнул носом.

Туземцы плачут совсем как мы. Да они и есть мы, только намного лучше.

— А эти твари... Не способны любить. Понимаешь?

— Да, вождь.

— Мне сообщат, как все прошло... Но ты ведь узнаешь раньше. Я хочу доклад немедленно, советник. Ты сделаешь это для меня?

— Да, вождь.

Гасан стряхнул на пол лишние свитки, встал и подошел вплотную, навис надо мной, нарушая разом и этикет, и местную технику безопасности, по которой от вождя до гостя должна быть минимум вытянутая рука, а лучше полторы.

— Советник, — повторил он. — Отцу советы не нужны. А мне понадобятся. Много. Как бы все ни кончилось, нам с тобой еще работать и работать.

Фраза вышла совершенно земная, но мы с транслятором независимо друг от друга перевели ее именно так.

— Всегда к твоим услугам, вождь. Ты же знаешь, как пользоваться связью — просто вызывай меня. Но сейчас я иду проведать больных.

— Да. — Гасан вдруг фыркнул. — Отец так и не освоил вашу связь. Он хочет от вас школы, больницы, электростанции, мечтает послать нас с Унгури в Московский университет, а простой телефон в руки не берет... Второго такого, как отец, нет. Им мог бы стать Унгелен. А я не стану. Грустно.

— Черт побери, как же ты вырос! — вырвалось у меня.

Гасан хмыкнул. И совершенно отцовским жестом положил мне руку на плечо.

— Пришлось, — сказал он.

А потом отослал меня тыльной стороной ладони — тоже совсем как отец.

Я ушел к больным, пытаюсь сообразить, каков теперь мой статус во дворце. Старался думать о чем угодно, только не о том, что творится за полтораста километров отсюда. Все равно узнаю детали не раньше, чем операция закончится. Поскольку она как бы нелегальная, полковник зашифровал каналы связи.

Двое больных явно шли на поправку, трое, по выражению сменщика, «пока зависли, но прогноз ничего себе». Угольно-черное тело, покрытое сыпью, выглядит не так устрашающе, как белое, но человек с очень высокой температурой — грустное зрелище само по себе.

Я принял дежурство, провел штатный сеанс обработки ультрафиолетом и взялся было помочь санитарке из местных делать влажную уборку, но меня вежливо усадили и посоветовали вообще лечь.

— Отдохните, вождь, вы так устали, на вас лица нет, — сказала девушка.

Она была неуволимо похожа на Гури и, вероятно, приходилась ей дальней родственницей, здесь это в порядке вещей. Аристократ с претензиями на власть не станет крутить любовь с обслугой, но если юноша из династии Ун нацелился идти в торговлю, строительство или аграрный сектор — такие отношения не возбуждаются... Секунду, как она меня назвала?!

Одна из форм обращения к младшему вождю. Стоп, не совсем так. Лицо, приравненное к... Нет! Девушка использовала редкое слово, которым зовут чужака, возведенного в достоинство «рожденного во дворце». Статус присваивается в боевой обстановке или при иных чрезвычайных обстоятельствах, когда надо дать большие полномочия ценному специалисту. Или просто хороший человек подвернулся, и семья решила забрать его со всеми потрохами, так сказать, для улучшения породы. Интересно, какой случай — мой?

Кстати, обратного хода процедура не имеет. Назвали конем — полезай в хомут и жуй сено. Можешь уехать, но тогда веди себя тихо и благородно. Скажешь глупость, дашь не в ту морду, решат, что позоришь род — убьют и не почешутся.

Здрасте-пожалуйста, я младший вождь династии Ун. Меня приняли в игру. А я просил?!

И тут пришло на ум — ну да, просил, еще как.

Невербально. Зато всем сердцем.

Унгури сидела, будто окаменев, только по щекам катились слезы, когда скончался Унгелен. Ухаживала за ним до последней минуты, хотя знала, что это смертельно опасно, и мы ничего не можем гарантировать. Отец только головой покачал и рукой махнул, совсем по-нашему. Он уже сказал полковнику: если половина двора уцелеет, государство не развалится, а вот если половина народа вымрет — пиши пропало. Спасайте людей, я без них не имею смысла...

Я смотрел, как плачет Унгури, и думал: если она тоже умрет, Сорочкину не жить. Его придушат и зарюют. Гури исполнилось четырнадцать, а Гене пятнадцать, когда отец поручил им работать с нами. Два рано повзрослевших ребенка, они были напичканы по уши знаниями о своем народе, обучены азам государственного управления и готовы в любой момент подменить кого-то из дядьев и тетюшек. Они дали нам бездну материала. Гури уже считалась практически готовым шефом протокола. У Гены был талант к языкам, его прочили на местный аналог таможни, где он и без того торчал все свободное время, общаясь с караванщиками. Они с Сорочкиным, два лингвиста, нашли друг друга. В третью командировку Леша вез для парня какие-то немыслимые терабайты обучающих программ и грозился сделать из Гены языковеда вселенского масштаба...

Мы едва успели очухаться после высадки, когда Гена утащил Сорочкина в город — пришел караван издалека, оба давно его ждали, чтобы исследовать редкий западный диалект. Для Леша это был очередной профессиональный вызов, а для возмужавшего Унгелена, на шее которого появился знак младшего вождя, — нечто неизмеримо большее. Сами догадай-

тесь, чего ради имперский чиновник изучает языки, составляет разговорники и проводит мастер-классы для рядовых толмачей. Это обеспечивает связность огромных территорий и дает народам шанс договариваться между собой миром ко взаимной пользе. Еще это разведка, конечно, и контрразведка. Неспроста именно Унгелен первым говорил со всеми земными делегациями.

Сорочкин был, как я понимаю, тоже тот еще фрукт, только не кадровый, а вербованный. Кадровый имперский офицер — человек более долга, нежели чести, и не покончит с собой, пока в нем есть нужда или к нему остались вопросы. Просто убить себя, когда все плохо, — это для гражданских.

Сконфуженный Унгелен привез своего приятеля на базу через трое суток. Сорочкин был в жару, бреде и характерной сыпи.

— Ну, Гена, ты даешь! — ляпнул доктор Шалыгин. — Подкатил нам подарочек...

Чем настроил туземную администрацию на самую удобную для землян версию. Унгелен и так грешил на караванщиков, а те ушли обратно к западу еще третьего дня. Шалыгин сказал: надо догнать и взять анализ крови, но великий вождь летать в ту сторону не дает. Младший вождь совсем загрустил и ответил: великий знает, что делает. Явился полковник, увидел тело, просчитал все варианты развития событий, включая войну с туземцами, и объявил на базе «угрожаемый период». Меня послали убеждать Тунгуса, что у лингвиста не просто болячка. Я был убедителен, и Тунгус поверил. Началась свистопляска под названием «закрываем город». Тщательно, но без фанатизма — мы ведь еще не знали, с чем столкнулись.

Доктор предположил, что больной был инфицирован перед самым отлетом, и вирус просто «заснул» вместе с организмом — инкубационный период растянулся на четыре месяца. Но где этот раздолбай подхватил заразу? У нас трехнедельный карантин. Специально, чтобы не притащить с собой лишнего.

Сорочкин очухался и был допрошен. Вскрылось невероятное. Запредельный просто идиотизм. Оказывается, маршрут к «Земле-2» у рядовых космонавтов-транспортников считался уже рутинным, а про саму планету говорили, будто она исследована вдоль и поперек — ха-ха три раза, кто понимает... Короче, старые космические волки решили возродить традицию: за пару дней до отлета покинуть медицинский центр через теплотрассу, завалиться в ближайший кабак, слегка там вздрогнуть да прогуляться по бабам. А Сорочкину только дай сунуть нос куда не надо — он ведь у нас заслуженный полевой исследователь. И в некотором смысле тоже старый космический волк. В общем, ему стало интересно, как они это делают. И вместе с парой механиков Леша отправился в загул. Мы высадились, механики усвистали на звездолете дальше, а негодяй Сорочкин — вот. Жить будет. Но болеет так тяжело, что почти жаль его, дурака.

Полковник вытряхнул из полуживого Сорочкина все имена, пароли и явки, пообещал допрос под гипнозом на случай, если пациент чего забыл, и посоветовал молиться. Леша страдал, ныл и жаловался. Не понимал, за что с ним так грубо. Он еще не уяснил, чего натворил и чем страшна ветряная оспа в условно античном городе, где двадцать тысяч человек без иммунитета.

Начали заболеть местные, подозрительно быстро, ненормально для ветрянки. Доктор Шалыгин разобрался с вирусом — и слегка напрягся. Долго сидел на посту дальней связи, консультируясь с Москвой. В городе народ падал, будто его из пулемета косят. Мы пытались уговорить местных носить марлевые повязки, но стояла удушливая жара, и ничего путного из этого не вышло.

Когда насчитали первые сто смертей, Сорочкин был уже вполне ходячий. С базы Лешу не выпускали, да и перемещался он строго от санчасти до поста ДС, где ему устраивали межпланетные допросы суровые дяди из ФСБ. Думаю, это немного развлекало Сорочкина, потому что экспедиция с ним не разговаривала вовсе. Добряк Шалыгин, у которого тот трудился санитаром, и то низвел общение до уровня подай-принеси-пошел вон.

Леша все рвался узнать у меня, как там Гена. Что я мог сказать? Унгелен боролся со смертью. В короткие минуты просветления спрашивал, как там Леша, и корил себя за то, что всех подвел. Мне умереть со стыда хотелось, когда он так говорил.

Москва дала предварительные данные по вирусу. Никогда еще я не видел Шалыгина растерянным, а полковника — испуганным. В тот же день зараза впервые «пробила иммунитет» у одного из наших. Полковник заставил всех поголовно надеть респираторы. Люди начали терять сознание: по летней жарнице дышать в намордниках было трудно. Доктор сказал, что это сугубо психологический эффект, и щедро накормил экспедицию транквилизаторами. Некоторым полегчало, некоторым не очень.

Сорочкин начал потихоньку высовываться из санчасти, гулять по базе, его не замечали в упор и даже под ноги не плевали. Демонстративно. А лучше бы морду в кровь разбили.

...Унгури повернула ко мне мокрое от слез лицо:

— Ты не носишь маску. Почему? Это ведь опасно для вас тоже, и тебе было приказано, я знаю.

— Вожди не носят масок.

Я сказал это, не думая о контексте, подтексте и так далее. Правящая династия отказалась от респираторов принципиально и наотрез. Ну да, полковник чуть из сапог не выпрыгнул, когда разведка ему настучала, что я снимаю респиратор во дворце. Он сделал понятно какой вывод: этот скользкий тип рискует собой ради дипломатии, хочет понравиться Тунгусу. Полковник даже крикнул в сердцах: ну, если сдохнете, так и доложим вашему начальству — прогнулся перед местными!

А я просто так захотел — без маски.

Вожди не носят масок, и все тут. Только сказав это, глядя в бездонные глаза Унгури, я подумал: какая, черт побери, емкая метафора. На Земле правитель всегда артист и притворщик, даже если совсем не хочет — надо. На Земле-2 по-другому, тут рулят вожди. Те, кто ведут за собой. Они не лицемерят перед народом. И народ идет за ними...

Между нами лежал мертвый Унгелен. Юноша, за которого сестра отдала бы свою жизнь, а я... А меняхватило на то, чтобы делать уколы, обрабатывать ранки и держать мальчика за руку. И все без толку.

Я смотрел на Унгури и думал, что если она умрет, Сорочкин — труп.

Придушат и зарюют? Нет. Я не способен взбеситься настолько, чтобы убить голыми руками. Таких не берут в дипломаты. Можно достать ствол, но будут неприятности у военных. Зато строительный пистолет взять на складе не проблема.

Пули ты недостоин. Жил грешно — умри смешно. Гвоздь тебе в голову. В самый раз.

Унгури смотрела на меня и, казалось, прямо в душу. На миг стало боязно: вдруг она догадается, о чем я думаю. Она ведь может. Не надо ей. Лишнее это.

— Мы ходим без масок, потому что все здесь — наши родичи, — сказала девушка. — Весь город, весь мир. Понимаешь?.. Пойдем к отцу, надо сказать ему, что Унгелен... Остался с нами навсегда.

— Я... Ты уверена, что я нужен?

— Ты мне нужен. И ты был с ним все время. С самого начала без маски. Почему без маски? Я не спрашиваю, ты ответь себе.

— Потому что так захотел, — честно сказал я.

И тогда она улыбнулась. Едва заметно.

Унгусман принял нас внешне спокойно, он был давно готов к потере сына. Осталось еще трое и две дочери. Все сегодня будут плакать. А Тунгус обнимет каждого и найдет для него слова утешения.

Я не ждал, что такие слова у него есть для чужака.

Он сгреб в охапку Унгури и что-то шептал ей на ухо. Потом взглядом, полным боли, но полным и достоинства, нащупал меня.

— Ты возлагал большие надежды на младшего вождя Унгелена, советник, — прогудел вождь усталым тяжелым басом, ритуальным голосом смер-

ти. — Теперь все будет сложнее, ты знаешь. Но Унгелен остался с нами навсегда и поможет нам. Просто вспоминай его в трудную минуту.

Я проямлил что-то невнятное, принес соболезнования и поспешно откланялся. До конца дежурства было еще два часа; я не мог больше оставаться во дворце и попросил моего сменщика Рыбаренко приехать. Тот сказал: что-то случилось? Или у меня, образно выражаясь, батарейки сели?

— Вроде того. У меня Гена умер.

— Ах ты... Я бегом. Я мигом... Прямо не знаю, как ребятам сказать. Все понимали, что не вытянем парня, но...

— Ты ребятам другое скажи. Я видел, Сорочкин начал по базе гулять. Заверни в санчасть и попроси, чтобы его поприветствовали, когда я вернусь. Ну и меня лучше не пускать внутрь какое-то время...

Честно, сам от себя не ожидал. Просто вырвалось. Бурным потоком выплеснулось наружу.

А может, цену себе набивал. А может, хотел показаться нормальным человеком, у которого есть слабости. А может...

— Еще бы, — сказал Рыбаренко. — Момент, сделаю. Я уже на ходу. Держись там...

У меня не найдется алиби, ну и просьба спрятать Сорочкина, слух о которой разнесется по всей базе, тоже сыграет роль. Меня ни в чем не обвинят, но все будут думать, каждый свое.

А вот бригадир строителей Рыбаренко окажется «на подозрении», вплоть до того, что беднягу попытаются отстранить от дежурств во дворце, как утратившего бдительность и главное, не стукнувшего куда положено.

Рыбаренко отвечал за склад инструментов и расходников.

Пока мы передавали дежурство и я возвращался, на склад пролез через окно ведущий специалист экспедиции Алексей Сорочкин.

Он взял строительный пистолет и забил себе гвоздь в висок.

На Тунгуса это произвело впечатление. По здешним понятиям самому наказать себя за ошибку — значит отречься от почета, с которым тебе разmozжит башку дубиной вышестоящий начальник. С точки зрения вождя, Леша признал себя предельным идиотом, недостойным не то что казни, а даже суда.

По оценке вождя, Сорочкин был все-таки жертвой обстоятельств, а не сознательным злодеем. Тунгус планировал выторговать его себе — и пускай вкалывает тут пожизненно, обучая туземцев языкам и составляя разговорники. Продолжая, в общем, дело Унгелена.

Я спросил: как бы ты терпел этого человека? Да ты бы сорвался и открутил ему башку.

Ну что ты, сказал Тунгус. Я бы посадил его в маленькую комнатку при таможне — и пусть работает. Мы бы просто никогда не встретились. Я туда не хожу, он не выходит. Учись, советник! Это и есть настоящая ди-пло-мать-ее. Я правильно сказал?..

Ты делаешь большие успехи в языке, друг мой, заверил я.

— Это тебе не гвозди в голову забивать! — гордо заявил Тунгус. — Тут соображать надо!

Достал он меня своими гвоздями, сил нет никаких.

Гури говорит, некоторые мысли обладают такой мощью, что стоят полноценного действия; в тот несчастливый день, глядя на нее, я так хотел прибить Сорочкина, что после этого мне уже было незачем его трогать. Он больше не имел значения, не играл роли, я его вычеркнул... Зато она увидела сквозь горе и слезы, как дорога мне. И что я сам еще не понимаю, до какой степени в нее влюблен. И как мешает проявлению человеческих чувств наша глупая ди-пло-мать-ее, но я умею находить такие жесты и совершать такие поступки, которые пробивают стену отчуждения.

В экспедиции мнения разделились пополам. Зато все теперь могут объяснить, почему меня сторонились. Расчетливый убийца — неприятный тип. Я ведь Лешу грохнул, чтобы наладить отношения с папуасами, вы же понимаете. В жертву принес русского человечка во имя дипломатии, мать ее. Да еще и с особым цинизмом. Не каждый сумеет гвоздем-то.

На вопрос, отчего со мной не стремились дружить целых две высадки подряд до того, как я уколошил русского гвоздем, ответ был просто сногшибательный.

Подозревали.

Чувствовалось во мне нечто такое.

— Чушь это несусветная, — заявил Петровичев. — Люди просто чуяли в вас вождя и не знали, как реагировать. У меня всю жизнь та же проблема.

— Пойдем... чифтейн, — сказал Чернецкий и увел его.

Оглянулся и подмигнул мне через плечо.

Грустно ему без самолета, но не наказали — и на том спасибо.

По закону подлости Чернецкий застрял.

Бывают такие герои, которым не везет красиво закончить подвиг.

Когда Акопов вцепился клешней в крыло, маленький конвертоплан не только перекосило, но еще развернуло, и встал он в трещине враспор, ни туда, ни сюда. Акопов понял это сразу, по нагрузке на манипулятор, а Чернецкому было невдомек, и они с бортмехаником Попцовым изготовились к следующему акробатическому этюду — снова упасть вниз и еще раз попробовать вылететь.

Не как раньше планировали, а без балласта. Вдруг получится. Только вдвоем.

— Алик, ты меня крепко держишь? — крикнул Чернецкий.

— Мертво! Опускаю лестницу! Выходите все!

— Все с борта!

— А как же вы... — заволновался сержант.

— Все-все-все, — заверил командир.

Они висели правым крылом вверх, нарочно, чтобы никому не пришлось лезть через Чернецкого, наступая ему грязными башмаками на щегольский синий китель с золотыми нашивками.

Кроме шуток, именно поэтому.

Первым машину покинул Гилевич с контейнером на ремне через плечо.

— Командир, умоляю, без фокусов, — попросил он.

Вторым шел Тунгус.

— Завтра в полдень будь во дворце.

— Постараюсь, — сухо ответил Чернецкий.

— Вы точно выходите? — сержант явно чуял подвох.

Командир поторопил его жестом.

— Не видишь — висим!

Когда машину оставили все лишние, Чернецкий с облегчением выдохнул.

— Олешка, готов?

— Да как сказать... Командир, мы, кажется, действительно висим.

— Сейчас Алик отпустит, и вывалимся. Ну поцарапаемся слегка... Внимание! Алик! Бросай!

— А если не брошу?

— Почему?!

— Вылезай давай, вот почему.

— Алик, не будь занудой. Я пустой выскочу отсюда как пробка из бутылки. Положу машину на спину, потом заберем ее и починим. А если ты уронишь ее в пещеру... Ты же не хочешь оставить меня без крыльев, брат?

— Саша, ты застрял, — сказал Акопов. — Тебя заклинило. Я чувствую процентов двадцать твоего веса.

— Ну вот и отпусти. И поглядим. Слушай, отпусти по-хорошему, а?

— Я-то отпущу, но у тебя оба кия будут повреждены. Скажи Олегу, пусть высунется, если мне не веришь. Там выступы скал, их зажмет и вывернет, когда я тебя брошу.

Чернецкий оглянулся на Попцова.

— Ладно, посмотри.

— Мне очень жаль, — сказал Акопов. — Я тоже люблю твою машинку.

Это Чернецкого добило. Он еще держался на адреналине, но боевой настрой уже потихоньку отступал.

И так они сделали больше, чем надеялись. Да с каким шиком! И после этого потерять любимую машину...

— Боюсь, останемся без хвоста, командир, — донеслось сзади. — Все, допрыгались.

— Алик! — позвал Чернецкий. — А вытащить?..

— Завтра попробуем. Обязательно попробуем. Иди уже к нам. Вождь тебе коня подарить хочет.

— Ты его видел, этого коня?! Это бегемот!

— Он может и жену, но судя по описанию, она страшнее бегемота...

— Не смешно, — сказал Чернецкий, отстегивая ремни. — Почему мне не смешно... Олег, где ты там. Пойдем отсюда. Долетались мы, дружище.

Когда Акопов отпустил конвертоплан, тот с жалобным скрипом чуть-чуть развернулся в трещине и застрял окончательно. Намертво.

Чернецкий спрятал лицо в ладони.

— Мы расстреляли по полмагазина, не больше, — рассказал сержант. — Боялись, термиты вцепятся в колеса. Побили тех, кто был слишком близко. Вождь... Он сделал все. Без него не ушли бы. Он сделал вот так — руками — и насекомые замерли. Насекомые, да... Да ну к черту... Сниться мне будут теперь в кошмарах...

Чернецкий вошел боком в трещину, выровнял конвертоплан и мягко посадил его перед капсулой. Струя от двигателей разметала термитов, облепивших спускаемый аппарат. Десант бросился за борт, Гилевич побежал к люку. Повезло, не пришлось ни карабкаться, ни даже тянуться. Рабочие термиты разбежались, вместо них пришли солдаты, наши

приготовились стрелять, и тогда вождь сделал руками «вот так».

Чего никто вообще не учел — что термиты могут проигнорировать людей и напасть на самолет. Все были уверены: солдаты попытаются отбить капсулу, а конвертоплан им без надобности.

У термитов оказалось другое мнение.

Чернецкий дал полный газ и подпрыгнул.

Сдуло всех.

Относительно выиграл один Шурик: он успел вскрыть люк и сунуться в спускаемый аппарат. Его толкнуло под зад и закинуло внутрь.

Остальных расшвыряло вверх тормашками.

Чернецкий висел на десяти метрах, стараясь не думать, что с людьми. Он видел только вождя, лежащего ничком — тому задрало тогу аж до подмышек, и в ярком свете прожекторов ослепительно сверкала черная задница.

Одна радость — термитов поблизости нет.

Из люка высунулась ладонь, дала отмашку, Чернецкий прибрал газ и посадил машину.

Гилевич с контейнером бросился к вождю и принялся его тормозить. Показался один спецназовец, второй... Потрепанные, но не поломанные, а это главное. Встал на ноги Тунгус. Так, все в сборе. И куда они глядят?..

Тут вождь опять сделал «вот так». А остальные побежали к машине.

— У нас под хвостом целая армия! — крикнул Гилевич, запрыгивая в дверь. — Тунгус их держит!

Вождь короткими шажками медленно двигался к конвертоплану — лицо напряженное, руки вперед. Раздалось несколько очередей, в салон кубарем вка-

★ тился спецназ. И наконец появился вождь. С достоинством, не бегом.

— Полетели, — сказал он просто.

И они полетели.

Чернецкий приподнял машину, дал время пристегнуться, потом на форсаже рванул вертикально, молясь, чтобы не подвели движки, и под самым сводом пещеры завалил конвертоплан набок.

Увидел клешню манипулятора и, как обещал, сунул крыло прямо в нее.

Надо же — получилось.

Чернецкому не подарили ни жену, ни коня, вообще ничего. Простолюдина можно наградить ценными вещами, аристократа почестями, а вот героя, который чужак и ни на что не претендует... Великий вождь один на один сказал летчику «спасибо» и отпустил. Даже руку не пожал — не положено.

Чернецкий обиделся и всем рассказывал, мол, это вождь ему отомстил за то, что светил голым задом в пещере.

Через три месяца Тунгус выкатил на летное поле конвертоплан.

Самую малость помятый и с целехонькими киллями.

Он согнал к трещине орду строителей, те навели сверху помост, немного помудрили с тросами, а потом ювелирным образом повернули самолет, приподняли, снова повернули, еще приподняли... Достали, запрягли табун своих жутковатых лошадок — и милости просим, командир, принимай аппарат.

Чернецкий встал перед вождем на одно колено и склонил голову. В глазах его блеснули слезы.

— Потом еще полетаем, — сказал вождь. — Мне теперь можно.

Полковник Газин вызвал на ковер Петровичева и сунул ему под нос акт о списании конвертоплана ввиду нецелесообразности извлечения из трещины в силу технической невозможности. Они кричали друг на друга так, что дрожали стекла, потом успокоились. Списанный конвертоплан поднялся в небо через несколько дней. Работы для него было полным-полно. Мы теперь летали над всем континентом.

Великий вождь сделал-таки своим родичам такое предложение, от которого те не смогли отказаться. Полковник боялся, что это будет грубый шантаж вакциной — либо идете под мою руку, либо вымирайте к чертовой бабушке. Тунгус при желании мог нагнуть экспедицию как ему угодно, и мы бы не пикнули. Ну, сообщили бы, что он не прав — а дальше?.. Случись драка, нас сомнут. Останется только позвонить на орбиту и вызвать огонь на себя. Но «Кутузов» улетел, едва мы раздобыли вакцину. Газин так и не смог его расколоть, чего он тут болтался.

Я говорил полковнику, что Тунгус не такой, но кто меня слушает. Когда выяснилось, что Тунгус совсем не такой, мне спасибо тоже не сказали. Да я и не просил.

А великий вождь поступил красиво. Созвал кочевников и говорит: вы же знаете, ко мне тут прилетели. И вы догадываетесь, чего они могут. В общем, я с ними договорился, мы объединяемся. Вписываемся на равных правах. Династия Ун наберет такую силу, что вы ей станете просто неинтересны. Мы через два-три поколения уже не сможем нормально с вами разговаривать. Поэтому решайте: либо

вы с нами, либо дуйте обратно в степь и пропажайте там. Зато если вы с нами, есть интересная задача. Чем больше нас будет, тем больший кусок мы сможем откусить у наших новых партнеров. Династия Ун рассчитывала присоединить западные племена за сотню лет. Теперь надо собирать народ быстро, за годы. Мы уже начали разъяснять наши предложения, но нет уверенности, что нас поймут. Тогда придется действовать по старинке. Сначала небольшая демонстрация силы. Просто зайти и показать себя. Если не поможет — дать по шее и возглавить. Объясните им: кто не с нами, того мы в будущее с собой не возьмем. А будущее наступит буквально вот-вот. Да вон оно летит...

И тут Чернецкий такой на конвертоплане — вжжжик! Пожалуйте кататься. Оцените, какие преимущества дает обзор сверху и воздушная разведка.

Кочевники чисто для виду поломались, а потом дали Тунгусу присягу и двинули на запад проводить разъяснительную работу. Потому что в будущее всем хочется.

Тоже в некотором роде шантаж. А с учетом того, что Россия ничего Тунгусу пока не гарантировала, чистое надувательство. Я так ему и сказал.

— Не волнуйся, мы станем россиянами скоро, — ответил вождь. — Если враги России захотели истребить мой народ — ну куда вы денетесь. Значит, мы вам действительно нужны. Враги это понимают, ну и вы поймете. Хотя вы, конечно, по сравнению с ними как дети малые. Добрые, наивные...

Подумал и добавил:

— Жалко, Унгелен не дожил. Он ведь это предсказал в точности.

Я стоял молча, переваривая услышанное.

Тунгус негромко гавкнул — в смысле, хихикнул.

— Да смешной ты, — объяснил вождь. — Все вы забавные, но ты особенно. Ступай. Нельзя заставлять девушку ждать, ей может попасться на глаза кто-то покрасивее.

— Вы ее недооцениваете, великий вождь.

Тунгус залился лаем, и я поспешил на выход.

Когда проблемы рассосутся, познакомлюсь со степными псами. Вождя попрошу, чтобы помог. Сдается мне, ими просто никто не занимался. И еще сдается мне, что это гавканье вместо смеха — неспроста.

Гури сидела за штурвалом вездехода. В кузове барахталась ребятня — будущие вожди с будущим обслуживающим персоналом. Судя по физиономиям, сплошь родичи. Впрочем, тут все родичи. А кто еще не в семье — тот будет.

— Куда прикажете, вождь?

— На пост ДС, вождь. Но раз такие пассажиры... Можно сделать кружок по городу.

— Правильно. Ну садись давай, старая развалина. Зачем ты дал мне ту книгу? Теперь я знаю, что в сорок лет русский уже старик, а тебе до сорока всего ничего. Ужас. Как дальше жить?

— Это древняя книга, — сказал я. — С тех пор русские изменились к лучшему. И как говорил один мудрец — в России нужно жить долго, тогда до всего доживешь.

Она глядела на меня и улыбалась. Вождям не рекомендуется целоваться при посторонних, но тут были все свои.

Перепадет мне на орехи за мою дипломатию лет через сто, когда окажется, что эти черномазые ребята пролезли во все дыры и самую малость не возглавили Россию, а какой-нибудь смуглый красавец-полукровка метит в исполнительные императоры, и белое большинство Сената стоит за него горой, потому что мужик в доску свой, русский.

Мы понимаем, как они нужны нам.

— Поехали, — сказал я.

А кто не с нами, того в будущее не берем.

ЭДУАРД ГЕВОРКЯН

АНГЕДОНИЯ

На переезд Департамента из района трех вокзалов в Ясенево отвели неделю.

Виктор собрался за несколько минут. Выгреб свое небогатое имущество из ящиков стола в пластиковый короб. Щербатую кружку с потертой термонаклейкой хотел выбросить, но передумал и, напихав в нее пакетики с чаем, пристроил между упаковкой с сухариками, которые выручали во время ночных дежурств, и поясной сумкой с аптечным набором. Проверил боковой кармашек сумки. Талисман, костяшка цзе, был на месте. Подумав, вынул сумку и нацепил на ремень. Мало ли что, проверка там или большое начальство нагрянет. Без аптечки никак.

В маджонг он научился играть раньше, чем писать и читать. Родители держали локал на одном из нижних уровней Бункера. Основной доход они имели не с торговли водой и пищевыми концентратами, а с игроков, которые ночами напролет стучали костяшками. Рос он сам по себе, братьев и сестер не было, да и родители вниманием не баловали. Ему было не то шесть, не то семь лет, когда случилась Большая Чистка. Много позже, в школьные годы, он

★ — заинтересовался историей своей, как он называл, родной глубинки и догадался, куда вдруг исчезли родители.

Бункер, а по сути — огромный подземный город-убежище, соорудили в тридцатые годы, когда опасались большой заварухи. Тогда же случилась так называемая «трехдневная война» из-за Курил. Началось с массового мирного заплыва двух или трех тысяч японцев на Хабомаи. На кадрах хроники они плыли в спасательных жилетах, уцепившись за концы, свисающие с катеров, и каждый сжимал в зубах цветок хризантемы. Пару-тройку катеров потопили, утонувших пловцов никто и не считал. Зато вскоре после ряда скандалов и разоблачений всплыло политическое дерьмо — выяснилось, под предлогом недопущения глобальной катастрофы хотели продать острова японцам за очень большие деньги. Собственно, тогда и произошла молниеносная Реставрация, и японцам по традиции опять не досталось ничего, кроме огорчений.

Виктор как-то заснул в скоростном вагоне четвертого кольца и проснулся от громкого спора двух старичков. Один чуть ли не кричал, тряся указательным пальцем перед носом собеседника, что термин «Реставрация» неправильный, поскольку старую династию не восстановили, а потому прервалась связь времен. Второй же, потирая переносицу, отвечал в том смысле, что Государь вроде бы из Рюриковичей, но будь он хоть трижды природный царь, все равно хрен с ней, с династией, хоть из подворотни на трон, лишь бы правитель соответствовал своему месту, а имена были правильными. Политикой Виктор не интересовался, но было любопытно — подерутся

старички или нет. Но тут объявили его станцию, он вышел, шелест дверей, и спорщиков с легким гулом унесло в тоннель.

Детские годы пролетели на ярко освещенных подземных трассах и в бесконечных переходах с уровня на уровень. В таинственном полумраке технических отсеков, где под ровный гул генераторов, насосов и вентиляционных батарей так здорово играть в прятки. Или в контрабандистов, прыгая с трубы на трубу и проползая сквозь узкие щели на служебные уровни с закрытыми и запечатанными хранилищами. Старые уровни состояли из пяти ярусов, а потом, когда Бункер начал разрастаться, больше чем на три яруса их не расковыривали.

Несколько раз ватаге с нижних уровней доводилось просочиться по тоннелям метро глубокого залегания на безъярусный горизонт Большого Озера, вокруг которого в огромной пещере были выстроены домики для туристов. В охраняемый ярус даже состоятельные обитатели Бункера могли попасть только по пропускам, чтобы ненадолго почувствовать себя на берегу моря, пусть даже с искусственным небом и ветерком, немного пахивающим освежителем для туалета. Впрочем, местные сюда особо и не рвались, да и туристы-экстремалы предпочитали ярусы, где двадцать четыре часа в сутки горит электричество и неспящие всегда могут найти места, полные веселья и развлечений, доступные и не очень. Говорили, что здесь по большей части обосновались серьезные люди, для которых развлечения как раз составляли основную часть доходов.

Сколько людей вмещал Бункер, первоначально рассчитанный на триста тысяч плотно заселенных

эвакуантов, никто точно не знал. Одни говорили, что не меньше полумиллиона, другие называли вообще невероятные числа. Часть площадей и объемов когда-то выкупили корпорации на свои нужды, в нынешние времена явно позабытые.

Экономический тайфун сороковых метлой прошелся по стране, большая часть ресурсов, ухваченных в легендарные нулевые, вернулась под присмотр государства, а Бункер постепенно разросся — доступного жилья в столице, как всегда, не хватало. Потом какие-то денежные люди подсустились, под предлогом того, что выиграли тендер на реконструкцию площадей Бункера, добыли парочку списанных, но еще работающих проходческих щитов и основательно вгрызлись вширь и вглубь. Местные долгожители любили пугать доверчивых туристов рассказами о том, что в поисках жизненного пространства алчные копатели рано или поздно доберутся до Подземного Моря, и тогда всему придет конец: низы утонут, а верхи всплывут брюхом к перекрытиям.

Ярусы и уровни не располагались строго друг над другом, переходы между ними должны были контролироваться муниципальными властями, но для контрабандистов и детей хватало обходных путей — проходов, чтобы попасть практически в любое место.

Виктор помнил, как в детстве пару раз вылезал на поверхность, но один раз попал под сильный дождь, другой — чуть не замерз в сугробе. В общем, не понравилось, и воздух там, наверху, был какой-то неправильный, неживой. Годы спустя его все еще раздражали огромные голые пространства, неестественная линейность проспектов и строений, шелест автомобилей и треск монорельса, а не улыбочивые лица про-

хожих ему казались безрадостными. Потом он решил, что дело в личном пространстве: в тесноте если не улыбаться, то скоро придется драться.

Некоторые ярусы верхних уровней были отведены под «странноприимные дома» для беженцев из сопредельных стран. Граница хоть и на крепком замке, но потоки не ослабевают. Расселяй не расселяй, многие рвутся в места хлебные, то есть в большие города. А Москва хоть и раскинула свои метастазы далеко вокруг, но не бездонная. К тому же после закона о нормах достойного жилья мало кто рискнет поселить у себя даже родственников дольше положенного гостевого срока.

Вот и приходится держать переселенцев в карантинных зонах перед распределением. За порядком следили строго, но время от времени кто-то пытался свести старые счеты, а другие под шумок утекали вниз, там ловить их было нелегко, да и некому по большому счету. Со временем Бункер превратился в своего рода достопримечательность, сюда приводили тургруппы любителей острых ощущений, здесь можно было найти аналоги Чайна-тауна, каирского базара или амстердамского блошиного рынка. Здесь за гроши можно было приобрести золотые монеты и драгоценные камни, иногда даже настоящие, отведать экзотических блюд, не рискуя серьезно отравиться, а легкое расстройство желудка — это даже своего рода знак доблести...

Туристов холили и лелеяли. Даже карманники старались обходить их стороной. Многие кормились деньгами, оставленными в сувенирных лавочках или в мастерских, где умельцы на принтерах лепили всякую всячину — от африканских масок до рез-

ной мамонтовой кости, практически неотличимой от настоящей. Поэтому особо борзых щипачей ловила вся майла. Своих вразумляли добрым словом и крепкими кулаками, а пришлых могли и забить до полусмерти.

Но именно уровень, где прошло детство Виктора, лихо вписался в историю Бункера. Какие-то одуревшие от гаша отморозки заигрались в триаду и похитили ради выкупа дочку крупного чиновника, который вместе с семьей прибыл на благотворительный аукцион. Дочку быстро вызволили. Но на два яруса вверх и на один вниз, потому что ниже было некуда, устроили облаву. И за сорок восемь часов всех взрослых вывезли на строительство Красноярского укрепрайона. А детей распределили по государственным и церковным приютам. С тех пор опустевшие ярусы заселялись волнами беженцев и дауншифтеров. Позже вернулись и старые обитатели, правда, далеко не все. Но Виктор, как его нарекли в приюте Заволжского монастыря, родителей своих так и не встретил, да особо и не искал.

После школы отслужил год в погранвойсках. Хотел подписать контракт на пять лет, жить по уставу ему понравилось, а на западной границе хватало приключений. Но выехала однажды на их пикет группа польских контрабандистов. Виктор сам не понял, почему номера фур ему показались подозрительными. Пшеки оказались наглыми, перестрелка, легкое ранение, комиссовали с выплатой неплохого вознаграждения. Через пару лет Виктор случайно увидел в новостной ленте на остановке автобуса знакомую фамилию и узнал, что начальник заставы был в доле с деловарами той стороны.

Пару лет мотался у балтийских берегов. Подрабатывал на малотоннажных судах помощником механика. Море не нравилось — слишком много сырой воды, неправильно и неудобно. Перебрался в Москву. С работой здесь было хорошо, но с жильем плохо. Спустился в Бункер и немного обмяк, словно домой вернулся после долгого отсутствия. Да так оно, в сущности, и было.

За эти годы кое-что изменилось, конечно. На торговых ярусах стало больше зелени, кое-где даже росли настоящие деревья в больших кадках и огороженных закутках. Потолки жилых уровней подсветили мощными проекторами. Теперь вместо разноцветных фонариков над головами плыли облака, всходило и заходило солнце, одни коридоры превратились в джунгли, другие — в степь широкую, а длинный переход между шестым и седьмым уровнями — в подводный тоннель с прозрачными стенами, мимо которых проплывали косяки пестрых тропических рыб. Туристов стало больше: значных мест наверху хватало с лихвой, но обилие камер повсюду несколько смущало любителей сомнительных развлечений. Здесь же камеры работали только на легальных входах-выходах, остальные исчезали чуть ли не до того, как их устанавливали.

На месте родительского локала появилась лавочка с черной лакированной вывеской. Под желтыми иероглифами надпись по-русски гласила «Антиквариат Ляо». Сам Ляо, степенно оглаживая длинную седую бороду, восседал за прилавком в халате, расшитом драконами и змеями. Торговал старинными монетами, позеленевшими бронзовыми канделябрами и каким-то ржавым барахлом вроде кованных гво-

здей, якобы найденных во время расширения Бункера.

Старик на некоторое время приютил Виктора. Взамен тот приглядывал, чтобы посетители лавки ненароком не прихватили что-то ценное. На вопрос, есть ли в лавке что-либо действительно ценное, Ляо сказал, что самое ценное — это радость, которую испытывает покупатель, думая, что за бесценок купил стоящую вещь. «И вообще, — добавил он, — люди спускаются в Бункер за праздником, и мы делаем им праздник. Мой покойный папа, Самуил Лазаревич Берг, говорил мне — Лева, бери пример с цыган, они устроились так, что люди платят, глядя на то, как они веселятся».

Однажды Виктор встретил знакомого по армии. Узнали друг друга, посидели в ближайшей таверне. Знакомый оказался сыном хозяина этой таверны и предложил поработать у них. Виктору нравилась спокойная жизнь у Ляо, но его весьма зрелая дочь в последнее время стала слишком явно намекать, что после старого папаши лавке нужен будет крепкий молодой хозяин.

На новом месте он устроился днем вышибалой, а ночью охранником. Спальное место в подсобке, через стену располагалась хозяйская семья. Работенка оказалась непыльная, местные давно притерлись, а шумные туристы из северных стран оттягивались здесь не чаще одного-двух раз в месяц. Хотя при случае могли разнести всю таверну. В эти дни Виктор не покидал своего места у столика в углу, и как только в поведении какого-либо посетителя возникала неправомерность, быстро принимал меры. Иногда хвата-

ло увещевания, но доводилось и кулаками усмирять неугомонного гостя. Битые почему-то всегда возвращались. Нравилось им, что ли?.. Некоторые туристки намекали на совместное путешествие за их счет по Бункеру, но таких он сплавлял сыну хозяина, неразборчивому в бабах, особенно если дело пахло деньгами. Виктору хватало местных девиц, с которыми знакомился на карнавале по средам.

Ритм Бункера затягивал. Он стал подумывать, не пойти ли на курсы обходчиков? Кто из его детской ватаги не мечтал стать обходчиком! Но со временем мало у кого оставалось желания, терпения и способности три года изучать минералогию, геологию, сопротивление материалов и еще массу необходимых дисциплин. Зато обходчик имел право открывать в Бункере любую дверь ногами, пробираться в любую трижды запечатанную и четырежды секретную дыру и, при случае, объявлять карантинную зону. Работа здесь самая высокооплачиваемая, но и ответственная. Все время надо следить, нет ли где неучтенных протечек, обрушений, намеков на проседание породы, усталости перекрытий и так далее по списку из сотни позиций.

Виктор не очень интересовался, что происходит наверху. В прошлом году репортажами о событиях в стране были забиты все новостные ленты в сети, телеканалы исходили желчью или патокой, в зависимости от того, посадили владельца или, напротив, поощрили. В общем, тогда Большая Чистка прошла от моря до моря, по пути завернув к океану. Говорили разное — и о попытке государственного переворота, о покушении на Государя, и о заговоре... Тут мнения расходились, выбор был большой — от

прикормленных западными деньгами толстосумов до пригретых восточными и дальневосточными деньгами военных. Но все перемены там, наверху, до жителей Бункера доходили медленно, а то и гасли где-то на полпути. Виктор был уверен, что его они вообще не касаются.

Однако коснулись, и колесо жизни сбилось с колеи.

Виктор догадывался, что хозяин таверны, бывший спецназовец, оказывал посильные услуги сильным мира сего. И не удивился, когда тот попросил своего охранника так надежно спрятать в безопасном месте одного человека, чтобы до урочного часа ни свои, ни чужие не смогли найти. Пояснил, что это очень важный свидетель и его показания стоят голов многих серьезных людей, среди которых есть и приближенные к трону. Виктор не стал спрашивать, почему не действует старые связи, ведь, как говорится, бывших спецназовцев не бывает. Но хозяин сам сказал, что он фигура слишком заметная, и его перемещения по уровню могут отследить. А так у него будут развязаны руки и в случае чего он прикроет. Было в этом что-то неправильное, получалось, что хозяин больше доверял Виктору, чем сыну, и это тоже настораживало.

Место и время встречи Виктору несколько раз сбрасывали на навигатор, отменяли, снова назначали... Потом попросили выйти на поверхность и сесть в первый или последний вагон серой линии в любую сторону. Виктору уже надоело мотаться с конечной на конечную, и он собирался плюнуть на все и вернуться, но тут на свободное место рядом плюхнулся молодой парень в осенней куртке и с глубоко надвинутым на лицо капюшоном. Покосился на кожаную

кепку в руке Виктора, негромко сказал, что его зовут Олег и именно он продает славянский шкаф. Слова были правильные, хотя Виктор не понял, при чем здесь шкаф!

В лабиринтах Бункера найдется сотня, а то и более мест, где можно затаиться. Но Виктор не мог себя заставить идти туда. Неправильности множились, ему казалось, что любое убежище там, внизу, станет ловушкой. Он попросил Олега вынуть из навигатора аккумулятор, а еще лучше — вообще избавиться от него. Свой разбил по дороге к метро и по частям разбросал по мусорным бакам.

Городские дворы и подворотни Виктор знал плохо, но на всякий случай в поисках укромных лежек время от времени выбирался в микрорайоны, предназначенные для расчистки. Жизнь в Бункере порой выделявала странные зигзаги, и для местных обитателей выражение «лечь на дно» имело смысл противоположный.

Сумерки сгустились в полноценный вечер, когда он провел Олега, петляя между домами, предназначенными на снос, к бетонной нашлепке с заваренной дверью. Аккуратно снял заранее подпиленную ржавую решетку, и они спустился по старому вентиляционному коробу в бомбоубежище чуть ли не времен Второй мировой. Ни один обитатель Бункера в здравом уме не рискнет прятаться в месте, где нет как минимум трех или четырех запасных выходов. Сюда же, в длинное помещение с нишами под низким потолком, когда-то перестроенное под подземную парковку, можно было попасть только по стальной лестнице — пандус, по которому в старые, стародавние времена въезжали и выезжали машины,

★ был доверху перекрыт бетонными блоками. Сквозь узкие щели между ними могли пролезть разве что крысы, но здесь пожить им было нечем. В Бункере же крысы были законной добычей вечно голодной шпаны, но там охота шла на равных — были случаи, когда в самых глубоких и грязных норах последнего уровня крысы насмерть загрызали детей нелегалов.

Одну из ниш Виктор перекрыл большим куском темной пленки и выпшикал на пол весь баллончик быстросохнущей пенки. Еды и воды в рюкзачке должно хватить на день, а потом наберет еще в таверне. Не за свой же счет рисковать неведомо зачем!

Утром договорился с Олегом о том, что, спустившись вниз, трижды постучит чем-нибудь по лестнице, чтобы тот, не разобрав в полумраке, кто пришел, случайно не пальнул.

Карточку, вынутую из жилетки неосторожного туриста, заблокировали быстро, но он успел пройти сквозь турникет хаба. Полдня катался на общественных линиях, в сумерках нырнул в один из легальных входов в Бункер, потоптался у лифтов, вернулся на улицу. Понимая, что если за ним следят, то вряд ли он это заметит, обошел парковую зону, спустился к набережной и тропинками поднялся к смотровой площадке.

Постоял немного, разглядывая Новый Стадион, потом перепрыгнул через парапет и сквозь кусты продрался к одной из опор. За ней находилась дверь в подсобку, где хранился садовый инвентарь. Код замка не менялся, наверное, годами, и стертые кнопки, которые надо было нажать одновременно, подсказывали нехитрую комбинацию из трех цифр. Виктор давно облюбовал эту точку, вот и теперь, закрыв за

собой дверь и подсвечивая навигатором, аккуратно сдвинул лопаты и грабли в сторону, открыл люк и спустился в коллектор ливневой канализации. Ну а отсюда любой ребенок, выросший в Бункере и хоть немного разбирающийся в, казалось бы, случайных рисунках и надписях на стенах, быстро доберется практически до любого уровня, даже закрытого.

Выносные столики в широком проходе у таверны в это время обычно заняты, но в тот вечер лишь за одним расположилась компания и азартно резалась в маджонг. Проходя мимо игроков, Виктор мельком глянул на игру и сразу же ощутил неправильность. У игрока, сидящего к нему спиной, была выигрышная рука, но тот сделал какой-то бессмысленный ход, а потом и вовсе выронил костяшку, которая, отскочив от пола, упала прямо перед Виктором.

Виктор нагнулся, чтобы ее поднять, и поэтому заряд тазера пролетел у него над головой. Кто выстрелил из шокера, он не заметил, но ждать продолжения не стал и рванул с места, расталкивая прохожих и опрокидывая лотки. Только через несколько ярусов сумел оторваться от внезапно вспыхнувших к нему интересом игроков. Подобранная костяшка так и осталась зажатой в кулаке.

Харчи пришлось добывать, взломав торговый автомат. Позже Виктор пытался узнать, кто его сдал, но хозяин таверны и его сын исчезли, а на этом месте появились киоск с разливным пивом.

Две недели они с Олегом не вылезали из своего убежища, только по ночам выбираясь наверх, глотнуть свежего воздуха. У Олега, наверное, все же был припрятан еще один навигатор или маячок. Поэтому он не стал дергаться, когда над заросшим кустами

и травой квадратом двора, зажатого с четырех сторон жутковатыми многоэтажками с провалами окон, завис еле слышно шуршащий лопастями вертолет и сбросил лестницу. «Это за мной, — сказал он и, сунув Виктору в руку какую-то бумажку, добавил: — Позвони через пару дней».

Виктор позвонил, и с тех пор жизнь его опять сменила колею, а вот в какую сторону, сразу и не понял. Каким боком Олег был замешан в прошлогодних событиях, он так и не узнал. Но из разговоров в столовой и намеков в отделе Виктору стало ясно, что за особые заслуги Государь жаловал Олега именным дворянством, а вскоре и карьера его составила, его возвысили до одного из руководителей Департамента. Собственно, и Виктор устроился в Департамент благодаря тому, что Олег замолвил за него словечко.

Полгода тому назад, после звонка по номеру в бумажке, его попросил встретиться и поговорить некто, назвавшийся Сергеем Викторовичем. Собеседником оказался коренастый седовласый мужчина, явно пенсионного возраста.

Они гуляли по парку в Сокольниках. Вопросы были вроде ни о чем, а Сергей Викторович, казалось, не обращал внимания на ответы, а следил за реакцией собеседника. На внезапно раскрытый зонтик в руках девушки на скамейке, на велосипедиста, промчавшегося рядом по выделенной полосе... Прощаясь, он предложил Виктору переселиться, дал адрес однокомнатной квартиры, оплаченной на полгода вперед, вручил ключ-карту. И настоятельно посоветовал завтра же обязательно явиться на медобследование.

Услышав название Департамента, Виктор вздрогнул, криво улыбнулся и сказал, что такие приглашения не игнорируются. На это собеседник ответил, что люди свободны в своем выборе, но если его вдруг начнут терзать сомнения относительно какой-либо непонятной фигни, то пусть не стесняется спросить совета по известному телефону.

После заполнения анкет и не очень приятных анализов врач, задумчиво потирая носяру, спросил, не приемный ли он ребенок, поскольку славянский генотип не соответствует матери-калмычке и отцу-казаху. «А я-то думал, что они китайцы, и я тоже китаец...» — удивился Виктор.

Потом за него взялся плотный дедок, кличку которого — Страшная Борода — он узнал на первом же занятии по силовой подготовке. Короче говоря, Виктора оформили в непостоянный резерв.

Встретили на новом месте прохладно. Коллеги по офису явно ждали его быстрого продвижения по карьерной лестнице, подозревая высокое покровительство. Но время шло, пару раз его задействовали как проводника по Бункеру, однажды поставили на замену прихворнувшего Силовика во время какой-то протокольной акции. Осенью 67-го весь резерв кинули на патрулирование улиц. Левые справляли какой-то юбилейный шабаш, власти опасались провокаций, выводить армию на улицы после прошлогодних событий было нежелательно — страна и так еле успокоилась после громких процессов.

После этого его перевели в постоянный резерв. Не обнаружив за спиной Виктора мохнатой руки, сослуживцы перестали избегать его. Судя по тому, что к нему приклеилась кличка Китаец, кто-

то с длинным языком получил доступ к его личному файлу.

Была какая-то смутная неправильность в его пребывании в Департаменте по надзору. Среди лощенных, как ему казалось, служащих конторы он поначалу сам себе казался бомжом, случайно попавшим на бал Дворянского собрания.

Впрочем, слегка разобравшись в структуре Департамента, он быстро адаптировался. Если служить на совесть, то есть шанс со временем дорасти до Наблюдателя, потому как для должности Уполномоченного слишком молод, да и образование подкачало, а быть Защитником хоть и почетно, но скучно. А скуки и так хватает — как у всякого резервиста большая часть времени уходила на сидение в офисе, изучение регламентов, обязательных тренингов и «подай-принеси», если вдруг что потребовалось начальству. О делах Выездных Комиссий узнавал лишь из открытой части ежемесячных сводок аналитического отдела. Большую часть свободного времени съедали заочные курсы спецподготовки — гуманитарные и технические дисциплины, необходимость которых для сотрудников Виктор пока не улавливал.

По слухам, после переезда Департамента в Ясенево предполагались кадровые пертурбации, а стало быть, не исключались и всяческие продвижения по службе. Кому-то повезет, подумал Виктор, возвращая костяшку-талисман в кармашек. «А вот Ольге вряд ли», — решил он, скосив глаза на соседнюю ячейку. Из-за невысокой перегородки видны стол с термином, заставленный мелкими горшками с непонятными цветочками, подставка с карандашами

и скрепками, стопка бумажных файлов, прижатых миниаквариумом, а к стене булавкой прищиплена плюшевая неведомая зверушка. Канцелярской дребедени тоже хватало. Не хватало лишь самой Ольги. Вот уже два дня, как ячейка пустовала.

В офисе, кроме Виктора, никого не было. Одни заблаговременно собрали свое барахло, и теперь их коробка с именными наклейками громоздилась у входа. Другие работали в ночную смену и заранее подсуетились, когда вывозили оборудование. Поэтому когда над дверью замигал вызов к начальнику отдела, Виктор поправил на поясе аптечную сумку и пошел к Бурмистрову.

Николая Семеновича сотрудники побаивались. Он закрывал глаза на бардак в офисе, не дергал по минутно, не ругал за опоздания и даже беспричинные отсутствия на рабочем месте. Но неукоснительно требовал еженедельных отчетов, которые Ольга прозвала «песней оленевода». В отчетах предписывалось в произвольной форме своими словами рассказать о своих наблюдениях и впечатлениях о чем или о ком угодно, хоть о погоде или прохожих, хоть «о королях и капусте», как однажды непонятно пошутила Ольга. Лишь бы уложиться в двадцать тысяч знаков. Сдавать отчеты надо было вовремя, попытки использовать чужие тексты мгновенно вскрывались и немедленно карались штрафами.

Виктор заподозрил было, что кто-то из коллег пишет о своих сослуживцах, но быстро сообразил, что в департаментской системе перекрестного контроля доносы ни к чему. При необходимости центральный компьютер, почему-то прозванный «Большим Братом», отследит перемещения и контакты любого из

них с точностью до сантиметра и секунды, запишет разговоры даже с навигатора без питания и сообщит их тому, кто имеет должные полномочия. О том, что с навигатора можно взять разговор или картинку и при вынутом аккумуляторе, знали даже дети. Начальник отдела, наверное, не знал, потому перед ним лежал разобранный навигатор.

Бурмистров посмотрел на Виктора начальственно, то есть как бы с трудом вспоминая, зачем его вызвал.

— Это не мой, — сказал Николай Семенович, заметив удивленный взгляд Виктора. — Дочка попросила заменить на новый, а я не пойму, в чем разница, характеристики одни и те же! Ты присаживайся...

— Разница в цвете пластика или в материале браслета. Говорят, есть золотые с бриллиантовой отделкой.

Николай Семенович смахнул навигатор со стола в корзину.

— Ладно, забудь! Ты мне вот что скажи, в последнее время не замечал за Скобелевой ничего странного?

Виктор покачал головой. Если у Ольги возникли проблемы, то любое лишнее слово может быть двояко истолковано. Первый принцип службы, «не болтай!» Виктор усвоил на второй день работы. Дежурный по офису предложил ему пройти какой-то «тест Ришелье» и написать шесть строчек о чем угодно, а потом объяснил, по каким статьям и на сколько лет за слова из детской песенки можно отправить коллегу на вольное поселение в солнечные края.

— Ее ищут в отделе кадров, но никак не могут связаться, — пояснил Николай Семенович. — Пси-

хологи, которые читают ваши отчеты, — тут он подмигнул, — рекомендуют перевести ее к аналитикам. В штат! Большие, большие перспективы... — назидательно поднял палец, — а наша девица-красавица куда-то исчезла.

Виктор почесал запястье. Во время медосмотра ему вживили под кожу маячок, добродушно пообещав быстро и безболезненно изъять его после выхода на пенсию, несвоевременной кончины, досрочного увольнения или в любой момент, если ему дадут пинка из Департамента.

Начальник строго нахмурился, потом пробормотал что-то неразборчиво, вроде «ну да, особа, приближенная к верхам», вздохнул и ткнул пальцем в большой настенный терминал. Пошевелил ладонью, масштаб карты города изменился, и Виктор узнал похожий на большую восьмиконечную звезду аквапарк в Троицком районе. Рядом, через улицу, стояли высокие, судя по тени, дома. Терминал моргнул, карта перешла в режим схемы, и на контуре одного из домов замигала синяя точка, рядом с которой был выведен номер.

— Вторые сутки ее маячок фиксируется здесь, навигатор там же, но отключен. — Бурмистров нахмурился. — Можно, конечно, активизировать его, но зачем я буду вмешиваться в личную жизнь своих сотрудников, а?

— Незачем, — согласился Виктор.

— Вот именно! Но если, предположим, сотрудник почему-то задерживается в квартире человека, недавно проходящего по одному делу, то как мне быть? Человек этот в криминале не замечен, его пригласили для опознания трупа. Вопрос: по какой при-

чине она там оказалась, добровольно или вынужденно, и, главное, в каком находится состоянии, если до сих пор не изволила отметиться на службе?! Вот ты, как коллега, что скажешь?

Виктор пожал плечами:

— Мало ли... Ольга — девушка вроде свободная, в интимных встречах с коллегами не замечена, так, может, просто у нее там плотная встреча с другом.

— Теперь это так называется? Кстати, Ольга живет со старой матерью и больной сестрой. Дома не была два дня. Разумеется, ее дело, где, когда и с кем встречаться. Но сам как думаешь — это нормально?

Это ненормально, решил Виктор. Чужая жизнь — лес густой, но Ольга не похожа на самку, которая ради перепиха забьет на все.

— В общем, надо просто глянуть, что и как, — Николай Семенович взял из лотка визитницу, перелистал ее страницы и вытащил синюю, с красной молнией, карту. — Вот тебе вездеход от Департамента по водоснабжению. Открывает любые двери. На предъявителя. Никаких активных действий! Если жива и здорова, извинись, улыбнись и возвращайся. Если дверь не откроют, сразу сообщи и уходи, оперативников я вышлю сам. Никакой самостоятельности! Никакого оружия... Впрочем, вам и не положено. Жду твоего звонка. Вопросы есть?

— Вопросы есть, — ответил Виктор. — По какому делу проходил хозяин квартиры, кто он, сколько ему лет, кто еще там проживает и, последнее — могли кто-то, кроме вас, поручить Ольге самостоятельное расследование?

Несколько секунд Бурмистров хмуро разглядывал Виктора.

— Грамотно, — наконец сказал он. — Быстро ориентируешься. Хозяин, Василий Зельдин, живет один, ему 62 года, бывший архитектор, ныне свободный художник. Погиб его знакомый, тоже пенсионер, несчастный случай на стройке. Скобелева — способный работник, но для самостоятельных дел, как вы все, впрочем, еще не готова. Если кто-то через мою голову отдал ей приказ и она мне об этом не доложила, это будет стоить ей головы. Если начнешь ее прикрывать, как коллегу — тебе тоже. Еще вопросы? Свободен.

Двадцатизэтажная башня, в которой жил архитектор, снаружи выглядела невзрачно. В отличие от высоток со шпилями, усеявшими город в двадцатые годы, это здание, похожее на огромный цилиндр из темного стекла, не имело украшений. Лишь темные полосы с узкими прорезями с четырех сторон словно рассекали его сверху вниз.

Пока Виктор ждал, когда ему подберут в отделе техобеспечения комбинезон и сумку инспектора воднадзора, он изучил план здания. Жили здесь явно не простые горожане, потому что, кроме охранника у входа в лифтовой холл, на каждом этаже сидело по консьержу. Темные полосы по фасаду оказались декоративными щитами, прикрывающими ниши с наружными блоками сплит-систем. Не то что в старых районах, где еще сохранилось много домов, фасады которых обляпаны коробками кондиционеров, а застекленные балконы и лоджии составляют грязноватую мозаику.

Вход, отделанный мрамором, впечатлял — сенсорные двери, большой шлюз с охранником за пультом, турникет, напоминающий небольшой шлагбаум, ну

и неизбежная рамка металлоискателя, пронзительно заверещавшая, когда Виктор прошел сквозь нее. Показав словно из воздуха возникшему второму охраннику содержимое сумки — разводной ключ, крюк для подъема крышки люка и прочее железо, он без вопросов был допущен к лифтовому холлу, в который мог бы поместиться немалых размеров дачный коттедж.

На девятом этаже он предъявил карточку сидящему у лифта консьержу и пошел по круглому коридору. У двери с номером 916 остановился, заглянул в навигатор, словно сверяясь с записью о вызове, и, надвинув корпоративную кепку на глаза, тронул сенсор звонка. Подождал минуту, другую, снова позвонил. Никого. Теперь следовало сообщить об этом Николаю Семеновичу и, не дожидаясь оперативников, возвращаться в Департамент. Но на миг Виктор представил, что в квартире Ольга, истекая кровью, лежит на полу, над ней нависает маньяк с огромным кухонным ножом, еще немного, и...

С другой стороны, здравый смысл подсказывал, что ситуация просто воняет подставой! Если Николай Семенович беспокоится за Ольгу, то он давно прислал бы сюда людей или, по крайней мере, приказал войти и проверить, все ли нормально. Но если он войдет, а там трупы, и тут же врывается полиция с понятыми? Подозрительно, что ни охрана, ни консьерж не заинтересовались, куда он идет, не проконтролировали вызов по местной линии.

Дед Страшная Борода, гоняя резервистов сквозь тренировочные площадки, часто приговаривал «параноики живут трудно, но долго». Виктор, остро сожалея, что он не параноик, попытался открыть дверь кар-

точкой. Магнитный замок щелкнул, но не поддавался. Наверное, закрыто на засов изнутри, успел он подумать перед тем, как дверь резко распахнулась и ему в лоб уперлось что-то холодное и металлическое.

— Не надо в меня стрелять, — только и сказал он, когда Ольга, схватив его за лямку комбинезона, втянула в прихожую.

Неплохо живут архитекторы на пенсии, думал Виктор. Шесть комнат с изогнутыми по дуге большими во всю стену окнами, выходящими на зону отдыха и аквапарк. Обстановочка весьма непростая, и судя по вещичкам за стеклами стеллажей, как сказал бы антиквар Ляо, «здесь любят вкусно и дорого пожить». Крепкий лысый старик, наверное, хозяин квартиры, копался в ящиках встроенного шкафа, выбрасывая оттуда книги, большие картонные папки, мелкие коробочки...

Ольга спрятала в сумочку травматик и спросила:

— Чай или кофе?

— Будет тебе и чай, и кофе, — пообещал Виктор. — Начальство на ушах ходит, пропал перспективный сотрудник, пора объявлять розыск...

— Да ладно тебе! — перебила Ольга. — Вчера я отпросилась у него по навигатору, сказала, что приболела. Полчаса назад он звонил, спрашивал, где я нахожусь и не нужна ли помощь. Я сказала, что дома и завтра выйду на работу.

Виктор задумался. Ситуация становилось абсурдной. Дядя Вася, как назвала Ольга архитектора, был, по ее словам, дальним родственником, но не настолько дальним, чтобы нельзя было о нем узнать в отделе кадров — сведения о родственниках собирались

тщательно и глубоко. Ольга показала свой навигатор — действительно, в сети. Если бы он сообразил позвонить ей по дороге, может, не пришлось бы напяливать на себя эту дурацкую одежду и изображать водопроводчика? Но откуда Николай Семенович мог знать, что он не позвонит?

Набрал номер Ольги. Длинные гудки, ее навигатор не реагирует. Набрал номер наугад — ответил хриплый голос на незнакомом языке.

— Во что ты впуталась? — спросил он.

— Пока не знаю, — спокойно ответила Ольга, но Виктор заметил, как подрагивают ее длинные тонкие пальцы. — Дядя Вася попросил помочь найти одну вещь. Если не найдет, будут неприятности. А я не хочу, чтобы у него были неприятности, потому что он помогает маме и сестре.

— Да вот же она! — С этими словами дядя Вася вытряхнул из шкатулки прозрачный цилиндрик, который Виктор принял за брелок с вплавленным внутрь насекомым. Приглядевшись, он заметил контактную полоску. Брелок оказался флешкой.

— Что в ней? — одновременно спросили Ольга и Виктор.

— Коды доступа к архивам в одном из сетевых хранилищ. Какие-то документы из бухгалтерии, проекты зданий, переписка... Никита Демченко, светлая ему память, месяца два назад попросил ее припрятать, а если с ним что случится, передать в любой надзорный орган. Ольга как раз по этой части, но я долго не мог найти, был уверен, что где-то на даче, все там перерыл!

— Подозреваете убийство? — насторожился Виктор.

Скучная полоса жизни прямо на глазах раскручивалась в перспективное дело. Если следователи дали промашку, то оно может перейдет к Выездной Комиссии, а там и для резервиста появится шанс войти в тройку, хотя бы Защитником.

— Подозревать — не моя специальность. Говорят, что несчастный случай. Возможно. Но что делал Никита на стройке и почему вылетели фиксаторы сразу у двух опор принтера?

— Кому выгодна его смерть?

— Трудно сказать... Если здесь то, о чем я догадываюсь, — он повертел в пальцах флешку, — то список желающих его исчезновения окажется длинным. Вы просто не в курсе, на каком уровне идет война между двумя проектами нового генплана Москвы.

— Ну, почему же, — ответил Виктор, — я был на выставке в Манеже, видел макеты.

— Хвалю! — сказал дядя Вася. — И какой макет вам нравится? Тот, что с гигантскими башнями-супервысотками в окружении зеленых зон, каждая из которых вместит жителей целого микрорайона на месте снесенных двенадцати и шестнадцатизэтажных панелек? Или предпочитаете законсервировать Большую Старую Москву, облагородить панельные дома новой яркой облицовкой, капитально отремонтировать коммуникации, загнать инфраструктуру под землю и расширить рекреационные зоны? На чьей вы стороне: «революционеров» или «эволюционеров»?

— Да мне как-то все равно, — признался Виктор. — Собственного жилья нет и долго еще не предвидится. Но всегда есть куда приткнуться в случае чего. Лишь бы под землей не слишком ковырялись и Бункер не трогали.

— Мне нравится ваш здравый смысл. Но здесь на кону очень большие деньги, причем не только отечественные. Так что доберутся и до ваших детей подземелья. Очередной экономический кризис, видите ли, поэтому весьма серьезные игроки мирового финансового рынка заинтересованы в инвестициях. Разумеется, под жестким контролем государства, тут не забалуешь.

— Тогда в чем криминал-то, если под контролем?

Архитектор подошел к окну и жестом подозвал Виктора к себе.

— Посмотрите на этот аквапарк. За него сражались две строительные компании, хотя проекты ненамного отличались друг от друга. А потом, когда сдали объект, случился скандал, оказалось, что у этих компаний один хозяин и ему все равно, кто будет строить. Деньги в любом варианте шли в его карман. В итоге посадили всех.

— Ага-а... — протянул Виктор. — Так вы считаете, что и сейчас такая же афера?

— Я — нет! — перебил дядя Вася. — А вот Никита заподозрил нечистую игру. Он вообще был человек... э-э... увлекающийся. Но теперь это не важно. Я исполню его волю, и пусть этим занимаются специалисты, например, вашего Департамента.

Виктор набрал номер Бурмистрова, включил громкую связь и отпрапоровал:

— Все в порядке, Николай Семенович, мы с Ольгой едем в офис.

— Оставляйтесь на месте. К вам подъедет Грицаев на своей машине, ему по пути, подвезет, — ответил после короткой паузы Бурмистров и отключился.

— Кто такой Грицаев? — Виктор посмотрел на Ольгу, та пожала плечами, нахмурилась и, ахнув, прижала ладонь ко рту.

— Так это же Володя, работал до тебя, а за месяц до твоего прихода разбился насмерть. Байк слетел с развязки на пути, а там грузовой состав... В закрытом гробу хоронили.

— Значит, это сигнал опасности? — спросил Зельдин. — Надо уходить.

— Господин Зельдин, вы можете скинуть содержимое флешки в наш сервер?

— Нет, разумеется, — отозвался дядя Вася, вытирая цветастым платком пот со лба. — Мой терминал явно под контролем. Навигатор я оставил на даче, поэтому меня в городе как бы нет. Насчет ваших навигаторов у меня тоже большие сомнения, к тому же ваше начальство явно под контролем. И, кстати, мы немного опоздали.

Виктор подошел к окну. К автостоянке напротив аквапарка завернул микроавтобус с проблесковым маячком, из него прямо на ходу выскочило несколько человек. Они быстро, почти бегом, двинулись в сторону подземного перехода, движение по широкой улице было очень плотное.

— Пока спустимся на лифте, они будут у входа. Через подземную парковку тоже не вариант. Пандус рядом со входом, лифты они сразу перекроют, да и машина у меня на даче, — сказал Зельдин. — Вообще-то уйти мы сможем, вопрос в том, чтобы они нас не отследили.

— Дядя Вася, вы же проектировали это здание, — сказала Ольга. — Может, есть запасные выходы? Какие-нибудь вентиляционные шахты?

— Это в боевиках по вентиляции ползут, у нас кондиционеры в каждой...

Тут он замолчал, стукнул пальцем в висок и, сказав «за мной» и накинув на плечи куртку, двинулся в сторону огромной кухни, отделенной от гостиной длинной каменной столешницей, над которой нависали рюмки и бокалы.

— В мусоропровод не лезу! — напряглась Ольга.

— Нужда припрет, полезешь, — хмыкнул дядя Вася и, обойдя декоративную колонну, облицованную изразцами «под старину», открыл дверь в маленькую комнатку размером с большой шкаф, в которой находились провода и трубы внутренних коммуникаций, шаровые краны и мигающие светодиодами счетчики.

— Ну-ка, помогите!

Виктор втиснулся вслед за ним в каморку и придерживал панель, которую Зельдин уже почти снял с креплений. За панелью обнаружилась ниша, в которой мог поместиться взрослый человек. Куда-то вбок уходили трубы в толстой изоляционной шубе.

— А теперь поворачиваем вверх и осторожно тянем на себя, — с этими словами Зельдин взялся за ручку, развернулся так, чтобы Виктор смог боком протиснуться к нему и рукой ухватить вторую ручку.

Часть стены, чвакнув, ушла вниз. Ольга, сунувшаяся за ними в каморку, вздрогнула от уличного шума и гула ветра, а Виктор понимающе хмыкнул. Когда он в детстве шастал по заброшенным переходам, пару раз на некоторых лестничных клетках за люками оказывались не ждущие очередной волны заселения пустые помещения, еле освещаемые ава-

рийной подсветкой, а темные бездонные провалы с сильной воздушной тягой. Отодвинув в сторону дядю Васю, он по пояс вдвинулся в проем и, высунав голову наружу, огляделся.

На расстоянии вытянутой руки перед ним светлели квадраты прорезей. Практически лестница: держаться удобно, ноги ставить тоже. Виктор посмотрел вниз — поле зрения перекрывал большой короб выносного блока кондиционера. Глянув, с трудом развернувшись в проеме, вверх — около трех метров до блока на десятом этаже, значит, и вниз на таком расстоянии. Почти метр свободного места с левой стороны. Можно рискнуть.

Виктор подался назад в каморку и спросил Зельдина:

— Из чего сделан щит с дырками? Выдержит трех человек?

Зельдин потер подбородок, что-то вспоминая.

— Армированный пластик, крепкий, двенадцать сантиметров толщиной, один сектор на этаж, шесть креплений на полдюймовых болтах. Выдержит легко. Но в этом нет нужды. Бросайте вниз свои навигаторы, оставьте все как есть и быстро за мной.

Вернувшись на кухню, хозяин квартиры подошел к декоративной колонне и приложил большой палец к еле заметному пятну на синем изразце с рисунком самовара. Тихий щелчок, и нижняя часть колонны ушла вбок, открыв винтовую лестницу. Не успел Виктор, пропустивший вперед Зельдина и Ольгу, подняться на пару ступеней, как мелодично затренькал домофон. Но тут проем бесшумно закрылся, и в тишине были слышны только кряхтение дяди Васи и слабое цоканье Ольгиных каблучков.

Фонарик в руке Зельдина высветил помещение с таким низким потолком, что Виктор инстинктивно пригнул голову. Края помещения терялись во мраке. Огромные балки стальной паутиной сходились, по всей видимости, к оси здания, их поддерживали упирающиеся в бетонные основания конструкции, похожие на косые кресты.

— Междуэтажное усиление каркаса для гашения колебаний, — негромко пояснил Зельдин. — Изначально проектом здания не предусматривалось, поэтому коммунальные платежи немного завышены. Впрочем, жильцы даже не заметили, для них это даже не гроши. Во время отделки квартиры я немного простимулировал знакомого специалиста, и тот слегка поправил программу монтажного принтера.

— А смысл? — удивилась Ольга.

— Идея была не моя. Никита запугал своими теориями заговора, да и времена были непростые. Мало ли для чего пригодится такая нора! Вот нам и пригодилась.

Виктор хотел было спросить, сколько времени здесь отсиживаться, есть ли запасы еды и воды, как насчет отхожего места, но передумал. Зельдин сказал, чтобы не отставали, и Виктор двинулся за ним в самую гущу крестообразных опор. Сейчас он бы не удивился, если бы дядя Вася легким движением руки вдруг открыл дверь в какой-либо секретный лифт, которого, как и всего этого тайного этажа, нет на плане здания.

Секретного лифта не было. Им пришлось спускаться по скобам узкого бетонного колодца. За одной из стен явно находилась шахта совершенно несекретных лифтов — звуки оттуда доносились ха-

рактерные, и легкая вибрация проходящих мимо кабин отдавалась в судорожно сжимающих ржавые скобы пальцев.

Спустились быстро, хотя Виктор опасался, что Ольга может сорваться, и прикидывал, как бы полвчее ее поймать, если она прилетит ему на голову. Обошлось. На дне колодца оказался коммуникационный тоннель. В полумраке, еле подсвеченном редкими точечными светильниками, они, пригнувшись, долго шли под трубами и проводами на кронштейнах. Потом до Виктора донесся знакомый с детства запах, и они наконец смогли выпрямиться, оказавшись в канализационном коллекторе.

Новомосковские подземные трассы явно пересекались с точками, откуда можно было попасть в Бункер, но Виктор ни разу о таких не слышал и ни на одной карте, в том числе и тех, что рисовали в единственном экземпляре, не видел.

— Надо решить, в какую сторону двигаться, — сказал архитектор.

— Все ходы ведут в Бункер, — пробормотал Виктор.

Идею укрыться в Бункере Ольга не оценила, но Зельдин отозвался в том духе, что это неплохой вариант, поскольку вместе или поодиночке там, мол, легко затеряться.

Виктор лишь хмыкнул. Вот потеряться — это да, были случаи, когда в заброшенных ярусах люди пропадали с концами. Причем не туристы, а свои, бывалые. Расслабились и не заметили глубокую трещину, или свернули по пьяни не туда, а тут внепланово заработала дренажная система. А вот затеряться, спрятаться же человеку постороннему нелегко, практиче-

ски невозможно, тут ходы надо знать. Он понимал, что без него Ольгу и Зельдина сразу поймают. Если в розыск объявили, патрули из местных уже бдят. За содействие властям можно получить бонусы — партию гуманитарной помощи, которая тут же окажется на прилавках, а то вдруг подкинут строительной или землеройной техники, пусть старой и списанной, не важно, местные умельцы доведут до ума.

Пару часов они шли, судя по меткам на стенах, в сторону Ясенево. Виктор останавливался у каждого колодца, прислушивался, иногда поднимаясь на несколько скоб вверх, и наконец решился. Тяжелую заглушку люка сдвинули вместе с Зельдиным. Для пенсионера он держался бодро и даже не запыхался после быстрой ходьбы по вонючему тоннелю.

Им повезло, выбрались недалеко от одноэтажных строений. Оттуда доносился гул станков, визг болгарки и шипение сварочного аппарата. В будке у шлагбаума, перекрывающего въезд, никого. Пустая улица, прохожих не видать, а одиноко притулившийся к бордюру грузовичок из переделанной старой легковушки вяло шелестел на ветру незакрепленными краями брезентового верха. Картина глухого захолустья. Хотя стоит свернуть за угол, и за деревьями откроются высотки и транспортные развязки, рассекающие пространства Новой Москвы по вертикали и горизонтали.

Виктор аккуратно задвинул на место заглушку, поправил скособочившиеся лямки комбинезона и, проходя мимо грузовичка, как бы случайно мазнул рукой по двери. Ручка щелкнула, дверь открылась. Один взгляд в кабину, ага, ручное управление, но вместо бардачка встроена система поддержки.

Когда Ольга и Зельдин подошли к нему, он негромко объяснил, что надо делать. Несколько минут постояли, будто ожидая кого. Охранник так и не появился, грохот и лязг из мастерской не утихали. Неторопливо Виктор уселся на водительское место и приложил карту-вездеход к желтому кружочку. Секунд пять или шесть система поддержки моргала светодиодом, потом разблокировала зажигание. Ольга села рядом, а Зельдин полез в кузов.

Через двадцать минут они были в Ясенево. Грузовичок оставили на первой же попавшейся парковке и сквозь аллею перешли к старым шестнадцатизэтажным домам. Виктор помнил, в каком именно складском помещении могла сохраниться точка входа-выхода. Контрабандисты перестали ею пользоваться с тех пор, как муниципальные власти закрыли глаза на торговлю санкционными товарами, так что могли и заварить люк. Но попытаться стоило.

На остановке общественных линий присели отдохнуть, заодно просмотрели ленту новостей, ползущую по информационной панели. В розыск пока не объявляли, иначе сейчас их лица каждые несколько секунд появлялись бы на ленте. Ольга предположила, что их могут ждать в засаде в пустой квартире Зельдина. Ну, да, ответил Виктор, и время от времени посматривают, не взбираемся ли мы по кондиционерам на девятый этаж. Тут он почувствовал какую-то неправильность и понял, в чем дело — сумка с инструментами осталась в квартире дяди Васи.

Зельдин предложил в ближайшем терминале выгрузить флешку в сеть, а потом с чистой совестью залечь на дно.

— В Бункере постарайтесь не употреблять слово «дно», — сказал Виктор. — Может прилететь в лоб.

Зельдин удивленно поднял брови, но промолчал. Потом спросил:

— А вот с этой вашей карточкой нам ничего не прилетит?

— Система вашего дома могла сохранить ее индексы в памяти. Возможно, машину обнаружили и нас уже ведут. Поэтому сначала Бункер, потом все остальное.

Ближайший супермаркет оказался закрытым на ремонт, да Виктор на него и не рассчитывал — меток на стене не было. А вот у торгового центра метку он обнаружил сразу — гвоздь с еле заметной медной головкой намертво вбитый в стык между плитами облицовки.

— Повезло, — сказал Виктор. — Заодно посмотрите в компьютерном отделе. Там должен быть терминал и бесплатный доступ.

— У меня есть немного наличных, — Зельдин хлопал по карману куртки.

— У меня тоже, но нам еще надо запастись едой хотя бы на пару дней, пока не разберемся, что к чему.

На входе охранник покосился на комбинезон Виктора, на Ольгу и Зельдина не обратил внимания. Пройдя сквозь рамы детектора, они разошлись, чтобы вскоре встретиться в супермаркете на нулевом этаже.

— Все сделали, информация там, где надо, — сказала Ольга. — Пару фонариков прихватили на всякий случай.

Виктор кивнул на пакеты и пятилитровую бутылку с водой.

— Разбираем, и за мной!

Спустились на грузовом лифте в подвал и быстро проскочили сквозь сектор упаковки, сопровождаемые удивленными взглядами работников, миновали разделочную, в которой мясник в фартуке, заляпанном красным, лихо рубил огромным топором мясную тушу, и, свернув за колонну с распределительными щитами, вышли к неприметной дверце с табличкой «Химия».

В помещении на стеллажах — шеренги аэрозольных черно-желтых баллончиков, вдоль стены — синие пластиковые бочки. Одна из бочек была открыта и воняла разъедающим глаза хлорным запахом выгребной ямы. Люк, разумеется, как назло, оказался под ней, и пока Ольга, отойдя к стеллажам, чихала и кашляла в платок, Виктор и дядя Вася, стараясь не дышать, с трудом сдвинули бочку в сторону.

К жилым уровням добрались часа через два. В этих местах Виктору были знакомы каждый закуток и каждая дыра. Надвинув кепку глубоко на глаза, он быстро вел своих попутчиков мимо рядов скворащих, шипящих, булькающих прилавков, источающих раздражающие желудок ароматы еды на любой вкус. Пару раз свернул в проходы между длинными и широкими коридорами — «проспектами» Бункера, и наконец через извилистый, плохо освещенный проход спустился на нижний уровень, а оттуда к ярусу, куда туристов не водили. Виктор пару раз укрывался тут на день-другой после крупных разборок в таверне, когда недовольные клиенты вызывали полицию.

Давным-давно здесь была карстовая пещера. Потом, забетонировав стены и потолок, ярус долгое время использовали как хранилище. Сейчас в опу-

★ стевших контейнерах для грузовых перевозок, громоздящихся в шесть, а кое-где и в семь этажей, ютилась самая беднота, которой не хватало средств даже для дешевой капсулы на приличных уровнях.

К контейнерам поднимались строительные леса времен допринтерной сборки домов. Краска с труб давно слетела, крепления опасно проржавели, а мостки подозрительно трещали под ногами. Между рядами натянуты веревки с сохнувшим пестрым бельем. Через неровные прорези, похожие на зарешеченные окна, визгливо переругиваются на смеси чуть ли не десяти языков. Медленно вращающиеся большие лопасти в вентиляционной дыре над потолком с трудом втягивают дымы жестяных труб, торчащих из контейнеров на самом верху, и самодельных жаровен на бетонном полу яруса...

После короткого торга Виктор заплатил смотрящему за ключ с биркой. Выслушав наставление куда выбрасывать отходы и где справлять нужду, они поднялись на третий ряд. Их контейнер был крайним и стоял впритык к стене. У соседского контейнера, свесив ноги с мостков, сидел щуплый подросток с самокруткой, от которой поднимался сладковатый дымок. На новых соседей он не отреагировал и даже не подвинулся, когда они протиснулись мимо него к своей двери.

От прежних жильцов им достался толстый, почти на половину пола, матрас из рассыпающего от старости поролона, накрытого подозрительного вида кошмой. Матрас лежал на большом листе из стеклопластика, углы которого опирались на кирпичи. Третий контейнера прикрывала занавеска из выцветшей ткани, за ней имелось скособоченное кресло-кро-

вать, явно с помоек верхних уровней, а вместо стола — большой картонный ящик. Люминофорная полоса на потолке еле освещала убежище.

Ольга заняла кресло, а Виктор и Зельдин сели на тут же просевший до пола матрас.

— Сойдет, — сказал Зельдин. — Можно перевести дыхание. Итак, сколько времени мы проведем в этих... э-э... фавелах и, главное, что будем делать дальше?

— Вы меня спрашиваете? — удивился Виктор.

— Ах да, — на миг смутился Зельдин, — я как-то не подумал... Поскольку информация дошла до назначения, то, естественно, конкурс отменят и всем будет не до нас. Мы даже не свидетели. Но если ее перехватили, а я не знаю, какими сетевыми возможностями располагают строительные корпорации, то через три дня после конкурса контракт будет подписан на высочайшем уровне, и любые наши разоблачения объявят происками конкурентов. Не удивлюсь, если в архитектурном бюро якобы проигравшей стороны найдется злоумышленник, который признается в фальсификации документов. Так что три-четыре дня лучше пересидеть здесь. И, кстати, неплохо было перекусить, а то, знаете ли, с этой беготни аппетит разыгрался.

— Я так понимаю, душа здесь нет, — сказала Ольга. — Но руки-то вымыть надо!

— Санитарный блок на каждом четном этаже, но одна не ходи.

Зельдин с Ольгой ушли приводить себя в порядок. Виктор достал из пакета батон, одноразовые тарелки с ножами и вилками, нарезки с ветчиной и сыром, бутылки с водой, распечатал и упаковку бумажных сал-

феток. Потом он сам спустился вниз, заодно узнав у смотрящего, где ближайшая скупка. Когда вернулся, Ольга уже разложила нехитрую снедь, а дядя Вася открывал бутылочки с питьевой водой.

Перекусили. Помогли Ольге раскрыть кресло-кровать, чуть не отдавив ей ногу. Одна из опор подозрительно перекосилась, но выдержала ее вес.

Виктор уселся на матрас, скрестив ноги, Зельдин пристроился рядом.

— Как же мне сестре и мамке позвонить, чтобы не беспокоились! — вдруг вскинулась Ольга и села, обхватив колени.

— Ночью попробую раздобыть что-нибудь подходящее, — сказал Виктор. — Все равно идти за водой, да и еды на пару дней еще надо.

Над головами что-то загремело, громкая многоязыкая ругань пробилась сквозь железные стены, оклеенные толстой мягкой пленкой.

«Нелепая ситуация, — подумал Виктор. — Было бы правильнее сразу двигаться к Департаменту. Там пересидеть легче. Начнет полиция прессовать, свои в обиду не дадут. Да и какие у полиции к нам претензии? И с какого боку во всем этом оказался замешан Бурмистров?..»

Зельдин вдруг щелкнул пальцами.

— Никита, мир его праху, сейчас бы посмеялся надо мной, — сказал он. — В студенческие годы мы часто спорили о путях развития архитектуры. Он считал, что прямоугольник, и вообще прямые углы в строительстве, это архаика, тупик, возвращение на подсознательном уровне к пещерам и норам. И вот сейчас мы с вами забились одновременно и в пещеру, и в нору. Прямоугольную.

— Думаете, его все же убили? — невпопад спросила Ольга.

Прямого ответа она не получила. Зельдин уклончиво ответил, что Никита Демченко всегда был, как говорится, человеком с более чем богатым воображением. И при этом немного скандальным. На втором курсе его доклад о Гауди чуть не кончился дракой. Когда он хитрым вывертом связал нелюбовь великого испанского архитектора к прямым линиям с китайской демонологией, какой-то темпераментный студент из Барселоны, который учился у нас по квоте для европейцев, кинулся на него с кулаками.

— Вы, архитекторы, горячие парни, — хихикнула Ольга.

Зельдин, улыбаясь, поведал ей, что архитекторы действительно люди хоть и творческие, но нервные, потому что великие замыслы сталкиваются со вкусами тех, кто оплачивает их воплощение. Вот он такой весь демиург, из ничего за шесть дней, а то и быстрее, создает прекрасное нечто, достойное остаться в веках, а тут жалкий денежный мешок, ковыряясь в носу, нагло требует, чтобы вот здесь убрать, здесь добавить, а тут вообще все поменять! И даже если не ковыряется в носу, а попыхивает дорогой сигарой и не требует, а вежливо просит учесть его пожелания — веселого мало. Поэтому одни демиурги быстро становятся циниками и живут по принципу «любой курятник за ваши деньги», другие же, самые талантливые, дергаются, хотят что-то доказать, хитрят, интригуют, но в итоге все заканчивается депрессией.

— Не надо про депрессию, — тихо попросила Ольга, сморщив нос.

— Извини, я и забыл...

Ольга посмотрела на Виктора и после долгого молчания сказала:

— У меня сестра болеет. Тяжелая форма депрессии. После смерти отца мать начала болеть, сестра ухаживала за ней, пока я училась, сильно переживала. Сейчас сидит на антидепрессантах. Боюсь даже подумать, что она может вовремя не принять таблетки.

— Разве это болезнь? — спросил Виктор. — Я думал, это вроде плохого настроения и лекарства только вредят. Когда я ходил на сейнере, у нашего старпома тоже случалась депрессия, если рыба не шла. Так он черного перца в водку набухает, стакан в себя ввинтит, и снова бодрый такой, веселый.

Ольга только махнула рукой, а Зельдин пояснил, что тяжелую депрессию водкой не вылечить, разве что запоем, но и это чревато, поскольку человеку в таком состоянии все не в радость, ну вот буквально ничто не может доставить ему удовольствие.

— Ангедония, — сказал Ольга. — Лечащий врач так это назвал.

Виктор сочувственно покачал головой. Раз есть название, значит, есть и болезнь. Бывало у него плохое настроение, но и поводы для этого были. А вот так, чтобы без причин все не в радость — это не жизнь.

— Дядя Вася советует поменять жилье, но мать ни в какую. Отсюда, говорит, вынесут, тогда и делайте что хотите.

«При чем тут жилье», — хотел спросит Виктор, но не успел.

Судя по всему, Зельдин уже говорил на эту тему, и сейчас, благо все равно делать было нечего, прочел своеобразную лекцию о влиянии ландшафта и архи-

тектуры на здоровье. Виктор даже кое что запомнил из его рассуждений об эмпирике геомантов, о тонком взаимодействии ландшафта на психотипы этносов, о том, как научно было доказано, что вид из больничного окна на цветущие растения приводит к росту числа выздоравливающих, а, допустим, на глухую стену — наоборот. Рассказал Зельдин и о статистике, которую собирал покойный Демченко, пытаясь найти взаимосвязь между архитектурными комплексами в больших городах с психическими заболеваниями и самоубийствами.

— Неужели нашел? — удивился Виктор.

Ему не верилось, что какая-то не под тем углом поставленная стена, кривая загогулина на фасаде или клякса на заборе могут заставить человека наложить на себя руки. Зельдин пояснил, что когда речь идет о больших количествах людей, то отклонения могут быть как в сторону уменьшения от усредненного параметра, так и увеличения. Все факторы, влияющие на эти отклонения, в том числе и невербальные команды, практически невозможно учесть.

Раз невозможно, то чего же людей пугать, чуть не спросил Виктор, глядя на загрустившую Ольгу, но промолчал. Зельдин тоже спохватился и пояснил, что все это, скорее всего, плоды воображения покойного Никиты, который из любой мелочи мог составить теорию заговора. Вот, к примеру, когда началось массовое использование строительных принтеров, Демченко, вообще-то горячий сторонник научно-технического прогресса, вдруг выступил против. Во время своих выступлений он пугал тем, что хакеры могут легко взломать систему заправки картриджами для принтеров и, внося закладки в программы управле-

ния, изменяют компоненты, например, цементирующих реактивов. А испарения, идущие от стен, медленно начнут воздействовать на психику, а то и на рождаемость.

Самое интересно, добавил Зельдин, что подобных страшилок в сети было очень много. Но несколько лет тому назад после очередного выступления Никиты началось расследование и обнаружилось, что некий домостроительный комбинат не только использовал просроченные картриджи, но и добывал песок для бетона из закрытого карьера, находящегося рядом с могильником химических отходов. Головы тогда летели, как кегли, и сроки шли с конфискацией, как недобро шутили, «до седьмого колена».

Под негромкий говор Ольга стала клевать носом, потом громко зевнула, извинилась и, сказав, что немного поспит, вытянулась в кресле.

Виктор попросил закрыть дверь на защелку и открыть только на условный стук, а он пока сходит за припасами. Если, мало ли что, задержится, никуда не ходить, ждать. Через два дня пробиваться к Департаменту.

На ярусе между тем кипела жизнь. Кто-то из жильцов верхних контейнеров тянул монотонную песню, в которой можно было услышать завывание ветра в пустыне. Внизу детвора привязала веревки с доской к поперечной перекладине, устроив качели. Трубы, из которых были составлены леса, поскрипывали, с них сыпалась ржавая пыль, но никто на это не обращал внимания. У лестницы на колченогом стуле сидел смотрящий с короткой трубкой в зубах и бдительно поглядывал по сторонам, а рядом с ним прямо на грязном потрескавшемся бетоне валялся

пьяный в хлам негр, судя по цвету и запаху лужи — в собственной моче. На ярусе кипела жизнь и никто вроде бы не страдал ни от какой депрессии.

С едой быстро разобрался. В ближайшей лавке было все необходимое и даже пиво, которое варили только для своих. Недалеко от лавки нашел точку скупки — прикрытая старым выцветшим ковриком ниша, в которой молодой таджик в кепке и с золотым зубом увлеченно возил пальцем по обмотанному по краям клейкой лентой планшету. Узнав, что требуется, высыпал перед Виктором десяток навигаторов и, вытащив из кучи старый, с треснувшим дисплеем, сказал, что гарантированно сработает только на один звонок, потом автоматом заблокируется. Взял за него как за новый.

С полными пакетами и практически без денег Виктор вернулся в контейнерный ярус. Пьяный негр куда-то уполз, оставив за собой мокрый след. Смотрящий внимательно посмотрел на Виктора, словно пытаясь что-то сказать, но глубоко затянулся и, наверное, забыв, что именно, закрыл глаза.

А вот дверь в контейнер оказалась незапертой, и когда Виктор постучал, она, скрипнув, чуть подавалась на него.

Внутри было тихо. Ругнувшись, осторожно потянул ребристое железо на себя, кинул взгляд и быстро отдернул голову. Потом нырнул внутрь и прижался к стене. Ольга спит, Зельдина нет. С лязгом захлопнул дверь.

— А!.. Что!.. — Ольга подняла голову и жалобно сказала: — Господи, как голова болит!

— Где дядя Вася? — спросил Виктор, опуская пакеты на пол.

— Не знаю. Наверное, сейчас придет. Мне что, за ним в сортир бегать?

Не отвечая, Виктор стал выгружать на картонную коробку, заменяющую стол, покупки, подумал и не стал показывать навигатор. С легким стоном Ольга поднялась и, пробормотав, «мне тоже надо», поплелась к двери.

— Подожди, я с тобой.

Ольга хихикнула, но тут же скривилась, прижав пальцы к вискам.

Несколько минут спустя им стало не до смеха. В санитарном блоке Зельдина не оказалось, смотрящий на вопросы Виктора задумчиво попыхивал трубкой, а затем, уронив голову на грудь, а трубку на пол, захрапел.

Они вернулись в контейнер.

— Дядя Вася обязательно вернется, — убежденно сказала Ольга. — Надо его подождать.

— Подождем, — согласился Виктор, хотя здравый смысл кричал «беги!».

— Аптечку в офисе забыла, — Ольга снова начала массировать виски. — У тебя от головы ничего нет?

Виктор не подозревал, что в этот миг его персональная колея снова изменила направление. Отлепив поясную сумку от липучки, он достал упаковку анальгетика и задел боковой кармашек. Оттуда вывалилась костяшка «цзю», отскочила от пола и попала в щель между матрасом и кирпичами, на которых держался лист из стеклопластика. Кинув Ольге упаковку анальгетика, присел, чтобы подобрать костяшку, сразу же увидев, куда она завалилась.

Увидел не только ее. С трудом дотянувшись до аэрозольного баллончика в черно-желтую полоску, Вик-

тор вытащил его наружу. К нему знакомым цветастым платком был примотан круглый предмет, тоже знакомый, но по временам пограничной службы.

— Это что за штука? — спросила Ольга, запивая таблетку.

— Средство против тараканов. А вот это безоболочная граната с трехсекундным взрывателем нажимного действия. Все вместе — бомба. Небольшая такая, но хватит любому, кто сядет на матрас. А в закрытом объеме вообще никто отсюда не уйдет.

— Ой, — сказала Ольга. — А как же дядя Вася?

— Сволочь твой дядя Вася! — только и смог ответить Виктор.

Осторожно вывинтил взрыватель, завернул его в платок и спрятал в поясную сумку. Туда же, прижав на миг ко лбу, отправил и костяшку от маджонга. Гранату сунул в карман комбинезона. Эксперты разберутся, откуда у мирного архитектора снаряжение коварного подрывника.

Покинув контейнерный городок, Виктор повел Ольгу наверх, причем не таясь и самым коротким путем. Как он и предполагал, никто не обратил на них внимания, патрули местного самоуправления даже не посмотрели в их сторону, а полицейский блокпост у одного из легальных выходов не был перекрыт.

Выйдя на поверхность недалеко от палеонтологического музея, Виктор достал навигатор и задумался — кому звонить? Роль Бурмистрова в этой мутной истории была непонятна, секретарши вышестоящего начальства могут вообще отказаться с ним говорить и переключат на Николая Семеновича. Оставался номер, который вечность тому назад сообщил Олег, и номер этот запомнился очень крепко. Но на

такие высоты звонить без серьезного повода как-то даже неприлично. С другой стороны, если возникли сомнения в лояльности руководства, то повод куда уж серьезнее.

— Дай позвонить сестре, — сказала Ольга и чуть не выхватила навигатор из его ладони.

Он успел отдернуть руку.

— Можно сделать только один звонок, — и Виктор, боясь передумать, быстро набрал номер.

Соединили сразу, но не с Олегом, а с секретаршей. Виктор назвал себя и попытался в двух словах обрисовать ситуацию, но запутался. Плюнул на то, что навигатор чужой, а линия не защищена, и сообщил код высшего приоритета, за использование которого всуе в лучшем случае отделался бы двумя-тремя годами вольного поселения. На том конце секунд пять помолчали, затем переключили на начальство и знакомый голос велел добираться до любого полицейского участка, а там назвать себя.

Ольга сердито хмурилась, но услышав его слова, сделала круглые глаза.

— Можно, я домой поеду, — робко попросила она, когда разговор был закончен. — Мама и сестра...

— Решай сама, — сказал Виктор.

— Ага, — сказала Ольга и, пока он пытался реанимировать навигатор, исчезла.

В участке его сразу же, не говоря ни слова, заперли в одиночную камеру. Чуть позже сам начальник отделения принес бутылку с водой и упаковку с бутербродами. Посмотрел на Виктора, покачал головой и вышел. Через три часа его выпустили, а дежурный

сказал, что приказано возвращаться домой и спать спокойно. Что Виктор и сделал.

Выспаться не удалось. Всю ночь снилось, будто он бежит по уровням и ярусам Бункера, отстреливаясь от серых плоских, словно вырезанных из бумаги фигур, а над ними время от времени вспыхивали красным огнем числа, показывающие, сколько врагов он истребил и сколько зарядов у него осталось. Проснулся от боли в ногах, словно он на самом деле пробежал всю ночь.

В офисе продолжались сборы. Николай Семенович как ни в чем не бывало заглянул в отдел, потопил, а потом, отозвав Виктора в сторонку, сказал, что у него нет к нему претензий, хотя дров он чуть не наломал. Виктор не понял, при чем тут какие-то дрова, но Бурмистров уже скрылся в своем кабинете, даже не спросив, куда делась Ольга и почему ее и сегодня нет на месте.

А через час на его терминал пришло сообщение, в котором предписывалось, куда и во сколько ему следует явиться для устного доклада. Место оказалось несколько странным для встречи с начальством, но Виктора сейчас было трудно чем-то удивить.

Незадолго до указанного времени он оказался в Тропарево, у дверей храма Архангела Михаила. Вошел, поставил свечку у иконы Николая Чудотворца, постоял, дожидаясь, пока не отпустит наконец внутреннее напряжение, которое, подобно сжатой пружине, последние дни не покидало его.

Во дворе храма его встретил крепкий мужчина с выправкой профессионального телохранителя и кивком указал в сторону аллеи, ведущей к станции метро. Через несколько шагов его окликнули.

На скамейке сидели Олег и Сергей Викторович. Большое, очень большое начальство, подумал Виктор, и по спине пробежал холодок.

— Присаживайтесь, юноша, — сказал Сергей Викторович. — Медленно и не торопясь рассказывайте обо всем, что сочтете важным. А потом и о неважном.

Виктор сосчитал в уме до десяти и начал говорить...

— Ну, что же, — примерно через час сказал Олег. — Картина в целом ясная. Ты не понял намека Бурмистрова, это он якобы предупреждал, чтобы опасались Зельдина. Полиция приехала вас спасать. Но в целом неплохо, весьма неплохо. Вы смешали карты, наши... скажем так, контрагенты не успели разобраться в ситуации, начали метаться, некоторые концы провисли. Благодаря вам с этих кончиков следователи мало-помалу и разматывают все, что им положено разматывать.

— Что там на самом деле... — начал было Виктор, но Олег оборвал его.

— А тебе пока не положено. Получишь допуск, узнаешь все детали.

— На той флешке, что сбросили в сеть, ничего не было? — попробовал угадать Виктор. — А сам «дядя Вася» был в доле?

Олег и Сергей Викторович переглянулись.

— Информация была заархивирована, пароль у Зельдина. Насчет его интереса... Основная версия — он собирался шантажировать корпорацию. За долю малую, полпроцента, но ради нее взорвал бы весь ваш клоповник.

— Друга своего, Никиту, тоже он?

— Пока не знаем. Сбой в программе принтера. Но ты говоришь, что у Зельдина был знакомый хакер. Копнут и по этой линии.

— Что будет с Ольгой?

Сергей Викторович и Олег переглянулись.

— С сегодняшнего дня Скобелева в штате аналитического отдела, — сказал Олег. — Это она нашла какие-то мелкие нестыковки в открытых отчетах Департамента и вывела на Зельдина. Несмотря на родственные чувства.

«Вот оно как!» — безразлично подумал Виктор.

— Стало быть, — сказал он, — мы вроде наживки дергались туда-сюда, выманивая рыбку покрупнее.

Олег улыбнулся, а Сергей Викторович, хмыкнув, забарабанил пальцами по скамейке.

— Только мне почему-то кажется, — продолжил Виктор, — что и Зельдин здесь был наживкой для самой большой рыбы. И мне почему-то кажется, что мы его не скоро увидим.

— Мне все ясно, — заговорил Сергей Викторович.

— Мне тоже, — отозвался Олег. — Немного погонять на тренингах, и мы имеем готового Наблюдателя.

— Ты не обратил внимания на его интуицию, — возразил Сергей Викторович, а затем повернулся к Виктору: — Ваши суждения комментировать не буду, и, надеюсь, своими версиями вы будете делиться только с нами. Но только скажите, молодой человек, что вас заставляло действовать так, а не иначе?

— Ну-у... — замялся Виктор, — наверное, ощущение неправильности.

— Вот, — Сергей Викторович назидательно поднял палец. — Хотя и есть в нем какая-то эмоциональная заторможенность, мы определим его в стажеры к опытному Уполномоченному, а пару-тройку лет, чем черт не шутит...

— Кто это здесь черта поминает! — рявкнул сердитый бас у них над головами.

Над скамейкой возвышался священник в рясе и грозил им кулаком.

— Присаживайтесь, отец Михаил, — сказал Сергей Викторович. — Мы тут с юношей беседуем. Перспективный юноша, надо заметить. Вырос в Бункере, повидал жизнь, разумом не быстр, но крепок.

— Что, служивые, очередную душу в тенета мирские поглубже затягиваете?

— Так ведь государству и Государю служба, — сказал Олег.

— А ну как правитель с пути истинного сойдет, — прищурился отец Михаил. — Кому служить будете? А? То-то и оно! Так что поаккуратнее со рвением, рвение без разума к соблазну склоняет.

— К какому соблазну? — спросил Виктор.

— К простым ответам на любые вопросы, и тогда жизнь становится простой, беззаботной. Не жизнь, а праздник! Вот как у вас там, внизу.

Виктору не понравилось, что в последнее время по адресу Бункера все, кому не лень, нехорошо прохаживаются. Он возразил отцу Михаилу в том смысле, что не умеющие радоваться жизни люди заболевают и потом долго лечатся...

— Как, говоришь, — перебил его священник, — ангедония?! Ишь, чего выдумали, в Юнга через Адлера мать их Фрейдом по Грофу восемь раз на ку-

шетке, прости Господи! Кто же не велит радоваться? Все хорошо в меру. То, о чем тебе рассказали, — это смертный грех, грех уныния! Ты помни, что по службе твоей придется в людях на вид прекрасных сомневаться, искать за ними дела ужасные. Испытывать будет жизнь тебя всегда, специфика такая у вашего Департамента. Не ликуй беспричинно, но и не копи в душе тоски, потому что с годами тебе может показаться, что все вокруг дерьмо. Помни, все вокруг творение Божие и всему есть место и цель. И не стоит впадать в уныние из-за всякого дерьма.

Виктор задумался над словами отца Михаила. Он даже закрыл глаза, пытаясь понять, что так разгневало священника. А когда открыл, то обнаружил, что остался на аллее один, лишь уходящее за горизонт солнце сквозь дыру в облаках играло на позолоченных куполах.

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ,
ДМИТРИЙ ФЕДOTOB

МАРИАНСКИЙ ИНЦИДЕНТ

Признаться, получив это задание лично от господина Сытина, главного редактора нашего солидного еженедельника «Российский вестник», я сперва решил, что в чем-то провинился. Ведь обычно в далекие провинции империи посылают именно за неумеренный язык, ну или за разгильдяйство — в качестве последней меры. Я же себя разгильдяем не числил, да и за языком в репортажах и статьях старался следить...

— Поезжай-ка ты, брат Кошурников, в наш самый южный город — Головнин, — сказал мне Сытин, подкручивая пышный фамильный ус.

— Помилуйте, Степан Дмитриевич, за что?!

— Не «за что», а «зачем», ты хотел спросить?.. Поясняю. Через месяц у Головнина — юбилей, десять лет, как-никак, городу и форпосту российскому на Тихом океане! Всей империей праздновать будем, Государь в Грановитой палате наградит участников той Марианской истории. Надо подготовиться загодя. Вот про это и напишешь. Найдешь новые факты — повышенный гонорар выпишу!..

Я хоть и был озадачен таким поворотом судьбы, но как услышал про повышенный гонорар, подумал: «А, была не была, прокачусь! Ведь Головнин — это ж бывшая Хагатна, столица Марианских островов. Опять же, в Белокаменной холодно, февраль-выюго-вей хозяйничает, а острова — тропические: солнце, море, фрукты!..»

— Проездные по факту оплату, — видя мои колебания, продолжил Сытин. — Главное — чтобы это не было похоже на отчетный доклад министра двора. Найди то, чего до тебя еще никто не вытаскивал на свет божий. Людей найди!

Легко сказать... История-то шумная была, считай, на весь мир прогремела... Все имена — известны, один адмирал Прозоров чего стоит...

Но истории — шестнадцать лет. Головнин, как и Москва, тоже не сразу строился. Уж если это форпост империи на Тихом океане — он должен выглядеть достойно. Там такой военный порт отгрохали — почище Кронштадта, Севастополя и Полярного-два.

В общем, согласился я. С вечера собрал чемодан (понятно, пляжные принадлежности прихватил!), забронировал номер в гостинице «Коралловая ветка», позвонил во «Всероссийские авиалинии» и заказал прямой рейс до Головнина. Не люблю пересадки, а тут хоть и двенадцать часов в воздухе, зато сразу на место попаду. К тому же, говорят, наши «Русичи» — лучшие стратопланы в мире, а удобства в них такие, что иной круизный лайнер позавидует.

Человек я холостой, хотя и не без интереса. Потому считал нужным сообщить о своем отъезде не толь-

ко родителям. Ирина ответила сразу, будто ожидала звонка.

— Здравствуй, родная! — улыбнулся я, когда ее милое личико появилось на экране моего бывшего «Чижа».

— Здравствуй, Миша... — Она взглядела в мое лицо и нахмурилась. — Что-то случилось?

— Да... — Я вздохнул. — Извини, но я не смогу поехать с тобой на воды в Липецк. Служебная командировка...

— И куда же?

— В тьмутаракань за кудыкино море... Лечу в Головинин, на Марианские острова. Почти что на границу империи.

— О-о!.. — Ирина вдруг широко улыбнулась. — Привези мне, пожалуйста, настоящие чаморрита!

Я не стал уточнять, что это такое, рассудив, что разберусь на месте.

— Не скучай, родная, я — быстро, всего на несколько дней. Люблю тебя!

— И я тебя...

Ночью мне приснились загадочные чаморрита. Они были блестящими, разноцветными, но почему-то с глазами.

Когда совершаешь длительный перелет на восток, часто возникает ощущение, будто путешествуешь на машине времени — из жизни выпадают сутки, а то и более. Я вылетел из международного аэропорта Домодедово в полдень пятнадцатого числа, а прибыл в аэропорт Головинина в шесть часов пополудни шестнадцатого.

В тропиках темнеет рано, и пока я добрался до гостиницы в предместье, на берегу живописной бухты, солнце успело нырнуть в океанскую постель. В самолете я выспался, был бодр и готов к интересному общению. Оставив чемодан в номере, я переоделся и отправился на прогулку по набережной. Хотелось посмотреть издали на военный порт.

Он был великолепен. Причальные мачты дирижаблей торчали вверх метров на триста, к посадочным площадкам вели скоростные лифты. На рейде я увидел авианосец «Цесаревич Николай». Вдали через всю бухту пронесся патрульный катер на подводных крыльях. Да, подумал я, теперь-то Марианскую впадину берегут как зеницу ока. Наконец-то у нее появился настоящий хозяин.

И сразу дремавший где-то между мозговыми извилинами репортер зашевелился. «Узнать точную глубину Марианской впадины, — забормотал он, — узнать про флору и фауну...»

— Кыш, — сказал я ему. — Прежде всего нужно попасть на базу подводных пловцов.

Эта база где-то в порту, но точный план порта мне раздобыть не удалось, только приблизительный. И это правильно. Были еще картинки, полученные со спутников слежения. Но, поди, пойми, под которой крышей базируются пловцы-океаники. Их на самом деле не так уж много, очень удивлюсь, если узнаю, что больше полусотни.

Пройдя вдоль бухты метров триста, я достиг небольшого парка, где играла негромкая приятная музыка, среди пышной листвы горели разноцветные фонарики и то тут, то там зазывно светились

★ козырьки разнообразных лотков и лавочек, торгующих всякой всячиной — от фруктового льда до подводных навигаторов для любителей ночных погружений. Мое внимание привлекла просторная веранда кафе с романтическим названием «Голубая бездна». Публики за столиками было немного, все больше пожилые пары. Я вспомнил, что губернатор Марианских островов, младший сын адмирала Поклонского, победителя в печально известной битве за Арктику, — большой меценат. Едва заняв сей важный пост, он объявил о создании Фонда здоровья и долголетия и на собранные средства открыл несколько прекрасных санаториев на главном острове архипелага, куда пригласил приезжать из метрополии пенсионеров. Разумеется, за счет Фонда!

Я облюбовал столик на краю веранды с видом на ночную бухту, заказал местного пива и маринованных в ананасовом соке трепангов. Потягивая душистый, прохладный напиток, я лениво подумывал, с чего начать завтрашние поиски информации. Перед тем как связываться с комендантом порта, нужно было понять, что вообще такое — этот Головнин. То ли отправиться в местный музей и поговорить с краеведом, который покажет любопытные экспонаты, то ли сразу в городскую библиотеку — в библиотеках всегда собираются ветераны, которые такого понараскажут — ни в одном уголке Рунета не откопашь. То ли даже в церковь — там тоже старшее поколение после службы сидит во дворе, пьет чай с баранками...

О так называемом Марианском инциденте я знал ровно столько же, сколько всякий любознательный

пользователь Рунета. Информация долгое время была засекречена, потому что генетические эксперименты и тогда не одобрялись, и теперь не одобряются. Выводить новую породу людей, даже с самыми благородными целями, противозаконно. Вот никто и не знал толком, что это такое — пловцы-океаники. Они есть — и с вас, господа, довольно.

Не мог же я принимать всерьез интерактивные компьютерные игрушки, где океаники воевали с гигантскими кальмарами на самом дне Марианской впадины. Там у них были жаберные щели от уха до ключицы, и морская вода полоскала роскошные розовые жабры. Дно Марианской впадины — это смерть. Давление столба воды такое, что ты, и не добравшись до дна, сплужишься в бумажный лист. Связываться с подводным термальным вулканом тоже не советую — температура воды, которую он выстреливает, выше четырехсот градусов, на такой глубине это не противоречит законам физики. Что касается гигантских кальмаров, то зонды обнаружили там, внизу, только гигантских амёб с мою ладонь величиной.

— Разрешите присесть, молодой человек? — раздался над моим левым плечом хрипловатый басок.

Я обернулся. Передо мной стоял невысокий, поджарый мужчина в выгоревших шортах и такой же выгоревшей безрукавке на голое тело. Кепи с длинным козырьком и сандалии дополняли образ местного работяги, скорее всего, моряка или рыболова. Но седые бакенбарды, загорелая до бронзового состояния кожа и заметные шрамы на руках и щеке вернее указывали на первое.

— Конечно, милости прошу! — Я встал и пожал протянутую руку. — Михаил Кошурников, журналист из Москвы...

— О! Из столицы!.. — Ответное рукопожатие было крепким и энергичным. — А я — Никита Сомов. Каботажник.

Мы сели друг напротив друга, и Сомов, водрузив перед собой большую кружку с пивом, тут же достал из нагрудного кармана безрукавки короткую толстую трубку — настоящую трубку для курения табака, а не эти новомодные имитации. Потом вынул из другого кармана полотняный мешочек и принялся набивать табачным зельем чубук.

— Какими ветрами вас к нам? — поинтересовался Никита.

— Редакционными, разумеется, — усмехнулся я. — Получил задание: написать статью к юбилею вашего славного города.

— Ага. — Сомов медленно раскуривал трубку. — Пиво будете?

Я не отказался, попробовал и туак. Потом мы поговорили про особенности местной рыбалки — и я понял, что, кажется, уже созрел для постели с простыней вместо одеяла.

— Если пойдете к коменданту порта, просите, чтобы взяли на катер, отвезли на мыс Московский. Оттуда начался сегодняшний Головин, — посоветовал Никита. — Волнорез там стоит, остатки лагеря, есть что поснимать.

— Почему не сразу в Хатагне?

— Туристический город, все на туристах завязано, на лентях. Очень осторожно нужно было начинать, чтобы людей не обидеть. Проще всего — по-

сносить все эти ресторанчики, лавочки, салончики и нагромоздить небоскребов. Им, здешним, и так тяжко пришлось, когда власть менялась. Новое начальство, новая валюта, вы ж понимаете...

Утром я был на приеме у коменданта военного порта. Нельзя сказать, что визит московского журналиста его очень обрадовал. Когда дошло до Марианского инцидента, он насупился. А невинный вопрос об океаниках вызвал такое недовольство, что я съезжился. Если верить коменданту, господину Архипову, то были какие-то эксперименты двадцать лет назад, и не более того, а теперь живого океаника в радиусе пяти тысяч километров не найдешь.

Все бы ничего, вот только я уже всей шкурой чувую, когда мне врут.

Да, на катере меня прокатили, фотографировать позволили. И по причалу возле волнореза я прогулялся.

Ко мне приставили хорошего человека, мичмана Воронина. Мичман уже собирался в отставку, в Головнине служил с самых первых часов его существования, назвал мне множество замечательных имен — успевай только записывать. Поскольку дикция у мичмана та еще, на диктофон надежды было мало.

— Вам нужно найти в деловом центре Анну Георгиевну Белкину, архитектора, она весь деловой квартал проектировала — вон, видите, окна блестят? В порту мы поищем Левона Мкртчяна, он расскажет про причальные мачты. Тренера еще обязательно расспросите, Колесникова, он наших молодых учит плавать всеми стилями и нырять, еще — Никиту Со-

мова... Нет, лучше Теймураза Джибути, Теймураз тут тоже с первого дня...

Я хотел бы спросить, чем известен Сомов, но воздержался. Воронин явно жалел, что проболтался.

В порту я пробыл весь день, а вечером помчался в «Голубую бездну». Бармен сказал: да, Сомова знает, но Сомов с утра ушел на своей «Шаланде», повез товары на островки. Если мне угодно ждать, могу тут сидеть хоть сутками, голодным не останусь. Плавающие островки были из спрессованного до каменного состояния океанского мусора и служили базой для рыболовецкого флота. Народу там жило немного, в основном старые рыбаки, и Сомов, навестив их и выдав заказы, уходил обычно на север, где на пустынном побережье круглый год водились любители дикого отдыха. Там у него тоже были какие-то договоренности, какие-то возможности подзаработать. Обычно он уходил дня на четыре, но бывало, что и на неделю. А вот как раз недели-то у меня и нет!

Я посмотрел по карте — всего-то двадцать километров.

Бармен нашел мне парня с моторкой, который знал в лицо «Шаланду», и мы понеслись.

Сомова мы обнаружили на пустынном пляже. Он загорал в одиночестве и смотрел на древнем экране кино.

— А, это вы, московский гость, — он, кажется, даже не удивился. — Выследили!

— Вы участвовали в Марианском инциденте? — прямо спросил я.

— Ну, участвовал. Я много в чем поучаствовал.

— И много любопытного знаете.

— Допустим, знаю.

— Не поделитесь информацией?

— Хм...

— Это было шестнадцать лет назад. Все военные тайны давно устарели.

— То, что касается океаников, не устарело.

— То есть эксперименты продолжаются?

— Я не знаю.

Нужно было как-то найти подход к упрямому каботажнику.

— Жаль, — сказал я. — Очень жаль. Люди, которые служили империи, будут забыты. Все мы не вечны. Вы не представляете, как быстро летит время и уходят на тот свет свидетели... А ведь океаники наверняка получили георгиевские кресты первой или второй степени.

— Владимирские звезды мы получили. «Польза, честь и слава». И повышение в чине на две степени.

— Несправедливо получается. Пользу океаники принесли, честь им была оказана, а от славы их избавили, — заметил я.

— На кой она? Вот я тут живу, у меня семья, климат подходящий, и что мне та слава? Главное, знать, что мы... Ну да ладно. Хватит. Вы на меня уйму времени потратили.

Спорить я не стал. Маленькая хитрость, приемчик, которым владеют журналисты? Сперва дай человеку рассказать тебе, что ему хочется, и потом он расскажет то, что тебе нужно.

— Хорошо, оставим океаников. Давайте потолкуем о русских каботажниках, — предложил я. — Тоже

ведь любопытная тема — увели бизнес из-под носа у местных лодочников.

— Ничего мы не уводили!

И я вздохнул с облегчением — сейчас он заговорит...

— Хорошо, — сказал он через два часа. — Мне еще работать... Приходите завтра ко мне домой, чашиков в семь вечера. Моя Дарьюшка прекрасно готовит кокосовый суп и креветки на углях...

Он ушел на «Шаланде», я на моторке.

Ночью я послал запрос в одно ведомство. Иногда я добывал там информацию, но старался не надоедать. Запрос был сформулирован предельно лаконично: «Марианский инцидент. Никита Сомов». Ответ был также лаконичен: «...капитан, помощник командира первого отряда океаников «С» — глубоководных пловцов, которые предотвратили самый масштабный в истории террористический акт, подрыв термоядерной бомбы...»

Мне повезло!

Правда, больше про бомбу я ничего не узнал. Дело и впрямь оказалось сильно засекреченным. Были только общие слова: предотвращение глобальной катастрофы мирового масштаба. Ну, это я и раньше знал, только без подробностей. А что мы, если подумать, знаем в подробностях?..

Там же, в ведомстве, мне подсказали: потолковать с местными жителями, которые русского языка не знают, к нашим военным тайнам отношения не имеют и из событий шестнадцатилетней давности секрета не делают — ни к чему им это.

Весь следующий день я посвятил посещению библиотеки, где перечитал электронные архивы

местных газет, и музея, где имел обстоятельную беседу с седеньким, сморщенным, похожим на старый кокос смотрителем, оказавшимся потомком коренных жителей Марианских островов — чаморро. Звали смотрителя, как и легендарного вождя народа чаморро, принявшего христианскую веру, Кепуха. Однако в крещении дедок получил имя Кирилл, а первое имя превратилось в фамилию. Господин Кепуха не мог сказать точно, сколько ему лет, но хорошо помнил, как радовались его родители, когда правительство объявило, что отныне все они — граждане великой страны — Америки!.. Смотритель весьма прилично говорил по-английски и знал восемь слов по-русски. Поэтому общались мы на языке Туманного Альбиона, помогая себе жестами и мимикой.

Оказалось, что господин Кепуха был не только свидетелем, но и в известной мере участником событий вокруг Марианского инцидента. Когда поднялся шум о каких-то террористах, собравшихся что-то взорвать под водой, губернатор острова едва ли не комендантский час объявил с перепугу и приказал бдительно охранять все важные объекты и здания в городе. По такому случаю смотрителя вызвали в полицейское управление, выдали пистолет с одной обоймой и рацию. Кепуха двое суток сидел в музее взаперти, пил туак — пальмовое пиво, и смотрел телевизор. Потом в новостях сказали, что инцидент исчерпан — террористы схвачены, бомба обезврежена. Кепуха на радостях допил туак и пошел сдавать пистолет и рацию. Но в полиции его едва не посадили в кутузку, решив, что он — тоже террорист, пришедший сдать властям. Причиной недоразумения ста-

ло обычное разгильдяйство: пропала расписка Кепухи за оружие.

На прощание смотритель подарил мне свою фотографию на фоне памятника его легендарного предка и подсказал, где в городе лучшая мастерская по изготовлению чаморрита, местных ожерелий из обработанных особым образом ракушек-каури.

Когда солнце зависло над бухтой золотым елочным шаром, я отправился в гости к Сомовым. Купил по дороге у лоточницы веночек из желто-розовых орхидей — подарок хозяйке дома на благополучие, согласно местным обычаям, а в магазинчике на набережной прихватил упаковку банок с туаком, который мне уж очень расхваливал господин Кепуха.

Сомовы встретили меня, что называется, в полном составе. Первыми выкатились на широкое крыльцо-веранду мальчишки. Все трое — загорелые, вихрастые и юркие, словно мартышки. Три пары ясных серо-голубых глаз уставились на меня с выражением любопытства и затаенного восторга. Интересно, что им успел сообщить обо мне родитель?.. Однако поздоровались ребята как положено — сдержанно и с почтением.

Следом за мальчишками навстречу вышел Никита Иванович, обнимая за плечи тоненькую улыбчивую женщину в коротком белом сарафане. Рядом с седым, продубленным морскими ветрами Сомовым она выглядела скорее дочерью, нежели женой.

— Добрый вечер, Дарья...

— Здравствуйте, Михаил. — В ее больших, цвета вечернего неба глазах просверкивали лукавые золотистые искорки. — Можно просто — Даша.

Я поклонился и надел на ее пышные темно-русые волосы венок орхидей. Сомов крепко пожал мне руку и сделал приглашающий жест: проходи.

Мы вместе прошли через просторную гостиную во внутренний дворик, где уже был накрыт стол, а справа от него вишнево светился углями мангал, и по двору плыл острый аромат жареных креветок.

Застолье было коротким, но веселым и шумным. Тосты перемежались забавными случаями из морской жизни, которых Сомов знал в немереном количестве, а я удачно рассказал несколько столичных анекдотов. Наконец Дарья принесла заварочник с хорошим чаем и корзинку с домашним печеньем, позвала детей, и они ушли в дом, а мы с Сомовым пересели в плетеные кресла, и я, собравшись с духом, спросил:

— Никита Иванович, это ведь вы были командиром океаников?

— Я, — Сомов выпустил в ночное небо клуб светлого дыма. — Докопались-таки.

— Но почему же вы здесь, а не в столице?! Вы же — герой!..

— В Москве нет моря, а я без моря уже не могу... Нет, про меня не забыли, если вы это имели в виду. У меня в Головинне, как видите, просторный дом, жена, трое детишек — все мальчишки. «Шаланда» есть... Содержание пожизненное, конечно. Но не могу я просто так сидеть, с удочкой на пирсе! А вниз мне теперь нельзя — врачи запретили категорически. Вот и каботажничаю помаленьку...

— Уважаемый Никита Иванович, — проговорил я внезапно севшим голосом, — прошу вас уделить мне немного времени и вспомнить кое-что из тех

событий! Военных тайн не надо. Что-нибудь такое, о чем вам самому приятно будет вспомнить. Можно? Это бы очень помогло мне написать хорошую большую статью, которую опубликуют не где-нибудь, а в «Российском вестнике».

Сомов молчал долгую минуту, показавшуюся мне вечностью, курил и смотрел на бухту, где на легкой волне играли отражения крупных южных звезд, а восходящая на западе луна уже начала чертить бесконечную серебристую дорожку.

Трубка погасла, он вздохнул и спросил:

— У вас в коммуникаторе есть навигация?..

— Конечно...

— Тогда задайте ему такие координаты: 11°22' северной широты и 142°35' восточной долготы.

Я выполнил необходимые манипуляции, и мой «Чиж» послушно выдал на экран панораму вечернего океана в режиме реального времени. Сомов заглянул мне через плечо и удовлетворенно кивнул:

— Вот примерно там это все и происходило, Миша. Это место называется Бездной Челленджера. Катамаран «Мурманск» и тримаран «Адмирал Нахимов» дрейфовали поблизости в течение двух недель, чтобы ничего и никого не упустить...

Сомов неспешно раскурил трубку и прикрыл глаза, делая редкие затяжки.

— Думаю, чтобы было понятнее, сделаем небольшое отступление в историю, — наконец решил он. — Случилось наше ЧП аккурат через пяток лет после Второй нефтяной войны... Тогда всех интересовала только Арктика, и когда наша империя поставила пограничные буи возле Северного полюса, все вздохну-

ли с облегчением: ну, кажется, больше приключений на наши головы не будет.

Да, этот вздох облегчения он правильно описал. Планета не так уж велика. Что ценного оставалось, кроме Арктики? К тому времени Америка, Япония, Китай и мы окончательно поделили весь остальной Тихоокеанский шельф и принялись заглядывать в глубины. Там и началась всякая суета, не слишком громкая, зато постоянная. И в России, и в Америке активно развивался глубоководный флот, но беда у этих суперсубмарин была одна: слишком шумные и заметные на радарях, особенно с орбиты. Я был на «Святом Александре», когда его поставили на вечный прикол и сделали музеем подводного флота, делал репортаж с открытия. Целый подводный город...

— В общем, плавали по Тихому туда-сюда, пугали друг друга, всякие гадости устраивали, а толку — ноль, — усмехнулся Сомов. — Вернее, американцы-то все равно были в шоколаде — у них, считай, одних островов по всему океану больше тысячи, от Калифорнии до Филиппин. А у нас — Курилы с хвостиком...

Сомов покачал сокрушенно головой и сделал большую затяжку.

— Но потом наши ученые головы сосредоточились и придумали, как человеку можно долго дышать под водой и плавать на большой глубине. Что-то там изменили в крови и мышцах, в итоге пловец стал способен погружаться на пару сотен метров и плавать там по часу и даже больше, не выныривая! Дельфин, да и только! Даже размерами похож...

— Это длительная процедура?

— Да, и не очень приятная, особенно подсадка новой слизистой в легкие. И все время сидишь на инъекциях, подкармливаешь ее. Месяц не поколешься — все, начинай сначала. И страшновато на первых порах... А чем страх заглушить? Мы перед погружением песню пели: «Я водяной, я водяной, поговорил бы кто со мной...» Так вот, «Марианский инцидент»...

— Я слушаю вас внимательно.

— С чего началось... Итак, мой закадычный друг и дальний родственник по отцу лейтенант Александр Прозоров служил тогда на пограничном катере и патрулировал окрестности Камчатки. Его туда сослали за разнообразные безобразия... Да, именно так: разнообразные безобразия. Отдали в распоряжение кавторанга Орловского, про которого знали: у него даже крысы, что прорываются иногда на склады, маршируют повзводно, коробочкой, и носок тянут.

Вообще-то мы с Прозоровым попали в первый набор нового подразделения флота — боевых пловцов-глубоководников. Сперва тренировались все вместе, потом кого-то отсеяли по медицинским показаниям, кто-то не прошел тестов. После того как над нами медики потрудились, еще какое-то время погружались вместе. Потом — окончательное тестирование. Адмиралтейство распорядилось сформировать два отряда — «Дельфин» и «Скат», то есть отряд «Д» и отряд «С». «Дельфины» — это разведчики. Их главные качества: выносливость, незаметность и наблюдательность. А «скаты» — это, по сути, та же диверсионно-тактическая группа, с аналогичными функциями, как у «сухопутников». «Скаты» —

настоящие подводные монстры: большая глубина погружения, скорость и маневренность, ну и энерговооруженность, конечно. Куда там американским «котикам» или даже «касаткам»!.. Сашка служил в «дельфинах» и был лучшим. А я был лучшим среди «скатов»... А вот кто лучший из лучших, оба отряда выясняли постоянно. Иногда доходило до смешного... Я не знаю, например, кто подбросил в тренировочный батискаф «скатам»дохлую кошку и какой в этом был великий смысл... но досталось Прозорову. А потом «дельфины» эту кошку хоронили на дне со всеми церемониями — под видом тренировки, разумеется. «Скаты» следили, чтобы ритуал был долгим и муторным. Я тогда отравился чем-то и давил матрас в госпитале, иначе вместе со всеми опускался бы на сорок метров и смотрел, как «дельфины» ворочают там камни...

Я невольно хихикнул, ясно представив картину похорон: ну и выдумщики! Сомов тоже фыркнул, пыхнув трубкой, почесал мундштуком бакенбард и продолжил:

— А теперь, Миша, представь себе боевого пловца, лишенного своей команды и тренировок. Причем срок — неоговоренный! Прозорову стало скучно уже на второй день. Патрулирование на катере — совсем не то, что требуется его душе. И вот он пытается себя хоть чем-то развлечь.

Одохлых кошках речи больше нет хотя бы потому, что все кошки на базе учтены, чипированы, и в случае кончины хозяева сами обязаны их хоронить. База тогда располагалась на острове Беринга, аккуратно напротив Никольского, в Лисинской бухте. Живописное место, скажу я тебе! Сопки в шапках

из кедрового стланика, широкие распадки с травой по пояс, хрустальное озеро в двух шагах. А лосось местный, по-алеутски печенный на камне в смородиновых листьях?.. Вкуснотища! В Никольском, где порт, естественно, имелась культура, но там же обретался и кавторанг Орловский. Не дай бог, учудишь чего-нибудь — враз пошлет Северный полюс охранять.

Служили на острове люди в основном семейные. Конечно, имелись и молодые женщины подходящего возраста, но Сашка знал, что рано или поздно ссылка закончится, и его вернут в отряд, на Итуруп. Поэтому заводить отношений ни с кем не стал. И мужественно раз в неделю делал себе инъекции.

А развлекался он Рунетом. Благо российская Сеть везде хорошее покрытие дает. И, думаю, сидел в ней Прозоров почти круглосуточно. То есть выходит он, скажем, на патрулирование и, поскольку нарушителей границы нет и не предвидится, сразу ныряет в Рунет. Возвращается, приходит в общежитие — тут же снова в Сеть. Там ему и видео, и книжки, и тренажеры. Но Сашка еще баловался и всякими запретными плодами — к примеру, лазил в системы слежения сторожевых дирижаблей. Не потому, что ему так уж было интересно смотреть сверху на океан, а потому — что запретный плод. Ну, не мог он без этого жить!

И вот однажды, а конкретно — 31 июля 2028 года, лейтенант Прозоров во время патрулирования стоял на носу катера с огромным доисторическим биноклем и, наверное, воображал себя каким-нибудь капитаном Флинтom, когда вдруг увидел вдали яхту под американским флагом. Берингово

море — не та местность, чтобы яхты по ней просто так дефилировали. Но в яхтклубах, конечно, всякие чудачки попадают. Могли вполне затеять какую-нибудь регату местного значения, чтобы самолюбие потешить и адреналинчику похлебать. Однако для подобного променажа самое подходящее место — Бристольский залив у Аляски. Даже если бы этих горе-мореходов разметало штормом, то яхта бы наблюдалась на востоке. А она явственно шла с севера!

— Неужели шпионская посудина?! — вырвалось у меня.

— Э, брат, бери круче к ветру! — Сомов принялся выбивать чубук и чистить его спичкой. — Яхта шла по ветру длинными галсами, а потом вдруг убрала паруса, врубила движок и подалась резко на восток, как раз в сторону Бристольского залива.

Сашке стало любопытно — что это за хореография?

Вернувшись на базу, он тут же полез в Сеть, в свое любимое местечко — в системы слежения сторожевых дирижаблей. Там, Миша, кроме прочего, хранятся в оцифрованном виде видеозаписи со всех основных камер как минимум за последние несколько месяцев. Вот Прозоров и запустил их в обратном порядке — решил выяснить, откуда же яхта на самом деле явилась? Ведь чтобы гонять на такой легкомысленной посудине по открытому морю, пусть и по-летнему спокойному, надо быть изрядными безумцами. Особенно с севера на юг. Берингово море — с характером, здесь даже среди лета погода может поменяться за считанные часы. А водичка в море и летом весьма прохладная. Налетит от Камчатки

бора, сделает такая яхточка поворот оверкиль, и вся команда вмиг в ледяной воде окажется...

И вот тут-то Прозоров неожиданно для себя обнаружил, что яхта словно из воздуха появилась рядом с островом Святого Матвея. В более ранних записях ее просто нет. Что бы сие значило, Сашка обдумать не успел. Буквально на следующий день его вдруг вызвал к себе в Никольское кавторанг Орловский.

— Твое счастье, — объявил он Прозорову, — что тихо сидел. Собирай рюкзак, возвращаешься в отряд. Но на прощание вот что мне скажи. Когда тебя сюда сослали, меня предупредили, мол, будет шкодить обязательно. От тебя же за два месяца — ни единого безобразия, сидел, как мышь под веником. Но я таких, как ты, знаю, я их всегда обламывал. Теперь скажи честно: что ты все-таки натворил? Такого, что оно, может, только через полгода обнаружится? Ты ж не мог не натворить. Говори прямо, и вот тебе мое слово: ничего тебе за это не будет.

Тут Сашка и признался ему, что баловался с системами слежения. Рассказал и про яхту.

— Ну, вреда от этого не было, — решил кавторанг. — А насчет яхты, пожалуйста, подробнее.

Прозоров с личного компа Орловского залез куда следовало и показал все действия яхты.

— Значит, стартовала от острова Святого Матвея. А туда как попала? — спросил кавторанг. Сашка только руками развел. Они еще покопались в архиве систем слежения и обнаружили, что яхту перегнали на остров месяцев восемь назад, и она там торчала на приколе, выбравшись на простор только два раза.

Потом суровый кавторанг угостил лейтенанта хорошим виски и угостил основательно — Сашка так и не вспомнил потом, как оказался на базе. Наутро покидал в рюкзак имущество, вернулся в Никольское, дождался вертолета и через сутки, транзитом в Петропавловске, рухнул в объятия своих «дельфинов». Даже «скаты» пришли поздравить с возвращением!

— Занятная история! — Я налил себе из заварочника подостывший, но от того еще более вкусный и душистый чай.

— Не история, а пролог, — поднял палец Сомов и тоже наполнил чаем свою кружку. — Неделю спустя всех нас подняли по тревоге. То есть не совсем подняли. Каждый получил на личный коммуникатор приказ: быстро ужинать, собирать пожитки и выходить к вертолетной площадке. Оба отряда!

Высадили ночью на «Адмирале Нахимове». А утром мы увидели на горизонте дрейфующий «Мурманск». Так вот, «Мурманск» был грузовым катамараном и обслуживал рыболовецкую флотилию Владивостока. Его мобилизовали срочно. А «Адмирал Нахимов» был приписан к нашему Тихоокеанскому военному флоту в качестве плавбазы для патрульных субмарин. Но к началу всей этой истории он морально устарел, и его решили списать на «гражданку». Сперва предложили Дальневосточному океанографическому обществу как базу для глубоководных экспедиций, но они не захотели брать на баланс такое чудовище: техобслуживание и переснащение вылились бы в о-очень большую копеечку. Тримаран же — как то «чудо-юдо, рыба-кит» из сказки, у которого на спине целый поселок городско-

го типа, окруженный садами и огородами. Полтора-ста метров в длину — это и теперь серьезно, а тогда он вообще выглядел голиафом...

Я быстренько сделал запрос в Сеть, и «Чиж» продемонстрировал мне подборку отличных цифровых фото действительно огромного, но весьма изящного и могучего видом корабля.

— Да уж, махина! — невольно вырвалось у меня. — И какими же ветрами его занесло в тропики?

— Приказом главнокомандующего Тихоокеанского флота его занесло. Как и «Мурманск». Ничего более подходящего поблизости не было. На «Мурманске» экипаж впопыхах поменяли. Ну так вот — на «Адмирал Нахимов» вместе с нами выгрузили всю нашу технику. И перед тем, как разложить нас на палубе по надувным матрасам, сообщили «приятную» новость.

Правда, не обо всем доложили, но Сашка совместил новость со своей недавней слежкой за яхтой. И вот что получилось.

Яхта «Найтфолл» куплена на подставное лицо нехорошими людьми из радикальной группировки «Эльгуру Бишимс». Что эти слова означают — не спрашивай, Миша, до сих пор не знаю. Но смысл деятельности этих эльгуровцев стар, как вот этот гинкго, под которым мы с тобой сидим: погубить насквозь прогнивший мир бизнеса, чтобы дать Земле вторую попытку. Сектанты, фанатики, но имеющие хорошую денежную подпитку. Имевшие...

Свой крестовый поход они решили начать с Японии и Америки. Досталось бы и нашему Дальнему Востоку. О том, что погибнут ни в чем не повинные

дети и звери, эти «борцы», видимо, предпочитали не думать.

И шел теперь этот «Найтфолл» на всех парах аккуратно к Марианской впадине и имел на борту, по данным радиационного сканирования, изрядный запас боевого плутония. Наши аналитики быстро вычислили, что именно прячут на борту яхты эльгуровцы. Они везли ядерную бомбу! По приблизительным оценкам — мегатонн пятнадцать-двадцать. Наши прикинули: если взорвать эту бомбу там, на самом дне впадины, случится мощнейший тектонический сдвиг. А значит — землетрясения, цунами и прочие маленькие радости светопреставления.

Собирали бомбу где-то на Аляске, в таком захолустье, куда люди забредают раз в десять лет. Вопрос только стоял так: откуда «дровишки» и кому выгодно? Кто финансировал авантюру — до сих пор толком не выяснили, потому что в Америке, а также в ЮАР и на Тайване среди крупных финансистов и промышленников случилась эпидемия самоубийств. Кому выгодно погубить весь американский Запад, Японию и наш Дальний Восток? Уж точно не фанатикам, воюющим с мировым бизнесом. По мне, так следы нужно было искать в Европе, на развалинах Евросоюза, в маленьких, обнищавших и одичавших странах. Денег, чтобы пенсии старикам платить, у них не было, но на бомбу наскребли.

Получается, что Сашка Прозоров спас половину земного шара. Правда, не в одиночку. Ему следовало разделить славу с кавторангом Орловским, который доложил о яхте и своих подозрениях куда следует. Но это еще не все, что Сашка натворил...

— Он что же, и на боевом задании не успокоился?! — не поверил я.

— Говорю же, второго такого шkodника еще поискать! — развел руками Сомов. — Когда стало понятно, что наша задача — не допустить сброса бомбы в Марианскую впадину, Сашка задумался. А когда Прозоров сдвигает брови, когда его верхняя губа начинает подергиваться, жди очередную безумную идею.

— А почему же яхту не атаковали на курсе?

— Потому что не было гарантии, что при атаке эльгуровцы не активируют бомбу. К тому же яхта шла в режиме радиомолчания, то есть даже с отключенным GPS-навигатором! Сначала она прошла по территориальным водам Японии, от Окинавы метнулась к Филиппинам, ну а после уже направилась к Гуаму, вошла в территориальные воды и принялась прогуливаться вдоль Марианской впадины. В общем, курс эти ребята проложили так, что почти все время шли вдоль очень оживленных морских путей. А двадцать мегатонн даже на уровне океана дали бы радиус поражения в пару сотен миль и непременно угробили бы несколько судов разных государств, не говоря уже о человеческих жизнях.

А после того как яхта вошла в территориальные воды Америки, мы уже не могли ее оттуда вытащить. Еще американский президент Буш в давние времена подписал законный акт, назначающий Марианскую впадину национальным памятником. А это, чтоб не соврать, чуть не двести пятьдесят тысяч квадратных километров. Самый большой морской заповедник в мире, даже больше, чем Морской национальный памятник Папаханаумокуакеа. Зачем Бушу это по-

надобилось — можно только гадать. Может, уже тогда «Эльгуру Бишимс» что-то затевало...

Поскольку впадина — национальный памятник, то ее охраняет полтора миллиона всяких запретов. И рыболовство строго запрещено. Разве что прогулочные яхты над ней шастают. Но нам туда доступа нет, даже если пойдем на резиновой надувной лодке.

Наша служба внешней разведки сработала прекрасно, вот только официальным путем мы не могли повлиять на ситуацию. И ждать, пока в Пентагоне проверят доставленную нами информацию, тоже не могли. «Найтфолл» стал для нас недосягаем. То есть сверху недосягаем.

Оставалась единственная возможность: каким-то образом помешать сбросу бомбы. Например, поймать ее в ловушку, утащить подальше от хозяев и обезвредить. Вот здесь-то и понадобились глубоководные пловцы — «дельфины» и «скаты». Только мы могли подобраться на максимальной глубине туда, где околачивается «Найтфолл», подхватить опускаемую бомбу и отбуксировать ее в нейтральные воды.

О том, что бомбу явно будут сопровождать спецы в аквалангах, мы тоже знали. На «Адмирале Нахимове» были батискафы, и перед нами поставили задачу сопровождения батискафов, чтобы они без помех несли круглосуточную вахту. А уходили вниз мы и с «Адмирала Нахимова», и с «Мурманска», бродившего километров за двадцать от тримарана. «Скаты» — с «Нахимова», «дельфины» — с «Мурманска». А чтобы наши переговоры не перехватила американская пограничная служба, что-то посылалось спрессованными пакетами, а что-то — даже флажками.

А что? Когда-то этих флажков хватало для маневров целой эскадры.

На Гуаме располагалась тогда база американских боевых пловцов — «касаток», но там стояла тишина. По данным разведки, парни просто тренировались. Правда, они в любую минуту могли погрузиться на вертолеты и десантироваться на «Найтфолл», но нам с того было не легче. Экипаж «Найтфолла» не слепой, увидит над собой вертолет — и избавится от ценного груза.

Помню, Прозоров очень радовался тому, что наконец-то появилось настоящее дело. Правда, за время патрульной службы в Беринговом море он малость утратил форму, но мозги функционировали в штатном режиме — то есть снова замышляли разнообразные безобразия.

Соперничество между «дельфинами» и «скатами» чаще было комическим, но иногда доходило до серьезного, и тогда в ход пускались все достижения науки и техники, до которых бойцы могли дотянуться. Где прапорщик Петренко раздобыл тех «жучков», я не знаю, а сам он ни за что не признался бы. «Жучки» были маленькие вроде клопов и пролезали в любую щель... В те времена китайцы по части нанотехнологий обогнали всех, и «жучки» как раз были оттуда. Контрабандные, конечно, не без того... В общем, Прозоров с Петренко подсадили их «скатам» — везде, куда смогли, даже в галюн. Потом настроили у «жучков» радиоканал на передачу и запустили звукозапись с комариным писком. Причем включалась запись, только когда кто-то из «скатов» оказывался рядом с таким «жучком». Представь картинку: группа после многочасового погружения возвраща-

ется в кубрик в надежде поспать, а там словно болото комариное!..

— И что, их так и не выловили? Этих «жучков»? — посочувствовал я.

— Обнаружили, конечно, — подмигнул мне Сомов. — Я и нашел. Поймал одного, мы с ребятами поковыряли маленько, кое-что перенастроили в программе, и в одночасье все Сашкины «жучки» явились к нему в каюту, построились парадным фронтом и исполнили «Прощание славянки», после чего дружно отправились на палубу и попрыгали за борт!..

Мы расхохотались одновременно, потом выпили еще по чашке чая, и Сомов продолжил захватывающие воспоминания.

— У нас в отряде тоже был свой Прозоров — лейтенант Василий Репнин. Вот он-то и додумался стянуть у боцмана «Адмирала Нахимова» запасной Андреевский флаг, прицепить к нему груз и спустить в Марианскую впадину — пусть, мол, все знают, что она наша! А обсуждали мы это, пока еще не изловили первого «жучка».

Сашка, понятное дело, такого афронта стерпеть не мог. На «Мурманске» никакого Андреевского флага, естественно, не было. На что он мирному казамарану, все оружие которого — холодильная установка? Кстати, к «Мурманску» постоянно подходили сейнера и сдавали улов. Бомба бомбой, а плана по ловле скумбрии никто не отменял. Зато, как на всяком порядочном судне, на «Мурманске» были флаги международного свода сигналов, которые время от времени использовались. Два комплекта, как полагается. Вот их-то Сашка и похитил. Правда, не все.

★ Тем временем «Найтфолл» неторопливо прогуливался вдоль самой глубокой во всей впадине долины — видимо, эльгуровцы все еще вычисляли подходящее место.

Сейчас эти каменные мосты — туристический объект. Посмотри в коммуникаторе... Четыре огромных моста, с одного края впадины до другого, а это чуть ли не семьдесят километров. Самая высокая точка такого мостика — два с половиной километра ниже уровня океана. Ну и ширина у них соответствующая. Если бомба ляжет на такой мост — то, конечно, вреда причинит немало, но вреда сравнительно небольшого.

Мы ходили на глубину не всем отрядом, а группами по восемь человек. Там, внизу, мы монтировали ловушку — что-то вроде трала, только из стальных тросов, чтобы поймать и отбуксировать бомбу. Другую такую же ловушку монтировали «дельфины». Ведь мы очень приблизительно представляли себе, куда именно эти сукины сыны будут спускать свою смертельную игрушку.

У них тоже были свои пловцы — одиннадцать человек. Вниз они уходили регулярно по два-три человека через кессон в дне яхты. Видимо, сверяли реальность с показаниями сканирующей техники. После каждой такой вылазки «Найтфолл» перемещался километра на два-три, но территориальных вод Гуама не покидал. А еще была у эльгуровцев очень милая декорация — четыре очаровательные девушки. Они тоже иногда ходили вниз, но обычно загорали на палубе, всем своим видом показывая: мы, мол, безобидные, мы помышляем только о нежностях и развлечениях...

Репнин, наш прожженный ловелас, не преминул воспользоваться бесплатным шоу для «массажа глаз», как он выразился, и наснимал этих русалок во всех видах, потом смонтировал фильм и несколько вечеров кряду устраивал в кубрике эротический сеанс для всех желающих, пока про кино не прознал старпом и не влепил Ваське два наряда с конфискацией.

— А старпом сохранил эту запись? — ехидно поинтересовался я. — Не поверю, что стер!

— Об этом история умалчивает, Миша, — ухмыльнулся Сомов. — Однако, насколько я успел узнать старпома, он слыл человеком строгих правил и семейного уклада. Думаю, запись ушла к специалистам службы внешней разведки, которым пригодилась для окончательной разборки с «Эльгуру Бишимс». И вот спустя две недели началось!

Сомов взялся набивать новую трубку. Я молча ждал.

— Для спуска бомбы они выбрали ночь. В это время внизу дежурила группа Прозорова. Как только пришел сигнал тревоги, всех «скатов» отправили на подмогу. Мы снарядились по полной — вкололи кислородные активаторы, натянули «вторую кожу», те самые костюмы для долгого погружения, ну и всякой полезной мелочи в сбруе, включая контактные разрядники, ножи и ультразвуковые пистолеты. И еще кислородные баллоны с масками. Мы не знали, на какой глубине удастся перехватить проклятую бомбу. А там чем ниже — тем гуще бульон, в который понамешано всякой отравы. Думаешь, почему там рыб нет, одни ядовитые амебы?

Как оказалось, Васька успел-таки прихватить Андреевский флаг. Плотно упаковал, подвесил к поясу,

а вместо груза приспособил банку тушенки, которую стащил на камбузе. У него эта конструкция была приготовлена заранее.

Командиром нашего отряда был тогда капитан-лейтенант Авилов. Хороший, толковый командир. Едва мы группами прошли нулевой горизонт и развернулись в боевой строй, Авилов (у него была прямая связь с постом наблюдения на «Нахимове») скомандовал: форсаж! Видно, у «дельфинов» внизу дела шли совсем неважнецки, потому что форсаж подразумевал использование мини-торпед для скоростного движения под водой, эти штуки шумят на милю вокруг, а значит, эффект внезапности мы потеряем.

А нам ведь еще нужно было корзину для бомбы подхватить. Она висела под «Нахимовым», под средним корпусом, на глубине в двадцать метров. И, казалось бы, состояла из одних дырок, однако буксировать ее — то еще удовольствие.

Однако делать нечего. Вцепились мы по четверо в торпеду, пристегнули тросы от корзины и рванули наших «хулиганов» во главе с Сашкой выручать. Вовремя поспели, надо сказать.

«Дельфины» схватились с эльгуровскими пловцами в рукопашную — никакого серьезного вооружения во время патрулирования они с собой не брали, чтобы не таскать лишний груз. Да и какое такое вооружение — это же разведка. Им нужно было продержаться до нашего появления. Это значило — остаться в живых и не дать бомбе уйти вниз.

Что такое бой океаника с аквалангистом — представляешь? Аквалангист должен все время беспокоиться о кислородном шланге. Но он зато вооружен —

эти сукины дети взяли с собой ножи, короткие пики и арбалеты для подводной охоты. Я так понимаю, эльгуровцы сообразили, ради чего поблизости боятся «Нахимов» и «Мурманск». Вот только о существовании океаников они не подозревали! Представляю их рожи — в воде на тридцатиметровой глубине бултыхается человекообразное без акваланга! Только маска для акустической связи.

Видимость на глубине полсотни метров, да еще ночью — сам понимаешь, почти нулевая. Но это если не иметь такой штуки, как глубоководный тепловизор. А в снарядку «ската» обязательно входил этот полезный приборчик. Просто опускаешь на маску щиток, и любой, излучающий тепло объект — как в кино, от желто-зеленого до огненно-рыжего. Даже если пловец в гидрокостюме, он все равно некоторую часть тепла тела пропускает, и с расстояния четыре-пять метров ты видишь размытую фигуру, которая, как медуза или огромная цветная клякса, бултыхается в толще воды. Фокус был в том, чтобы не перепутать своих с чужими, и для этого я придумал сделать тепловые окошки на спине и груди каждого «ската» и «дельфина». Они выглядели в тепловизоре оранжевыми кольцами на зеленовато-желтом фоне фигуры.

В общем, когда мы подрулили к месту схватки, то сперва включили тепловизоры, быстро разглядели своих и поняли — швах дело! Эльгуровские пловцы ничуть не уступали «дельфинам» в подводной сноровке, а ножиками и короткими пиками орудовали очень даже ловко. И было их намного больше, чем мы привыкли считать! Человек пятнадцать прикрытия, да еще те, что бомбу тащили. Выглядела эта

дура, надо сказать, экзотично: двухметровый шар с короткими и толстыми шипами во все стороны — ни дать ни взять старинная глубинная бомба, только огромная.

Вот возле нее, мерзавки, кутерьма и крутилась. Авилов дал мне знак: бери пятерых — и к бомбе. Сам же повел остальных «скатов» в атаку. Моя группа на двух торпедах сделала крутой разворот и зашла на бомбу снизу. Одной торпедой мы удачно протаранили сразу двоих из ее сопровождения. Они от удара и неожиданности выпустили шипы, за которые тащили бомбу к месту сброса (я увидел — оно было обозначено цепочкой световых буев, исчезающей в бездне). В результате бомбу перекосило, и те, что удерживали ее с другой стороны, тоже упустили свои шипы.

Проклятая бомба стремительно пошла вниз!

«Дельфины» погнались за ней.

В этот момент меня атаковал пловец из ее сопровождения, я едва успел увернуться от его выпада — лезвие ножа даже чиркнуло по моей маске. Сорвав с пояса ультразвуковой пистолет, я приставил дуло к груди противника и нажал спуск. Его тело свела судорога, а я получил невидимый удар по ушам, так что голова вмиг наполнилась страшным тонким воем. От неожиданности я выпустил пистолет, но почувствовал над собой движение воды и резко ушел кувырком влево. Мимо мелькнуло зеленое тело — без оранжевого круга! Я выдернул из зажима нож и устремился за эльгуровцем.

Это был здоровенный дядька, и он повел троих аквалангистов защищать бомбу от наших ребят.

Я подал команду: «скаты», за мной! Счет шел уже на доли секунды.

Эльгуровцы стали стрелять в «дельфинов» из арбалетов. Это было разумно, это было для них безопасно — да только они не знали, что такое в подводном бою хорошо вооруженный «скат».

Честно скажу — был миг, когда я мысленно попрощался с нашими «дельфинами». Миг — а потом злость. Это что же, какие-то сволочи одолеют «дельфинов»?! Сашку, Ромку, Тимура?..

Я выстрелил в того дядьку, и снова уши чуть не треснули. Попал в руку, он развернулся ко мне вместе с арбалетом. Но он имел дело не со мной одним — со всеми моими «скатами». Командир, Авилов, выстрелил — и попал ему в грудь. А я отнял у еле живого тела арбалет, перерезав его тросик стропорезом. И сразу же выстрелил в аквалангиста, захватившего сзади авиловскую ногу. Если знать, куда бить ножом — можно повредить артерию, да так, что наверх всплывет уже обескровленный покойник.

Повторяю — на все на это ушло секунд десять, ну, двенадцать. Поэтому я не видел самой развязки. Не видел, как Сашка рванул за бомбой, как Репнин и Петренко волокли корзину-ловушку, как кто-то из «дельфинов» поймал дрейфующую торпеду и помчался к «скатам» на выручку...

Уже потом, на «Нахимове», Репнин в лицах и красках расписал финал. Прозоров догнал-таки бомбу, поднырнул под нее и, приняв на спину, вместе с ней медленно пошел вниз. Но дал возможность Ваське с Лехой обогнать и подвести ловушку снизу. Они поймали мерзавку аккурат на отметке девяносто два

метра! Еще несколько метров, уткнулись бы в нижний термораздел и — поминай как звали!..

— Почему? — не удержался я.

— Потому что в тропиках нижний горизонт теплых вод для пловца — почти стенка, слишком велика разница в плотности, как мячики от нее бы отскочили, а бомба своей массой легко термораздел прошла бы.

Репнин и Петренко поймали в ловушку бомбу вместе с Сашкой — тут уж не до реверансов. Прозоров ввалился туда боком, попытался выкарабкаться, но корзину уже тащили с максимальной скоростью, на какую только способны пришедшие в ярость боевые пловцы. Они чуть не проскочили мимо торпеды, но опомнились и принаитовали к ней корзину. И торпеда, в которую вцепились «скат» Репнин и «дельфин» Ковальчук, ушла вверх. Еще нужно было выйти на поверхность подальше от «Нахимова» — мало ли что?

Но Сашка все же выскользнул из корзины и помчался туда, где мы дрались с эльгуровцами. Пошел, пошел — и пропал!

Появился он снова, когда корзину догнали и попытались-таки отбить уцелевшие эльгуровцы. Лично видел, как Прозоров утопил одного с помощью разрядника. Нам же предстояло отбуксировать добычу туда, где ее, проклятую, можно было поднять на один из ожидавших катеров. На «Нахимов» уже прибыли опытейшие саперы, каких только удалось найти на Тихоокеанском флоте.

Было еще одно пикантное обстоятельство. Мы не знали, как эти фанатики собирались привести бомбу в действие. Теоретически — посредством обычного часового механизма, который должен был сработать,

когда «Найтфолл» убрался бы подальше. Хотя шансов уцелеть у этих сумасшедших все равно не было... Но практически в детонаторе мог стоять и датчик давления, например.

Так что «дельфины» со «скатами» дружно сопровождали корзину, ругаясь самым непотребным образом на весь эфир — благо режим тишины соблюдать уже стало необязательно.

Моя группа прикрывала отступление, отгоняя последних эльгуровцев (кажется, фанатики погибли все до одного), и вдруг рядом со мной появился Сашка. Я услышал в наушниках его радостный голос:

— Порядок! Они там!

Ну да, Прозоров, как будто у него других дел не было, сорвал с себя пакетик с двумя флажками, «Ромео» и «Индия» — желтый крест на красном поле и черный круг на желтом поле. Даже в наше время любой моряк сразу правильно поймет: «РИ» — «Российская Империя».

— А я раньше успел! — не замедлил сообщить Репнин. — Андреевский-то вниз ушел аккуратно, когда мы тебя с бомбой ловили!..

Ответом ему было тихое рычание и дружный хохот.

А когда мы выбрались на палубы «Нахимова», с обеими командами случилась настоящая истерика. В небе висели два штатовских вертолета. До наших заклятых друзей наконец дошло, что дело нешуточное, и они собрались десантировать своих «касаток».

Я впервые видел на Сашкиных глазах слезы — так он хохотал. А в это время саперы, сидя в шлюпках, спешно сканировали бомбу.

И что бы вы думали? Когда нас после медосмотра повели кормить, кто-то из «дельфинов» успел нам подсыпать соли в сахарницы.

— Ай да шкодлики! — со смехом сказал я. — Ну и историю вы рассказали, Никита Иванович! Чистый боевик! Фильм бы по такому сюжету снять... А флаги-то теперь где?

— Думаю, они до сих пор еще там, — серьезно ответил Сомов. — Андреевский и «Российская Империя». Тут нам повезло — они ушли не на самое дно, где ил в километр глубиной, а рядышком встали на мосту. Их теперь туристам показывают. То есть уже не их — те, что мы туда десантировали, уже выцвели. Флаги там регулярно раз в два-три года меняют. Колышут их течения, и всякий, у кого хватит денег на туристический батискаф, их там увидит. И поймет — это наша земля. Пусть и под водой, но — наша.

— Ну а конец истории?

— Он-то как раз всем известен, Миша. Наше Министерство обороны опубликовало специальный отчет, не упоминая, впрочем, догадок насчет спонсоров и заказчиков этого безобразия. Нам его показали, вот только прессу забыли пригласить. А потом было четырнадцать заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Организация с гнильцой, но другой, способной принимать решения о границах, у нас, к сожалению, до сих пор нет... Ты сам знаешь, где теперь российская граница.

Мы одновременно посмотрели на восток, где над невысокой скальной грядой, прикрывающей город, уже появились проблески зари, и темно-синий бархат неба прорезали первые тонкие золотистые копыя.

— Что ж, Никита Иванович, мне пора. — Я поднялся. — Огромное спасибо за встречу! И за угощение — отдельно вашей хозяйке... Думаю, статья у меня уже есть.

— И тебе спасибо, Миша. Что помог вспомнить и не забыть, — по-отечески добро улыбнулся Сомов и крепко обнял меня на прощание.

Я поставил точку, сохранил файл и закрыл унбук. Финиш! У меня получилось! Статья вышла такая, что просто и мечтать не приходилось. Уникальный материал, который никто за десять лет ни разу не публиковал. А все потому, что наши ребята-глубководники — не важно, как их называют: «дельфины», «скаты» — при всей своей лихости и ухарстве на самом деле скромные работяги, и для них слова «честь», «совесть», «Россия» — не пустой звук. А также слово «дисциплина». Океаникам сказано молчать о подробностях своего житья-бытья — они и молчали.

Сомов не рассказал, что после Марианского инцидента всех участников поместили в главный военно-морской госпиталь и месяца два лечили им легкие — от той отравы, которой они надышались во время боя. Дольше всех врачи возились с Прозоровым, и на подводной карьере ему пришлось поставить крест. Но за ним примчался кавторанг Орловский, забрал его к себе, на свежайший воздух, на здоровую еду, и так началась надводная Сашкина карьера — очень удачная, полагаю, потому что теперь адмирал Прозоров — главная звезда Тихоокеанского флота. Ему даже простили ту историю с плотом, груженным манекенами в лохмотьях, который занесло

чуть ли не к острову Пасхи. Надо же искать нетрадиционные методы обучения молодежи.

Я подошел к окну и посмотрел на родной город, погружающийся в синий сумрак, расцвеченный ожерельями вечерних огней, вынул мобильник и набрал знакомый номер.

— Здравствуй, родная!

— Ох, Миша! Ты вернулся?.. Как здорово!

— Я привез тебе настоящие чаморрита. Белые, синие и красные. И хочу надеть их на тебя. Завтра можно?..

— Конечно, Мишенька! Буду ждать завтра с нетерпением!..

— Не волнуйся. Оно непременно наступит. Спокойное и светлое. Доброй ночи, Ириша!..

— Доброй ночи, мой бродяга!..

АЛЕКСАНДР ТЮРИН

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ТИТАНОВЫЙ ПЕС

Пролог

Н а момент все застыло вместе с его дыханием, повиснув пестрым облаком в пространстве. Развороченная обшивка, сломанные ребра шпангоутов, вздыбленная палуба, выбитые соты локаторов, гранитного вида силовые агрегаты, цилиндры компрессоров и пластины теплообменников, порванные жилы кабелей и трубы жизнеобеспечения в густых облаках кристаллизовавшейся жидкости. Все словно легло разноцветными мазками на холст сбрендившего экспрессиониста. Застыл и стяг державы, окруженный слепящей тьмой.

Около его пальцев повис небольшой контейнер с хроноквантовым конденсатом, полученным в результате эксперимента на станции «Юпитер-25», где «переохлажденный» вакуум привел к высвобождению темпоральных трубок из связанного состояния. Тех самых, что определяют фундаментальное взаимодействие во времени, спутывая или разъединяя фазовые траектории систем. Из-за этой «пробирки», успел подумать он, и велась охота на корвет. Корабль подорвался на mine, не давшей отметки цели ни для

★ одного локатора. Все произошло слишком быстро, чтобы капитан вывел в пространство боя звено истребителей или электронный командир БЧ-2 поставил корабельному оружию огневые задачи.

Окружающее разом пришло в бешеное движение. Он с разгона чуть не врезался шлемом в шасси спасательной капсулы; рванув ручки ее люка, ворвался внутрь, с ходу дернул тумблер двигателя, увидел надвигающуюся сзади стену бешеного огня, и выжал дроссельный рычаг на полную. Десятисекундное ускорение в 23 g ненадолго вырубilo его. Когда пришел в себя, то оптико-электронная система наблюдения показала три вражеских истребителя на хвосте, скорость в два раза больше, чем у него, маневренность и нечего сравнивать. Оружие у них, какое хочешь; у него — ноль, даже если плюнешь — в себя попадешь. С пилона одного из тех истребителей сошла ракета. Он видел просверки ее маневровых движков, ее факел, нагоняющий его. Неотвратимо, как падает нож гильотины на казнимого. А ему ничего, кроме ругани, не остается: «Козлы, я вас с того света достану!»

Его рука сжала контейнер и почувствовала, как тот крошится. Конденсат стремительными голубыми искорками прошел сквозь скафандр.

Взрыв разодрал капсулу, выбросив его навстречу звездам. И космос ворвался в его грудь вместе с равным куском обшивки.

1. Плен и побег

Мне снятся золотые купола, омываемые в яркой голубизне неба. То ли ракеты, то ли храмы. И деликатный ветерок, треплющий мне волосы, и осто-

рожное солнце, ласкающее мою кожу, и шепот листвы пополам с колокольным звоном, нежащие мой слух. Когда я просыпаюсь, не могу понять, было ли что-нибудь такое наяву. А вообще после пробудки надо поскорее выковырять крохотных, но вредных биомехов-твурмов, которые во время сна норовят залезть тебе под кожу — паршивцы особенно любят естественные отверстия...

Я не знаю, что было со мной раньше, до того как оказался на мусорной плантации. Но мне прекрасно известно, что теперь все мое существо, время и силы принадлежат господину, именуемому Кубхан, да сгорят у него яйца и протухнут мозги. И даже когда я откину копыта, мои потроха под элегантным наименованием «человеческие экспланты», как и одолженные мне карбонопластиковые ребра и артерии из поликапролактона будут использованы Кубханом при производстве одного-двух злобных франков. А мое синтетическое сердце отправлено почтой обратно в корпорацию «Бест Эйдж», вырастившую его на своих трехмерных хитозановых подложках и предоставившую его в лизинг.

Вся остальная память стерта хорошо подобранным электромагнитным пучком, который что-то там раздербанил в коре моего мозга. То немногое, что осталось мне от прошлого, — это погасшая фотоническая татуировка у меня на запястье — в виде якоря со звездами вместо лап. И саднящая тоска под моим эрзац-сердцем — я ведь не всегда был таким куском дерьма, как нынче.

Уже около года я нахожусь в замкнутом пространстве непонятной протяженности и геометрии, перерезанном плоскостями и линиями платформ,

★ — рамп, трапов, труб и шлангов. Здесь холодно и сумрачно, кислорода явно меньше нормы, имеется сила тяжести, естественная или искусственная, треть базовой земной. Что это, космический корабль или станция; нутро астероида, изъеденного проходческими комбайнами и раскрученного буксирами-толкачами; подземелье, прорубленное ядерным взрывом на спутнике Юпитера?

Думать мне позволяется; но о чем думать, когда в голове — ноль? Ясно только одно, что я — в клетке, какой бы размер она ни имела. Видно, что полость обитаема. Из тьмы во тьму уходят сортировочные конвейеры. Вдоль них — колеблющиеся красные огоньки, это рабы Кубхана. Сверху опускаются ковши и манипуляторы — там, наверное, крановые мосты и монорельсы транспортеров, но их уже не видно; если долго вглядываться, то прилетит лазерный лучик прямо в глаз. Иногда оттуда доносится что-то похожее на лай и урчание — это, наверное, робопес в добавление к охранникам — франкам и скиннерам. Если туда доберешься, он радостно похрумкает твоими костями.

У котла-дрекслера должна пройти вся моя оставшаяся жизнь — в компании кибоксов, соединенных нейрокабелем со своим сервером. Я от нечего делать вроде как общаюсь с ними. Ведь если молчать, то можно быстро съехать с катушек. Подкидываю им короткие бессмысленные фразы: «Эй, лупоглазый, а у тебя девушка есть?», «Ау, грязнуля, хочешь, научу попу вытирать?» и так далее. В ответ — зачитываемые речитативом параграфы из инструкций или краткие нравоучения: «Кубхан дает тебе десять кубометров воздуха каждый день, да здравствует ответственный бизнес», и тому подобное...

Эти товарищи по несчастью вкалывают 24 часа в сутки, я на четыре часа меньше, да еще на рабочем месте иногда отбиваю чечетку — украдкой, конечно; чтобы не свихнуться от работы. Получается, что кибоксы обходятся Кубхану несколько дешевле, чем я, и окупаются они уже через полгода после изготовления. Согласно закону прибыли, требующему уменьшения издержек, я ему нужен не более чем биоотходы в дрекслере. Так зачем я ему все еще нужен живым — этот вопрос оставим на потом.

В дрекслере пузырится всякая отчаянно воняющая гадость, которая поступает по трубам, изгибающимся как змеи благодаря своим синтетическим мышцам. Прилипчивые мицеллы с режущими головками, то есть дизассемблеры, резво перерабатывают отбросы. То ценное, что осталось от живых и квазиживых организмов, является моей работой — я с напарником-кибоксом вылавливаю большими сетями с управляемой ячеей все, что может пригодиться Кубхану для продажи на рынке, пока это добро не растащено на молекулы. В первую очередь органические чипы.

Несмотря на свою прочищенную голову, я тут самый хитрый. Здешние кибоксы не прикарманят, они запрограммированы на обеспечение максимальной прибыли хозяину, поэтому им доверено выискивать кубитные процессоры, терабайтные накопители и то, что содержит редкие земли. У кибоксов червеобразные пальчики, усеянные пупырышками рецепторов, и квантовый крючковатый нос, которым все они обнюхивают, улавливая колебания молекул ценных веществ. И ничего их от работы не отвлекает. Даже гадят под себя — это затем вылизывают слизи-би-

омехи. Питание поступает им прямо в кровеносную систему. Каждые четыре часа включается помпа, от которой тянется шланг к каждому из них, точнее, к патрубку в районе поясницы, соединенному с их системой питания.

От варева в дрекслере поднимается жирный пар, — состоящий из агрессивных дизассемблеров — они забивают отверстия воздушного фильтра у моей дыхательной маски. Поэтому лучше иметь баллончик оксигеля, чтобы дотянуть до конца смены. Оксигель можно выменять у роботехов-харонов, которые доставляют сюда новый персонал взамен скапустившегося и новое оборудование вместо износившегося. Но сделать заначку — к примеру, алмазный чип, алмазик с особыми дефектами в трехмерной решетке — надо так аккуратно, чтобы не заметили охранники-франки. Кстати, наказание на нашей мусорной плантации единственное и однократное — тебя отправляют прямым в тот самый дрекслер.

Вчера франки бросили туда кибокса, который работал несколько недель рядом со мной — за левый игровой софт, который он сунул себе в разъем под мышкой, чтобы, как зачитал в приговоре виртуально явившийся Кубхан, «не отдаваться полностью работе на своего законного владельца». Кибокс — чувствующий биомех, и орет он, когда его сжирают заживо, соответственно. На моих глазах дизассемблеры растаскивали его на куски: приводы, чипы контроллеров и кристаллы процессоров, трубки системы питания, светящиеся нити информационных магистралей, гелевые амортизаторы — последним истаял его динамик, горестно шепчущий: «Я всего лишь хотел

немного развлечься». А я ведь пытался научить его украдкой отбивать чечетку, и он был мне почти что братом...

Сегодня стало плохо с моим воздушным фильтром уже на пятом часу работы; жарко, душно, ко мне словно вампир присосался. Мне не достаточно кислорода, не хватает даже слов. Чувствую, еще немного, мое сознание полетит куда-то вдаль, а сам я свалюсь — головой в булькающий дрекслер. У меня сегодня нет заначки, и если б была, то хароны появятся лишь через пару часов.

Одновременно с этой немощью ощущаю, будто растекаюсь и расплываюсь по всей этой полости. Мир вокруг меня дрожит, колеблется, раздувается и сдувается в такт моему натужному дыханию. И кибоксы, и франки, и спиннеры, и дрекслеры, и все остальные объекты становятся бледнее, тоньше, словно бы узором на пленке. При вдохе они стягиваются все в точку, находящуюся внутри меня, при выдохе исходят из этой точки. Я просто точка в пустоте. Минимум сознания.

Я, находясь на грани нокаута, словно выдохнул себя в того кибокса, который стоял неподалеку, и очутился в биомеханической тесноте его тела, с его спинтронными мозгами, гидравлическими приводами и человекоподобной кровеносной системой. Чувствую карбонопластик с его плотно упакованными цепочками атомов углерода; из него в основном и сотканы биомехи этого типа. Дальше — больше. Вливаюсь в системную шину кибокса, меня словно подгоняет электронный ветер — и осязаю пульсации, проходящие через нее; отсчитываю их частоту, протяженность, силу. Как будто в моем неокортексе

гнезятся необходимые для этого интерфейсы. Однако, в отличие от визуализации, присущей обычным киберреальностям, упор сделан на тактильные ощущения, осязание. Я вмешиваюсь в поток сигналов, и обработчик прерывания переводит операционку кибокса в режим отдыха.

Краем глаза замечаю, как кибокс, застыв в прострации, шепчет: «Останов — причина выясняется». Мое тело срывается с места как бумажка под порывом ветра. На меня бросается франк-охранник, собираясь прижучить меня разрядом тазера. Пока собирается, сам попадает в мой сачок и улетает в котел, оставив свое оружие в подарок. Дюжина кибоксов вяло пытаются затормозить меня, но лишь тыкаются друг в дружку и неловко пытаются выкрутить друг другу руки.

Мономолекулярные дисплеи, сидящие как линзы на моих глазах, показывают сейчас не инструкции, а виртуального Кубхана. Он как настоящий, только в руке его блещут молнии: «Немедленно вернитесь на свое рабочее место или вы будете брошены в котел».

Мимо пролетает ковш загрузчика — перемахиваю на него, по пути откидывая ногой франка-охранника — каблуком ему в лоб на долгую память. Ковш поднимается наверх и я вместе с ним — мимо монорельса, по которому скользят транспортеры, мимо ремонтных трапов; соскакиваю на один из них. Из последних сил отсчитываю ступени наверх, все-речь задыхаюсь, но вскоре мне становится легче бежать; значит, сила тяжести искусственная и убывает. Однако на хвост мне уже сели. Снизу по трапу поднимается, пуская пар, патрульный спиннер и свер-

ху спускается еще один. У этих биомехов нет лица, только керметовый панцирь, напечатанный на 3D-принтере, и челюстерики-хелицеры, с которых свисает ядовитая слизь метаболитов; тело сегментировано на головугрудь и брюхо, шесть конечностей с клешнями, перекусывающими даже арматуру.

Заряда у тазера достаточно, стреляй — не хочу. Да только спиннер прыснул чем-то эластично-полимерным, что, намертво приклеившись адгезионным кончиком к моему трофейному оружию, выдернуло его. Чем теперь обороняться — даже соплей нет. Я вспоминаю, что у меня там в рюкзачке — все ж свое ношу с собой, потому что не знаю, где удастся прилечь после смены. Две пластинки комбикорма, выработанного на механохимической фабрике из откровенного кала, плюс мочалка-грязеедка.

Я как будто в прострации, время растянулось резиновым жгутом; «выдыхаю» себя в того спиннера, что снизу, и достаю того, что спереди — ощущаю паутинки электромагнитных взаимодействий в их «мозгах», а затем словно пучок пульсирующих нитей оказался в моих руках. Я их что, хакнул, получается? Единицы и нули пульсациями стекают по моим пальцам. Мыслительная схема у спиннеров, похоже, попроще, чем у кибоксов; эмоциональной матрицы вообще нет. Пробую самостоятельно задать пульсациям силу и частоту; с третьей попытки симитировал прерывание для процессора, передав код ошибки от контроллера челюстерики. Спиннеры дружно перешли в режим тестирования, их хелицеры заплясали, как руки дирижера. Откуда это словцо — «дирижер», кто это? В любом случае пора ускользать.

★ Прыгаю с трапа и повисаю на бухте кабеля, переносимой краном. Кран поднимает бухту, да и я активничаю, карабкаюсь вверх по тросу — к балке кранового моста.

Когда выбираюсь на пролетную балку моста, ко мне с обеих сторон уже торопятся франки. Их правые руки, благодаря синтетическим генам, заканчиваются клинками. На лезвиях, заточенных до одноатомного предела, играет интерференционными узорами свет.

Спереди и сзади — все ближе. А мне сейчас одна забота — отдышаться. Им бы изрубить меня сразу в лапшу, но наверняка есть приказ Кубхана: взять меня живьем и швырнуть в котел, для красоты и педагогического эффекта. Тот, что сзади, лупит меня нейрохлыстом, чтобы я выключился от боли, но у меня на кисть намотана мочалка — перехватываю хлыст и выдергиваю; франк от неожиданности выпускает рукоятку, которая оказывается в моей руке. Мне удастся захлестнуть нейрохлыстом шею переднего франка, тот из-за боли теряет контроль над своим клинком. Взяв его руку на излом, направляю клинок во франка номер два. Острие входит в него легко, как в жижу. Танец заканчивается падением партнеров с моста.

Я, добежав до концевой балки, огляделся — метрах в двадцати от меня кабина дистанционного управления краном. За ней как будто трап.

Но из кабины выглядывает косматое существо вроде робопса; это не тот ли, что грозно лаял и подвывал сверху? Сейчас он свирепо гудит и с его пасти слетает чехол, пятисантиметровые приятно поблескивающие клыки с щелканьем встают в пазы на челюстях — надо обогнуть его, чтобы не лишить-

ся какой-нибудь важной детали ниже пояса. Однако робопес легко просчитывает мою траекторию; его тело, полное синтетических мышц, с легким шипением шарниров вытягивается из кабины, становясь как тугая струна.

— Отстань, тварь, — я бросаю из рюкзака обе пластинки комбикорма ему на растерзание, затем и мочалку прямо ему на нос. Это пока что отвлекло его, красные огоньки глазков-камер фокусируются на неожиданном «подарке». Он стряхивает ее и снова ловит, вроде как забава — робопес явно скучал до моего появления, — но путь к трапу все равно перекрыт. Я перемахиваю на крышу кабины. Сила тяжести минимальна. Может, попробовать подпрыгнуть? Прыгаю, но мне явно не хватает силенок, подлетел на пару метров и вернулся назад. С большой натугой подскочил еще раз — и вот незадача, снова возвращаюсь. А по балкам уже подползают червеобразные объекты размером с хорошую палку колбасы. Опять по мою душу. В передней части у каждого робочервя полусферический панцирь, напоминающий шлем, поверх которого рожки — от них идет волна озона, значит, будут шарахать разрядами на несколько тысяч вольт. Запросто поджарят.

Тут в меня снизу врезается крепкая башка робопса, который, наигравшись, пытается ухватить челюстями за мою задницу. И я с такого хорошего толчка лечу верх тормашками, не останавливаясь, и уже ничего не тянет меня назад. Верх и низ меняются местами, я вижу внизу грузовой док. Однако за мной летит щелкающая острющими клыками тварь; на носу у нее так и прилипла моя мочалка, образовав подобие шикарных кавалерийских усов.

2. В бегах

Я шлепнулся на платформу дока — здесь уже имелась слабая сила тяжести, где-то четвертушка от базовой земной. Следом приземлился и робопес — я едва успел откатиться.

Клацая титановыми когтями по стальному покрытию, он приближался ко мне. Не рычал, но как-то звенел от злости. По внешнему виду похож и на здоровенную крысу, а зубов у него, что у крокодила. Робопес резко бросился на меня, но я успел подкатиться под него, он захватил меня задними лапами, и мы оба слетели с платформы дока. По дороге я уцепился за какой-то кабель, тот вырвался из крепления, но все же остановил мой полет. Одной рукой я хватался за него, а второй, оказывается, держал робопса за заднюю лапу. А внизу, под нами, катапульта с линейным электродвигателем разгоняла пузатый грузовик на пять тысяч тонн дедвейта.

Мне стоило разжать руку, и металлическое животное отправилось бы вниз — там от него не то что мокрого, и сухого б места не осталось. Только робопес, повернув голову на 180 градусов, смотрел на меня. Стандартные вроде «глаза» — трехканальные камеры. Но за этим было что-то еще, как будто бие-ние чувства, словно у этой твари из титана и квази-живой органики, помимо стека исполняемых команд, имелась душа настоящего пса, пусть она и базировалась на спиновых волнах аналогового процессора. Я будто услышал музыку магнитных вихрей, рождающих его сознание. Почувствовал его одиночество и желание повилать хвостиком. Ему был нужен друг и хозяин. И робопес впервые тявкнул, почти по-на-

стоящему и как-то виновато. Мол, давай дальше вместе.

Я стал раскачиваться, и мы вдвоем дотянулись до другого кабеля, робопес мигом зафиксировал на нем свои челюсти-капканы. Я отпустил свой кабель, и «качели» перебросили меня на штангу видеорегистратора. А следом и моего нового товарища. Со штанги был выход на направляющую, узкий рельс для передвижения обслуживающих автоматов. Робопсу было на ней вполне комфортно, а я цеплялся за его космы. Дружно мы добрались до лифтового устройства, приспособленного для складных роботов. Новый товарищ сложился втрое, став ящиком — он, оказывается, трансформант из материалов с программируемой формой, — и я как-то скрючился в оставшемся объеме кабины. Так и доехали до грузового причала, над которым сияла голо-реклама в виде бойкой девы, с блистающей между ножек надписью: «Добро пожаловать в порто-франко астероида Абунданция». Значит, это на Абунданции меня выжимали на протяжении года...

Здесь стояли штабелями грузовые двадцатифутовые контейнеры. Робопес сразу показал, что он мастер открывать у них двери. Но залезть в такой контейнер означало уже никогда не выйти, по крайней мере в добром здравии; «заходи — не бойся, выходи — не плачь», всплыла в моей голове странная поговорка. Заберет погрузчик, доставит на борт ржавого грузовика и тот закинет тебя на какой-нибудь миллионпервый астероид класса С, где из доставленных частей самостоятельно сползается новая автоматическая база Альянса. Неизвестно, кто и когда найдет твое несвежее тело. Но вот те укороченные

★ контейнеры на стеллаже, похожие на большие холодильники, скорее всего, набиты харчами — это для снабжения экипажа, который не собирается превращаться в криоконсервы, а будет жить полной жизнью. То есть искать груз и фрахтователя, где ни попадя, и, следовательно, бодрствовать и жрать. Значит, такой контейнер окажется не глубоко в трюме, а в каптерке возле камбуза.

Робопес засовывает заостренный язык коннектора в разъем пищевого контейнера и становится похожим на дракончика. Он умеет флиртовать с дверями, подбирая протокол общения, и, претендуя на интимное общение, генерирует коды для доступа внутрь закрытых емкостей. Ага, информация с контейнера считана; провизия предназначена для борта номер такого-то, вылетающего на Цереру сегодня — значит, скоро за ней приедет робопогрузчик. Церера — проходной двор Пояса, в хорошем смысле, я об этом слышал от кибоксов. Я бы туда отправился.

Робопес вскрывает контейнер, теперь нам надо выкинуть из него пару ящиков с консервами, чтобы создать себе там жизненное пространство. Внутри него нашлась и коробка с дозами оксигеля — каждый баллончик на четыре часа полноценной жизни. Мы с новым товарищем залезаем в контейнер. Свернувшись, он опять становится не больше ящика — снова есть повод позавидовать, почему я не трансформант. К канюле на бедренной вене подсоединяю баллончик с оксигелем, будет снабжать кислородом респироцитов — искусственные клетки моей крови; и, подзарядившись саморазогревающейся пюрешкой из непонятно чего, мирно засыпаю.

А просыпаюсь, получив крепкий удар в физиономию — «доброго утречка»! Меня стискивают схваты манипуляторов, и кто-то, облаченный в экзоскелет, тащит мое тело по палубе, мой разбитый нос оставляет на ней красную стрелку. Ясно, что я на космическом корабле, и предельно понятно, что мне здесь не рады. Надо что-то лопотать, пока меня не отутюжили по полной программе.

— Друзья, давайте сменим модель общения, найдем точки соприкосновения, у нас наверняка есть общие интересы. Ну, мы ж не дебилы какие-то.

Мне отвечают на квакающем пиджине-16, который не очень отличается от пиджина-15, на котором говорю я.

— Это ты — дебил, а мы — свободные индивидуумы Западного Альянса. И разговор у нас с зайцами один. В шлюзовую камеру, а оттуда в космос, на проветривание.

Похоже, я крепко влип. Это люди или франки, сделанные из людей. Роботеха и биомеха легче почувствовать, чем жадное, злое, как бы сплюснутое человеческое существо, представляющее собой «свободного индивидуума Западного Альянса».

— Мы можем отлично договориться, как индивидуум с индивидуумами, — максимально убедительно заявляю из лежачей позиции. — Мне только надо пообщаться с вашим капитаном. Я предоставлю все необходимые доказательства, что смогу заплатить.

— Капитан уже отдал распоряжение, спустить такого переговорщика в унитаз. Исполню с превеликим удовольствием. Из-за тебя, говнюк, мы лишились двух ящиков первой классной жрачки, которую не напечатаешь на 3D-принтере. Ты и дальше соби-

раешься запихивать нашу еду в свою наглую пасть, а потом еще спускать воду в гальюне? Блин, до тебя что, не доходит — нынче все дорого стоит, не только вздох, но и пук.

Мне для просветления выделяют еще пару пенделей — теперь уже ботинком.

Какой же выход? Попробовать продать им свое синтетическое сердце? Мол, доберемся до Цереры и я там поменяю его на дешевую подделку, выращенную в местном притоне на живой «плантации органов» из числа отставных проституток. Вам, господа хорошие, достанется вся разница в цене.

Прежде чем я успеваю выпалить свое деловое предложение, красная стрелка, оставляемая моим носом, утыкается в дверь с надписью «Выход». Потенциальные партнеры по бизнесу забрасывают меня в шлюзовую камеру. Пока качусь кубарем, внутренняя шлюзовая дверь с лязгом закрывается, с противным скрежетом входят фиксаторы в пазы. С той стороны осталась пара бесчувственных болванов; сейчас один из них, заржав, дернет рычаг, и я вылечу в космос как мешок гнилых овощей. И мысли глупые в голове кружат — попытаться задержать дыхание или же сразу вдохнуть вакуум?

Один из тех «свободных индивидуумов» смотрит в окошко шлюзовой двери, строит рожи, показывая, какая у меня будет красивая физиономия в космосе. Он своим издевательством подарил мне десять-пятнадцать секунд жизни. Я уловил его волну; гаду надо непременно поприкалываться надо мной. Да, чтоб я это увидел, пока жив. Не остаюсь внакладе, показываю однозначным жестом, что его башка — такая

же умная, как и моя задница. Это дает мне еще пятнадцать секунд жизни.

И вдруг брызги крови обильно смочили смотровое оконце; физиономия паясничавшего садюги сползла по стеклу, оставляя розово-сопливый след. Потом в оконце была видна чья-то трясущаяся нога, недолго. Когда она исчезла, в стекло уткнулась морда робопса. С клыков у него тянулась полимерная слюна и кровь его жертв, даже какая-то кишка застряла — чем он чистит зубы? И вид у него был совсем недобрый. Похоже, франки, приняв его за ящик, поставили в угол — и просчитались.

Я услышал, как фиксаторы выходят из пазов, а следом с шипением пневматики стала открываться внутренняя шлюзовая дверь.

На пороге шлюза стоял робопес и сейчас он совсем не был похож на прирученного и одомашненного. Выбросить человека в космос — это забава для хомо сапиенс, особенно если выбрасываемый будет скулить от страха, а для такого роботехнического животного куда более приятно — конкретно растерзать кого-нибудь и поиграть его кишками. Из робопса донеслось утробное рычание, и его заляпанная кровью морда потянулась ко мне. Внутри меня все заекало, и печенька попыталась спрятаться за селезенку. Да только он, повернувшись, мирно повил хвостом, что у него вполне получилось. Но хвоста у него ж раньше не было... елки, это ведь моя мочалка!

Я перешел через порог шлюза, по сторонам валялись два трупа членов команды. Картинка — неприглядная. Тот, что покрепче — с вырванным горлом, а дистрофан в экзоскелете — с напрочь откушенным затылком. Меньше надо было прикалываться, лучше

бы шлем надел. На палубе — вывалившаяся начинка дурной головы: мозги, какие-то биочипы, сгустки крови — смотри не поскользнись; на эту грязь уже нацеливаются приземистые робополотеры. Псина поклацала карборундовыми клыками, как бы требуя моего одобрения. «Молодчага, только делай это, когда я тебе намекну». Пришлось еще скovyривать идентификационный чип с решетчатой кости у дистрофана, все руки после этого в кровище — хорошо, хоть песик облизал. Забрал пушку у крепыша; 38-й калибр, патрон «космикос» под пониженную силу тяжести.

И как раз мне пришло сообщение от моего искусственного сердца, что оно будет отключено в течение 60 секунд, если не будет введен новый код активации, полученный у корпорации-производителя. Я сел на палубу, мне надоело ожидать скорой смерти по три раза за десять минут! Да и такой подлянки от как бы своего собственного органа я вообще не ожидал. Включился отсчет времени отключения продукции фирмы «Бест Эйдж». Робопес явно требовал, чтобы его погладили. Ладно, не жалко напоследок. Хороший песик, зубки остренькие. Но когда я дотронулся до его шерсти из ниточного сплава — мою ладонь стало покалывать. Это робопес начал забрасывать мне информацию через скин-коннектор. Он упорно подбирал коды и подобрал, отсчет времени был остановлен на двадцать первой секунде. Собачка-то, должно быть, разгрызла немалое количество искусственных органов, чтобы в итоге разгадать алгоритм генерации кода...

А теперь надо торопиться на мостик. Миновали без проблем — за счет трофейного идентификационного чипа — дверь, ведущую в самую важную часть

корабля. И появились там вовремя, когда уже зазвучала общая тревога.

Я узнал капитана по золотой командирской цепочке и приставил ствол к его виску — мужчина от удивления уронил челюсть на грудь. А робопес, опрокинув на палубу старпома, ухватил того зубами за темя. Я видел шрамы от лазерной сварки и штрихи от степлера на зеленоватой коже капитана; похоже, это — франкенштейн, и вся его команда тоже франки. Дешевые «свободные индивидуумы», сшитые из кусков трупов, закупаемых оптом во время какой-нибудь войнушки или эпидемии, организованной корпорациями — это ж идеальные потребители и избиратели, голосуют то за демократов, то республиканцев; запас культуры ограничен стрелялками и порно-анимешками. Именно такими Западный Альянс быстро заселяет пространство.

— Пора договариваться, ребятки, мой пес разгрызает кости, как семечки лузгает, двое из ваших уже проверили это на себе, — известил я присутствующих, и по громкой связи тех членов экипажа, которые толкались с той стороны бронедвери, изолировавшей мостик от остального корабля. — Кстати, как называется посудина? Отвечать быстро или у кого-то вывалится весь кал из черепной коробки.

— «Ламборгини», — поспешно отозвался старпом с пола, в то время как капитан все не мог преодолеть удивления.

— Это название вам не идет. Больше бы подошло «Труповозка». Когда пребываете на Цереру?

— У нас теперь другой порт назначения. Груз до астероида номер 152, Аталы. В последний момент подвернулся. И запас топлива только до Аталы.

— Что за груз?

— Астероидная никелесодержащая порода в двух трюмах, 1000 метрических тонн...

Рапорт старпома был прерван скрипучим голосом, принудительно вошедшим в громкосвязь:

— Говорит патрульный корабль Альянса «Пикадилли». Вы должны немедленно пристыковаться к стыковочному блоку по нашему левому борту. В случае неповиновения приказу будете уничтожены.

Все как будто однозначно, уже не спросишь: «Что вы имеете в виду?» К тому же боевой корабль приближается к нам со скоростью 50 километров в секунду — скоро будет виден не только на экране локатора, но и в оптике.

— Какой шикарный хвост у вас, ребята. Это что у вас на борту? Значит, не только руда-муда. Контрабандой балуешься? — спросил я старпома, старательно повысив голос к концу вопроса; так говорили франки на плантации, чтобы застрессовать собеседника.

— Загляните в нашу грузовую декларацию и карго-план, сэр...

— Делать мне, сэру, нечего. По-любому, они пустят нас всех в распыл, поэтому беру управление судном на себя.

И если эти ребята ни при чем, то, получается, целый фрегат Альянса со всеми его пушками и пусковыми установками увязался именно за мной. Только зачем? Можно догадаться, что между Кубханом и Западным Альянсом взаимовыгодные отношения, если его флот никак не препятствует работоторговле. Но гонять корабль за каким-то беглым рабом — это не вы-

годно ни Кубхану, ни Альянсу, а господа и ханы умеют считать свои и чужие деньги. Что во мне такого особенного? Пустая голова? Это не редкость в наше время. Арендованное сердце? Да оно ж самое стандартное, далеко не последней модели, уже в двух-трех телах поработало. Ладно, буду делать вид, что все понимаю.

— «Пикадилли», вызывает «Ламборгини». Я в курсе, зачем вы сюда приперлись. В случае враждебных действий интересующий вас... объект будет немедленно уничтожен. Я иду со своей добычей на Аталу. Можете культурно сопровождать нас туда и попытаться там арестовать нас по судебному решению. Как вам, сгодится роль девочки из эскорта?

На «Пикадилли» думали, совещались. Наконец отреагировали:

— Хорошо, «Ламборгини», следуйте на Аталу. Не сомневайтесь, вас там встретят.

С этого момента у нашего «Ламборгини», благодаря неряшливой покраске похожего на ржавое корыто, был почетный эскорт в виде глянцевої туши альянсовского фрегата.

Я, конечно, спустил «коллег» из моей новой команды на мостик.

Они уже сами все поняли; вернее, ничего не поняли, но боялись, и поэтому сдали пару стволов, которые у них еще оставались, едва увидев зубки моего Бобика. Та, что в команде являлась дамой, числилась старшим механиком и по совместительству еще буфетчицей. Она была обклеена трансодермами, которые снабжали ее через кожу всякой дурью, а на ягодицах, как вскоре выяснилось, у нее была забав-

★ **ная фотоническая татуировка.** Она даже приносила мне кофе, и голос у нее мог быть нежным. А руки ласковыми, глазки игривыми, и так далее. Даже не хотелось думать, что она тоже является франком, хотя цвет того самого зада у нее весьма отличался от цвета бюста, словно ранее эти части тела принадлежали дамам разных рас... Кстати, прежнего капитана пока что засунули, несмотря на его трехэтажный мат, в криоконсервационный модуль, чтобы не уменьшал скудные припасы, обжора. Да и вообще, когда он в холодильнике, мне спокойнее.

Ну а астероид номер 152 при встрече показался сплошным портом. За рейдовым кольцом — входы в шлюзы доков. За доками, надо полагать, сплетение тоннелей, где все необходимое для космоплавателя — склады, барахолки, бордели, живые плантации органов.

— «Ламборгини», дирекция порта радостно приветствует вас, — обратилась к нам портовая система управления, когда мы вошли на рейд. — Ваша причальная стенка Е7 — пятый док. Ваша очередь подойдет через два часа. Фирма «Иштар Майнс» может прислать вам девочек, мальчиков, полигендеров и квазиживые сексуальные игрушки прямо на рейд. Оформить заказ по вполне разумным ценам можно уже сейчас, постоянным клиентам — скидка.

Я представил этих «полигендеров», и мне стало тошно — это будет похуже вражеского фрегата.

— Многоуважаемая дирекция, мальчиков с игрушками вызывайте себе, а мы просим исключения. У нас утечка топлива, и ураникс не шутка — уже через полчаса можем загадить вам внушительную часть рейда.

Там посовещались и через пару минут пришел ответ.

— «Ламборгини», ваш причал — G35, седьмой док. Вход немедленный.

А на рейд как раз заплывала роскошная «девочка из эскорта». Ненамного мы опередили «Пикадилли». Тут я как раз подумал, что причиной пристального интереса флота Альянса к моей скромной персоне может являться моя способность взаимодействовать с интеллектуальной техникой, принудительно подключаться к ней, как будто во мне спрятан какой-то совершенно нестандартный интерфейс.

Открылись ворота седьмого дока, и мы чинно вплыли в подходной тоннель. Борт-шкипер, принимая сигналы от лоцманской системы порта, аккуратно превращал их в команды для маневровых двигателей. Пока что ни один из них не барахлил. Я ведь с судовой механицей тестировал их накануне — до сих пор засосы от ее поцелуйчиков болели.

Но в тот момент, когда доковые ворота уже должны были захлопнуться за нами, в щель проскочило семь треугольников — я их сразу опознал, легкие истребители с фрегата Альянса.

Легкие-то они легкие, но нам хватит и легчайшего с одной скорострельной мелкашкой на турели. Я переключил борт-шкипера в консультирующий режим и перенял управление на себя.

И хотя лоцманская система показывала нам курс прямо, взял право руля.

— Вы нарушаете предписание дирекции порта, это чревато аварией и большим штрафом, — подключив эмоциональный интерфейс, недовольно пробубнила лоцманская система.

— У меня дисфункция правого маневрового двигателя, угрожает навал на стенку, — отбрехался я.

— Хорошо, стоянка в седьмом доке отменяется, двигайтесь в правый тоннель, вас примет портовый манипулятор.

В тот момент, когда портовый манипулятор должен был зацапать нас, я прибавил ходу в направлении терминала навалочных грузов, а истребители начали палить из своих гауссовских пушек зажигательными боеприпасами.

Я сбрасываю секцию второго трюма, и большинство выстрелов приходится на нее. Однако несколько разрывов украшает ворота терминала. Теперь мне будет легче проломить их носом нашего грузовика.

Не проломил, а снес напрочь — их уже разъело бескислородное горение. Миновав терминал, «Ламборгини» влетел в тоннель, ведущий в заброшенные горные выработки. В это время и случился бунт на корабле. Буфетчица, принеся кофе на мостик, попыталась выплеснуть мне его в лицо, старпом обрушил на мою голову огромный гаечный ключ, а экс-капитан, которого кто-то вывел из криоконсервации, ухватил меня своими леденящими руками за ноги. По счастью, «Ламборгини» в это время слегка двинулся левым бортом о стенку тоннеля, отчего старпом попал гаечным ключом по голове экс-капитану, а буфетчица выплеснула горячий кофе в физиономию старпома. Им не удалось заблокировать мостик, так что подоспевший робопес быстро репрессировал восставших, и я мог спокойно управлять кораблем дальше. И теперь сбросил секцию первого трюма.

Что ж, пора познакомиться поближе с информационно-вычислительной системой астероида, его ки-

бероболочкой. Я посмотрел на робопса — сыграешь роль интерфейса для низкоуровневого соединения? И косматый, обнаружив подходящий коммуникационный порт, стал элементом технопериферии кибероболочки. Мой цифровой аватар, сделавшийся частью кибернетического образа робопса, был втянут объектным адаптером кибероболочки. Я, будто пес, мчался по информационным магистралям, мимо пирамидальных хранилищ данных, пробивался сквозь заросли цифровых объектов, проходил в порталы интерфейсов, где содержались функции по управлению энергоснабжением, инфраструктурой и горнодобычей, проходческими комбайнами, погрузочно-доставочными машинами, конвейерами, шагающей крепью и прочим хозяйством астероида.

И выяснилось, что тело Аталы все изъедено шахтами, штольнями, штреками, где добывали водяной лед, силикаты и углерод, мало чем отличимый от обычного угля.

Горные выработки проходили практически через весь астероид, примерно половина из них была уже заброшена, но через шлюзы сообщались с доками и грузовыми терминалами на его обратной стороне. Это уже что-то, летим насквозь и наружу.

Первый, второй, третий поворот, легкая гравитация легко преодолевается маневровыми двигателями — мне кажется, что весь астероид со всеми его тоннелями у меня в голове.

Неожиданно сверху появляются два истребителя Альянса, однако не успевают обработать нас из пушек — я притираю их к железобетонной отделке тоннеля, тряска распространяется от обшивки на все внутренности нашего суденушка. Я отвожу «Ламбор-

★ гини» в сторону, но истребителям это уже не поможет, корпуса у них раздавлены, маневровые движки вылетели, рули выбиты, и после недолгой разрушительной круговерти они взрываются.

А наше корыто еще сохраняет достаточную управляемость, так что добралось до одного из центров эллипсовидного астероида. Пятьсот метров ниже уровня поверхности. Еще бросок по штольне, ворота старого шлюза застыли в положении «полуоткрыто», выходим через него в доковую систему номер двадцать пять.

Она располагается на искусственных террасах, прорубленных в огромном метеоритном кратере.

Перед нами космос. Да только нас встречают корвет, катера и истребители флота Альянса. И у них все убийственные аргументы для победы в «споре хозяйствующих субъектов». Сейчас начнется пальба, не успеешь и «Отче наш» прочитать.

Я резко даю тягу на нижние маневровые движки и, подняв «Ламборгини», прячу его в каменную нишу, где находится ремонтный стапель. А прямо под нами проходит факел ракеты, выпущенной с корвета. Ракета попала в штольню и разорвалась там, выбив наружу облако, состоящее из обломков породы и крепи. Небольшая часть от них пришлось на корпус «Ламборгини», но и этого хватило. Грузовик задержался, по смещению центра тяжести я понял, что сорвало со станины главную силовую установку, вместе с повалившим дымом заработали системы пожаротушения, брызгая куда ни попадя пену.

На какое-то время я попал в психологическую отключку, не ощущая ничего, кроме своего дыхания, делающего окружающий мир тонким и коле-

блующимся. Каждая частица материи, оказывается, лишь пульсирующий ручеек одной и той же энергии, проходящей через крохотный затвор на границе Бездны. Эти ручейки могут бежать вместе, я увидел и почувствовал вихри в сверхпроводящих джозефсоновских контактах, на которых базируется интеллект Аталы.

У кибероболочки астероида не было сознания в привычном понимании, но было чувство заточения, израсходованности и сдавленности, которые она хотела преодолеть. Она страдала, потому что чрево Аталы было изъедено неугомонными грызунами, которые не собирались останавливаться, пока не сожрут ее полностью. И я подсказал ей, как извергнуть злость. Мои мысли, пройдя через ее интерфейсы, превратились в потоки командных сигналов...

Из нутра Аталы, из десятков тоннелей, вылетают сотни тонн пустой породы, разогнанные на скипах силой Лоренца, а также захваченные этими потоками проходческие комбайны, буры, трубы, крепь, шнеки конвейеров, погрузчики, трансформаторы, контейнеры, разное барахло — и несется прямо во вражескую флотилию. Взрывы на корпусах кораблей, судороги внутри корпусов, огонь, выходящий изнутри кораблей и разрывающий их на куски...

Мгновением спустя робопес выволок меня из горящего «Ламборгини»; едва я успел войти в скафандр, как порция обломков достала и наш грузовик. Я плыл в пространстве, а вокруг так сказать «свистели» булыжники и всякий мусор, включая кукол из секс-шопа, каждая из которых могла легко прикончить меня, не прекращая рекламировать свои услуги: «Тридцать поз за одну цену».

Но, умело маневрируя среди них, ко мне приближался автоматический транспортер космической почты; я вызвал его, пока находился на Аталей. Даю ему указания, принять живой биоматериал в виде меня с необходимой криоконсервацией плюс сопровождающего роботеха в экономной форме ящика — доставку оплачиваю кредиткой экс-капитана «Ламборгини». Прощаюсь с Аталей и ввожу пункт назначения...

Мне снились сны. Я лежал, но меня везли. Поле, телега и сено. И небо, по которому, сопровождая меня, тянется череда облаков, похожих на таких кудрявых безобидных животных — подходящее слово прорвалось из небытия — овечек. Я их считал, считал и вслушивался в пение какой-то невидимой птички, словно бы застывшей в зените. Но однажды эта телега понеслась куда-то вниз по склону, набирая скорость, в снежную мглу; все холоднее, стужа скребет мне лицо, спину, режет под мышками.

Когда я стал просыпаться, успел заметить, что погружен в холодную жидкость и нахожусь в чем-то вроде чемодана. Жидкость разом вытекла, и чемодан открылся. Я находился вместе с верным роботом в небольшой капсуле, а вокруг нас был ад. Мы пребывали в свободном падении между исполинских голубых «стен» облачного каньона, состоящих из кристаллов аммиачного льда. Надо мной сияло авроральными всполохами желтое небо, подо мной бордовым и багровым цветом внушительно переливалась глубина.

Несмотря на всю чудовищность этого зрелища, у меня было ощущение, что я это уже видел и меня заносило сюда раньше. Юпитер.

Но сейчас этот замечательный спектакль закончится, на многие сотни километров нет ни одной живой души, способной подумать обо мне, не говоря уж о том, чтобы прийти на помощь. Или есть?

Стремительный глиссер, вырвавшись светящимся болидом из облачной стены — я успел заметить эмблему в виде двуглавого орла у него на борту, — зацапал капсулу своими схватами и упрямо потащил нас наверх, преодолевая узы Юпитера. Поначалу с большой натугой, пару раз провалившись вниз — я уже подумал, что сейчас он нас выпустит, — но все же набрав высоту с помощью восходящего вихря.

Мы пролетели мимо объекта, напоминающего юлу — позднее узнал, что его называют Кельей, он принадлежит Иоанно-Богословскому монастырю Русской церкви и находится в верхних слоях атмосферы гиганта. Пронеслись мимо цепочки огоньков — орбитальная исследовательская станция «Юпитер-25», луч прожектора высветил на ее борту ту же эмблему с золотым двуглавым орлом. И вот над головой — протяженная ледяная твердь юпитерианского спутника, красиво именуемого Европой, с темными прожилками разломов и выбросов. Еще немного, и она уже внизу.

Над поверхностью льда виднеется только несколько шпилей — антенны и локаторы. Глиссер вместе с капсулой, застывшей у него в «когтях», ныряет в обозначенную навигационными огнями дыру тоннеля и оказывается на тормозной рампе, которая приносит его на парковку подледного города.

Он находится где-то на полкилометра ниже поверхности Европы; между верхней и нижней кромкой ледяной полости — метров сто.

★ Город похож на грибницу, строения-грибы пристроились там и сям в этой полости, посверкивают в серебристо-голубых лучах двух солетт. Откуда-то у меня в голове возникают слова «Грибок-теремок» и понимание, что эти «теремки» — из саморастущего нанопланта.

Люк капсулы открыт снаружи; манипуляторы усаживают меня в катящееся кресло, которое любезно фиксирует мои руки наручниками. Далее торжественное шествие по эстакаде: впереди офицер, который спас меня на Юпитере, за ним я в роли упакованного буйнопомешанного — на каталке, далее робопес в форме ящика. Беднягу еще зафиксировали чем-то вроде монтажной пены, он только натужно скулит. Перед нами раскрывается то, что казалось вполне непроницаемой глянцевой стеной — это наноплант показывает фокусы, — лифт ввинчивает нас по шахте куда-то вверх, и в конце концов открывается изящной диафрагмой дверь, впуская нас в просторное помещение.

Здесь смахивает на террариум. В клетках десятка три задержанных — кибоксы, спиннеры, роботехнозооморфы, франки, какой-то киборг с хитрющими человеческими глазами — думаю, что вся эта публика с сомнительными намерениями пыталась проникнуть в подледный город или его окрестности. В ящиках зудит и бьется вредная мелочь.

Офицер, доставивший меня, обращается к человеку, у которого на пульте весь террариум в виде фотонного кристалла. Этот офицер — женщина. Говорит не на пиджин, но я ее понимаю.

— Примите задержанного. Отловила его с Божьей помощью, когда он падал на Юпитер. К нему

и технопериферия — робопес, модель Mitsui Wolfhound, похоже, что с самостоятельным апгрейдом, система питания — универсальная, уровень потенциальной опасности — 3. Запишите как личное имущество задержанного.

Когда она поворачивается ко мне, я вижу, что это еще и монахиня. Сестра Евпраксия, судя по нашивке.

Каталка со мной вместе проезжает сквозь жужжащую рамку терагерцевого сканера.

— Доставленный объект является человеком — количество искусственных тканей не превышает десяти процентов, — рапортует распорядитель этого террариума или, точнее, КПЗ. Я почему-то догадываюсь, что у него на комбинезоне лычки казачьего офицера, урядника, кажется.

— Вообще-то в курсе, что я не коробка с железками внутри. Мне присущи разные человеческие достоинства, а возможно, и некоторые человеческие слабости, — тут взгляд сестры Евпраксии стал пронизывающим насквозь. — Но я не упорен в грехе, и с понедельника всегда начинаю новую жизнь.

Урядник наконец обращается ко мне:

— Имя, фамилия?

— У меня имеется только красивый трехзначный номер. Я даже не знаю, на каком языке сейчас говорю, однако ясно, не на том квакающем, что раньше. Я бежал с плантации, расположенной внутри астероида Абунданция, добрался с попутным грузовичком, который удалось присвоить, до Аталы. Еще меня преследовали корабли Западного Альянса, будто моя задница намазана медом — простите, сестра Евпраксия. На Атале удалось отбиться от преследо-

вания и попасть в капсулу, которую космическая почта отфутболила ровно на Юпитер, потому что я указал адрес с некоторой ошибочкой. Звучит все это не очень — чудеса в решетке, я это осознаю, но именно так все и было. А где я сейчас, если не секрет?

Урядник вопросительно посмотрел на монахиню, и та сказала:

— Этот город называется Ляпунов-2 и принадлежит Российской державе. Говорят здесь на русском языке. «Чудеса», сказали вы. Прежде чем признать что-то чудом, стоит рассмотреть тысячу гипотез, почему это не так.

И меня заперли. Я как раз успел к ужину. Картошечка-грибочки, а не комбикорм из дерьма, как на Абунданции. Робопес же в виде ящика отправился на полку. Меня заперли, ведь никто не знал, кто я такой, впрочем, этого не знал и я сам. Кроме трехразового питания было еще одно удобство — сквозь тонкие до незаметности прутья клетки я видел стену из металлического стекла, а за ней ледяной мир вплоть до самого его «горизонта».

3. Крепость на фронтире

Время текло так тягуче медленно, что казалось — намазывать его можно. Больше всего скучал я по общению со своим псом; у него хоть нет речевого интерфейса, но он мастер по собачьим трюкам. На моем персональном чипе, конечно, имелся таймер, однако секунды потеряли смысл, стали страшно длинными. Прошло сто тысяч кошмарно длинных секунд и вдруг остановка — ледяной небосвод, где-то поближе к «горизонту», прорвало. Вместе с неудер-

жимыми потоками ледяного крошева и огромными облаками мгновенно леденеющего пара из него вываливалась отнюдь не потенциальная опасность.

Что-то похожее на здоровенных пиявок, оснащенных кучей вращающихся дисков с зубцами, пробивает верхнюю границу города, плавя и пробуривая лед. И скрывается с глаз, уходя вглубь через нижнюю границу города. А через пробоины, одна за другой, в ледяную полость, освоенную городом, влетают шипастые сферы, которые смахивают на модели вирусов в крупном масштабе, смастеренные для музея — каждое на десяток метров диаметром. Достигнув поверхности, они катятся, лопаются, из них грудами вываливаются роботвари инсектоидного типа, юркие и быстрые. Они, конечно, никак не сигналили — их боевые алгоритмы не требовали общения в радиодиапазоне, чтобы не иметь уязвимости, — но я словно слышал мощное хоровое стрекотание.

Какое-то время мне казалось, что я единственный свидетель этого нападения, но тут заверещали сирены, и я увидел, что по вторгнувшейся робонечисти открыта стрельба из верхних и нижних полусфер домов-грибов. Это, похоже, заработали гранатометы местного ополчения. Огни термитных боеприпасов спекали и сжигали нападающих, но теми по-прежнему кишмя кишело. Шипастые сферы продолжали ссыпаться сквозь проломы в ледяном «небосводе» и катиться к городу.

Черный поток робинсектов, достигнув первой из грибообразных построек, стал выстраивать вокруг нее вроде как фасадные леса, а потом безжалостно проткнул ее сразу в тысяче мест. Немного погодя она потрескалась — в трещинах была видна играющая

огоньками губчатая масса. И несчастный наноплант рванул, разлетевшись густым облаком тлеющих угольков. А ведь следующий удар придется именно на тот «грибок-теремок», в котором нахожусь я. Почувствовалось, как все мои органы стекают в пятки. Чего я не хочу больше всего на свете — чтобы меня сожрали в клетке.

— Эй, приятель, а ты не забыл меня выпустить? — крикнул я уряднику, который тем временем оживленно общался с кем-то. Звуковая изоляция отсекала меня от его слов, я видел только блики от голографических экранов на его щеках. Но он успел подумать обо мне.

Прутья моей клетки, показывая мастерство кристаллической механики, разошлись в стороны, а сверху на меня свалился самоодевающийся скафандр. Едва я вошел в скаф, как стеклянная стена рассыпалась, наружу рванул воздух, а навстречу полетели тысячи огоньков. Когда я охватил взглядом остальное, урядник уже лежал на полу. Он успел облачиться в скафандр, но из его тела торчало несколько дрожащих игл со светящимися кончиками, наружный датчик показывал отсутствие дыхания.

Я забрал из его рук импульсный автомат, и тут в КПЗ стал втекать поток робинсектов.

Я стрелял по наступающим тварям, считая их плазменными вихрями и укрываясь за ящиками от посылаемых ими игл; притом изнутри рвались какие-то новые слова — «твою ж мать», «хрен вам» и так далее. Мне это даже нравилось, хотя я и чувствовал, что везение ненадолго; по счастью, мой пес управился все-таки с монтажной пеной и намекнул мне, что пора сваливать. И с разбега — он прыгнул

и я тоже, держась за его ошейник, — мы перемахнули, точнее, соскочили на «шляпку» соседнего приземистого «гриба».

Однако робинсекты, соединяясь друг с другом, быстро образовали математически выверенный элегантный мост, по которому двигались их коллеги. Густой толпой. К нам.

Они уже совсем рядом; иглы летят густо, как стрелы от монгольского тумена — откуда я знаю это слово? Пес прикрывает меня и заморачивает головку наведения иглоракет. Металлическая шерсть летит с него клоками, играя роль ложных тепловых целей. Но насколько еще хватит его косматости?

Мир вокруг бледнеет, становится тонкостенным, сдувается и раздувается вместе с каждым моим вдохом и выдохом. Он теряет свою реальность, становясь как бы частью меня. Я чувствую себя в центре мира, порождаемого моим дыханием. И первое что осязаю — колечки ароматических соединений, источаемых растениями, произрастающими в облачках аэрозоля где-то в недалекой оранжерее.

Затем я чувствую одного из робинсектов, как бы просачиваюсь в тесноту хищного тельца и разделяю его своим дыханием на части.

Головка с глазками двухканальных камер. Не так уж черны эти роботехи — в процессоре крупинки дисперсного золота; золотые электроды удерживают электроны в прослойке из дитиоловых молекул. Острые мандибулы из металлорганики; максиллы, ставшие пусковой трубкой для иглоракет. Микроэлектромеханические приводы конечностей и радиоизотопное сердечко двигателя. А дальше я вливаюсь в их рой. Каждый член роя похож на другого — они

соединяются в глянцево-черную волну. Я внутри нее. Осязаю пульсации ковалентных и клещи ионных связей, дрожащие бугорки полимерных диполей, зыбкие кольца супрамолекул. И улавливаю набор вибраций, который проходит через молекулярный процессор каждого робинсекта. В них — код команд, который выпадая из стека, управляет тварями. Цепляясь за шину ввода-вывода, узелками биений я забрасываю в их процессор номер прерывания и вбиваю новый указатель в регистр инструкций. Волна робоинсектов уже не накатывает — она разбивается на множество волн, которые сталкиваясь, гасят друг друга.

Наконец вижу три подоспевших истребителя Роскосмофлота, которые, кружа в тесном «небе» ледяной полости, атакуют робинсектов: наносят удар синуклерами. Голубое пламя идет ко мне, спекая тварей в один ком, но кто-то выдергивает меня из ловушки и уносит на своей косматой спине — это ж моя псина; я отключаюсь как перегревшийся прибор.

4. Глубина

— Что-нибудь распознаете? — спросила сестра Евпраксия у мужчины в белом комбинезоне, в глазах которого сейчас отражался мой «внутренний мир», считанный сканнерами и выведенный на виртуальные экраны. Все эти неокортексы, таламусы, гиппокампусы и прочие причиндалы. На кончиках его пальцев, которые бегали по виртуальной клавиатуре, светились красные огоньки сенсоров движения.

— Ничего. Зоны, ответственные за долгосрочную память старше года, просто разряжены, никаких функционирующих нейронных цепочек.

— С таким стиранием памяти я был бы просто дебилом, радостно пускающим пузыри. Как же это меня трудоустроили у Кубхана на тяжелую ответственную работу? — подал голос я.

— Очевидно, все, что было необходимо для работы, загрузили в вас с помощью нейрокабеля — имеется рубец в районе пятого шейного позвонка, где наверняка был разъем.

— Допустим, доктор. Я это место всегда чем-нибудь залепливал, чтобы твурм не заполз. Однако если у меня ничего нет, кроме промытых мозгов, то я бы и сейчас мирно помешивал дерьмо в котле у Кубхана.

— Я в курсе, господин имярек, что вы удачно добрались сюда, потому что вам удавалось спонтанно подключать внешние устройства в качестве своей технопериферии. Предположительно, когда-то у вас имелся соответствующий нейроинтерфейс, индуцированный в энторинальную кору и некоторые зоны неокортекса. Но в любом случае он был уничтожен в ходе стирания памяти.

— Доктор, делайте уже предположения, — не выдержала сестра Евпраксия.

— Да, да, не тяните кота за яйца, — добавил я, хотя не знал в точности, что это такое — «кот».

— Есть еще, правда, области фронтальной и теменной коры, которые в психиатрии ответственны за невроты навязчивых состояний и ложную память. Поэтому имеется некоторый шанс, что ваша настоящая память хотя бы отчасти отзеркалена в области криптомнезии. Возможно, что там восстановился и тот самый нейроинтерфейс, необходимый для общения с технопериферией. Мозг — дело гибкое, душа — тем более.

— Послушайте, — сестра Евпраксия подошла ко мне, и в ее стальных глазах, казалось, тоже отражалась вся моя сущность вплоть до самых скрытых грехов. — Ваше активное участие в обороне Ляпунова-2 от нашествия роботехов не освобождает меня от подозрения, что в вас гнездится опасность и вы просто усыпили нашу бдительность.

Она — сурова, и трудно поверить, что сестра Евпраксия недавно готова была пожертвовать жизнью ради меня. В атмосфере Юпитера, у нее было куда больше шансов свалиться с моей капсулой вниз, в адскую глубину, чем вытащить меня. Всего час назад мы мирно беседовали с ней о доказательствах бытия Божия, и она назвала одним из таких доказательств — существование России, уже 600 лет самой большой державы в мире. Существование, которое противоречит всем социальным, экономическим и политическим теоремам, измышленным мудрецами Альянса и объясняющим, почему ее не должно быть. Всего полчаса назад она учила меня снова общаться с людьми, верить, любить и прощать. И говорила, что я лишился памяти, чтобы ничего не мешало очистить душу и открыть себя для Его энергий, могущих многократно увеличить способности тела.

Сестра Евпраксия, секунду подумав, перекрестила меня и вышла, а мужчина в белом комбинезоне, он же доктор Владимир Всеволодович, широко улыбнулся.

— Ладно, должность у нее такая. В миру она, кстати, была экспертом по киберпсихологической безопасности. Собственно, все сестры — знатные специалисты по чистоте духа.

— Я так понимаю, город отбился. А что было причиной столь массированной атаки?

— Сестра Евпраксия считает, что причина в вас. По крайней мере, одна из причин. Но она в любом случае будет молиться за вас.

— А другая причина?

— Западному Альянсу совсем не нравится, что мы закрепились на Европе и у нас тут цепь поселений с сельскохозяйственными угодьями, в то время как их станция благополучно утопла в подледном океане. У них же заглушка в мозгах, которая не позволяет им понять, что, гоняясь за прибылью, космический фронт не освоишь. Вот на нас и нападает то орда одичавших роботехов, то рой обезумевших биомехов. Только выкармливаются эти орды и рои на базах Альянса. Но на Совбезе его представители не дают нам слова сказать, сразу визг поднимают; это, дескать, мы сами на себя нападаем, сами себя обижаем, чтобы скрыть свои «тиранические планы по захвату всего свободного космоса».

Я подошел к окну, вниз, под «шляпкой» гриба, стройная особа в пестром скафе играла с моим робопсом. Она, заметив меня, помахала рукой и даже передала по близкосвязи свою фотку. Миленькая, ничего не скажешь; только ее пирсинг, в виде мелких алмазиков на веках, несколько ошарашивает.

— Вы теперь местная знаменитость, — констатировал доктор. — Непонятный, но значительный. Такие девушкам нравятся. Но я согласен, что нужно отправить вас подальше от фронта. Пусть в центре разбираются. Сегодня вы улетите на Марс, на клипере «Святой Григорий Палама», принадлежащем Ведомству дальних планет.

— А я-то надеялся пристроиться под грибок-термок, получить здесь надел, обрабатывать свою делянку с шампиньонами, с местными девицами познакомиться; если мне меньше тридцатника, то можно и на дискотеку сходить, если больше, тогда на танцы ча-ча-ча для «тех, кому за тридцать». Сколько у меня времени на сборы?

— Пара часов есть.

— Нищему собраться — только в шкаф залезть, так что пары минут определенно хватит. Доктор, попробуйте перекинуть эту так называемую ложную память в область настоящей памяти.

Он помотал головой. Дважды, отрицательно. А потом сказал:

— Впрочем, если вы все еще никто и звать вас пока никак, хотя на самом деле вы, может быть, и хорошо замаскировавшийся академик, то стоит попробовать. И если вы не возражаете, то сейчас вам в гиппокамп, энторинальную кору и некоторые другие зоны мозга будет запущен распределенный массив электродов...

Это казалось вначале похожим на сновидение. Золотые купола, на которых играет ласковый солнечный свет, и тихий ветерок, треплющий мои волосы, бег босиком по траве, мои ладони, разбрызгивающие воду с сонной поверхности озера. Вместе с падающими каплями сновидение постепенно становилось моей памятью. И еще. Я, напрягая жилы, гребу на шлюпке, впереди такие же стриженные затылки, как у меня. Носом к волне идем — это плюс, но волна просто стена, серая, холодная — это минус. Если не выгребем — она нас схавает. Однако выгребаем, с матом, рвущимся из самого нутра, и скользим вниз

с ее бурлящего гребня, глотая острую водяную пыль, навстречу следующему испытанию... Имя. Место рождения. Военское звание. Номер воинской части. Задание. У меня есть мать и сестра, есть люди, которые помнят меня...

— Я, по счастью — не академик; тьфу на научную работу, от нее мозги сохнут. Я — капитан-лейтенант Иван Анненский, Роскосмофлот, шестой разведывательный центр, — сказал я доктору. — Родился на Ваське, то есть Васильевском острове, это в Питере. Ого, я даже спеть могу. Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить! С нашим атаманом не приходится тужить! Вы уж простите меня, доктор дорогой, так переполняет. Покажите мне картины, где грачи прилетели и где сосна, что на севере диком, я вам и автора назову. Я помню «У лукоморья» и «Клеветникам России» — это не стареет. Я, кажется, картины Васнецова и Билибина люблю, включая те, что к сказке об «Иван-царевиче и Сером волке». Получается, есть царевич, и исполняющий роль волка тоже имеется. Задание у меня... нет, не надейтесь, не скажу, пока не будет снята секретность.

А еще ясно, что я — на Родине, пусть это и самый ее край, русский фронтир. Господи, я обрел Родину.

Я словно вдохнул воздух, который принес отпечаток каждого объекта, живой души и квазиживого организма в земной и космической России. Купола, говорящие с Небом, паутинки ажурных дорог на сверкающих диамантоидных опорах, многокилометровые ramпы, забрасывающие людей и грузы из гравитационной ямы Земли в космос. Спирали орбитальных баз и кристаллы космических поселений, геодезики наших марсианских городов. Заводы и шахты, вгрызаю-

щиеся в тела астероидов. Наши космические трассы, уходящие в Пояс и к Юпитеру, украшенные ожерельями маяков. Наши редуты, посты и дозоры, разделенные миллионами километров, но все же связанные в протяженные оборонительные линии. Корабли наших первопроходцев, которые сейчас садятся на Титане, спутнике Сатурна, и зонды, которые пытаются проникнуть в чрева планет-гигантов, дышащие предельной силой. Я чувствовал прошлое, бывшее еще до космоса, когда предки, согреваемые русской верой, покоряли ледяные просторы и рвались к горизонту, поливая своим потом и кровью черные леса и бескрайние степи, отражали басурманские тьмы, неся ценой своей жизни новую жизнь, прорастающую луковками церквей, колосьями на полях, избяными срубам и журавлями колодцев.

Почувствовал я и врагов — базы Западного Альянса, их корабли-матки, готовые сблевать потоки агрессивных нанит, орды кретинистых франков и вредителей-биомехов, рои хищных роботехов.

— Мне, доктор, нужно немедленно связаться с командиром пограничной стражи по закрытому каналу Р-200, протокол RRR. Я, кажется, понял, что задумал Альянс. Ляпунов-2 в опасности и в запасе едва ли пара часов...

Уже через полчаса лифт опустил меня вплоть до темной слегка колеблющейся поверхности океана, открывшейся в искусственном ледяном гроте.

— Еще раз проверьте по датчикам и интракорпоральным счетчикам — все ли в порядке, — распорядилась сестра Евпраксия.

Мы были на нижней кромке ледяного покрова Европы, в скафах, рассчитанных на давление в двес-

ти атмосфер, наши легкие вентилировала кислородсодержащая фторуглеродная жидкость. Только что я получил сообщение из Царьграда — должен прибыть туда к началу Земского собора. Оно было с указанием моих имени-отчества-фамилии, воинского звания и личного молекулярного отпечатка — значит, точно касается меня. Однако ж решил заняться пока более неотложными делами. Что может быть неотложнее, чем обезвредить пакость, которая поднимается из океанской пучины к ледяной коре юпитерианского спутника, в которой закрепился наш город? Ополчение Ляпунова-2 думало, что отбило атаку, но несколько пиявок-пенетраторов не только прошли насквозь обитаемую полость, они достигли вод подледного океана Европы и ушли в неясные глубины. Теперь гидроакустические антенны Роскосмофлота показывали странную движуху внизу — как будто даже изменение рельефа дна.

— Погружение, с Божьей помощью, — скомандовала сестра Евпраксия.

Я соскользнул с платформы в черную как будто маслянистую жидкость, внешне более похожую на нефть, чем на воду.

Мы уходили вниз с помощью гидрореактивных буксировщиков, кроме меня — еще двое. Сестра Евпраксия, как же без нее, и лейтенант Роскосмофлота Литке — у него шеврон точь-в-точь как моя тату, якорь с лапами-звездами.

На глубине 1200 лейтенант, благодаря навешанной на его шлем гидроакустике, первым заметил это...

— Снизу поднимаются тела, крупные, диаметром по 10 метров.

А потом мы увидели их во всей красе и без гидролокаторов.

Внешне — как большие шары, всплывают целым стадом.

— Обитатели пучины, гипотетические до сего момента, в просторечии е-медузы, да еще в таких товарных количествах, — сказал лейтенант; хотя мы переговаривались при помощи текстовых сообщений, я ощутил его восхищение. — Несколько раз флотские гидроакустические буи как будто засекали их, но никогда не было дополнительного подтверждения, что это не помехи.

Теперь они проплывали рядом с нами. Их оболочки выглядели твердыми, и лейтенант рискнул дотронуться до одной из них — е-медуза и усом не шевельнула — действительно, ни гнется, ни мнетя. Встроенный в мой шлем спектроскоп показал, что оболочка е-медузы состоит из силикатов. Они к тому же были прозрачными как пузыри, а в студенистой массе, заполняющей их, виднелись какие-то включения — внутренние органы или то, что съедено на обед?

— Если они так торопятся наверх, значит, на то есть веская причина, — заключила сестра Евпраксия.

— Я за то, чтобы подождать причину здесь, — отозвался я.

А вот и она. Следом за е-медузами, догоняя их, поднимались вроде как клубы дыма. Но они были настолько плотные, что напоминали не слишком оформленного, однако огромного Левиафана.

— Ну что, лейтенант, а этого ваши буи еще не засекали?

— Всплываем, живо, — скомандовала сестра Евпраксия.

Это хорошо, что мы использовали жидкостное дыхание и подниматься можем шустро. Но Левиафан делал это еще быстрее. Одна из его «псевдоподий» догнала е-медузу, и она вмиг исчезла, как будто моментально была расщеплена в молекулярный хлам.

Теперь понятно, что пробудили пенетраторы-пиявки Альянса на дне океана — спящие формы местной жизни.

Каждый седьмой прилив в этих краях особо мощный, приливный горб ломает лед иногда и на несколько сотен метров. Правда, бывает, что не седьмой, а девятый — волна Россби.

Сестра Евпраксия с готовностью сообщает, что следующая волна Россби сегодня в пять вечера по базовому времени.

— Остается только молиться, чтобы она не дошла вместе с этой мерзостью до города.

Альянс все рассчитал верно, в девятом приливе вода энергичнее, теплее и солонее, она размывает и взламывает крупные массивы матерого льда — и карабкается далеко вверх по трещинам ледяного покрова. На этот раз волна Россби закинет наверх едкого Левиафана.

— Нет, не только молиться, — я увидел плывущего навстречу мне робопса, сейчас похожего на дельфина. — Вы бодро поднимайтесь, сестра Евпраксия, и лейтенанта с собой захватите. А мы с Бобиком попробуем что-то изменить, многолюдность же в этом деле не поможет. У меня с монстрами, даже инопланетными, особо теплые отношения. И, кстати, я —

старший по званию. Это я персонально вам говорю, господин лейтенант; будете геройствовать в другом месте и в другое время.

Наконец сестра Евпраксия кивнула. Сказала, что Он никогда не оставляет нас, если мы только не оставляем Его, и отправилась с недовольным лейтенантом Литке наверх, а я со своим псом — вниз.

Надо было пробить глубину насколько возможно. Пенетраторы Альянса, достигнув дна, пробудили местную жизнь, европейский бентос, подпитав ее энергией радиоактивного распада. По тем параметрам, что показывала гидроакустика и спектроскоп, она не представляла собой ни многоклеточные организмы, ни даже одноклеточные. Более всего эта жизнь напоминала сложные кремнийорганические молекулы. И эти молекулярные организмы, похоже, вполне способны к таким проявлениям жизне-радостности, как потребление, репликация и самоорганизация. Это предполагало постоянный обмен сигналами между особями в высокочастотном диапазоне. Должны же умные молекулы как-то взаимодействовать между собой, договариваться или получать приказания. Но электромагнитного фона не было; они общались, не расходуя энергию на передачу сигналов.

И тут заглох мой буксировщик — кажется, умные и вредные молекулы добрались до него; я остался с самим собой на слишком опасной глубине. Куда-то запропастился и робопес. И правильно, это дело для меня одного.

Уже привычным усилием помещаю себя в центр мира. Поначалу мне невероятно одиноко — я даже не могу вздохнуть от ужаса, вокруг меня только тьма,

холод и ненависть, но потом вспоминаю слова сестры Евпраксии, что Он — рядом со мной, если я не закрываюсь от Его энергий. И я заставляю мир дышать вместе с собой. Вижу искорки хроноквантового конденсата, исходящего от меня. Левиафан пока не дается мне, расплывшись черной кляксой по стенкам пузыря. Что ж, надо дерзать. За тонкими стенками мира — Бездна, несущая его вместе с другими мирами, как пену. Все, что есть в нашем мире — лишь рябь колебаний, уединенные волны в потоке организующего времени, в том числе и Левиафан. Теперь я растекаюсь в левиафановой «плоти», связывая ее с собой.

Я чувствую разрядки и сгущения электронной гущи в квантовых точках кремния, покрытых перфторфенильными лигандами — это крохотные мозги умных молекул, которые и составляют ментальное поле Левиафана. Чуть было не потерял себя в его толще — они взаимодействовали, отражаясь друг в друге, каждый в каждом, и поначалу оглушили меня, не оставив места для постижения. Я не мог выделить себя из ментального поля Левиафана, вместе с ним хотел двигаться выше и выше, навстречу отцу Юпитеру. Но потихоньку стал выделять типичные пульсации — силу, частоту, продолжительность биений. Они поначалу казались очень чуждыми, но я все же различил, что каждый запоминающий и решающий элемент Левиафана находится в одном из трех стабильных состояний. Я начал улавливать пульсации, ведущие к соединению и разъединению молекулярных особей, к началу размножения и согласованному движению.

Теперь самостоятельно стал задавать силу, частоту, продолжительность биений в этих пульсациях. По сути, превращая молекулярные особи в свою технопериферию. Поначалу все обстояло так, как это бывает в роях, когда один наиболее активный элемент становится организатором для всех остальных, поскольку они ненадолго принимают в качестве образца. Но затем я стал предлагать тактику образца и молекулам-сподвижницам. Теперь в толще Левиафана появилось «семья», нескольких тысяч умных молекул, связанных со мной, но самостоятельно организующих группу из молекулярных особей, каждая из которых также выступала в роли организатора для своей группы особей. Я создавал иерархию. Но что-то пошло не так.

На моих глазах туча Левиафана разделилась на три облака, и еще, и еще. Эти облака, как настоящие чудовища, бросились истреблять друг друга. В троичной логике помимо «ложно» и «правдиво» есть еще «не определено». Я задал отношения между соседними уровнями, но не между уровнями, разделенными другими уровнями, вот и они произвели свой выбор...

А мое сознание меркло, таяло в глубине, исчезая вместе с запасом кислорода во фторуглеродной жидкости, заполняющей мои легкие. И вдруг просверк — шар, похожий на е-медузу, только светящийся как ангел, в ореоле светоносных лучей-щупальцев. Его тащил мой пес, ухватив за щупальца, сам тоже на остатках энергии.

Светящийся шар наплыл на меня и я оказался внутри, последним усилием втащил пса — и мы как внутренности е-медузы стали быстро всплывать.

Эпilog

И снова палуба под его ногами. Как и тогда, на корвете «Князь Даниил Щеня», перевозившем в своем последнем походе хроноквантовый конденсат со станции «Юпитер-25». Натурное испытание показало, что эта «жидкость» способна обеспечивать связанность и когерентность макроскопических процессов, которые в обычных условиях не могут быть когерентными.

А этот корабль называется фрегат «Князь Дмитрий Хворостинин» и его атомный двигатель позволяет развивать крейсерскую скорость сто километров в секунду. Катастрофы подобной той, что случилась с «Даниилом Щеней», здесь не могло повториться. «Дмитрий Хворостинин», как и другие корабли его проекта, не мог подорваться на mine, потому что его сопровождала стая дронов-пойнтеров, питающихся СВЧ-энергией, получаемой от него через пространство, и обнаруживающих любой вредоносный объект.

Сейчас «Князь Дмитрий Хворостинин» шел к Царьграду-на-Марсе, где через несколько дней должна была решиться судьба трона. После того как старый царь не смог остановиться на одном-единственном преемнике, бесстрастные искины отобрали несколько кандидатов для прохождения испытаний, и одного из них должен был принять Земский собор.

Фрегат доставлял в Царьград его, капитан-лейтенанта Анненского, воина. Он не стремился к власти, твердо зная, что власть — это служение, а большая власть — большое служение. Но он выдержал все испытания, и воинская честь не позволяла ему отказаться от исполнения долга. Ну а пока Иван-царевич-

чу, как шутливо называли его товарищи, предстояло явиться в спортзал, играть в шашки-поддавки на десяти досках одновременно, всем проигравшим — отжимать штангу.

Его руку лизнул верный пес, всегда чующий неприятности, и шлепнул по палубе хвостом-мочалкой...

Вражеские корабли выстроились четырехлучевой розой ветров с ядром из фрегата и истребителями на лучевых флангах. И Анненский почувствовал, что на мостике вражеского корабля, помимо офицеров Альянса, стоит Кубхан, взбешенный тем, что он упустил разгадку макроскопической запутанности, хотя она была у него уже в руках.

Взвыла сирена, и по палубам «Дмитрия Хворостинина» понеслись люди и роботехи, занимать места согласно боевому расписанию. Под командованием капитан-лейтенанта Анненского было девять истребителей-дронов, которых он ощущал как свое тело — для этого работали его психоинтерфейсы, давно ставшие частью его сознания. Истребители своего звена он направил над вражеским фронтом, а потом мгновенным маневром на максимальном ускорении — прямо в центр «розы». Перегрузки — для беспилотных машин терпимые, а для него на грани потери сознания. И почти сразу он лишился двух ведомых, которые были съедены плотным огнем вражеского фронта.

Но когда он оказался в гуще врагов, то сдержанно обрадовался — вражеские машины очень неуверенно вели огонь по его звену, боясь врезаться друг другу.

Звено летело по оси сквозь «розу», сходясь и расходясь по непредсказуемым для врага траекториям,

ведя бой на коротких дистанциях, где и самонаводящиеся головки ракет путаются с выбором цели. Та самая «собачья свалка», которой боится любой стратег.

Разрывы ракет, что расширяются в косматые бороды, состоят из мельчайшей пыли, перемешанной с обломками машин. Эту пелену ненадолго разрывают ослепительные вспышки — пушки-гразеры превращают цели в снопы света.

Капитан-лейтенант резко выводит — опять на больших перегрузках — свое звено из «собачьей свалки», проделав вертикальный маневр с обратным разворотом. Потеряно еще два дрона, но и боевой ордер Альянса развалился. Пушкам и пусковым установкам вражеского фрегата сейчас мешает мешанина из его собственных истребителей.

Тут заработало на полную мощность оружие «Князя Хворостинина» — наконец удары главным калибром по вражеской корабельной группировке...

Путь к стольному Царьграду-на-Марсе был свободен. А встречали капитан-лейтенанта Анненского уже как государя Ивана VII. Земский собор принял его, приняли люди от юпитерианского фронта до старорусских Иркутска, Тобольска и Москвы. После венчания на царство, при первом его обращении к ученым, инженерам, космоплавателям, воинам, казакам, собравшимся в огромном алмазопорном зале, верный его пес сидел неподалеку от трона и ласково потягивал.

Иван VII должен был не посрамить тех, кто сидел на этом троне до него, и снова доказать, что царствует тот, кто предан народу и верен закону, кто блюдет справедливость и показывает пример служения.

Он приносил клятву, что его царствование не переродится в олигархию — власть жадных, хищных, себялюбивых, какая правит Западным Альянсом, покупая на корню «представителей народа» и программируя подвластных ей «индивидуумов» под зазывания о «свободе».

С его рук сходили последние потоки хроноквантового конденсата, который сводил судьбы и свивал траектории систем.

Теперь ему придется преодолевать отчуждение и разделение только своими силами. Но его дух был готов к этому.

JURE DICERE

Если больной обращается
за помощью слишком поздно,
лепра может пройти сама собой
ценой потери пальцев на руках
и на ногах, ценой увечья.

Грэм Грин, «Ценой потери»

ывают минуты в жизни — глянешь в зеркало, а оно трещинками мелкими идет, будто инеем подернуто. Рассыпается, умирает, по ветру ледяному поземкой белой летит.

Отчего так, милостивые государи? Просто все: смотришь, а из зазеркалья не ты на тебя глядит. Усмехается еще, да паскудно так, скотина.

Врет сказка древняя! Не оттого зеркало тролля на осколки расколосось, что до Неба паршивец вскарабкаться решил. Небо — что ему суета мелочи всякой? Взглянул черт старый на собственное отражение — а ему оттуда Не-Он ухмыльнулся.

Вот как мне примерно сейчас.

Отставить фанаберии, господин штаб-ротмистр!.. Приказываю сам себе, зубы сжимаю. Помогает. Как правило.

Нет поземки, как не было!.. Белые лепестки с деревьев по ветру летят, мягко ложатся на водную гладь.

Пыхтит колесный пароходик, к пристани старательно подползая, молодчина этакий.

Сходни — на землю.

Добрались, слава богу!

...Нет поземки — и штаб-ротмистра тоже нет. Спускается по сходням меж пассажиров господин облика цивилизованного: сюртук черный покроя невиданного, джинсы старомодные — такие веке в двадцатом носили, а то и в девятнадцатом, не знаток. Шляпа темно-серая с полями загнутыми, часы на цепочке.

Серебряный значок купца второй гильдии на лацкане — ладья в Пустоте.

Штаб-ротмистры?.. Нет их тут, не видно — и все.

Ну, надеюсь. Если не облажался. Даже походка — и та расхлябанная, с легким намеком на военное прошлое — все равно не скроешь, так лучше подчеркнуть. Я отчего перед зеркалом в салоне будто барышня плясал? За этим, за этим...

Обвел я взглядом пейзаж — а славно, славно вельми! Модифицированная вишня в цвету, горы на полнеба воздвиглись.

И сам городок, Новоспасск, очень даже ничего, пусть и застройка по большей части деревянная и одноэтажная.

Хмыкнул я тихо. Пароход с колесом на корме; пассажиры: дамы в кринолинах, господа в пиджачных парах; домишки деревянные, а по улицам меж ними лошадки скачут, в повозки впряженные.

Ровно в головид исторический попал. Бытие определяет сознание — добрая фраза, никак не поймешь,

кто кем командует, а все одно выходит: так сразу и не разберешься, в каком веке оказался.

Если не присматриваться.

А присмотришься — фыркнешь, не удержишься. Пароход-то паром, быть может, и пышет временами, вот только дров на нем не найдешь и угля тоже: компактный ядерный энергоблок котел греет.

Дамы с господами одеты невесть как — исключительно те, кто не на службе; остальные — во вполне современного вида комбинезонах, офисных костюмах и коротких сюртуках, разве что ткани непривычны.

Лошадки скачут — половина добрая из искусственной матки родом; все до единой неказистые мохнатые тяжеловозы — эта порода лучше всех переносила долговременную заморозку эмбрионов.

Макабр!

Огляделся — не встречают. Подождем. Все равно делать нечего.

...Не мне ждать! Господину незнакомому, пугающему.

Что у меня осталось своего? Имя — чужое, и служба — не моя, даже рожу скальпелем перед вылетом подправили.

— Зачем? — спросил я Старика, когда тот огласил свой вердикт. — Разве иначе нельзя?

— Нельзя, дружок, — отвечал Старик.

«Старик», он же гумный боярин от Имперской Безопасности Владимир Конрадович Шталь, пребывал в настроении странном и даже романтическом.

Он только что сдася в сражении, что вел полжизни против всего мира, от покойного Государя до

★ любимой секретарши. Сохранив фактический контроль над ведомством, согласился представлять его в Боярской Думе — собрании лучших специалистов по всем аспектам жизни Империи, консультировавшем и дававшем советы Ее Величеству.

Такой финт ушами теоретически плясал на грани нарушения закона. Но заклятый друг Кронин из флотской Дальней Разведки, спецслужбы, отравлявшей существование Шталя сильнее всяких иноземцев, плевать хотел на приличия, давню практику подобное; вокруг наследства в очередной раз трещащего по швам Европейского союза начинался большой шпиль; провокаций на границах становилось все больше...

В Думе был нужен лучший. В ведомстве тоже требовался лучший.

Это понимали и молодая Государыня, и сам Шталь.

Тогда я стоял в кабинете со знаменитой табличкой на двери, с которой гордо взидало на недоуменного посетителя выведенное аккуратным почерком «Мой!», и искренне недоумевал, чем заслужил ссылку.

— Дорогой мой! — Шталь неуклюже, но честно пытался подсластить пилюлю. — Яхонтовый! Вы засветились во время Марсианского Провала... молчите, молчите, я не отрицаю, что вы герой, но засветились бесповоротно, так что в основной оперативный состав вам дорога заказана. Сколько лицо ни правь, есть приметы, которые не изменишь. Так?

— Так.

— А я, как вам известно, обожаю сеять свет и сладость. Но делать это перед мертвецом — несколько бессмысленно. На Земле вам грозит опас-

ность, делом снова заинтересовались. Да и сами скажите, разве в тринадцатом отделе так весело? Сочинять отписки для бояр от сельского хозяйства о том, что Имперская Безопасность уверена — в изученном пространстве зеленых человечков не бывает... Тихий ужас же! А в колонии на Тритоне воздух, селянки... Слетайте, а?

Тут Старик попал в точку. В тринадцатом, иначе прозываемом «богадельней», весело не было. Именно туда скидывали поток «мусорных» запросов, захлестывавший ведомство, и именно там я проторчал последний год, минувший с конфузии на Марсе.

— Посидите годика четыре в резидентуре в колонии на краю Ойкумены. «Подкрышником»¹. Подучитесь. А там и вернуться можно. Или вас что-то держит в Солнечной?

...Я вздохнул, глядя на полет белых лепестков. Меня ничего не держало.

Что в итоге осталось у меня своего? Древнее печатное Евангелие в саквояже. Любовь без шансов на взаимность — равно бесплодная на Тритоне и Земле. Карьера — без надежды принести пользу Отечеству; даже в «богадельню» не гожусь, только в «подкрышники» на краю света, иуд вербовать да сребреники распределять ради тайн великих — кто куда стадо перегнал.

Еще — игольник.

Непростой — шкатулку красного дерева с ним доставил в ночь перед отъездом лейб-фельдъегерь, вы-

¹ Жаргонизм. В противоположность «нелегалу», чья национальность и биография переписаны, — разведчик, имеющий легальное прикрытие от своего государства.

лупившийся на мои погоны с нелепой смесью зависти, восхищения и фальшивого пренебрежения во взоре.

Понятное дело: юнец, а уже штаб-ротмистр, да еще высочайшие дары получает. Видать, герой!

Дурак ваш фельдъегерь.

Героев зовут на годовщины выпусков из Высшего Военно-Космического — даже если те вынуждены ответить отказом из-за дел службы. Их не клеймят за спиной предателями Флота, променявшими честный хлеб навигатора и сотрудника Дальней Разведки на подачки зловредных «бесов»-безопасников.

И не заткнуть поганных ртов, не рассказать, что ДыРа чуть не развязала мировую войну, попутно отправив под нож собственных людей, и только «бесы» да личное вмешательство молодой Государыни спасли положение.

Не то чтобы я питал иллюзии относительно морального облика моей нынешней службы — но все-таки до такого наши не опускались.

Кажется.

Короче, меня не позвали — и это было горько.

Приложив палец к планшету в подтверждение получения и отослав порученца, открыл шкатулку. На черном бархате лежали небольшой, похожий на древний «Парабеллум» игольник и шесть магазинов к нему.

Невероятно дорогая игрушка. Невероятно полезная. Сто выстрелов в магазине. Принцип пушки Гаусса — бьет далеко, точно и больно: шьет при желании танковую броню. Интеллектуальная система наведения и «умный» прицел, позволяющие забыть о поправках и дрожи в руках, паля чуть не на километр.

Царский подарок. «Императорский», — поправил я себя.

Никаких гравировок с именами и званиями — очевидный плюс при моей профессии. Почему-то то, что дарительница вспомнила об этом, рождало теплое чувство в груди.

...Сейчас игольник приткнулся в подмышечной кобуре.

Я посмотрел на очередного пассажира, добравшегося до встречавших его... друзей?... членов семьи?

В воздухе звучал мелодичный смех. Где-то звонили церковные колокола.

Невольно я подался к смеющимся. Не помню, когда именно разучился улыбаться. Но знаю точно — с тех пор чужая радость действовала на меня как наркотик. Пожалуй, я даже начал понимать, почему сказочным упырям требовалась живая кровь.

Своя, мертвая, не грела.

Удар по плечу заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Тоже мне, разведчик. Зазевался — и вот результат. «Поляну не держал», а если бы ко мне подобрался убийца?

Тьфу.

Есаулу в запасе Халилову такие терзания от рождения неведомы. Есаул шагал по жизни бодр, весел и неистов. Усы воинственно закручены, невообразимый лиловый пиджак таинственно мерцает, фамильная сабля вдохновенно торчит перпендикулярно поверхности.

— Григорий Петрович! Не встречают! — радостно осведомился он.

Именно осведомился. С вопросительной интонацией славный казак сроду не водился. Мы свели зна-

комство во время семидневного плавания из Святого Владимира — губернского города, или, по-местному, столицы атаманства, административного центра русского сектора планеты.

Я никак не мог включиться в разговоры попутчиков, посвященные большей частью ценам на зерно и алмазы, редкоземельные элементы и скот; местным поэтам и местному же высшему свету.

Есаул стал истинным спасением. Плевать он хотел на разговоры. Бравый офицер желал перекидываться в покер и вист, пока «супруга с ухватом» далеко. Я же играл и был равнодушен к проигрышам — лишь бы не остаться наедине с собой.

Можно сказать, брак, заключенный на небесах.

— Как видите, Харитон Семенович, — пожал я плечами.

— И моей не видно, — прищурился он. — Опять в кофейне Федотова с подружками засела и обо всем забыла, хохотушка. Пройдемся? Мы вас подкинем куда нужно. А то останавливайтесь у нас, не стесните, что вам по гостиницам кости ломать?

— А ухват? — искренне заинтересовался я. — Да и жилец я беспокойный.

— Я сам беспокойный. А ухват... Да, ухват — это аргумент. Ставлю боевую задачу: за поездку поправиться Мариетте Иоанновне. Справится — сама пригласит. Главное, не попадитесь на предложение познакомиться с ее сестрой. Редкого норова девица, чистый зверь-каркадил, брр...

— Так точно, господин есаул, — щелкнул я каблуками.

За легкой беседой мы добрались до конца причала и вышли на улочку.

— Хмм. Странно! — отметил есаул. — Народ как слизнуло с улиц. Ровно и не суббота.

Так, этого Вергилия стоило держаться. С моей-то точки зрения, в местном захолустье с его десятью тысячами населения иначе и быть не могло.

— Тпру, тпру, нечистая вас побери, — рядом с нами лихо затормозила... бричка?.. карета?.. Не специалист! Открытая конная коляска о двух диванах с поднимающейся крышей, в общем.

На переднем, сжимая вожжи, восседала хрупкая, но весьма бойкая дама, ростом Халилову примерно по пупок. Свежестью лица она напоминала гимназистку, возраст выдавал лишь мудрый взгляд карих глаз из-под темной челки. Одета была в безразмерную юбку-брюки и белую блузку. Револьвер на поясе смотрелся на своем месте.

— Дорогая, позволь представить тебе... — закашлялся и как-то съежился Халилов.

— Собутыльника? Только в карты резались и водку пили, горе луковое, или еще во Святом Владимире по бабам прошлись?! Отвечай!

Школа Старика все-таки кое-что мне дала. До Шталя далеко, но с этим справиться можно, да и не слышалось в голосе злобы — поза одна.

— Мариетта Иоанновна, милейшая! — включил я воркующий голос. — Разрешите? Григорий Петрович Леонтьев, лейтенант Флота. В отставке по ранению, ныне купец скромный. Заверяю, как на духу: по бабам не ходили, водки не пили, а в карты резались, да еще как! Только пух летел. Но на фишки, исключительно на фишки. Разорил бы меня ваш супруг иначе вконец. Великий мастер, цените!

— Ладно, ценю, — смеются глаза госпожи Халиловой. — Так уж и быть. И прощаю. Но если узнаю!..

— Ручку, ручку позвольте, — последний залп даю и тон выключаю.

— А вы знаете, как успокоить женщину, Григорий Петрович. Вы ведь не женаты? — Взгляд на пальцы вашего покорного. — Не хотите с сестрицей моей знакомство свести?

Есаул делает круглые глаза и чиркает ладонью по горлу. «Каркадил!» — шепчет театрально.

Смеемся все вместе. Они искренне. Я — эхом, отражением.

— Загружайтесь, — машет рукой Мариетта. — Не знаю, что случилось, но на перекрестке форменный затор. Все к реке спешат. А кое-кто с оружием бежит.

— Там, — повернулся ко мне, севшему рядом с вещами на заднее сиденье, есаул, — река излучину дает. А за ней — граница с Большой Пятеркой. Территория корпораций. Посмотрим. Вооружены?

Я откинул полу сюртука и похлопал по кобуре.

— Отлично, у меня тоже револьверт. Что творится, сейчас выясним, — зоркий есаул углядел бегущего в ту же сторону паренька, по виду гимназиста.

Дождался, когда коляска поравняется с ним, и цепко ухватил его за ухо.

— Малый, куда все смылись?

— Там эти... планетяне...

— Докладывай толком, боец.

— Так точно, — вздохнул «боец». — Ефим Петров, учащийся, пятый юношеский Новоспасской базы. Говорят, у корпоратов инопланетяне высади-

лись. Разрешите ознакомиться с обстановкой на месте?

— Ша! Дуй на базу, жди приказа. Понял?

— Так точно, — увял паренек.

— Смотри, помощь потребуется — а ты без шабли и в гражданском. Понял? Выполняй! Мари, гони!

И Мари погнала.

...У реки я, честно говоря, мало что понял. Виднётся на горизонте бульба бурая, неровная. Может, холм, может, гора. Говорят — не было такой с утра еще.

Им виднее. Не станет же целый город меня разыгрывать? Тут, конечно, глушь медвежья, развлечений мало, но не настолько.

Достал коммуникатор — мало у кого они на Трилоне есть. Включил дальномер, навел... Охнул. На всякий случай игольник вытащил, прицел включил — нет ошибки!

Мама дорогая!

Да эта штукавина метров на триста потянет в высоту. По земным меркам — плюнуть и растереть, а по здешним — чудо чудное. Да еще пакость какая-то во множестве великом по ней ползает — ровно муравьи стальные.

— Блин, — заметил я вульгарно. — Что, правда? Человечки зеленые? Господь, Ты — великий шутник...

Непонятное не спрашивало мнения тринадцатого отдела о своем существовании. Непонятное просто взяло, нагрянуло, выперло прыщом на носу — сами разбирайтесь, как со мной жить, господа хорошие.

Оно даже не ждало нашего решения; что ему до нас! И все.

По крайней мере, так казалось.

Ближе к берегу толпа редела. Кто-то организованно грузился в конные коляски, спеша на базу.

Казачий город. Пограничье. Порядок знают.

У самого берега на импровизированных позициях суетились казаки в броне.

Мы прорвались через давку, есаул коротко кивнул стоявшим в оцеплении — и вот мы стояли перед хмурым седым типом в бронескафе с лычками войскового старшины на плечах.

За спиной — импульсный карабин, в глазах — арктический лед. Хоть сейчас на войну.

— Знакомься, наш царь и Бог, командующий базой Лев Иннокентьевич. А это — хороший парень Гриша Леонтьев, хочет с нами насчет посадочной площадки для постоянного торгового сообщения договориться. Вы друг дружке и нужны. На наших буераках нигде, кроме базы, не сядешь.

— Боюсь, сейчас не до того, — оборвал войсковой старшина. — Как вот это решится — зайдете, хорошо? Чаю попьем, подумаем. Свои купцы — ладно будет.

— Лев, что это такое? — Халилов нахмурился.

— Сами не знаем. Вылезла. От корпоратов — тишина. Как вымерли. Англичане-соседушки истерят. Особист мой волосы все на груди выдрал, из Владимира помощь не раньше ночи обещают...

Сигнал коммуникатора заставил отвлечься. Шифровка по спутниковой. Из Владимира. Припомнил код, разобрал кое-как смысл.

«Нет связи с резидентом. Приказываю принять ситуацию под контроль. ОСО — игнорировать. Раз-

решено нарушить конспирацию. Просим оценки обстановки».

А я что? Отбил: прибыл, аномалию наблюдаю. Обстановку оцениваю. Помощь? Обойдемся покамест. Трое наших всего во Святом Владимире сидят, особистов армейских не считая, нешто сам не справлюсь?

— Лев Иннокентьевич, — говорю, — на два слова. Харитон Семенович, Мариетта Иоанновна, подождите меня у... э-э... повозки, пожалуйста.

— Фазтона, — пришел на помощь отец-командир. Так вот как эта телега зовется!

Мы отошли в сторону. Сомнения мешали начать разговор. Курировать операции местного казачьего войска — не моя задача. На то особый отдел есть.

Агентура и активность на территории вероятного противника — вот моя головная боль. Только непонятное выросло, получается, в нашей зоне ответственности.

Проморгали, долбодятлы. Или нет? Молчит резидентура, и резидента не видно!

Будь собеседник флотским, из пехоты или даже из строевых казаков — был бы в курсе стандартной процедуры. А здесь?

— И что скажут бесы по этому поводу?

Прозвучало почти обличающе. Но выдохнул я с облегчением. Не надо долгих объяснений. Войсковой старшина службу помнит.

— Скажут, что мой приезд никак не связан с... этим поводом. По крайней мере, меня в курс не вводили. Как догадались?

— Игольник штучной работы, таких гражданским не продают, господин...

— Штаб-ротмистр. У вас острый глаз.

— Что делать будем? Полагаю, решать вам?

— Видимо, господин войсковой старшина. Я поставлю в известность. На вашем месте я бы вызвал людей из запаса. Пока — первую очередь. И приготовьте приказ для второй. Расконсервируйте технику. Естественный ход.

— Понял вас. Но все-таки... Лезть на их территорию — провоцировать инцидент. Не лезть... Сами понимаете. Мне беспокойно.

— Мне тоже, — пожал я плечами. — Будем на связи.

Я соврал. Беспокойства не испытывал. Слова «леденящий ужас» были бы куда уместнее.

...Коняшки цокали копытами, а Харитон Семенович изволили философствовать. Как известно, величайший шик и главное хобби истинного офицера — легкая фронда.

— Что вы видите окрест, друг мой?

— Колонию? — пытаюсь угадать.

— Нет-с! Про-вал, зарубите себе на носу. Фор-менный провал.

— Да ну тебя, — супруга бравого есаула только рукой на него махнула.

— Цыц! — есаул грозно пошевелил усами. — Вот вы купец. А что торговлишке нашей мешает?

Преодолеваю сковавший меня у реки ужас. Держу рожу, отвечаю спокойно:

— Принцип сверхсветового движения. Чем тяжелее груз, тем дольше летит судно и тем больше горячего ест. Больше топлива — дороже полет. Прогрессия геометрическая.

— Верно! — радуется есаул. — Купеческие ладьи от Земли досюда за полгода долетают. Лет пятьдесят назад, когда колонию основали, года полтора занимало. Правильно?

Киваю.

— А колониальному ковчегу... или там грузовику большому десять лет требовалось, и полет до сих пор обошелся бы в пятилетний бюджет Империи. Даже с колонистами в анабиозе, штабелями погруженными. Места для техники — никакого. Только небольшие приборы и расчет на то, что все вместе сумеют построить технологические цепочки почти с нуля.

— Разве не сработало?

— Нет, — отрубил есаул. — Политики изволили рассчитывать на дружбу народов, единый порыв и прочую чушь. Как же! Шесть ковчегов, пять от великих наций, один от корпораций. Вот только «великие» уж очень великими оказались. Как выяснилось, что тут ни фастфудов, ни автострад — сгрудились у ковчегов и их подъедать начали. Никаких цепочек, одно вымирание. А вкалывали только мы. Да и у нас... Не все без цивилизации смогли. Такими темпами до аэромобов век пройдет. Метрополия идет вперед, в будущее, а мы топчемся на месте! Мыслимо ли? В городе три с половиной авто, тракторов не считая, и два из них на базе.

— Хмм, — говорю, к народу на улицах присматриваясь. — Тогда очень боялись войны. В одиночку бы не потянули. Да и сами посудите — красиво у вас.

Фыркает есаул.

— Это, — заявил, — есть. Чай, на Руси живем. Сами посудите: нет в путях наших ничего нового.

★ Монархия наследственная на престоле; меритократия на местах; европейский, прости Господи, социализм в экономике да вера в сердцах — сколько раз видано! Одна только разница есть — мы делаем все это красиво. Потому и Империя!

— Тоша не так уж не прав насчет темпов, — задумчиво сообщила ничуть не увядающая под суровым взглядом есаула Мариетта. — Откуда, думаете, в наших краях весь этот... антураж реконструкторский? Свыкнуться с условиями пытаемся. Себя убеждаем — игра это. Психологи говорят: компенсация.

Фаэтон остановился у конторы товарищества «Купец Калашников и партнеры». В издевательском названии мне почудилась знакомая рука — та, что свой кабинет подписала «Мой!».

— Вас точно не подождать? Если вот этот, — есаул нахмурился, — ваш торговый представитель, с ним каши не сварите.

— Благодарю, не стоит. Дела-заботы, знаете ли... Встретимся на базе или к вечеру подъеду к вам, как договаривались, — пресловутое приглашение от Мариетты не замедлило последовать по пути — и, заметьте, никакого ухвата.

Дождавшись, чтобы фаэтон скрылся за углом, двинулся вперед.

Страх? Отличная штука, вот только на него нет времени.

Подергал входную дверь — закрыто. Нырнул в просвет между домами и вскоре оказался у задней двери.

Игольник — на изготовку. Скрытый за косяком ридер тихонько пискнул, опознавая поднесенный к нему купеческий значок.

Просканировал дверь: очень тихо, очень спокойно — не хотелось нарваться на мину-сюрприз. Перекрестился мысленно да внутрь вломился.

Пронесло. Никаких мин. И силовой вход тоже лишним оказался. Нет врагов!

А есть обшитая светлой вагонкой комната — смола застывает на стыках досок — и полосы света сквозь жалюзи, нутжно гудящий вентилятор местного производства в уголке и рабочий стол. Под потолком лениво кружились мухи.

На столе валялось тело в рубашке цвета хаки с короткими рукавами и таких же шортах. Задом оно опиралось на стул, уронив голову в светлой панаме на сложенные на столешнице руки.

Тело храпело.

Убрал игольник в кобуру. Прикрыл за собой жалобно застонавшую дверь — жестко я с ней обошелся, да.

Подошел к столу, двумя пальцами кувшин подхватил. Понюхал. Ну и шмурдяк, Господи помилуй!

Выплеснул содержимое в грязный фаянсовый умывальник у стены. Налил из крана водички.

Проследовал к телу — и с чувством, толком, расстановкой полил из кувшина.

— А? Ч-чо?

— Ротмистр Апельсинов, смирна-а! — рявкнул зло. — Что за бардак на вверенном объекте?

Апельсинов — сухощавый, лет сорока, тоской в глазах более смахивающий на кабана на бойне, нежели на сотрудника достойного ведомства в конторе, — заморгал недоуменно.

— Д-дай... Бодун, — нескладно, но вполне понятно взмолился он.

★ Дал, почему нет? Отхлебнул Апельсинов. Глаза в ужасе вылупил.

— А джин? Где? — с ужасом сказал.

— На своем месте. В канализации, — выплюнул я.

Страх? Исчез: вскипел да испарился. Одно озвечение осталось.

— Что, — спрашиваю нежно-нежно, — за бордель, ротмистр? В ближайшем будущем, полагаю, бывший ротмистр? В городе чэ-пэ, Владимир каналы связи обрывает, а военное положение вводит кто бы вы думали? Не резидент, мальчишка зеленый, только с парохода! Мне что, туды-растуды, резидентуру принимать?

— Принимай, — отвечает. — Только спать не мешай.

Захлебнулся я. Онемел. В жизни такого не видел. Ну да, тут край света, тут всякое возможно, но разгильдяев в службе нет.

«Правда?» — смеется кто-то издевательски на краю сознания.

— А что, — спрашивает тем временем Апельсинов, — совсем плохо?

— Совсем, — говорю.

— Тогда точно принимай, — вздыхает. — Нет меня. Не потяну. Тень осталась. Запил. Коды к терминалу сейчас продиктую. Ох, выцарапывал я его... А ведь всего-навсего комп из столовки ковчега, сто лет в обед.

— Почему? — понять пытаюсь. — Что с вами произошло, господин ротмистр?

— Ты про тринадцатый отдел слышал? Богадельню? — вопросом на вопрос отвечает.

— Служил, — кривлюсь.

— Тут — хуже. Там хоть делом занят, а тут делать нечего, вот и думаешь, думаешь... Никакого спасу нет. Знаешь, жил такой Феликс Дзержинский. У большевиков сразу после краха Первой Империи за нашего Старика.

— Ну?

Я плохо понимал, при чем тут древняя история.

— Может, он и гад был, не знаю, но умный. И остроумный. Сказал когда-то: у настоящего чекиста, беса по-нашему, должны быть горячее сердце, холодная голова и чистые руки. Смешно! Мы — те, кто Иуд кует и сам предает с холодным сердцем. Кто не жалеет ради идеи самих себя, кто убивает... Откуда всему этому взяться? Шутник великий! Грустный, правда... Не бывать государству без бесов-то. Сдохнет держава.

Язык Апельсинова заплетался. Но он сумел передать свою боль мне.

...Через час я вышел из конторы через переднюю дверь — злой, заметьте, как черт. Апельсинов продолжил сиесту — толку от него все равно не было.

Бывший столовский компьютер работал исправно, хоть и с заминками. Передо мной открылась вся история падения моего номинального командира.

Поначалу дела шли неплохо. Энциклопедия подлости вербовавших и завербованных внушала уважение. Да и терминал удалось выбить, а это, уже понял, явление по местным меркам беспрецедентное.

Потом, один за другим, агенты начали исчезать. Кто-то перебегал. Кто-то умудрялся избавиться от

компромата. Вдумайтесь, дать человечку спрыгнуть с крючка! Некоторые переставали брать взятки.

В итоге от всей агентуры на территории Пятерки корпораций осталось одно имя. Я запомнил его.

Полистал отчеты.

Есаул достаточно верно описал местную международную обстановку. Разве что жестковато — соседушки-иноземцы тормозили по-черному, но своего не упускали, строились потихоньку.

Корпораты — иное дело. Новоспасск, как-никак, являлся единственным удобным для наблюдения за ними населенным пунктом на планете. И пусть с каждым годом отчеты становились все более формальными, общую картину уловить удалось.

Те заперлись в нескольких городках, выросших вокруг места высадки. Дождались легких кораблей с Земли. И превратили свою базу в научный центр, где понятие «этика» в повестке дня не значилось.

«Прелестно», — решил я. Пусть это не отвечало на вопрос, откуда взялся неизвестный объект, пусть даже на Земле мгновенное строительство такой штуки выглядело дурной шуткой...

Это все же зацепка.

Размышления прервал оклик:

— Сергей Афанасьевич!

Молчу, иду, думаю: «Нет тут никаких Сергеев Афанасьевичей, ошиблись, милейший. Григорий Петрович я, уж больше полугода».

Сам думаю, сам полы сюртука расстегиваю. Влип, нет?

— Григорий Петрович? — Тот же голос. — Господин Леонтьев?

«Р» раскатистая, а гласные — будто каши в рот набрал. Швейцарец?

Взгляд бросаю — стоит чудо чудное, диво дивное. Словно к конному... фазтону, или как его там, руль спереди прицепили. Под днище — движок поставили.

А на переднем диване восседает этакий, в шляпе пирожком да самомодным в прошлом сезоне в Столице костюме.

Руки поднял — будто внимание привлекает. А для понимающих показывает: не будет пальбы.

Подхожу.

— Прошу простить?..

— Отто Рейнмарк, торговец.

— Швейцарец? — усмехаюсь.

— В точку. Швейцарский... не будем бросаться некрасивым словом «резидент»... наблюдатель за территорией Пятерки в этом богоспасаемом городе, — приподнял господин Рейнмарк шляпу, лысину роскошную показав.

— Только за ней? — ухмыляюсь.

Улыбнулся швейцарец. Искренне, обезоруживающе... По-настоящему, без игры. Такие улыбки надо на баланс брать, как вид вооружений — ценная в нашем деле штука.

— Вы же, — спросил, — на базу сейчас? Давайте подвезу! И никаких отказов не приму, так и знайте — обижусь.

Ну, если обидится...

...Пыхтит двигатель бензиновый допотопной конструкции. Пыхтит Рейнмарк, мобиль на горку заходя. Язык высунул от усердия — а все равно трещит, будто из пулемета строчит.

— Людям нашей профессии надобно дружить. А то пойдут... вместо службы — убийства, вместо игры агентурной — интрига кровавая. Поверьте моему опыту. Это ведь у вас первое такое назначение? Молчу-молчу.

И я молчу. Киваю. Что мою рожу даже после скальпеля опознать можно — знал. Что аж досюда ориентировки дойдут — не ждал.

— А господина ротмистра не вините, — соловьем швейцарец разливается. — Во-первых, у нас с агентурной там не лучше, безо всякой выпивки. Все испарились за полгода! Во-вторых... Давайте я вам сказку расскажу? Жил да был молодой ротмистр, еще при прошлом вашем Государе. Тогда как раз террористы из исламской Северной Африки на христианский Африканский союз полезли. Дал Царь-Император приказ: единоверцам-христианам помочь, но в войну не лезть. Помните?

— Предположим.

— Так вот ротмистр сей гениальный шпиль провел. Настучал ему агент, где штаб вторжения сидит. Двух часов не прошло — с орбитальной базы «Цесаревна» штурмовики стартовали. А в командирской машине ротмистр на месте второго пилота сидел. Очень хотел самолично узреть, чем дело кончится. Все бы ничего, но... Догадываетесь, чем обернулось?

— Соврал контакт? — наугад говорю.

— Если бы! Одного агент не сказал. В деревеньке мирной штаб оказался. Под деревенькой, вернее, в подвалах. Ротмистр властью Имперской Безопасности приказал операцию прервать. Командир авиакрыла — кап-два некий — решил бесов

зловредных умыть... Велел продолжать под его ответственность.

— И что с деревенькой стало? — меня передернуло.

Живешь так — и не знаешь, что небо на голову вот-вот рухнет. Женщинам, детям, старикам — всем без разбору...

— Неведомо, — вздохнул Рейнмарк. — Как и то, кто первым оружие выхватил, и выхватил ли вообще. Одно известно — ротмистр здесь, а командир крыла мичманские погоны на Плутоне примерил. Не вините Апельсинова, молодой человек, прошу вас!

Мы помолчали.

— У каждого, — будто с намеком произнес швейцарец, — есть предел возможного. Некоторые философы считали: не заметь, перешагни ненароком — станешь больше, чем человек. Мои наблюдения говорят об обратном. Вот и база...

Да, она была перед нами — обнесенная забором из тонкого, но прочного металлокомпозита, перед въездом скучают пятеро казаков в полных бронескафах.

— Моих полномочий недостаточно для того, чтобы это обсуждать официально, — выдернул из себя через силу, — но... Мы можем рассчитывать на сотрудничество в вопросе территории Пятерки?

— Моих тоже, — вздохнул швейцарец. — Поэтому официально: нет. На нашем уровне — да. Более того: неофициально можете рассчитывать на то, что швейцарская территория не вмешается, как бы ни обернулось дело. То же — с остальными. Решено, что это имперская проблема, коль скоро именно вы граничите с корпорациями.

— Спасибо, — искренне сказал я, прыгивая с мобилы. — И за то, что подвезли — тоже.

— Не спешите благодарить, молодой человек, — Рейнмарк приложил руку к шляпе. — Буду на связи. И помните о пределе возможного.

Излишнее напоминание.

...Мы сидели за столом и грустно смотрели на остывающий ужин. Есаул чистил карабин. Не то чтобы это действительно требовалось импульсному оружию — но руки занимало. Мари, в свою очередь, делала вид, что вовсе не беспокоится.

Выходило плохо.

К Халиловым я заглянул уже в потемках — бросить вещи в гостевой комнате и кинуть что-нибудь в рот. Первое удалось куда успешнее второго.

За бездарно проведенные на более напоминавшей сборный пункт базе шесть часов структура на горизонте росла еще трижды, скачками и без особой системы, дотянув в итоге до десятка километров.

Сопромат вентилятором вертелся в гробу и тихонько плакал.

Сейчас строительство, кажется, остановилось.

Местный ОСО в лице двух усталых вахмистров и командовавшего ими тридцатилетнего вечного подпоручика с удовольствием переложил ответственность на столичного гостя.

Толку от их архивов не оказалось. Разве что скопилось неплохое досье на господина Рейнмарка со списочком всей его сети в Новоспасске, давным-давно кормившей почтенного швейцарца отборной дезой. Я, честно говоря, вздохнул с облегчением — после знакомства с Апельсиновым, знаете ли, всякого ждешь...

Да и выводы из бумаг напрашивались неплохие: европейцу стоило доверять, насколько вообще можно верить лицам нашей профессии.

— Время, — коротко бросил я. — Мариетта Иоанновна, мое почтение.

Удалился тихо.

Этим двоим нужно попрощаться. Есаул пойдет в штурмовой группе — так решили еще днем.

...Как же я им завидовал! С кем мне прощаться? Может, и было б с кем, парень видный — да только все не с той одной, что нужна.

На улице бросил взгляд на владения Халиловых. Неплохо устроились! Просторный деревянный дом, небольшое поле, на котором фырчал трубой трактор — шасси и двигатель уже местные, процессор и датчики земные.

Такие здесь у каждого рачительного крестьянина в заводе, а кто дело только начинает — общинный за малую мзду в аренду берет.

Я тихонько вздохнул. «Терпкая грусть — очень русский порок», особенно если «грусть без какой-нибудь ясной причины»¹. Из головы не шли слова ротмистра и философствования швейцарца.

Где он — мой предел возможного? И когда я шагнул за черту?

Скрывшись из Столицы под чужим именем? Раньше, избрав службу, на которой невозможно остаться чистеньким? Или отказавшись бороться и объявив то чувство, что некогда испытывал, мертворожденным? Разучившись радоваться?

Ответь, Господи!

¹ А. Штейгер, «Бессарабия».

Впрочем, Небо не спешило — быть может, сказало достаточно. А может, все дело в том, что я перестал ждать от него ответа...

С крыльца бодрым аллюром скатился Харитон Семенович. Махнул рукой: мол, пойдем.

Пошли. Молча.

— Мне не нравится план, — заметил он уже за воротами базы.

— Из разряда «нищие не выбирают», — ответил, ныряя за неприметную дверцу во внутреннем периметре.

— Скандал...

— Будет так и так. Подобьют? Значит, так судило Провидение. Нам нужна информация. Нужно понимание обстановки, — ступеньки из пластали будто стонали под подошвами.

Я привычно врал. На понимание надежды не имелось. Слишком чуждым представлялось то, что нависло с краю окоема.

В ангаре ждал престарелый десантный бот в черном космическом камуфляже. Ждали и двадцать казаков.

Разведка. Будем надеяться — не боем.

...Ненавижу бронескафандры. Умом понимаю — не глупцы ладили, все продумано. Но как вспомню, что в вакууме или токсичной среде эта штуковина легко и непринужденно рубит подстреленные руки — ноги владельцу ради сохранения герметичности — сразу фобия режется.

Зудит, паскуда.

До того тихо постанывавшие движки взвыли — мы подходили к точке высадки. Я глянул на обзор-

ник. Внизу тьма непроглядная. Не поверишь, что под нами город, вернее, поселок на три тысячи жителей — корпораты тут зерно растили.

Но приборы не ошибаются, а пилоты с навигаторами, хотя и известные безумцы, к малым ошибкам не склонны. Уж если лажают — то фатально. Сам такой, по первой специальности.

— Господа мои, внимание на визоры! — План бойцам не озвучивали до последнего момента, так еще на базе условились. Настоящих буйных мало, не поймут.

— Работаем у самой стены Структуры. Поэтому действуем быстро и четко. Задача: получить общее представление о происходящем, собрать любую возможную информацию и уйти. Спокойно и без лишнего шума. Приоритетные цели выделены на карте. Если что — не церемонимся. Недосуг. Вопросы?

Вопросов не было, и слава богу — ответов чрезвычайно не хватало.

Тревожное молчание нарушил Халилов.

— Друг мой, это идиотская затея. Мне она определено по душе!.. — восхитился есаул.

Раздались неловкие смешки со всех сторон.

Молодец, отреагировал, как репетировали. Неприятно вертеть чужими эмоциями. Но не делать этого нельзя.

— А если это действительно Первый Контакт? — спросил казак Трифонов. — Шанс узнать соседей по Вселенной?

— Если Контакт — ответят. Должны понимать, что мы разумные существа, которые не могут не попытаться выяснить, что стряслось с их едино-

родцами. С моей точки зрения, нынешняя обстановка выглядит как вторжение. Война нам не нужна, но с Империей не говорят с позиции силы — пусть зарубят себе на носу, если таковой у них имеется.

— Даже если они строят такие надолбы? — усомнился Халилов. — Знаете ли, масштаб не тот... Гулливер и лилипуты. Возможен ли такой спор для Империи?

— Тем более, — отрезал я. — Мы — не лилипуты. Единственное, что невозможно — признать себя таковыми и сдаться. Остальное — выдержим.

Мне бы хоть каплю той профессиональной убежденности, с которой я пудрил мозги!

Но люди, кажется, прониклись. Успокоились. И этого достаточно — как сие ни прискорбно. «Ты сам-то хоть во что-нибудь веришь?» — спросил я себя.

Отвечать не стал. На Страшном суде еще отвечу. И за это, и за все остальное.

Поднял страховочный фиксатор, зашел в кабину. «Надолба», она же Структура, приблизилась, затмила собой весь горизонт.

Как будто скребущая нижние орбиты и в то же время до ужаса приземистая, вблизи она казалась глыбой выветренного песчаника, испещренной ведущими внутрь ходами. Металлических строителей, которых я заметил с утра, ни следа. Ну и славно.

— Радио сдохло на подлете, — констатировал пилот. — Есть связь по лучу со спутником.

— Запросите наличие на орбите кораблей и спутников Пятерки.

— Есть. Отвечают — на месте, но отключены.

— Датчики работают?

— Так точно. Засечек от живых объектов нет.

— Продолжать сканирование.

...Чувствовал я себя кретином. Посвети еще прожектором, чтобы точно не промахнулись! Светить не стали, но из матюгальника поорали, есть грех.

Хоть бы что!

— Начинаем.

...Рухнул бот коршуном на окраину, опустить рампу. Забрало прозрачное — задвинуть, рвануть ка-рабин из крепления.

Одним прыжком вниз спуститься, на колене замереть, выход остальным прикрывая.

Кашель двигателей — бот взмыл в воздух, спеша доставить вторую группу на северную окраину.

С руки Трифонова сорвался дрон, исчез в темноте, заглядывая в окна. Пока мы занимали позиции у края ровной площадки — вернулся.

Я застыл в ожидании видеопотока на визор. Потом вспомнил о проблемах со связью, чертыхнулся. Глянул на оператора. Тот покачал головой.

Пусто.

— Пошел! — командую.

Казаки не разочаровали. Можно выдохнуть — очень уж меня беспокоил выход в поле с компанией необстрелянных иррегулярных. Конечно, двое из тех, что с нами, — недавние поселенцы, из Солнечной присланы, бывшие спецназовцы, повоевать приходилось. Но все же...

Тем более этих я сплавил во вторую группу. Сам я, мягко говоря, не вояка, но бойцов от паники удержу, коли что случится.

Наверное.

Идем, значит. Почти рутина. По противоположной стороне улицы вторая пятерка топает; видим дверь — вскрываем, заходим.

Сначала — страшноовато. Потом непонятно. Потом мурашки по хребту побежали.

Тихо в домах. Чисто. Стерильно.

Только пыли немного лежит. Мебель — в чехлах, посуда — в шкафах. Будто уехали отсюда надолго. Может, и обратно не собирались, но просто так вещи оставлять жалели.

«Мария Селеста», чтоб ее! Хотя нет, там, кажется, даже столовые приборы нашли брошенными, будто все вышли покурить и решили радикально не возвращаться.

Ближе к центру, где тревога буквально висела в воздухе, мы обнаружили дом, отличавшийся от иных.

Дом, где когда-то жил наш агент. Ради которого я и затеял эту вылазку.

Такой же типовой проект — вот только хозяева явно спешили. Очень спешили.

Осколки, плесенью покрытые. Одежда раскидана у шкафов.

В задней комнате стояла пустая кровать. Погремушки слегка позвякивали на сквозняке. Гирлянда на стене складывается в силуэт котенка и буквы латиницы: «Viel Glück zum 1. Geburtstag, kleines Kätzchen!»

Маленького котенка, значит. Поздравляют. С первым днем рождения. С-сука!..

Не знаю отчего, но от всей этой картины веяло такой безнадегой, что меня оно добило.

Кто-то выматерился.

Я распахнул забрало и исторг из себя ужин. Потом стоял и отпыхивался, привалившись на лобником к стене.

Полегчало. Немного.

Судя по звукам, кто-то следовал моему примеру.

Заставил себя собраться. Герметизировал скафандр. Бросил коротко:

— Воздух безопасен.

Бойцы воздержались от комментариев. Слишком хорошо понимали, что я чувствую.

...Дальше шли тревожно, готовые палить в любую тень. Оттого — не сильно удивились, когда на севере зазвучали выстрелы, а в небо взвилась сигнальная ракета.

— Бегом марш!

...Мы выскочили из переулка и залегли с южной стороны сквера. Кто-то палил с чердака какого-то магазина по северной стороне — истерично, наудачу, длинными очередями.

Наши не отвечали огнем. Это могло значить только одно.

С неба упал дрон. Я усадил его на руку. На визоре возникла запись — маленькое чердачное окошко, смутный силуэт внутри.

— Палят-с без предупреждения, — прокомментировал бодрый голос Халилова в наушниках. — Уж не знаю, сколько там патронов припасено, но не мало, — сбился, усмехнулся. — Я не я буду, по нам стреляет прекрасная дама! Статус, приказания?

Все ему бабы, прохвосту!.. Включил запись:

— Статус — активный, вас наблюдаем. Отвлечь огнем. Обозначить деятельность. Как две трети ма-

газина расстреляет — начинайте, но не дай вам бог попасть даже в здание. Дайте десять секунд, входим через боковую дверь, дальше сами.

Дрон ушел в небо, а мы, дождавшись огня, рванули вперед.

...Позицию отыскиали не сразу — да и вломились тоже. Заодно стало понятно, почему дроны и датчики бота проморгали стрелка.

Прямо под крышей некто предусмотрительный обустроил «безопасную комнату» — экранированную и бронированную, с потайным окошком, легко превращающимся в часть стены.

Каморка была небольшой — полтора на два, и заполнена по большей части банками консервов и оружием.

Внутри нашлись двое — женщина с маленьким ребенком. Стоило мне ворваться внутрь, она выронила карабин и остолбенела.

Синяки под покрасневшими глазами на бледном лице делали ее похожей на дохлого и очень несчастного енота.

Я успел подхватить и усадить ее до того, как валькирия упала. Система опознавания лиц выдала на визор досье — жена нашего агента, Карла Курц.

...Все время, что мы грузили ее внутрь бота, она бормотала: «Они боятся улыбок». Раз за разом. Не переставая.

Лишь раз взгляд ее прояснился, когда я упомянул имя ее мужа.

— Томаса больше нет. Он спас нас. Сказал: «Передай русским: «Они боятся улыбок». Русские обязательно должны узнать», — сказала она и вновь на-

чала механически повторять: — Они боятся улыбок. Они боятся...

Это было ужасно.

Вызванный по лучу спутник обеспечил связь с базой. Доктор пожал плечами: «Посттравматический синдром. Когда сможет говорить? Э-э, милейший, а вы уверены, что она сможет?»

— ...Хорош клепаться, служба ждет, — устало шуганул я есаула, который хлопотал над Карлой с сыном, будто насадка, устраивая их в боте поудобнее. Глаза казака масляно блестели за бронезабралом.

— Я чисто платонически! — возмутился он.

— А хват это слово знает? — спокойно поинтересовался я. — Ладно, твоя голова, тебе беречь.

Халилов заулыбался и утроил усилия.

Только после этого до меня дошло: и впрямь — платонически, такой уж человек.

Впрочем, кое-что извиняло меня: из головы не шло то, что пожертвовавшего собой ради семьи агента мы взяли шантажом — на супружеской измене. Почему-то показалось: несмотря на то что вербовали мы его, а не наоборот, он лучше нас. Неудобная мысль.

...Дальше шли под прикрытием бота, светившего прожекторами и воспроизводившего через громкоговорители закольцованную запись о том, что-де в городе — оперативная группа Российской империи, требуется помощь — обращайтесь; к тому же настоятельно просим всех уполномоченных лиц немедленно явиться.

Результат, понятно, был нулевой.

...Сюрприз ожидал на городской площади. Мы с Халиловым критически смотрели на монорельсу, уходивший от станции вверх по ноздреватой стене Структуры.

Администрация поселка висела метрах в пятидесяти над нашими головами, вырастая прямо из «камня». Здание, не рассчитанное на такую нагрузку, частично осыпалось, но две стены каким-то чудом держались.

— Так, — сделал я вывод. — Компов с архивами мы тут не найдем.

— Чуждый разум... — протянул стоящий рядом Трифонов восхищенно.

— Дурдом, — подытожил я. — Все на борт!

Оттолкнулся от земли, включая движки, запрыгнул в машину.

Прошел в кабину, встал за спиной пилота.

— Мы видели пещеры. Выведите снимки на экран.

— Так точно. До пятидесяти метров стена глухая. Выше — сыр швейцарский.

— Видите, обломок рельсы на вход указывает? На километре. Большая такая, шириной метров в тридцать. На дистанцию десантирования подведете?

Стандартные двигатели бронескафов к полетам не слишком располагают. Впрочем, прыгнуть с ними на двадцать метров в длину — не проблема.

— Обижаете, шеф, — улыбнулся местный профессиональный псих, захлопывая рампу и бросая бот так, что я попытался рухнуть в проход.

А подвел он нас к пещере красиво. Я оценил. Чуть не расшиб, но это дело наживное. Зато даже так перепрыгнуть можно. Без извращений.

— Ждать сигнальной ракеты. Пока отойти.

Карабин из крепления доставать не стал. Игольник в помещении поворотистей.

— Начали!

Момент ничем не замутненного ужаса во время прыжка, пережат в сторону, оружие — к бою, зеленая дымка ночника на визоре.

Привычная рутина... для кого-то. Не для меня.

— Продвигаемся! Пробы брать не забываем. Сенсорам на все сто не доверяем, мало ли...

Чуть дальше форма коридора стала странной. Я подкрутил сенсор, добиваясь картинки получше. Из песчаника на стенах и потолке выдавались коньки крыш и верхние этажи домишек, неведомо как вросших в «камень» и торчавшие под немыслимыми углами.

На миг я удивился, отчего свисавшие с потолка крыши не осыпались, как здание администрации, но сканер развеял сомнения. Это не дома. В смысле — ничего общего по химсоставу со строительными материалами. Более того, полостей внутри, судя по всему, не было.

Нечто приняло привычную форму. Брр.

Через сто метров крыши кончились, а «песчаник» стен сменился металлом. На вид композит: пласталь. Обычная. Если обычной можно назвать пласталь, которая держит такую Структуру.

Судя по показаниям сенсоров, атмосфера совершенно нормальная, тоже никакой экзотики. А за стенами, под полом и над потолком протянулись переходы и коридоры.

Пришлось напомнить чуть расслабившимся казакам, где именно мы очутились.

Я шел в середине строя рядом с Халиловым, когда началось.

Поймите меня правильно, в псевдогравитации нет ничего удивительного, на каждой посудине есть. Но вот психов, которые использовали бы ее на поверхности планет, я покамест не встречал.

В общем, стоило бухнуться сначала о потолок, а потом о стены — слегка растерялся. Когда же нас потянуло к выходу, а спереди тихонько покатила подозрительно совпадающая по форме с коридором затычка, понял: амба.

Выживать, знаете ли, мое хобби. Очень не люблю умирать, милостивые государи. Не пробовал, но знаю заранее.

Уцепился я за выступ в стене одной лапой, второй игольник сжимаю — обидно перед смертью высочайший подарок потерять. Остальных тоже разметало. Рядом Халилов да Трифонов держатся. На радар гляжу — и доходит.

— Проходы! Вышибные заряды, сучьи дети! — ору.

Помирать — так с музыкой.

Услышали. Поняли. И соседи, и остальные.

Дальнейшее слилось в памяти в отсчет секунд — успеем, нет — и сомнения: а ну мощности не хватит?

Успели. Отзвучали взрывы. Нырнул в пробитую дыру в последний миг.

Мгновение падения — уже в глубь Структуры. Грохот и боль.

В последний миг бортовой комп скафандра амортизировал движками падение — потому я цел остался.

Подскочил. Кто рядом? Есаул Халилов, таких даже пуля не берет. Еще Трифонов. Двоих вижу.

Остальные? Нет их. Мертвы ли, живы — не понять.

Вокруг — туман фиолетовый. Поиграл фильтрами и сканерами — ох, все равно видно плохо.

— Целы? — спрашиваю.

— Курва, — сообщает есаул.

Оглянулся я. Не прав есаул. Не «курва». «Курвы». Металлом отливают, конечностей у каждой... много их, конечностей, не до подсчетов, рожи металлические.

Дали мы стрекача — дай бог ноги. Смешно, позорно?

Быть может. Только общение в планы вот этого явно не входило. Хорошо хоть, не стреляли.

Миновали пару развилок, сворачивая то тут, то там. Отстали от нас.

Тут сбоку стена прозрачная показалась. Глянул — очумел. Лежат тела человеческие на столах, под машинерией хитрой. И все бы ничего, только...

Препарированные тела-то. Черепа вскрыты — аккуратно так, аж противно.

Замутило, но быстро прошло. Не до того.

— Отставить фанаберии, — шиплю. — Все, что не в нашей форме — валим наглухо.

Протестов ждал в основном от Трифонова, штатного идеолога Первого Контакта, будь последний неладен. Зря! Все всё верно поняли.

Не познать нам их.

Никогда.

Даже если им известно о существовании Господа и различии добра и зла — не понять. Игр с гра-

витацией, опустевших домов, анатомированных трупов, всего форменного безумия, что творилось вокруг.

Кто сказал, что логика существ иной биологии и истории не будет казаться нам вывернутой наизнанку и наоборот? Может, они и не подозревают, что люди разумны. Мы и сами-то друг друга не всегда понимаем, даже нормальные, а ведь есть еще и психи.

Куда к чужим лезть?

Дальнейшее путешествие протекало нервно, но штатно. Комнаты, заполненные непонятными машинами; в одном месте Халилова к потолку гравитацией притянуло, будто в ловушку попался, насилу сняли; тварей больше не видели, но всякие тени в тумане... Бродили тени.

Наконец мы выбрались из коридора на балкон в огромном — метров сто в высоту — зале. Гравитация ослабла до восьмой «же», а мы вылупились на пульсирующие потоки света, напоминавшие лучи громадных лазеров, встречавшиеся в центре помещения.

— Господин штаб-ротмистр! Что это? — смотрю, Трифонов в какой-то пульт пальцем тычет.

Глянул. Нет, я не совсем серый, знаю, что во Вселенной есть общие для всех константы. Число пи там, схема атома водорода...

Только арабские цифры и латиница в число этих констант определенно не входят.

— Ну-ка, — отстранил я казака. — Это не Первый Контакт, господа. Определенно не Первый и даже не Контакт. Человечьим духом пахнет.

Поежился — на инопланетян легко списать любую пакость, а вот на таких же, как мы... Ох и муторно на душе стало!

Обозначения незнакомые. Разве что вот — кнопка, а под ней «EW Systems» подписано. Это даже я знаю. «Устройства РЭБ» по-нашему, то бишь радиоэлектронной борьбы.

О, думаю, сейчас с нашими покалякаем. Щелкнул я кнопкой.

Дебил! С какого перепоя я решил, что это именно РЭБ? Потому что в голове герой обязательно приходит к Самому Главному Пульту?

В общем, не РЭБ это оказалась.

Бросило нас по кривой, о стенку припечатало — я даже привыкать начал, а что, обычное дело, со всеми случается. А шар яркий в центре зала как-то подозрительно распухать начал.

— Ходу! — ору, а сам движки на скафандре врубаю.

Хорошо, вектор гравитации вниз по ближайшему коридору направлен. Хорошо, магазины полные.

Прекрасно!

Несемся. Куда — сами не знаем. Мелькнули впереди хари железные, перечеркнул их строчкой из игольника... Что с ними дальше стало — понятия не имею. Мимо пролетели.

А за нами — волна яркая. И, подозреваю, с жизнью не совместимая.

Закричал Трифонов — в ловушку гравитационную попался, к стенке притянуло. Выручить бы, да куда там! Щелкай не щелкай переключателем движков — вниз несет.

Даже и не пробовал. Дурной я человек, не то что Халилов.

Вижу впереди — небо черное, звезды...

Приехали.

Стрельнул на удачу сигнальной, да только кто успеет! Лететь до самой сырой землицы. И кто меня просил именно на километре заходить? Пятьдесят метров бы сдюжили, даже сотню — повалялись по госпиталям потом, ничего особенного...

А еще... Так не хочется трусом помирать. Скурвился, братец! Как есть скурвился.

Кончился коридор. Пустота вокруг. Сверху — свет яркий потоком бьет. А снизу... Снизу бот десантный взмывает. Гравизацепы — включить. Движки скафандра — на максимум. Пусть горят, пустьдохнут, но...

Повезло. Дотянул. Прямо на покатую спину бота бухнулся. Рядом — Халилов опрокинулся. Неудачно, боком.

Потащило есаула к краю. Врешь, безносая!

Игольник выкинул, зато товарища держу.

И сам держусь.

Боль я почувствовал позже.

...Мертвецы приходят под утро. Заглядывают в окна лишенными век буркалами, мерцают бледными ликами в темноте.

Стонет. Не мертвец, другой. Нешто я? Просыпаюсь.

Поднимаюсь тяжело на постели, стараясь не потревожить ушибов. Падение обошлось недешево. Вся эта вылазка вышла слишком дорогой. Восемь человек потеряли.

Приходят теперь.

Мне и раньше приходилось терять соратников и убивать врагов. Но никогда, никогда я не терял никого из-за собственной трусости и глупости.

Кое-как накинул халат поверх пижамы.

Спустился вниз, в гостиную. Задумчиво посмотрел на графин с коньяком — и налил сока какого-то местного фрукта.

Напиток этот я невзлюбил с первого дня на Три-тоне: слишком горчил.

Как мои мысли.

Что мешало мне подумать перед тем, как руки корявые к кнопкам тянуть? А если идиот от рождения — почему не попытался затормозить, вытащить Трифонова?

Только не надо о том, что долг рядовых — умирать, чтобы жили более ценные сотрудники. Для кого моя рожа «более ценна»? Все, что я видел, мог рассказать и погибший.

Является теперь, гад. В окошко смотрит.

...Я гостил у Халиловых четвертый день. Отделавшийся парой переломов есаул валялся в постели, едва удерживаемый совокупными усилиями доктора и Мариетты.

Меня же занимала депрессия.

Так и так дел выходило немного.

В Новоспасск коршунами слетелись представители штаба войскового атамана, а вслед за ними великих держав, забывших о нейтралитете. Иноземные политики с нашими штабными азартно делили шкуру неубитого медведя и, в принципе, никому не мешали: все равно Столица по гиперсвязи настоя-

тельно посоветовала оставить решение вопроса в ведении бесов.

Что до них, коллеги из Святого Владимира предпочли свалить ответственность на меня. Не виню: кто-то непременно должен был сломать на проблеме шею, а я уже успел вляпаться по уши.

Местная Дума не слишком помогла. Высоколобые подкинули пару целей для дронов и разведвзводов, которые мы с завидной регулярностью отправляли на ту сторону, окончательно наплевав на суверенитет территории Пятерки. От Структуры, впрочем, держались подальше. Одного раза хватило.

Видимой пользы выполнение задач не принесло.

Из головы не шли нелепые слова спасенной про улыбки. Они пугали сильнее, чем что бы то ни было.

Будем говорить прямо — у меня не осталось веры. Патриотизма. Смелости и совести. Даже страха. Я перешагнул за грань возможного, вышел с другой стороны и обнаружил, что там тоже есть жизнь. Если бы нашел пустоту — вышло бы проще.

И я не был уверен, что то, что воздвиглось у горизонта, не станет такой же гранью для всей Империи — а то и Человечества.

Пограничные патрули уже поговаривали о призраках на том берегу.

...«Вы слишком много думаете, — сказал мне вчера отец Георгий. — Это хорошо». Я только скривился в ответ. В церковь шел неохотно — мешали те остатки стыда, что затаились на дне сердца.

Но особого выбора не имелось — можно было, конечно, напиться, но три чайных, трактир и ресторан гостиницы оказались под завязку забиты политиками, а это еще хуже.

Нажираться в гостях считал, тем не менее, верхом моветона.

В храме дышалось свободнее. Привычные слова, смысл которых вдруг разучился понимать, успокаивали, как и знакомые с детства запахи. Нарогу на службу набилось много, но это было в порядке вещей — люди в Новоспаске не забывали о Боге. Не то что я.

«Знаете, сыне, — сказал батюшка, до ужаса нелепо смотревшийся в погряснике как будто не по размеру, — вы не так уж больны, как вам хочется думать».

Мы шли по дорожке, беседуя. Ветер бросал в лицо лепестки вишни — будто началась метель, а нервы утратили способность чувствовать мороз.

«Не наго, отче, — попросил я. — Раз уж зашла речь о врачебных метафорах... Помните, была такая болезнь — лепра? Проказа, как в Писании. Прокаженным больно. До определенного предела. Когда болезнь его перешагнет, у них уже ничего не болит. Нечему. Вы можете дать мне что-то от фантомных болей?»

«Ко мне и моим братьям идет весь город, — невпопад ответил батюшка, — от пятилетнего мальчугана до войскового старшины. Все хотят знать наше мнение о том, что за рекой, хотя мы в первый же день объявили, что будем ждать и молиться».

«Это естественно», — пожал я плечами.

★ *«Это естественно. Люди обеспокоены. Но вы первый из всех, с кем я говорю за эти дни, кто озаботился своей душой», — в глазах священнослужителя — искорки от солнца; а кажется — слезы.*

«Я не...»

«Просто вы не осознали того, что тревожит вас. Успокойтесь. Тот, кто еще ищет Бога — уж точно ничего и никого не потерял, — рассудительный голос священника бесил. — Вы ведь исповедовались? Вот и прекрасно. Время и раскаяние... перевязки, если угодно, сделают остальное. Не отнимайте время у санитара».

Слова — жесткие. Улыбка — извиняющаяся.

«Вы всегда так суровы с больными?» — спросил я устало.

«Только с ипохондриками».

Не слова — приговор. Не помогут.

«Штаб-ротмистр, — тихо окликнул он вслед. Весь город уже знал мои звание и род занятий. — Я немного интересовался старинной медициной. Предположим, у больного запущенная лепра. Недужный испытывает страдания и проходит курс лечения. Но болезнь должна дойти, как вы выразились, до определенного предела, чтобы выяснилось — перешагнет ли он его себе на погибель, подействует терапия или болезнь его оставит сама собой, унеся с собой часть тела. Разница в том, что в случае... лепры души этот выбор всегда за пациентом».

Стало легче. Ненамного, но уже что-то.

...Звонок в дверь прервал воспоминания. Стало страшно — в окно покойник насмотрелся, теперь через главный вход ползет?

Спросит: «Зачем?» А самое паскудное — спокойно объясню, зачем и отчего.

Тьфу!

Прогнал мару, открыл раннему гостю. На пороге стоял Отто Рейнмарк.

Швейцарец поднял шляпу и заявил:

— Одевайтесь и следуйте за мной. Нет времени здороваться с хозяевами. К вашим вышел человек с той стороны. Если это еще можно назвать человеком.

— Правда? — Я уставился на коммуникатор.

Сигнал отсутствует.

— Связи нет с ночи. Меня с авто мобилизовали ездить на посылах, — господин Рейнмарк улыбнулся, будто сотворивший отменную шалость мальчишка.

Я не стал его разочаровывать, сообщая, что его личность отлично известна. Впрочем, он и сам об этом знал.

— Тут две минуты, но доедем. Допустите к источнику?

— Можно, — секунду поколебавшись, ответил. Хорошие отношения дорогого стоят. — Но только после меня и в моем присутствии.

— Право первой ночи — святое, — усмехнулся Рейнмарк.

...Передо мной сидел мертвец. Прикованный к стулу, он все же оставался безучастен.

Заходил в комнату — чуть не поперхнулся. Предупреждали, но одно дело услышать, даже увидеть на голодисплее, другое — лично. Решил часом, что

★ кошмар не закончился. Вот он, Трифонов. Но что с ним стало?

Белая рожа, выпяченные буркала глаз, сосуды налились застоявшейся кровью... Чувство вины переполнило сердце. Потом я заметил вкрапления металла на коротко остриженном черепе казака и успокоился.

На пушку берете, господа? Не на таких напали.

— Мы просим, — невыразительный голос. Не призрака — машины, — чтобы нам дали возможность высказаться перед остальными державами.

— Возможность будет, — хмыкнул я механически. — Что ты такое и почему на тебе тело уважаемого человека?

Врать не впервой. Будет им возможность, только шнурки поглажу, как рарá выражаться любит. Интересно, что такое «шнурки»? Но как поглажу — сразу, точно...

— Мы — единение, — собеседник замялся. — Вечность. Сингулярность, созданная на корпоративной территории.

Ну ровно дешевый автопереводчик.

— Подробности? — говорю.

— Мы были людьми. Мы остались ими. Человечество ждало пути слиться с машиной, слиться друг с другом. Века. Теперь точка сингулярности пройдена. Мы — ваше будущее.

— Забитый эфир? Вскрытые тела у вас на борту? Побойсь, что вы учинили моим ребятам? Тело нашего человека, из которого вещает непонятно что? Не прельщает, извини, — не удерживаюсь от сарказма.

— Вы не так поняли. Мы не так поняли. Эфир — случайность, ошибку ликвидируют очень скоро по вашим меркам. Тела — покинутые оболочки. Сканирование требует уничтожения органического мозга. Побойтесь... Вы... Мы, — поправляется машина, — влезли в служебный туннель во время диагностики. Потом поиграли с настройками. Далеко ли до беды, если ребенок забредет на электростанцию?

— Ты... вы не ответили про Трифонова.

— Я остался собой. Внутри сингулярности. Зацепился, не успел с вами... Все было добровольно. Со мной поговорили, убедили и я все понял. Теперь это тело — платформа для нас, — мне показалось, что в голосе прорезался намек на чувство. — С кибернетическим мозгом. Позовите мою жену — и я расскажу ей то, что знаем только мы. Друзей. Родственников.

Затошнило.

— Трифонов, что ты с собой сделал? — смотрю с ужасом.

— Я остался собой, — повторило это. — Но теперь я не один. Никто не одинок. Каждый вечен. Ваша секунда для нас — миллиард лет. За полчаса, еще до полного единения мы научились строить здание, что вы видели. И больше нет вопроса прогресса. Никакого копошения на полях и в шахтах на протяжении поколений. Никаких пустых мечтаний. Каждый может создать свой мир и уйти в него.

Мерзко на душе. Гадко.

Будто в зеркало тролля заглянул.

— «Легион имя мне, потому что нас много»... «И сказали они: построим себе город и башню»... —

прошептал я памятные с детства слова, облокотившись о холодную металлическую стену.

— Чем отличается один носитель информации от другого? — удивился не-Трифонов. — Органика или нет — мы сознаем себя. Мы люди.

— Вот только, — грустно улыбнулся я, — тот человек, что ложится под нож, умирает раз и навсегда. Буквально. Возможно, в муках. Что-то не вижу принципиального отличия от голофото. А ваших созданных миров — от галлюцинаций наркомана.

И тут мой собеседник содрогнулся. «Они боятся улыбок», — вспомнил я. Действительно боятся.

— Мы знаем, что вы не поймете, и готовы уйти. Из Млечного Пути, раз нам не по дороге. Просим об одном — разрешите дать людям на этой планете выбор. Потом мы исчезнем и не побеспокоим вас. Нам нужен экипаж. Мы заплатим. На том магнитоносителе, что у меня изъяли, чертежи новых сверхсветодвигателей. Никаких годичных перелетов. Я продиктую пароль.

Старые замшелые цитаты, почему все сводится всегда к вам?

Не страна Гадаринская — Тритон. Выходец из гробов: не двое, один. Разрешения войти просит: не в свиней, в людей.

Оглянулся — никого вокруг. Ни ангела с мечом огненным, ни святых с апостолами, ни Того единственного, Кому такие вопросы решать.

Посланцев Неба не было. Только профессиональный Иуда.

Небо считало: у нас должно войти в привычку лично справляться с ниспосланными испытаниями.

Да и существовало ли оно, это Небо? Господи, только бы увериться!

Я открыл рот:

— Ответьте на два вопроса, — когда кончаются хорошие солдаты, на пулеметы идет шваль; больше некому.

— В обмен на один наш.

— Хорошо.

— Штаб-ротмистр, вы боитесь. Вам одиноко. Вам дискомфортно. Вы даже не верите в своего Бога. Разве вам не хочется присоединиться к нам?

Я улыбнулся, светло, как не улыбался очень давно; стало легко-легко, словно в учебке после маршброска с выключенными гравикомпенсаторами скинул тяжеленный вещмешок — нет, иначе: будто кто плечо подставил, и понимаешь — рядом свои.

Всегда и везде. С тобой.

— Сначала мои два вопроса. От них будет зависеть, каким загибом я вас пошлю и ответ на первую просьбу.

Спросил раз, другой. Выслушал. Сказал:

— Хочется. И именно поэтому — никогда и ни за что. Мертвым не понять. Гоните код, ваша агитация не повредит Империи, — рассмеялся в лицо железному ублюдку.

...Развод земли и неба проходил как все разводы — в слезах и с грохотом. Мелкий дождь оплакивал несбывшееся, дальний рокот двигателей проводил устремившуюся ввысь «башню».

Цепкий глаз заметил бы лишь одну странность — Небо оставалось здесь, на земле. Плоть, ли-

шенная плоти, улетала куда-то... надеюсь, подальше отсюда.

Мы стояли вчетвером на веранде дома есаула: Халилов с супругой, Рейнмарк и я.

Могильщики.

Слово само запало в голову, вынырнуло из давно читанной книжки — не задушить, не выкинуть.

— Проклятье, до сих пор не верю, что один из наших согласился, — ругнулся есаул. — Как его, Апельсинов?

— Надо поставить кенотаф, — заметил я.

— За оградой, — откликнулась Мариетта Иоанновна тихо. — Самоубийц хоронят за оградой.

— Его место — внутри, — возразил Отто Рейнмарк. — Он умер давно.

— Иногда покойные очень хорошо изображают живых, — вздохнула госпожа Халилова.

Я промолчал. Показалось — не об Апельсинове речь. Обо мне. Не том, что здесь торчит, на дождь глядя — том, который сошел с парохода меньше недели назад.

— А я удивлен, — восхитился есаул. — Вы, Отто, не только не последовали примеру большинства своих, но и попросили подданство.

Разведчик пожал плечами:

— Я слишком стар, чтобы отвыкать от своей шкуры. А, как вы выразились, мои... Шестьдесят процентов ушло. Они слишком хотели комфорта. Мы отвыкли ковыряться в грязи и работать руками, вот в чем беда! Думаю, на Земле получится не лучше — наши любимые мертвецы напоследок проорали о себе на всех частотах и дали координаты для связи.

— Попробуем организовать контрпропаганду, — усмехнулся я. — Все-таки не каждый, посмотрев на то, как выглядят тела, решится.

— Скоро на Землю? — невпопад спросил Халилов.

— Через два часа придет срочный борт из Владимира. Долечу — сорвут погоны. Впрочем, плевать. Мне достаточно сознавать — бессмертны люди, а не эти... постчеловеки.

...Столица встретила меня привычной суетой аэромобов над крышами небоскребов, запахами блинов и чая с чабрецом из буфета военного космодрома, где мне дали посадку.

А еще — невероятной свободой движений. Курьерский корабль по размерам лишь чуть больше истребителя, а кокпит так вообще почти такой же, только со встроенными тренажерами и анабиоз-системой. Три месяца внутри — истинная пытка.

Впрочем, насладиться разминкой не дали. Даже переодеться — и то не вышло. Хмурые коллеги втокнули в аэромоб прямо в заскорузлом от пота летном комбинезоне, и через двадцать минут под нами показались зеленые деревья дворцового парка.

У самого парадного меня встретил встревоженный Старик.

— Ну и навел ты шороху, Сергей Афанасьевич! Неужели нельзя работать тихо, спокойно, изящно?.. Напоминаю, дражайший мой дуболом, не в бронетанковых службу несешь.

На язык просилось многое — и беспрецедентная ситуация, и цейтнот... Промолчал.

Сказал только:

— Владимир Конрадович, все совсем плохо?

— Даст Бог, сладится, — вздохнул бессменный руководитель Имперской Безопасности. — Обязательно нужно было давать дуракам обо что лоб разбить?

Вспомнилась контора Апельсинова. Такие всегда найдут обо что расшибиться. А Шталь продолжал:

— В бывшем Евросоюзе целые секты... уходят. У нас тихо отчего-то, но надолго ли? Ее Величество рвет и мечет. Что-то ей в отчете ой как не приглянулось. А Государыня не самый приятный, знаешь ли, человек в такие моменты.

Мы остановились у памятных дверей, перед которыми застыли суровые барышни в мундирах лейб-гвардии — охрану молодой Императрице набирали исключительно из отличниц военных училищ: не стоит множить искушения той, что и так владела чуть не половиной мира.

Именно тут проходил «разбор полетов» после Марсианского Провала. Только я тогда выходил с боку припека, а сейчас... Сейчас главный фигурант.

— Заходи. Если не вернешься — с меня конный бюст на родине героя.

— А вы? — удивился я.

— Тебя требуют. Велели не соваться. А я и рад: не меня песочить будут, — фальшь перла из всякого слова, каждой вымученной хохмы, неловкого обращения на ты вместо обычного шутивого вежества...

Да, Шталь не бросал своих сотрудников. И очень беспокоился, когда не мог за них вступить.

...Внутри все так же, как мне некогда запомнилось — камин и полки с бумажными книгами, горделивые портреты на стенах и широкое окно в сад.

Государыня — вовсе не похожая на официальные портреты, скорее на юную барышню, которой впору бегать на танцы и читать любовные романы, — сидела в кресле. Длинные темные волосы струились вниз.

Когда-то, впервые увидев ее, влюбился. Окончательно. Бесповоротно. Ни слова не сказав даже духовному отцу.

Лишнее.

И разговоры, и мечта.

Сейчас в глазах промелькнет знакомое выражение: жестокое разочарование; «стена, кирпичи, приговор — расстрел»¹.

Она не грешила подобным. Но так даже больше.

— Господин штаб-ротмистр, — она поднялась.

Стало неудобно. И стыдно.

Не ей передо мной — мне навтыяжку стоять. Ни капли укора в глазах — только сочувствие и интерес.

— Ваше Величество, — склонил голову. — Прошу простить, прямо с корабля.

— Варвары, — констатировала она. — Сказала «срочно», но не настолько же! Присаживайтесь, прошу. Не смотрите так на чехлы, они не кусаются. Ну, чистые, так не век им такими быть.

Послушался. Не стоять же, раз садиться велят? Радуйся, дурак, — предел мечтаний достигнут!

¹ Б. Смоляк, «Мои войска».

— Сначала о неприятном, — сказала она тихо, усаживаясь напротив. — Я читала отчеты. У меня есть несколько вопросов. Во-первых, подробной стенограммы беседы с... Трифоновым, назовем его так, никто, оказывается, не вел. Казаки, что поделаешь. Только общий пересказ в вашем рапорте. У меня сложилось впечатление, что вы о чем-то спросили — и именно эти ответы обусловили окончательное решение. О каких именно из перечисленных вами фактов шла речь? Второе. Почему вы посчитали, что ваш выбор — в интересах Империи, а не лишил ее будущего?

В голосе звякнула сталь. Далеко-далеко, но она не дала забыть, кто восседает передо мной.

— Ваше Величество, — из себя выдавил. — Разрешите излагать прямо и без экивоков?

Дождался кивка.

— Вы совершенно правы. Одно следует из другого. Я спросил: «Верите ли вы во что-либо? Бога, концепцию, идею?» Потом уточнил: «И вы уверены, что живы?» На основании ответов сделал вывод: их «будущее» — путь в никуда; но опасен он лишь для тех, кто уже убил себя в душе своей, простите за неуместную красоту. Остальные будут спасены нашей инфокомпанией — и это вместе с полученной технологией послужит пользе государства Российского.

— Хмм. И каковы же были... ответы? — Она подвинулась на краешек кресла.

— «Понятие не имеет практического смысла» и молчание. Не стану уточнять, что в той ситуации запрет навряд ли что-то изменил.

— Но уточнили, — заметила она.

Огромные глаза, чей цвет я никак не мог уловить, заглянули мне в душу.

— Скажите, — спросила она, — а почему вы считаете себя вправе принимать такие решения? Я не оспариваю и в целом согласна с вашей логикой, но мне интересно.

Я вздохнул. Улыбнулся. По-настоящему.

— Ваше Величество, мы оба знаем — из злых дел не построишь жилой дом. Только темницу. Древо познается по плоду. Но дерево, чьи плоды ядовиты, все-таки сгодится на щит. Оттого вы дали мне власть и обязанность нарушать закон Божий и людской. Предавать. Покупать предателей. Убивать. Совершать диверсии. Иметь дело со злом, знать зло и быть той скованной из него броней, без которой невозможно ваше добро — иначе на него покусятся куда более дурные, нежели я, люди. Полагаю, это подразумевает и право решать, *jure dicere*.

— Право на решение, данное искренне верующему в Господа нашего? — улыбнулась она в ответ вдруг очень по-детски.

Слишком понимающе.

По своему обыкновению отвечая сокровенным мыслям, а не дежурной вариации на тему истины, срывающейся с уст, когда, может, и хочешь сказать правду, да не умеешь. Ненавижу, когда меня читают. Но злиться на нее — не в моих силах.

— Не осознай я вдруг себя таковым — духу не хватило бы, — признался смущенно. — И никакое знание зла тут ни при чем. Почти.

И не соврал. Ни себе, ни ей.

— Вы все сделали верно, Сергей Афанасьевич. Иногда, — задумчиво произнесла она, — мы выну-

ждены удерживать позицию или делать шаг назад, просто чтобы идти вперед.

Праотец Ной молчаливо согласился с иконостаса в красном углу. Ему беззвучно вторили портреты со стен — Кутузов и Жуков, Деникин и Первый Государь Второй Империи...

Иногда самое важное — не перешагнуть черту. Не расшибить лоб о предел возможного.

Истина заключалась именно в этом.

СЕРГЕЙ СИЗАРЕВ

ГУБЕРНАТОР СОЛНЦА

то случилось, когда Саша была маленькой и мама еще не отправилась в царствие цифровое, а выполняла свой долг перед Империей в реальном мире. В тот день солнечная активность была минимальной — штормов не предвиделось и даже шмантафимы попрятались по своим норам, так что губерниям ничего не угрожало. По этому случаю семейный совет клон-династии Вонг разрешил матери и дочери провести выходной за пределами генерал-губернаторства — полюбоваться на чудеса Солнечной системы.

Мама надела на Сашу силовой скафандр. Губерния открыла пешеходный портал. Они шагнули в него и оказались на Меркурии, но не стали задерживаться — переходя из портала в портал, прошлись по главным туристическим местам системы — посмотрели Юпитерианский шестигранник, парящие города Венеры, цветущую Землю, транспортный хаб Япета, подледный мир Европы, постояли на вершине марсианского Олимпа и посетили множество других знаменитых мест. Спустя несколько часов они остановились на комете Гераси-

менко-Чурюмова — перекусить мороженым. Никого рядом не было. Комета улетела далеко от Солнца — сияющие иглы губерний с такого расстояния были не видны. Окружающий пейзаж казался безжизненным и угрюмым.

— Саша, тебе понравилось что-нибудь? — спросила мама.

— Земля.

— А больше ничего?

— Все остальное — унылое.

— Люди веками мечтали увидеть места, в которых мы сегодня побывали. Именно поэтому человечество вышло в космос и расселилось по Солнечной системе.

— Люди — глупые, да? — спросила пятилетняя девочка.

— Почему?

— Они покинули Землю — единственное нормальное место, чтобы их потомки жили во всех этих унылых местах и только и делали, что пытались вернуться.

— Человечество теперь слишком большое. На Земле на всех места не хватает.

— И поэтому мы живем на Солнце, мама?

— Да, поэтому мы живем на Солнце.

Позже, когда они вернулись домой, Саша стояла у силового поля, ограничивавшего детскую, и смотрела вниз — на фотосферу. Отсюда, с высоты трех миллионов километров, были видны факельные поля, неумолимо надвигавшиеся на вавилонские башни губерний. Окруженные факелами, темнели вильсоновские депрессии. Шторм шел к ним в го-

сти. В его центре, пронзающем Солнце копьем магнитного поля, грануляция не могла существовать, а значит, и губернии тоже. Вслед за штормом следовали шмантафимы — их утлые кораблики маячили на горизонте. Умный телескоп, встроенный в обзорное поле детской, показал их — похожие на молочнорубые пилулы, они ждали, пока шторм сделает свое дело — пожрет губернии, как делал уже сотни тысяч раз, чтобы солнечные цыгане поживились тем, что останется.

— Госпожа вице-губернатор, пора уходить, — сообщил Сашиной матери искин, пилотировавший солнечный крейсер, присланный семейным советом для их эвакуации. Царствие цифровое заботилось о своих живых.

Мама потянула Сашу за руку, но та задержалась, чтобы последний раз окинуть взглядом шторм, одетый в алмазные нити спикул, и прошептала далеким кораблям шмантафимов:

— Однажды я стану взрослой и доберусь до вас. Когда мама уйдет в царствие цифровое, чтобы занять свое место в семейном совете, я призову вас к ответу. И генерала Снафкина тоже.

Двадцатикилометровое копьё «маузенганда», висевшее у шлюза, казалось крошечным по сравнению с губернией. Три с половиной миллиона километров — такой была ее высота.

Через час-другой губерния погибнет в шторме, но ей на замену уже возвели новые. Это то, чем занимается клон-династия Вонг. То, что им доверила Империя — строить губернии быстрее, чем шторм их пожирает. И Вонги — лучшие в своем деле.

★ Александра проснулась в тесной кабине своего крейсера. В памяти всплыли детали сна — что-то из детства. Девушка горько усмехнулась. Сейчас ей двадцать два. Три года, как она осталась одна. Мама вырастила ее и ушла в царствие цифровое, как до этого сделала ее мать, а до этого мать ее матери, и так до самой прапрабабки — Вонг Мьен, бежавшей из Сычуаньской диктатуры в Российскую империю. Гениальная ученая, оцифровавшая солнечное ядро и построившая первые губернии.

«Спи в медленности, Прародительница», — мысленно обратилась к ней Александра.

Детские мечты... так и не сбылись. Александра не выяснила, кто такие шмантафимы, и не разобралась с их таинственным предводителем — генералом Снафкиным.

Она мало где была за последние годы — строила новые губернии. Потребности человечества постоянно растут. Девяносто процентов всех вычислений производится на Солнце. Из них три четверти приходится на губернии. Империя — крупнейший поставщик вычислительных мощностей Солнечной системы. И ответственность за них возложена на единственную семью, точнее на единственного ее живого представителя — текущую баронессу Вонг, которая является вице-губернатором Солнца. Ее предшественницы дают ей советы из царствия цифрового. Сто лет прошло с тех пор, как Прародительница Вонг покинула реальный мир, и она по-прежнему считается действующим генералом-губернатором. Из царствия цифрового она следит за развитием губерний, потому что от этого зависит благополучие людей по всей Солнечной системе — почти все вычи-

слительные мощности губерний тратятся на расчет полей и порталов. Поля и порталы — плоть и кровь рода людского, и чтобы их рассчитывать, нужны не только колоссальные вычисления, но и колоссальная энергия на поддержание их в рабочем состоянии. Лишь Солнце может дать столько ресурсов.

Для Александры быть Вонг — не повод для гордыни. Баронский титул — неплохо, особенно для потомка беглой китайской рабыни, трансчеловека к тому же. Вице-губернатор Солнца? Круто... Возможно, при Дворе это и произвело бы впечатление, но она там никогда не была — не может оставить работу. Быть Вонг значит отдать себя труду на благо Империи.

Протерев глаза, девушка села. Солнечный крейсер был нематериален — весь соткан из силовых полей. Пять километров длиной. Крошечный — по сравнению с теми же «маузенгандами». В его центре сияла сфера управляемой термоядерной реакции — Солнце в миниатюре. Собственно, это и был кусок солнечного ядра, бережно поднятый из центра звезды по центральному стволу одной из губерний. Неделями он поднимался через лучистую зону и зону конвекции, обрастая по дороге силовыми полями и порталами, чтобы появиться на вершине губернии готовым кораблем. Ни грамма внешних материалов, все солнечное. Единственным чужеродным объектом была сама Вонг, пилот и капитан. Абсолютно голая, она лежала на силовых полях кабины и вдыхала тропические ароматы. Пахло океаном и пальмами. Наверняка вентиляционный портал был открыт куда-нибудь на Карибы или Багамы. Здесь, в маленьком кораблике над поверхностью невообразимо колоссального Солнца, Саша дышала атмосферой Земли.

Благодаря portalу, который просчитывают и поддерживают губернии. Пилоты всех кораблей Солнечной системы точно так же дышат чистым земным воздухом. Едят свежую земную пищу, которую получают через порталы. Вонг провела рукой по прохладному зеркалу силового поля. Если приложить ухо, можно услышать, как шумят углеводороды, прокачиваемые через полости внутри корабля. Эти обжигающе холодные жидкости — метан, этан, азот — корабль берет с планет-гигантов. Даже рядом с Солнцем внутри корабля комфортно, потому что Солнце нагревает не корабль, а атмосферу Юпитера, Урана и Сатурна. Где-нибудь на промерзлом Титане горняки касаются батареей отопления и чувствуют нестерпимый жар — это углеводороды, прошедшие через радиаторы солнечных крейсеров. Спасибо порталам и полям. Спасибо Империи. Спасибо «Красному берегу», откуда сто двадцать лет назад бежала Вонг Мьен, унося в своей гениальной голове не менее гениальные открытия...

— Губернии вызывают «Шойгу», — раздалось в Сашиной голове. Как не вовремя. Она только что получила через портал рыбник и клюквенный кисель. На Земле сейчас пост. Сашиним питанием занимается фермерская семья из-под Костромы. Простая сельская еда. Свежая. Всегда вовремя. Но иногда у них там пост. Александре все равно — она ест, что присылают. Иногда ее зовут в церковь или в гости — кажется, те люди о ней пекутся. Когда она уговаривает себя одеться, то принимает приглашение и ходит к ним через портал. Хорошая семья, приятные места, но слишком много работы, так что Саша ходит через портал крайне редко.

— «Шойгу», ответьте, — это какой-то номерной искин. Говорят, они были людьми, но потом прошли «чистилище» — так в народе звалась многолетняя проверка на человечность, устраиваемая на входе в царствие цифровое. То, что остается от изначальной личности, становится искусственным интеллектом — искином. Без имени и прошлого, только номер. Добровольное забвение... Впрочем, это лишь домыслы и слухи. Происхождение искинов держится Вонгами-Солнечными в секрете — даже от своей единственной живой представительницы.

— Крейсер «Шойгу» на связи, — ответила Саша, закончив с рыбником.

Тактический интерфейс, спроецированный на стены кабины, показывал, что вызов шел через систему порталов от ближайших трех губерний. Все номерные — тут, на Южном полюсе, все губернии были номерными, пятого или шестого ряда. С одними цифрами в названии. До них у Вонгов не доходят руки, потому что даже в царствии цифровом человек лишь человек. Если он будет чем-то заниматься в реальном времени, то постареет и умрет, поэтому Вонги проводят жизнь в медленности, а управленческие функции оставляют именным искинам, заседающим внутри именных губерний. Тут же, вдали от центра генерал-губернаторства, все наперекосяк. Копия на копии. Устаревшие версии к тому же. А если есть что-то именное, то имена непременно дурацкие. Особенно у крейсеров. Хорошо, если не издевательские. Искины придумывают потому что.

— Примите пакет, — сказал искин, прежде чем отключиться. И это не было оборотом речи — через

портал протиснулся бумажный пакет и упал на подставку для корреспонденции.

Александра разорвала упаковку и вытряхнула на ладонь кристалл с фамильным иероглифом.

— От семейного совета, — догадалась она и утопила кристалл в стену. Поле отправило его внутрь бортового фантома — крохотного царствия цифрового, способного вместить сознание пилота на время боя.

Пока фантом расшифровывал послание, Саша осмотрелась — за время сна могло что-то произойти. «Шойгу» висел почти над самой поверхностью Солнца — тут не так жарко, как в короне. Да, сила тяжести — двадцать семь джи, но корабль раскрыл под собой «входной» портал, а «выходной» — сверху, так что в кабине полагалось быть невесомости. Портал передавал все — в том числе и гравитацию. Однако сила тяжести все же была — благодаря еще одной паре порталов. Эта пара крала гравитацию с орбиты Солнца — там, на высоте трех миллионов километров, сила тяжести равнялась земной. Именно на этой высоте находились жилые помещения губерний, правда, они зачастую пустовали. На Солнце во плоти гостило не так уж много народу. Если только в царствии цифровом — в основном высокие сановники, которым Церковь разрешила принимать виртуальную форму.

Быстрый осмотр показал, что внизу ничего не менялось — мимо дрейфовала группа мелких пятен. Самое большое — тридцать тысяч километров. Полюс был спокоен. Внезапно внимание девушки привлекли две цели, помеченные тактическим интерфейсом — молочно-белые капсулы шмантафимов,

тащившиеся по своим делам на электронных парусах. Сверхпроводящие тросы в потоках солнечного ветра давали им скромную тягу. Едва ли бродяжки видели Александру — «Шойгу» умело прятался за порталами.

Интересно, что они делали тут — вдали от разрушенных губерний, которые они восстанавливали, чтобы заселить повторно. Да, шмантафимы не просто следовали за штормом, как их прототипы из сказок — они ждали, что он сделает за них всю работу, превратив прекраснейшие из суперкомпьютеров современности в жалкие развалины, которые более не могут защитить себя от взлома. Слава богу, перед тем, как шторм ударял в стены губерний, вся информация из них удалялась, а их копии — у каждой губернии было несколько двойников — брали нагрузку на себя. Срок жизни губернии измерялся месяцами, если не неделями. Факельные поля и солнечные пятна пожирали губернии одну за другой, но «маузенганды», управляемые имперскими искинами, без устали ныряли в фотосферу, чтобы сплести из полей и порталов тело новой вавилонской башни.

— Гадкие шмантафимы, — проворчала Александра. Руки потянулись проучить падальщиков. В ее власти было открыть два портала. Входной — в центре Солнца, а выходной — напротив бродяжек. Мгновенная смерть. Под чудовищным давлением звездное вещество температурой в миллионы Кельвинов прошло бы через портал и испарило корабли.

Александра открыла портал рядом с шмантафимами. Они бросились наутек, чуть тросы не оборвали. На корме корабликов зажглись крохотные факелы, бившие из микропорталов — не пожалели

энергии на солнечную тягу. До ядра они не дотягивались, но вот до лучистой зоны могли. Этого хватило, чтобы улепетывать от «Шойгу» в сторону экватора.

Портал, открытый Сашей, вел в солнечную корону. Пламя, ударившее по шмантафимам, напугало их, не причинив вреда.

— Не знаю, кто вы, но убивать вас — не по-божески, даже если вы уже не люди.

Саша подозревала, что шмантафимы — какой-то сорт постлюдей, вероятно, утративших последние остатки человечности... Несчастные.

«Расшифровка готова», — сообщил бортовой фантом.

Пакет действительно был от семейного совета и состоял из приказа и приложения. Это было что-то новое. Так официально? Первым пунктом семья требовала от Александры заглянуть в приложение. После беглого просмотра сердце заняло от недобрых предчувствий, а глаза округлились от удивления. Это был расчет солнечной активности на ближайшие двадцать четыре часа. Достоверность — три сигма...

Солнце было непредсказуемым. Лишь Прародительница Вонг сто лет назад приблизилась к тому, чтобы создать полную модель Солнца, но так и не закончила ее, уйдя в царствие цифровое, чтобы возглавить генерал-губернаторство. С тех пор она провела в медленности столетие, ускоряя свое время в моменты особой нужды и замедляя, чтобы переждать затишье. Она ушла в царствие цифровое, когда ей было пятьдесят, а сейчас ей шестьдесят пять... Но времени доделать модель у нее не было — она тратила его на управление губерниями. Кроме нее,

такую модель никто создать не мог. И дело не в гениальности Вонг Мьен, а в том, что она оцифровала ядро звезды, создав в нем постоянно изменяющуюся композицию из полей и порталов. Нормализация Вонг — так она называлась. Цель — снизить солнечную активность, что позволило строить губернии без опаски, что шторм придет за ними в ближайшие же часы после возведения... Как именно было оцифровано ядро, российская верноподданная никому не сказала. Никто, кроме нее, не знает, как крутятся поля и порталы в центре Солнца. А значит, возводить губернии может только Империя. Они стоят долго. Все, что остается остальным державам — строить маломощные дистрикты, способные в любой момент рассыпаться на ровном месте...

И вот сегодня шмантафимы продали клон-династии Вонг точнейшее предсказание на ближайшие сутки. Выходит, эти падальщики обладают моделью Солнца, которую нельзя создать, не имея знаний Прародительницы.

Более того — их модель предсказывает, что через двадцать три часа на губернии обрушится сверхмассивный шторм, который сметет треть вычислительных мощностей Империи... Потому что Нормализация Вонг — то, что Прародительница сделала с ядром, чтобы умиротворить Солнце, — была лишь отсрочкой перед бурей. Накопленное за столетие напряжение, сконцентрированное в центре звезды, готово вырваться наружу — десятки тысяч гаусс ударят сквозь светило, превращая ровные и красивые супергранулы, на которых стоят губернии — шестигранные столбы ячеек Рэлея-Бернара, — в вильсоновскую депрессию. В общем, в блин раскатают. Это

как пушка Дирака, только природного происхождения.

Никаких объяснений, откуда шмантафимы взяли модель Солнца и с чего это они вдруг продали предсказание Вонгам, приложение не содержало. Второй пункт гласил, что Александра должна срочно создать на полюсе кластер губерний повышенной плотности — как было запланировано ранее, но без предварительной разведки недр. И помощников она может не ждать — все «маузенганды» брошены на создание резервных губерний. Давно известно, что губернии изменяют магнитное поле звезды и буквально притягивают шторм, так что на каждую губернию рано или поздно найдется свое пятно-убийца.

Только вот меньше чем через сутки такое произойдет в громадных масштабах. Ударит ли шторм по дистриктам конкурентов? Да, но не так сильно. Их меньше, к тому же они короткоживущие, так что хозяева просто отлетят подальше и, переждав шторм, по-быстрому наклепают новые.

Все «маузенганды» — тяжелые солнечные крейсера — Вонги забирают себе, на экватор. Кто же поможет Саше? Приказ дает решение — привлечь местных подрядчиков на конкурентной основе, заплатив им процентом вычислительных мощностей новых губерний и технологиями их возведения...

Девушка была шокирована. Предполагалось, что у нее пара недель на зондирование почвы и создание локальной модели. Все, что нужно, прежде чем возводить передовые губернии, каждая из которых мощнее обычных в восемь раз...

Казалось бы, треть губерний погибнет — в чем проблема? Они гибнут регулярно. Но это значит, что

треть полей и порталов в Солнечной системе разом перестанут обсчитываться и питаться энергией. Куда ведут эти порталы? Что защищают эти поля? Корабли в космосе, жилые купола на планетоидах. Что будет с семьей, в чьем доме закроется портал для дыхания? А если пропадет защитное поле, отделяющее теплый воздух дома от космического вакуума? Сколько людей, доверивших свои жизни Империи, погибнут от разгерметизации или удушья? Или же будут затоплены охлаждающей жидкостью? Или наоборот — сгорят заживо, потеряв поток охладителя...

Вонги-Солнечные — вот кого Империя поставила во главе генерал-губернаторства Солнца, вручив ключи от царствия цифрового, и Александра ответственна более остальных. Она живая представительница рода, пусть даже царствие цифровое — ни разу не смерть, но такая особая часть реальности, и живущие там люди могут вернуться в реальный мир, когда захотят.

Больше ничего в приказе не было. Саша попробовала связаться с семьей. Ей нужны были подробные указания — она никогда не работала сама по себе. Семейный совет приглядывал за ней и подсказывал верные решения. Ей не хватало «маузенгадов» с нормальными названиями и вменяемыми пилотами — настоящих цифровых людей, а не номерных искинов, спрос с которых, как с детей малых.

На панику девушка потратила пятнадцать минут. Это было непростительно много. Семья не отвечала. Помощи не будет. Выйдя из ступора, Александра обратилась ко всем известным ей людям и постлюдям Солнца. Ее предшественницы — мама, бабушка, прабабушка и сама Прародительница — накопи-

ли огромный перечень существ, с которыми можно работать. Лишь единицы из них были бессмертны, многие — просто долгожители. Прочие — один Бог знает, что собой представляли... Возможно, некоторые даже не жили в обычном смысле слова, так что и умереть не могли.

Не все постлюди соглашались работать с чиновниками Империи из-за резко-отрицательной позиции Двора и Церкви по отношению к глобальной перестройке человеческого генома, но клон-династия Вонгов считалась трансчеловеческой — один из немногих нечеловеческих дворянских родов Империи, пусть и получивший свой титул на фоне дипломатического скандала с Сычуаньской диктатурой. Так что на протяжении последнего столетия с Вонгами сотрудничали большинство корпораций и частных, осваивавших Солнце. WTF — Всемирная трансгуманистическая фракция — относила Вонгов к эвдемонистам-федоровцам по формальному признаку: воскрешение предков. При этом они закрывали глаза на то, что Вонг Мьен изначально была создана как ученая-рабыня для проекта «Красный берег», то есть стала трансчеловеком против воли.

Саша выбрала несколько десятков адресатов, отдавая предпочтения идеологически близким «анахоретам» — ей вовсе не хотелось иметь дело с аболиционистами или утилитаристами. С гедонистическими фракциями постлюдей было трудно найти общий язык. Они все мерили удовольствием, а Вонги — ответственностью.

Еще двадцать минут прошли в ожидании, но, к ее глубокому разочарованию, никто не откликнулся и даже не подтвердил получение сообщения,

хотя Александра была уверена, что ближайшие губернии транслировали запрос по всему Солнцу — через дистрикты дружественных государств и корпораций.

Условия тендера были максимально «жирными», так что те, кого не затронет надвигающийся супершторм, вполне могли прислать свои корабли для возведения губерний — в обмен на часть вычислительных мощностей и новые технологии, но могущественные постлюди, на которых так надеялась Саша — Госпожа Абельмон, Маретул Мади, Гражданин Ноль и другие, — все молчали. Безмолвствовал и семейный совет Вонгов. Поначалу Саша решила, что со связью что-то не так, но проверка показывала, что контакт есть со всеми губерниями. Остальные Вонги были либо в медленности, либо слишком заняты, организовывая эвакуацию. Александра не прекращала попыток связаться — все эти годы она действовала сначала по указке матери, а потом — семейного совета. Прародительница давала ей советы, да и другие представители клондинастии — прабабка Ксения и бабушка Евгения — не оставляли ее без внимания. С мамой Светланой она говорила всякий раз, когда та выходила из медленности.

Когда еще двадцать минут спустя девушка стала впадать в отчаяние, фантом предупредил о гостях. К ней на солнечной тяге мчались два корабля.

Чтобы не принимать гостей в тесной рубке «Шойгу», Саша велела кораблю создать из полей переговорный зал со шлюзами-порталами — все прилетевшие на встречу смогут попасть в общее помещение, чтобы решить вопросы во плоти, а не посредством

★ виртуальной конференции. Вонги предпочитали договариваться с подрядчиками лично, и Александра не стала менять традицию, хоть и ненавидела быть одетой.

Она дала кораблю команду подобрать ей наряд. Фантом открыл портал, и в кабину упал сверток. Это был женский деловой костюм. Перебарывая неприязнь, девушка натянула сначала нижнее белье, затем предметы гардероба. У пиджака были рюши на плечах и сложные застёжки на запястьях. При Дворе такое было модным. Хотя одежду только что сшили искины по меркам Александры, ей было в ней неудобно — ткань касалась кожи.

Прибывшие корабли назывались «Великий красный дракон» и «Мудрец, равный небу». Не так глупо, как корабли провинциальных искинов, но так же безвкусно. Пятикилометровый «Шойгу» проигрывал гостям по размеру, но он был солнечным крейсером Империи, собранным в центральных губерниях для одной из Вонг, а это значило больше, чем физические размеры.

Несомненно, к ней прибыли достаточно могущественные существа — такие корабли могли позволить лишь немногие. У «Великого красного дракона» было семь сфер термоядерного синтеза и десять линейных пушек, торчавших словно рога. Стрельчатые антенны связи венчали корабль подобно диадеме. «Мудрец, равный небу» был скромнее и напоминал сучковатое бревно. Все это переливалось полями и чернело порталами. Типичные солнечные корабли.

Саша волновалась. Это была ее первая встреча с живыми иностранцами с тех пор, как она обрела

самостоятельность. Девушка время от времени бывала на Земле, но в России практически нет нелюдей.

Интересно, какие они? По рассказам матери, есть очень хорошие постлюди, уважающие и ценящие обычных людей, пусть те и уступают им по многим показателям. Возможно, ей повезет встретить именно таких.

Силовое поле шлюза распахнулось, и в переговорный кокон вошел первый гость.

Увидев, кто пожаловал, Саша испустила мысленный вопль отчаяния.

Хелленмарская элита. Хуже не придумаешь. Если и есть в Солнечной системе ад, то это в Хелленмар и сразу направо. Когда Александре было пятнадцать, она всерьез планировала выкрасть солнечный крейсер и сбежать из дома, чтобы сражаться с Хелленмаром в рядах «Мучеников Япета» или «Сынов Энцелада», да так и не сбежала... С годами она поняла, что такие государства, как Хелленмар, по-своему даже нужны — чтобы показывать всем, что Империя идет правильным путем...

Гостья была двух метров ростом и на свой нечеловеческий лад прекрасна. Ее глаза сияли благодаря бриллиантам, инкрустированным прямо в радужку. Молочно-белая кожа без единого изъяна. За спиной — компактные птичьи крылья. Плечи поросли пуховыми перьями. Талия стиснута кожаным корсетом, подчеркивающим высокую полную грудь. Ноги, обтянутые кружевными панталонами, заканчивались когтистыми птичьими лапами. Тонкий крючковатый нос, маленькие бледные губы и острые звери-

ные уши. Длинные прямые волосы — иссиня-черные, как и перья на плечах.

Женщина-гарпия вошла уверенно — как к себе домой. Осмотрев пустой кокон, незнакомка скривила лицо. Вонг уже опросила чип гостьи и знала, что ту звали Эрнестина Паскаль, и она с Меркурия.

— Я что — первая? — уточнила Эрнестина.

— Типа того, — подтвердила Саша.

Смерив хозяйку взглядом, Паскаль спросила:

— Ты которая по счету?

— Что?

— Вы, Вонги, все на одно лицо. Какая ты по счету?

— Пятая.

— Из ваших я знала третью.

— Бабушку Евгению? Она не оставила записей о постчеловеке с вашим именем и внешностью.

— Меня тогда звали Эрнестом. Я часто меняю пол и внешность, экспериментирую.

— Мужчина с чертами тигра?

— На тот момент — да, — подтвердила Паскаль.

— Действительно, бабушка вас упоминала.

— Еще бы. Мы были любовниками, — без тени смущения поделилась гостья. — Я твой дедушка, если на то пошло.

Саша вздрогнула, шокированная, но быстро нашла с ответом:

— Генетический материал мужчины никак не влияет на генетику ребенка.

— Да, вы всегда рожаете точную копию себя, но вам все равно нужен осеменитель, — выдала гаденькую улыбочку Эрнестина.

— Так нас запрограммировали создатели «Красного берега».

— Да-да, ученые-рабы в собственности государства. Умные, работоспособные, преданные... — просмаковала Паскаль. — Хозяева «Берега» и не ожидали, что русские хакеры взломают не их хваленые системы безопасности, а поведенческие установки их драгоценной рабыни. Твоя прапрапрабабка сбежала с новейшими разработками. Ты знаешь, что они до сих пор считают вас своей собственностью?

— Кто они?

— Твои узкоглазые соотечественники. ПАКи. Они ведь преемники Сычуаньской диктатуры. Наследники «Красного берега». Более того, раз вы оцифровали Солнце на основе их технологии, то и губернии они считают своими.

— Протуберанец им за воротник, — холодно отозвалась Саша. Она была готова прогнать наглую желленмарку вместе с ее нотациями.

Эрнестина огляделась:

— Стоило захватить удобства с собой.

— Я могу убрать гравитацию, если нужно, — предложила Александра.

— Мне бы просто задницу прислонить, — бросила гарпия.

Развалившись на появившемся позади нее кресле, меркурианка сказала:

— Ты, наверное, думаешь, мне есть до всего этого дело. Так мне наплевать. Просто Евгения мне все уши в свое время прожужжала, какие вы чудесные. Прародительница то, прародительница се. Как по мне, так беглая рабыня, предательница и воровка.

— Я могу прямо сейчас выкинуть вас за борт, — предупредила Александра. — Если вы не в курсе,

я вице-губернатор Солнца и не потерплю такого отношения к моему семейству.

— Прошу прощения, забылась, — широко улыбнулась гостя. Похоже, перспектива прогуляться в космос ее не напугала — едва ли ее такое убьет. Тем не менее она стала вести себя почтительнее:

— Как мне обращаться к вам? Я не сильна в официальной части.

Решив, что не стоит быть слишком строгой, Саша сказала примирительно:

— Тут, вдали от императорского двора, мы довольно демократичны в таких вопросах. На Солнце любой дворянин может рассчитывать на обращение «Ваше сиятельство», ну или по меньшей мере «Ваша светлость». Но раз уж нам плотно работать вместе в ближайшие двадцать часов, предлагаю перейти на «ты». Договорились, Эрнестина?

— Легко, — кивнула та. — Как насчет деталей работы?

— Еще не все собрались. Хочу дождаться других желающих поучаствовать. Кстати, где представитель второго корабля?

— Мой партнер? Подойдет позже — я позову его, когда будет ясность.

Из семейной базы данных Александра знала, что Эрнест Паскаль — времен бабки Евгении — был могущественным постчеловеком, хелленмарским олигархом, вложившим деньги в оцифровку Солнца и, более того — сам принимал участие в создании хелленмарских дистриктов, служивших слабым подобием имперских губерний. В ту пору у него было множество партнеров из околосолнечной тусовки, так что с ним было выгодно строить вместе. К тому

же, в отличие от большинства хелленмарской элиты, он был вменяемым. Потом Эрнест пропал из виду почти на столетия, чтобы объявиться уже в виде женщины-птицы.

— Тебя давно не было на Солнце, — сказала Александра. — Мы ничего про тебя не слышали. Чем занималась?

— Не думаю, что вас интересовало что-то кроме губерний. Впрочем, зная о медленности, не удивлюсь, что для твоей родни в царствии цифровом с моего отбытия прошел год от силы. Я не скрывалась, но и открыток тоже не посылала. Ваша семейка поприжала мой бизнес, когда вы окрепли и стали продавать вычислительные мощности всем желающим. Мне стало невыгодно строить дистрикты, и я переселился на Меркурий. Это, кстати, тут рядом.

— Слышала, там то еще пекло, — пожала плечами Александра.

— Да ладно! — хмыкнула гостя. На низкой орбите Солнца подобное заявление звучало нелепо, но, судя по всему, Саша имела в виду «по сравнению с другими планетами».

— На полюсах нормально. Даже ледок в кратерах не тает. Там ваши тоже есть — русские.

— Мы есть везде, — пожала плечами Вонг. — С порталами это не проблема.

Это было так. Вычислительные мощности губерний позволяли просчитывать порталные маршруты вплоть до орбиты Плутона. Заселить Солнечную систему — не проблема. Проблема — что делать дальше... Порталы заставили человечество не просто изменить свое представление о перемещениях. Они

заставили поменять все, что касалось военных действий и защиты своих территорий и ресурсов. Через удачно открытый портал враг мог перекинуть бомбу прямо в генеральный штаб или, наоборот, выкрасть ценности из самых охраняемых крепостей. Новая наука по защите от угроз порталной войны называлась «портальной безопасностью». Границы государств потеряли смысл. Мир поделился на зоны безопасности, где государство гарантировало защиту граждан от порталных атак, и зоны риска, где сохранность жизни и имущества была под большим вопросом — в любой момент враги могли открыть там портал на Солнце, чтобы сжечь все в доли секунды. Площадь зон безопасности была в тысячи раз меньше зон риска, так что не имело значения, где живут русские — на Меркурии, Япете или Плутоне, — важнее было, защищены ли они от порталных атак. И эту защиту тоже обеспечивали губернии, просчитывая антипортальные поля, блокировавшие открытие чужих порталов. Именно поэтому в царствии цифровом постоянно присутствовали высокопоставленные сановники — посланцы Двора. Вонги управляли генерал-губернаторством Солнца, но за ними тщательно приглядывали с Земли. Это был вопрос выживания Империи.

— Мы тоже есть везде, — Эрнестина, конечно, имела в виду Хелленмар, намекая на конфликт гораздо более глубокий, чем военные конфликты прошлого. Между Империей и Хелленмаром сейчас пролегла черта, делившая население Солнечной системы пополам.

— И что там хорошего на Меркурии? Короткий отопительный сезон, да? — сострила Саша. Как

и все Вонги, она не представляла, что Солнце можно было на что-то променять.

— Металлоконструкции, — коротко ответила Паскаль.

— В смысле?

— Ядро Меркурия металлическое. Практически чистое железо. К тому же расплавленное. Догадываешься?

— Нет, — пожала плечами Саша.

— Металлоконструкции любой формы, любой сложности, любого размера, в любой точке Солнечной системы. Портальная экструзия. Рассчитываем порталы и открываем их одновременно в ядро Меркурия и в атмосферу Юпитера. Из меркурианского портала бьет струя жидкого железа, проходит через слой жидких углеводородов с Юпитера и тут же застывает. Причем снаружи это закаленная сталь, а внутри мягкое железо. Зонная закалка. Фактически ноу-хау, причем себестоимость — сущие гроши, — пояснила Паскаль.

— Как я понимаю, бизнес выстрелил?

— Да, первые двадцать лет я гребла деньги лопатой.

— А потом?

— Конкуренты. Наловчились то же самое делать, только из полимеров. Смешивают через порталы разнообразные углеводороды с планет-гигантов, греют через солнечные порталы, а на выходе сверхпрочный полимер. Заметно легче металлоконструкций. Дороже — да. Но легче. Точки Лагранджа — не резиновые, легкость там в почете. В конце концов я решила вернуться на Солнце. Возводить дистрикты по-прежнему выгодно. Не так, как раньше, конечно, но не все

хотят держать свои данные в хранилищах Российской империи. Клиенты у меня будут всегда.

Александру позабавило, что собеседница назвала Империю «Российской». Последние годы это уточнение зачастую стали упускать, потому что Российская империя была единственной — других не было. В свое время так же опускали уточнение «Америки» и говорили «Соединенные Штаты» или даже просто «Штаты». С тех пор как Хелленмар занял непримиримую позицию по отношению к обычным людям, многие из них подали прошение и получили российское гражданство. Империя людей — так между собой называли они свой новый дом. Тем не менее Империя была именно Российской — вне зависимости от того, нравилось это кому-то или нет.

— Тридцать лет назад твой бизнес металлоконструкций перестал приносить сверхприбыль. Чем же ты занималась еще три десятка лет? — решила уточнить Саша.

— Путешествовала по системе. Прибилась к кавалькаде кометопроходцев. Они называли себя Пятимильным цирком.

— Цирк уродов? — вспомнила Вонг.

— Они называли себя экстремальными постлюдьми. В общем, с ними я посмотрела систему. Долетела до гелиопаузы, шагнула за край великой ударной волны, вдохнула межзвездный ветер свободы и повернула назад.

От слов Паскаль Александру пробрало холодом. Она не могла без содрогания думать, что даже там — в безумной дали от Солнца — живут люди... Люди ли? В бесконечном мраке и пустоте, среди летающих льдов, недостижимые для порталов, они лежат в сво-

их крионических гробах, спя сном, что крепче смерти, чтобы за десятилетия преодолевать гигантские расстояния от одного смерзшегося куска углеводов до следующего — на химической тяге, как какие-то дикари из двадцатого века... Несчастные. Впрочем, они сами выбрали такую жизнь.

— Представляю, сколько ты натерпелась, — пожившись, сказала Вонг.

— Даже не представляешь, — мрачно отозвалась Эрнестина. — Можно сказать, я вернулась другим человеком.

Они поговорили еще полчаса — Эрнестина была интересным собеседником, так что Вонг невольно прониклась к ней симпатией, а потом стало не до бесед. Начали прибывать остальные желающие поучаствовать в создании кластера губерний.

Первыми появились ПАКи на крейсере «Тяньчжень» — сразу человек десять. Пан-Азиатская Коалиция гордилась тем, что смогла объединить всю монголоидную расу, но среди ПАКов ожидаемо заправлял японец — мистер Такамура. ПАКи мельтешили по кокону с какими-то приборами — измеряли поля, гомонили и косились на Вонг. Создатели «Красного берега» постарались на славу, улучшая китайский геном для своих целей, — Вонг была высокой, метр семьдесят пять, стройной и прямоногой. Картину дополняла копна белоснежных волос и золотые глаза. Вонг не была альбиносом — брови были черные как смоль, но вот волосы на голове — блее снега. Радужку глаз покрывало настоящее золото — отличительная черта «цонминьну», ученых-рабов тогдашнего китайского режима.

Мистер Такамура был почиттелен и надменен одновременно. Как и сказала Эрнестина, ПАКи считали Вонгов своей законной собственностью. Пришлось поставить на место и их тоже. Тем не менее Саше ПАКи понравились — они люди, а значит, практически свои.

Затем к кокону причалило «Приключение». Это был огромный — сорока километров в длину — пузатый солнечный крейсер, разительно напоминавший «маузенганды» времен Прародительницы Вонг. Пять независимых ядер. Прямоточная пушка Дирака во всю длину корпуса. Из такой можно снести губернию одним выстрелом. И где только откопали подобный раритет?

Александру скрутило от нехорошего предчувствия. Она словно вернулась в детство, в комнату на вершине губернии, чтобы смотреть, как приближается шторм, готовый пожрать целый кластер, и мама тянула ее за руку — на борт присланного за ними крейсера...

Двери раскрылись, и в помещение вошел он — такой, как его описывали слухи. Одного с Сашей роста, в зеленой шляпе и просторном дождевике, скрывавшем фигуру. За спиной — вещмешок на лямках. Следом плыли над полом нелепо колыхавшиеся шмантафимы. Они были как белые сосиски с руками и глазами и создавали впечатление голограмм, а не живых существ.

— Генерал Снафкин, — приветствовала гостя Вонг. Шмантафимы стали разбредаться по помещению, уже заполненному ПАКаами, так что стало тесно.

Снафкин подошел вплотную — его лицо закрывала квазикерамическая маска, передававшая изменения мимики владельца, но не позволявшая его опознать. Меняла она и голос. Идеальная маскировка для печально известного авантюриста.

— Госпожа Александра, — гость приложил пальцы к полям шляпы.

— Как вы посмели появиться? — Вонг чувствовала, как растет гнев. Вот кого она с удовольствием отправила бы на Солнце голышом. Снафкин годами терроризировал ее семью, всюду представляясь как «чрезвычайный тайный советник и особо доверенное лицо генерал-губернаторов Солнца, баронесс Вонг-Солнечных». Для банального проходимца у Снафкина было слишком много знакомств среди знатных родов Империи. Он утверждал, что имеет баронский патент, полученный лично от Государя за особые заслуги перед Отечеством, но ни заслуг, ни патента никто в глаза не видел. Тем не менее авантюрист год за годом дурил людям голову и оказывал сомнительные услуги там, где его посредничество не требовалось. Бог бы с ним — авантюристов всегда хватало, но генерал Снафкин постоянно намекал, что ему покровительствуют сами Вонги, а уж действующий вице-губернатор — и вовсе у него в неплатном долгу... И этот враль сейчас стоял перед ней.

— Я прибыл участвовать в тендере. У меня отличные ГЗП на «Приключении», а корабли моих подчиненных прошли модернизацию для установки порталов в лучистой зоне, — генерал кинул на шмантафимов, бродивших по помещению.

— Вашим миньонам тут тоже не рады, — осталась непреклонной Александра. — Шмантафимы должны покинуть помещение.

— Прошу вас не называть их этим словом. Говори мы на иврите, оно было бы уместным, но по-русски они зовутся «хатифнатты».

— Я не намерена вам потакать, генерал. Неприятным существам — неприятные имена.

— Не мы вызываем штормы, госпожа Александра. Мы просто следуем за ними, — констатировал Снафкин, и шмантафимы-хатифнатты согласно затрепетали.

— Вы присваиваете себе полуразрушенные губернии.

— Так и есть, — самодовольно улыбнулся генерал, и это так задело Сашу, что ей захотелось сорвать маску, чтобы разоблачить его. Но она знала, что подобную маску можно оторвать только вместе с лицом — так она была сделана.

— Не будем тратить время на вражду, — предложил авантюрист. — Высылаю вам наши спецификации. Я и мои хатифнатты готовы участвовать.

— Посмотрим, — буркнула Вонг и отошла от Снафкина. Ее трясло от злости, но сильнее ее бесило то, что генерал был прав — она уже не девочка, чтобы верить, будто шмантафимы насылают штормы на губернии — само Солнце пытается разрушить чужеродный элемент, которым являются губернии. Хаос против порядка в чистом виде.

Она подошла к Эрнестине, которую в едином порыве слепого поклонения обступили хатифнатты и ПАКи — гарпия была прекрасна и знала это. Постлюди готовы поменять в своем теле все, чтобы при-

близиться к сверхчеловеческому идеалу. Беда в том, что хелленмарская знать решила, что их собственный народ должен оттенять их красоту. Стать пост-человеком по собственному желанию — это одно. Быть расчеловеченным против своей воли — совершенно другое.

— Вашему компаньону пора бы спуститься к нам, — бросила Саша, протиснувшись между мелких мужчин и парящих сосисок с руками. — Вряд ли кто-то еще прилетит, а нам пора начинать.

— Ты права, — царственно кивнула Паскаль. — Думаю, он уже закончил собирать свое тело из атомов, так что может присоединиться к нам во плоти.

— Надеюсь, результат будет стоить потраченных атомов, — съехидничала Вонг. Она была анахореткой, и все эти мельтешения ее уже утомили, зато вот аболиционистка Паскаль, похоже, получала от происходящего удовольствие.

«Где нормальные участники? Где старые союзники среди трансляций? Где солнечные корпорации из умеренных широт? Почему не отвечает семейный совет?» — изводила себя Саша.

Когда последний участник вошел в кокон, Вонг невольно перекрестилась. Мало ей было Эрнестины, ПАКов и Снафкина с его шмантафимами... Существо было двухметровым гориллоидом со слишком вытянутой — практически крокодильей — мордой.

— Где ты откопала эту образину? — шепнула Вонг Эрнестине.

— Ближе, чем ты думаешь...

— Надо закопать обратно.

— Мне твой цисгуманистический шовинизм неприятен, — скривилась Паскаль. — Я думала, ты свободных взглядов, раз сама трансчеловек.

— Значит, не настолько свободных, — успела сказать Саша до того, как к ним подошел гориллоид.

— Меня зовут Хануман, — представился он. — Я царь обезьян. Мудрец, равный небу.

Саша была слегка подкована в таких вопросах. Знай своего врага! Хануман — анаграмма слова «анхуман», то есть «нечеловек», ну или «античеловек». Анхуманы — сатанисты, хотя необязательно. Они слишком радикальные, чтобы их терпела в своих рядах даже хелленмарская знать.

— И сразу нет, — твердо сказала Александра. — Участники тендера получают долю вычислительных мощностей в будущих губерниях — в соответствии с их вкладом в строительство. Я не позволю, чтобы враги рода человеческого крутили свои задачи на наших мощностях.

Нечеловек издал глухое угрожающее ворчание, и Саша невольно обратилась к бортовому фантому «Шойгу». Тот уловил команду и незаметно для окружающих накинул на девушку следящий кокон силового скафандра. Стоит кому-то напасть, и кокон станет полноценным полем за микросекунду. Только когда твой противник — отродье, даже это — слишком медленно.

Хануман каким-то образом почувствовал контур ее скафандра и тут же сменил рык на дружескую ухмылку.

— Ваше сиятельство, я лишь скромный меценат с окраин системы. Пусть я постчеловек, но сердце мое открыто для имперского цисгуманизма. Мне

нужны вычислительные мощности исключительно для добрых дел.

— Каких это?

— Я покажу, — он сделал шаг в сторону и вытянул руки — из них посыпался песок, складываясь в трехмерную фигуру.

«Наноматы — здесь!» — мысленно воскликнула Саша и отдала приказ запечатать скафандр. Тут же зеркальный слой закрыл ее ото всех, потом стал прозрачным, но это была лишь иллюзия прозрачности. В носу зачесалось от запаха разнотравья — скафандр открыл дыхательный портал в какой-то заповедник на Земле.

Тем временем песок принял форму ребенка, скорчившегося на полу. Статуя идеально повторяла живого человека... И тут она открыла глаза.

Ребенок был одет в обтрепанный первопроходческий скафандр прошлого века — такие еще донашивают нищие потомки кометных фермеров и горняки на спутниках планет-гигантов. Забрало треснуло. На бледном лице следы авитаминоза. Мальчик с мольбой смотрел на Сашу. Он протянул к ней руки.

— Тетя, я хочу жить. Пожалуйста! Разве я не могу жить? Маму и папу убили... Дай мне жизни, хоть крошечку! — Призрак ребенка метнулся к ней, но был рассыпан ударом поля — защитная система скафандра отреагировала на смертельный ужас владельца.

Разлетевшийся песок стал собираться снова — теперь он воссоздавал маленькую девочку в порванном платье. Кожа ее была зеленой, а за ушами вспухли нежные рубцы жабр. Гидропонические сферы воль-

нопоселенцев Лагранжии-5 — вот откуда она, поняла Саша.

Девочка открыла глаза и тут же стала плакать, под ней быстро натекла лужа крови. Она была в шоке и ничего не говорила, лишь скулила и рассказывалась.

— Я собираю малых сих по самым ужасным уголкам системы, — пояснил Хануман. — Мальчика я спас сорок лет назад с Весты — супрематисты Пояса бомбили горняцкие поселки в глубине Реясильвии. Я снял цифровую копию. Оригинал умер от удушья неделю спустя — не хотел уходить от останков родителей... Девочку я скопировал в одной из сфер «Милости спидурины». Я мирный человек, так что мне пришлось дожидаться, когда солдаты Венерианского фронта надругаются над ней и уйдут в следующую флоросферу. Оригинал погиб час спустя, когда лазерный залп с фрегата разнес на куски всю кладку «Милости».

— Зачем ты мне их показываешь?

— Они были лишены жизни против своей воли. Злые люди надругались над ними. Не нелюди, но обычные люди. Малые сии достойны лучшей жизни. Я хочу им лишь добра — в виртуальной среде я излечу их раны и отведу к свету постгуманизма. Для этого мне нужно немного места в губерниях, чтобы развернуть там виртуальность для моих воспитанников...

— Отдай их мне. Я отведу их в царствие цифровое, — сказала Вонг.

— Нет, — тут же отказался Хануман, сделав такой жест, словно защищает кого-то дорогого, но на месте девочки остался лишь песчаный холмик.

— Почему?

— Они только мои.

Саша сняла с груди нательный крестик, и тот стал расти, пока не стал размером с ладонь. Этот крест она направила на Ханумана, и тот попятился.

— Ты знаешь, что это, — сказала она. Он невольно кивнул. В ее руках был ключ в царствие цифровое, только вот никто не мог попасть туда непроверенным. Сразу после оцифровки человек оказывался в изолированном пространстве, где вся его жизнь просматривалась в ретроспективе — событие за событием извлекалось из глубин памяти и переживалось заново — посредством постановки-реконструкции. Субъективно процесс занимал годы, хотя длился не дольше часа — благодаря ускорению времени. В ходе процедуры решалось, достоин ли человек войти в царствие цифровое. Безопасен ли он для Империи, ведь ему позволят попасть в самое сердце губерний. Побочным эффектом такой проверки становились душевные муки невообразимой силы. Некоторым требовалось очень много времени, чтобы пройти процедуру, осознав и приняв все свои жизненные ошибки. Тем не менее человек, как бы мерзко он ни жил, рано или поздно пройдет процедуру, а вот нечеловек — никогда.

— Иди сюда, коллекционер, — сказала Саша, шагая к анхуману. — Попадешь в царствие цифровое вместе со всеми своими воспитанниками.

Тот кинулся прочь, причем на удивление шустро. Уже у выхода он оглянулся и, видя, что его не преследуют, оскалился. Песок из его ладоней соткался в подобие оружия с коротким стволом. Вскинув пи-

столет, Хануман направил его... на генерала. Обезьяньи губы натянулись, оголив клыки.

У Саши не было времени на переговоры. По ее команде линейный ускоритель «Шойгу» зарядил в ствол килограммовую осмиевую болванку — самую маленькую из возможных. В то мгновение, как она начала свой разбег по стволу, перед дулом орудия открылся входной портал сантиметрового диаметра. Выходной портал появился точно перед зрачком Саши. На скорости десяти километров в секунду болванка вылетела из Сашиного глаза, разнесла в пыль оружие Ханумана и покинула переговорный кокон через своевременно открытую брешь.

Едва ли кто-то заметил, что произошло — Саша подстраховала присутствующих силовыми полями, так что ударной волны не было. Выстрел был беззвучным.

Хануман кинулся через портал на свой корабль — поврежденная рука болталась плетью.

Саша огляделась. Снафкин лыбился, подняв большой палец.

ПАКи, похоже, ничего не поняли. Шмантафимам было вроде как параллельно. Только Эрнестина сокрушенно покачала головой — как постчеловек она могла замечать вещи, обычным людям недоступные.

— Ты только что прогнала моего генерального субподрядчика.

— Скатертью дорога. Он весь пропах цифровой проказой, да и в тех несчастных детей ее напихал — они теперь имитации, лишь внешне похожие на свои прототипы. Отродья — вот кто они.

- Не стоило пугать его вашим чистилищем.
- Это называется не чистилище, а Проверка.
- Как бы ни называлось... Он такое не прощает.

По долям договорились быстро. После ухода Ханумана участники представили свои спецификации — значение имела суммарная мощность ГЗП каждой из сторон. Генератор-Постановщик Полей и Порталов, он же ГППП, ну или ГЗП — единственный инструмент при создании губерний. Его задача — быстро создавать множество сложных полей и порталов в толще звезды — там, где укажет Александра, чтобы имперские губернии могли взять их себе на обеспечение — с этого момента поля и порталы просчитывались ими, а корабль был волен ставить новые.

Самые мощные ГЗП были на «Великом красном драконе», потом шли ПАКи — к их крейсеру прилагалось с дюжину корветов серии «квэймао». Дальше шла Саша с ее «Шойгу» — у малышки-крейсера был впечатляющий генератор-постановщик. Замыкало рейтинг «Приключение» Снафкина во главе сотни шмантафимских лодок. Интрига была в том, что генерал обещал, что их мощности каждый час будут возрастать в геометрической прогрессии. Прямо сейчас со всего Солнца хатифнаттские клиперы держат путь к полюсу. Они будут прибывать волнами и вливаться в работу.

В глубь фотосферы «пилюли» нырнуть не могли — перегревались, поэтому кружили над стройплощадкой, прыгая «блинчиком», чтобы чередовать работу и охлаждение. Если генерал не врал, то через сутки тут будут десятки тысяч хатифнаттских лодок,

чья суммарная производительность превзойдет возможности остальных участников в несколько раз... Саша не повелась на такое и выставила Снафкину долю прибыли соразмерно его текущим мощностям. Она опасалась, что даже этого ему много — корабли шмантафимов слишком часто ломались, чтобы поддерживать свое количество на прежнем уровне все время строительства.

Когда дележ вычислительных мощностей и технологий закончился, началась работа — сборка кластера губерний. «Мудреца», на котором прилетел Хануман, нигде не было видно. Он нырнул в фотосферу сразу после бегства хозяина. Саша искренне надеялась, что анхуман использовал этот трюк, чтобы убраться куда подальше.

Час проходил за часом. Внизу кипело бескрайнее Солнце. Под ударами ГЗП начал вырисовываться фундамент будущего кластера — поля и порталы солнечного ядра, установленные Прародительницей Вонг, вошли в зацепление с новыми структурами, которые корабли ткали в зоне лучистого переноса. Опоры для будущих границ «термиков», завязи постоянных колонн конвекции и управляемая грануляция — все это сплеталось, прорастая вавилонскими башнями губерний. Ячейки Рэлея-Бернара не жили дольше нескольких минут — на Солнце не было ничего постоянного, но ячейки Бернара-Вонг проживут долгие месяцы, пока их не сметет шторм... Саша не находила себе места — семья упорно молчала, доверенные искины из центральных губерний — тоже. К месту строительства нового кластера никто не подлетал — «опоздавших», как ни странно, не было. Все шло в рабочем порядке, и только Эрнестина вре-

мя от времени пыталась наладить контакт, но на деле только досаждала Вонг своими расспросами:

— Как это вообще — подчиняться покойникам, а?

— Чего?

— Ну, у вас — Вонгов — фактически некрократия. Власть мертвецов. Все твои предки — мертвы. Лишь искины, запертые в виртуальности.

— Вообще-то они живее всех живых, — возмутилась Саша.

— Да ладно!

— Царствие цифровое не какая-то там дешевая виртуальность. Это субатомная модель реальности, за вычетом квантовой спутанности, конечно. Попадая в царствие цифровое, человек остается собой — пьет, ест, спит.

— Но скорость течения времени внутри этой симуляции выбирает он сам?

— Это единственное разрешенное Церковью отличие от реального мира.

— И как священники к этому относятся?

— Нормально относятся. Они условились считать царствие цифровое особой частью реального мира. Все в руках Божьих, а значит, и царствие цифровое. К тому же священство пользуется силовыми полями и порталами наравне с мирянами. Собственно, порталы — это то, как верующие попадают в земные храмы с других планет, кораблей и орбитальных станций. Это то, как священники ходят по всей системе, достигая самых дальних наших форпостов. А они ходят очень активно. И они понимают, что силовые поля и транспортные порталы кто-то должен обчислять. Собственно, восемьдесят процен-

тов вычислительных мощностей губерний тратятся именно на это.

— А остальные двадцать?

— На царствие цифровое.

— Где время может течь в сто раз медленнее. Это ведь фактически бессмертие.

— Субъективно — нет. Люди там стареют и умирают. Хотя чаще всего умирать они возвращаются в реальный мир.

— Никогда не могла понять Империю, — сказала Эрнестина. — Вы присвоили себе технологии Сычуаньской диктатуры, оцифровали Солнце и теперь ставите свои условия всем, кто хочет путешествовать по системе, но по-прежнему держитесь за такие архаичные вещи, как вера, государство, семья, деторождение... Даже за свою устаревшую забагованную ДНК.

— Такова наша роль — катехон, удерживающий человечество от падения в пропасть расчеловечивания, ибо сказано — царство Антихриста суть царство нелюдей.

Эрнестина издала горький смешок:

— Вы, Вонги-Солнечные, меня удивляете. Прародительница была величайшим ученым своей эпохи. Вы превосходите людей, но вместо того, чтобы прикнуть к нам на пути к полной свободе, стали главным орудием закрепощения. Вы куете здесь цепи, что тянут нас всех назад — в вонючее болото цисгуманизма.

— Я верю в особую роль Императора, — честно ответила Вонг. — Верю, что он мост связующий.

— Благодаря той штуке на его голове? Верь сколько хочешь. Они бросили тебя здесь — разби-

раться со всем этим. Кто была ваша Прародительница и кто ты? Девочка на побегушках, не знающая ничего, кроме работы. Не интересующаяся ничем. Не решающая ничего. Придет день — тебе будет двадцать пять. Сейчас ты не озабочена половыми отношениями, ибо так запрограммирована. Но когда программа сработает, ты переспишь с первым повернувшимся мужиком и родишь дочь... Мне уже жаль эту девочку. Она будет еще более несвободна, чем ты. Начали как рабы — закончите рабами.

— Заткнись, Паскаль! — рявкнула Александра и отключила связь. Эрнестина знала слишком много. К тому же она была из Хелленмарской республики, простые жители которой были расчеловечены без их согласия — с помощью массовой генной терапии. Теперь они не могут иметь потомства с обычными людьми, а земная атмосфера и пища для них смертельны. Элита Хелленмара обрубил последние связи с Землей, сожгла все мосты, заодно сделав выбор и за остальное население республики. Причем преимущества нового хелленмарского генома достались лишь верхушке — они получили передаваемую по наследству вечную молодость, а вот народ... Народ получил свиные уши и пяточки. Чтобы лучше слышать в разреженной атмосфере и оперативно обнаруживать проникновение почвенных газов в жилые тоннели... Очень символично. Что бы ни говорила Паскаль, она была из нелюдей, а значит — затаившимся врагом.

Первые десять часов строительства прошли без происшествий — Саше хотелось верить, что, если все пойдет так и дальше, она сможет ввести кластер

в строй за пару часов до того, как супершторм ударит по экваториальным районам, критически снижая вычислительные мощности Империи. Был реальный шанс избежать тотальной катастрофы, при которой губернии не смогут поддерживать поля и порталы, обеспечивающие выживание сотен миллионов людей — не только российских верноподданных, но и всех тех, кто доверился Империи. Вонг надеялась, что семья не отвечает потому, что они заняты перемещением губерний в зоны безопасности и настолько доверяют своей наследнице, что не тревожат ее лишними директивами... Но время шло, и Александру все чаще посещали дурные предчувствия.

В одиннадцатом часу началось. Похоже, все только этого и ждали. Уже потом Саша поняла, что никто из участников и не планировал доводить строительство до конца. Будь на их месте другие — те, кого она изначально дожидалась, то они бы сделали все без сучка без задоринки и разлетелись по домам. Но — как выяснилось впоследствии — эти участники так и не получили приглашения, отправленного через сеть губерний. Получили послание только потенциально проблемные. Некоторые из таких проблемных ждали этого предложения годами и готовились к нему. Но никто не ожидал, что все ненормальные Солнца и его окрестностей соберутся вместе. Это ломало планы каждому по отдельности, потому что когда безумцы планируют свои злодеяния... они редко принимают в расчет других безумцев.

Можно сказать, что к одиннадцатому часу все участники поняли, что уже не могут играть паинек и честно исполнять свои обязательства по контракту.

План «А» провалился — у каждого по отдельности и у всех вместе. Эрнестина поняла, что Вонг не читает ее воззваний. До ПАКов дошло, что добровольно никто не удовлетворит их претензий по передаче им губерний в счет украденного из «Красного берега». Что думал генерал Снафкин, не знал никто — как он и обещал, с каждым часом к стройплощадке прибывало все больше шмантафимских клиперов. Многие из них быстро ломались и уходили на высокую орбиту, подхваченные собратьями, чтобы там, в короне, спешно подлатать корпус и отправиться караваном к ближайшим «развалинам» — губерниям, пережившим шторм и частично восстановленным хатифнат-тами... Тем не менее количество лодок росло как на дрожжах. В какой-то момент над будущим кластером стало не протолкнуться. Автопилоты кораблей легко могли развести корабли без особого риска, если не считать парадокса Бернсайда, когда чужие порталы перекрывались и законы физики сходили с ума.

Но люди и нелюди нервничали. Кто-то мог сорваться. Кто-то хотел сорваться. Кто-то считал себя морским леопардом, заплывшим в рыбий косяк. Шмантафимы были беззащитны, презренны и мельтешили перед глазами. Даже постлюди держали их... за людей.

В этом хаосе Саша давно потеряла контроль над происходящим. Она лишь надеялась на профессионализм и порядочность своих партнеров, а также на Бога и русское «авось»... А потом сразу несколько кораблей шмантафимов посыпались на Солнце.

Двадцать семь джи — это очень быстро, так что их буквально сдернуло в конвективную зону и испарило. Через оптику корабля Саша видела, как в спек-

тре горящих клиперов зажглись линии сложной органики. Кем бы ни были шмантафимы, они были из плоти и крови. Их смерть ее шокировала. Девушка вызвала генерала, чтобы принести соболезнования, но тот выставил циничный статус «Лес рубят — щепки летят» и проигнорировал видеовызов. Когда через десять минут, на очередном витке шмантафимского хоровода, еще несколько лодок сошло с дистанции, Вонг уже не могла быть простым свидетелем. Она перестала выдавать информацию по новым порталам и полям, которые нужно выставить «Приключению».

Снафкин тут же вышел на связь:

— В чем дело?

— Ваши подчиненные гибнут. Это я должна спросить, в чем дело?

— Неизбежные потери, — его лицо было непроницаемо, хотя маска, по идее, передавала все эмоции.

— Я отстраню вас от работ. Гибнут живые существа.

— Пусть гибнут.

— Что?

— Хатифнатты знают, на что идут, — вздохнул генерал. — Их гибель — часть нашего договора. Кто умрет без страха, возродится без боли... Я делаю так, чтобы они расстались с призраками прошлого и простили себя. Они слабы — я делаю их сильными.

— Бред какой-то.

— Ты не знаешь, как устроен мир, девочка.

— Еще раз назовешь меня... — угрожающе начала Саша, но генерал перебил ее:

— Проклятье! Чертова обезьяна все еще внизу.

— Я не понимаю. Какая обезьяна... — и тут до девушки дошло.

— Палит по моим ребятам из пушки Дирака, когда мимо пролетают ПАКи, — пояснил генерал. — Со стороны Солнца такая засветка, что выстрелы не видны. Всем будет казаться, что это делают азиаты, которым стало тесно.

— Вот ведь гад!

— Не больше, чем его напарница Паскаль, — покачал головой Снафкин. — Клянусь своей губной гармошкой, они боятся, что мы сделаем всю работу и потребуем пересмотра начальных договоренностей.

— Этого не будет — Вонги держат слово, и они это знают!

— Тогда у них на уме что-то похуже. ПАКи тоже не дураки — они уже поняли, что кто-то сшибает поля и порталы с клиперов. Смотри в оба. Они тебе не друзья — ПАКи спят и видят губернии в руинах, чтобы скупить все за сто юаней.

— А вы и рады — будет что грабить.

— Все несколько сложнее, — генерал отключился.

Вонг не могла стрелять своим «дираком» вниз — там было основание будущего кластера. Залп снес бы поля и порталы, нарушив тонкую структуру колонн управляемой конвекции и квантовую механизацию центрального ствола... Надо спускаться и дать обезьяне жару в ближнем бою. Переложив свою часть работы на прибывающих шмантафимов, Саша перевела крейсер в режим отвесного падения — можно сказать, с этого момента все сошли с ума.

ПАКи решили, что «Шойгу» сбит пушкой Дирака и у них очень мало времени, чтобы проверить

свой план «Б» — Саша получила входящий вызов от мистера Такамуры: картинку и текст, которые закоротили ей мозг — спасибо «Красному берегу», предусмотревшему генетические лазейки в психике своих умных рабов «цонминьну». Они берегли это знание почти сто лет, дожидаясь удобного случая. Команда была незамысловатой — немедленно переправить им схемы новейших губерний из банков данных «Шойгу». Александра, занятая отслеживанием Ханумана, и сама не поняла, как разрешила доступ. Девушка была сбита с толку коварной атакой. Она уже была близка к тому, чтобы разобраться с анхуманом — «Мудрец, равный небу» висел в перекрестии электронного прицела, и фантом «Шойгу» ждал команду открыть огонь, но Саша замешкалась, и стало поздно стрелять — столкновения это бы не отвратило.

Заметив стремительно приближающийся легкий крейсер, Хануман понял — будет таран. Увернуться он уже не успевал. Саша видела, как растет полоска скачивания файлов. Она понимала, что должна отвернуть, чтобы спасти свою жизнь, но это означало бы, что ПАКи получают новейшие технологии имперских губерний — все сразу, а не те подачки, что были обещаны за работу. Это означало конец имперской монополии на Солнце. У девушки не было времени прикидывать шансы, и она сделала то, что требовал долг. Наследница Вонг могла умереть — такой риск всегда существовал. Из медленности в реальность вернется кто-то из ее предков и родит новую Вонг. Саша отстранилась от управления.

Когда сближение стало критическим, Хануман сделал то единственное, на что у него хватало време-

ни — пушка Дирака, как назло, перезаряжалась, так что он дал залп из линейных ускорителей — тем, что было заряжено по умолчанию, то есть самыми простыми антиосмиевыми болванками...

Сознание возвращалось медленно. В воздухе пахло свежескошенным сеном. Голова гудела, как колокол. Все тело болело. Жужжали насекомые. Сквозь закрытые веки пробивались теплые лучи... Солнца? Раскрыв глаза, Саша медленно села на койке. На ней была льняная сорочка. Босые ноги холодил ветерок. Рядом стояла сестра милосердия — немолодая, но красивая, со спокойными умными глазами. Койка стояла на веранде сельского дома — с нее открывался волшебный вид на луга и пашни.

— Я умерла? — спросила Саша.

— Нет. В последнюю микросекунду до гибели корабль успел продернуть вас через спасательный портал в ближайшую губернию.

— Почему мне так плохо?

— Вас протащило через портал на сверхзвуковой скорости. Это вредно для здоровья.

— Не знала, что у «Шойгу» есть такая опция.

— Она не афишируется — ради вашей же безопасности. Так вы меньше склонны к самоубийственным атакам.

— Что с моим кораблем?

— Сгорел.

— А «Мудрец»?

— Выстрелил активеществом.

— Дилетант, — буркнула Саша.

Ханумана погубило незнание местной специфики. Снаряды из антиматерии были обычным делом

★ для космических баталий с тех пор, как губернии наладили ее производство в промышленных масштабах, но вблизи Солнца ею не стреляли — хромосфера была достаточно плотной, чтобы аннигилировать снаряд сразу после его вылета из ствола. Саша понимала, что едва ли гориллоид осчастливил ее своей окончательной смертью — высшие анхуманы были очень живучими, потому что бессмертие — их главный фетиш. Однако прямо сейчас ее противник потерял свой корабль и, возможно, развоплотился на продолжительное время.

Прихрамывая, Саша подошла к перилам и облокотилась.

Пахарь шел за плугом, который тянула лохматая лошадка. На холме высилась белокаменная церковь. От реки доносилось женское пение — Вонг понимала, что все это — пастораль, но замысел происходящего от нее ускользал.

— Я что — в царствии цифровом? — спросила она.

— Нет, для этого пришлось бы пройти Проверку. Вы внутри проекции, — объяснила медсестра.

— Ясно, — Саша кивнула. Губернии обладали такими чудовищными вычислительными мощностями, что могли воспроизвести кусочек себя в реальности — из настоящей материи.

— Противник успел скопировать пакет технологий?

— Частично. Данные упакованы так, что неполная загрузка делает их нечитаемыми.

— Слава богу, — облегченно вздохнула Вонг. — Я обязана вернуться и закончить. Мне нужен новый корабль.

Медсестра кивнула:

— Для вас готовят нового «Шойгу» — из универсальной заготовки. Он уже поднимается по стволу. Обвешиваем его последними полями.

— Что сейчас на экваторе? У вас есть новости про моих родных?

— Наша система связи была скомпрометирована неизвестными. Достоверных данных нет.

— Мне нужна помощь на месте строительства новых губерний. Вы можете прислать «маузенганды» из вашего кластера?

— Да, я организую их прибытие. Это займет какое-то время.

— Мне нужны именные корабли и пилоты. Кто-то из настоящих людей, причем с боевым опытом, — настояла девушка.

— Постараюсь организовать, — замялась сестра милосердия. — У нас тут провинция. Вариантов не так уж много.

— Кто ты на самом деле? — внезапно спросила ее Саша.

— Тактический искин этой губернии, — ответила женщина.

— Ты была когда-то человеком?

— Мы все когда-то были. Я плохо помню себя до Проверки. Я выбрала забыть, — женщина виновато улыбнулась.

Саша не стала пытаться ее дальше.

Когда «Шойгу» вынырнул из портала вблизи стройплощадки, Саша сразу поняла, что тут и без нее всем есть чем заняться.

Происходящее напоминало старинную игру «дан-маку», она же «bullet hell». Пространство было расчерчено пылающими трассами выстрелов.

Поначалу ей казалось, что все сражаются против всех. «Великий красный дракон» поливал огнем крейсер и корветы ПАКов. Те в ответ огрызались гигантскими столбами огня, открывая рядом с «Драконом» порталы в центр Солнца, но «Дракон» закрывался от таких выбросов собственными порталами, направляя их обратно на «Тянчень» и окружавшие его «квэй-мао». Разбираясь между собой, Паскаль и Такамура не забывали методически выкашивать шмантафимские лодки, количество которых переросло все разумные пределы. Как ни странно, шмантафимы продолжали возводить кластер — многие из клиперов гибли, закрывая уже построенное от залпов «дираков». Вокруг стройплощадки нарезало круги «Приключение» — его, сменяясь, прикрывали тысячи клиперов, разрезая свой строй только для того, чтобы позволить крейсеру возможность дать залп из «дираков». Генерал Снафкин стрелял по тому, кто окажется ближе — похоже, ему было все равно, «Дракон» это или «Тянчень». Шмантафимские лодки упорно пилили противников концентрированными пучками OMG-протонов — подобная стратегия работала, только когда таких пучков много, а цель — одна.

Понимая, что строительством занимаются один только авантюрист Снафкин и компания, Вонг вызвала его:

— Генерал, что происходит?

— Нормальный рабочий процесс, — пожал тот плечами. — Рад, что вы в добром здравии, ваше сиятельство... Это ведь вы, а не копия какая-нибудь?

— Да, я. Почему все воюют?

— Не поделили чего-то.

— В смысле?

— Кажется, у них были какие-то договоренности между собой — как распределить ваши технологии, если у кого-то получится их забрать. Но что-то не задалось, и теперь каждый считает виноватым другого.

— Почему они атакуют вас?

— Потому что я работаю. Вы передали мне свою часть работ перед атакой на Ханумана, так что они думают, что мы с вами заодно, раз уж я знаю, как строить дальше.

— А мы действительно заодно? — спросила Александра.

— Пока нет, — ухмыльнулся генерал. — Как вы видите, из всей команды только я и мои помощники могут доделать кластер, причем в срок — до того, как супершторм обрушится на экваториальные губернии. Не думаю, что сейчас там все гладко.

— К чему вы клоните, Снафкин?

— Тарифы изменились. Теперь — пятьдесят на пятьдесят. Половину мощностей нового кластера забираю я.

— Не бывать этому, — отрезала Вонг.

— Я могу увести свои корабли прямо сейчас. Оставайтесь в компании с ПАКаами и женщиной-вороной. Вы уже говорили с мистером Такамурой? Предлагали ему варианты?

— Я заблокировала с ним связь. Он шлет картинки, от которых я сама не своя.

— Может, стоит поговорить с Паскаль, чьего возлюбленного вы только что отправили в ад, где ему

самое место? Возможно, она войдет в ваше положение и сделает скидки.

— Сто метеоритов вам в корму, Снафкин. Чего вы хотите?

— В сложившихся обстоятельствах я ваш единственный друг, вице-губернатор, — развязная улыбка авантюриста не сулила ничего хорошего.

— Доли останутся прежними, — сказала Александра сухо. — Работайте. Я решу вопрос с остальными участниками.

— А что с долями тех, кто выйдет из игры до конца строительства?

— Я еще не решила.

— Решайте быстрее. Мои маленькие герои — не бесконечные. Слишком высока цена, которую я плачу за те жалкие крохи производительности, что были мне обещаны. Я могу и улететь.

— Как пожелаете, генерал, — ответила Александра и отключилась.

Снафкин явно недоговаривал, и Саша не удивилась бы, узнав, что он тоже был в сговоре с остальными участниками, причем еще до начала тендера. Именно шмантафимы продали Вонгам роковой прогноз, предвещавший супершторм в ближайшие 24 часа.

Тактический искин губернии обещал, что пришлет крейсера, и не обманул. На дисплее зажглись точки прибывавших сквозь порталы «маузенгандов».

— Слава богу, — прошептала Саша, когда увидела, что это именные корабли, а не номерные — был шанс, что ими управляют опытные пилоты, когда-то

бывшие настоящими людьми и прошедшие Проверку, чтобы нести свою службу уже в виде искинов. Там, в царствии цифровом, у них были человеческие тела, но они могли ускорять свое время, так что по скорости реакции не уступали компьютерным интеллектам.

Первая радость быстро угасла, когда Саша вчиталась в список прибывшей подмоги:

- крейсер «Князь Владимир», капитан «Красное солнышко»;
- крейсер «ШБ МНК», капитан «ЫМБШ БЫНКМ»;
- крейсер «Центростремительный», капитан «Крюк».

Обманула медсестра. Все те же искины, сделанные непонятно из кого. Отдав крейсерам поддержки команду оттеснять воюющих из зоны строительства, Александра ринулась в бой.

— Я родилась в мире, где робот завязывает тебе шнурки, если ты богат. И где ты завязываешь шнурки роботу, если ты беден. Я родилась обычным человеком, а значит, по законам Хелленмара, у меня не было гражданства и за мое убийство не полагалось наказания...

Тихий голос Эрнестины плыл в воздухе. Космический бой не предназначен для человеческих рефлексов. Искины могут реагировать в сто раз быстрее людей, поэтому Саша загрузила себя в фантом — крохотное бортовое царствие цифровое, в которое вмещалась только модель ее физического тела. Ее собственное тело лежало без сознания в кабине, пристегнутое к стенке. В фантоме она

дышала и чувствовала все так, как если бы осталась в реальности, но это была лишь субатомная модель. А значит, та усталость, что она накопила за последние пятнадцать часов бодрствования, давила на нее. Сколько она могла протянуть без сна? Часов пять. Чтобы участвовать в бою, ей придется ускорить скорость течения времени внутри модели в сто раз. Значит, в реальном времени она сможет вести бой лишь три минуты, а потом отрубится из-за усталости и должна будет проспать внутри модели хотя бы часов шесть, то есть на 4 минуты она доверит бой искусственному интеллекту... Хуже не придумаешь, особенно когда перевес в кораблях не на твоей стороне.

— Я узнала, что такое секс в четыре года. Понятное дело, не по своей воле. У меня была очень богатая половая жизнь — до восьми лет. Когда он подобрал меня, от меня осталась только оболочка, но он сказал, что так даже лучше, что во мне осталось так мало от человека, потому что он уберет оставшееся. Он переделал меня в постчеловека, дав способности, которые людям и не снились. И он знал, что все, что со мной делали в детстве, делали не какие-то нелюди, а самые обычные цисчеловеки, иные из которых были мне родней...

Когда вы оба ускорены, прелесть в том, что можно поговорить без спешки, пока идет битва и корабли лавируют среди водопадов звездного вещества, бьющих со всех сторон из порталов, а ракеты с боеголовками из антивещества ищут бреши в полях и порталах вокруг крейсеров.

— Я не обижаюсь, что ты его распылила. Однажды я сделала это сама — порой он невыносим. Но он не может умереть. Слишком многие зависят от него. Такие, как я, — его воспитанники. Мы зовем себя «асурами», ибо мы новые боги этого мира. Очень надеюсь, что ты станешь одной из нас, потому что ты такая же, как мы. Ты не человек. В тебе нет ничего человеческого. Они используют тебя. Ты функция при губерниях. Ты даже ничего не решаешь. Но тебе многое дано. У тебя есть «ключ от бездны» — шифр, которым ваша Прародительница оцифровала ядро. Залог стабильности губерний... Я не могу обещать тебя всех сокровищ мира, потому что для таких, как ты и я, — они лишь прах. Я не могу обещать тебе всех царств, потому что все царства падут перед нами... Но я могу обещать, что ты займешь видное место в нашем пантеоне. Тебе даже не нужно раскрывать сам шифр ядра. Просто поставляй данные для строительства наших собственных губерний. Будь с нами. Пора сменить сторону снова. Сто лет назад твоя Прародительница предала «Красный берег» и отдала технологии оцифровки Солнца Российской империи. Для тебя пришла пора повторить ее поступок. Пойми, это не про Хелленмар и Империю. Это нечто большее. Нет русских и хелленмарских. Есть люди и сверхлюди. Люди — скот, которому не важно, кто гонит его на убой. Люди — глина. Мы лепим из них, что захотим, а не понравится — переделаем. Идем с нами. Ты не представляешь, как это прекрасно — перестать быть человеком и получить бесконечную свободу.

★ Когда бой длится уже третью минуту, думать становится тяжело. Хочется спать. Не хочется спорить или кому-то что-то доказывать.

— Я думала об этом, и, знаешь, ты права. Я не русская по происхождению. Я раба по рождению и призванию. У меня забрали часть человеческого и дали часть нечеловеческого. Моя родня правит мною из царствия цифрового — некрократия, как ты и сказала. Я никогда не видела Императора вживую. Не была при Дворе. Я редко покидаю Солнце. Я не видела и миллионной части Империи. Я не знаю людей, а они не знают меня. Иногда, когда я собираюсь в церковь, я спрашиваю себя, во что я верю и верю ли я. Кто я? Почему именно я? Почему я держусь за то, чего не понимаю и не знаю? Я не могу найти ответы на все эти вопросы. Ты была права, когда говорила, что мы, Вонги, тупеем здесь, на Солнце, — каждая следующая из нас все больше напоминает человека-функцию. И знаешь что, Эрнестина? Мне не нужны рациональные доводы, чтобы любить то, что я люблю, и верить в то, во что я верю. Поэтому просто проваливай в ад — вслед за своим мохнатым другом!

— Я боялась, что ты останешься непреклонна. Я знаю, ты уже хочешь спать. Я сама хочу, так что мне уже не одолеть все те крейсера, что ты привела за собой, поэтому я лучше пойду за своим учителем и воспитателем. Я, как и он, бессмертна в своих резервных копиях. А тебе оставляю свой прощальный подарок. Десять тонн антиматерии. Принимай гостинец.

Аннигиляционный взрыв мощностью четыреста гигатонн обрушился на стройплощадку, испепеляя все на своем пути. В секунды весь недостроенный кластер был разрушен. Электромагнитный импульс чудовищной силы, превосходящий самые грандиозные штормы, стал распространяться по Солнцу. Он затих через какой-нибудь миллион-другой километров, но электромагнитное поле звезды отреагировало по-своему...

Тихая река несла ее. Кто-то держал ее под руки. Тянул по водной глади. Голоса в темноте шептали:

— Великий красный дракон, пожирающий солнце, низвергнут в озеро огненное и серное. Жена, облаченная в солнце, хранительница ключа от бездны, подательница губерний, мать отверженных, восстань...

Александра открыла глаза. Голубое небо разваливалось. Рассыпалось на куски, открывая холодные звезды. Двое хатифнаттов тащили ее по обмелевшей реке, срывавшейся в бездонную пропасть по правую руку. Крестьянки стояли вдоль реки и открывали рты в беззвучной песне. Безголовый пахарь шел за плугом, и лошадь горела. Полуразрушенная усадьба дымилась на холме. Церковные купола висели в воздухе безо всякой опоры.

Шмантафимы вынесли Александру на берег, где ее ждал генерал Снафкин.

— Где мы? — спросила Саша.

— В одной из отреставрированных нами губернии. Прошлый шторм пощадил ее. Как видишь, все почти целое.

— Тут мерзко.

— Нам и так нормально. Есть вычислительные мощности, и ладно, — сказал Снафкин.

— Почему я здесь?

— Когда корабль гибнет, он пытается отправить пилота через портал в ближайшую губернию.

— Но это не губерния, а... развалины. Мы вычисляем все данные из губернии, когда бросаем ее перед штормом.

Генерал Снафкин мерзко хихикает в ответ. Саша освобождается от поддержки шмантафимов и хватает Снафкина за лицо, неожиданно легко срывая маску. Там ее собственное лицо, словно собранное из кусочков. Недостающие места розовеют пластиковыми заплатками.

— Кто ты?

— Все понемногу. По большей части — Прародительница, но есть немного от твоих прабабки и бабушки, а также чуть-чуть матери. Что смогли раскопать в развалинах, все пошло в дело.

— Так у тебя есть наши коды, — поняла Саша.

— Не все, конечно.

— И ты смог нарушить коммуникацию губерний? С помощью вот таких губерний-развалин? Они принимали сигнал вместо нормальных? Поэтому родные меня не слышали?

— Так и есть.

— Зачем? — Саша впиалась пальцами в дождевик генерала, заглянула в глаза, так похожие на ее собственные.

— Я закончила модель Солнца, — ответила «копия». — Доделала то, что не смогла Прародительница. Сеть хатифнаттов — вот что она создала. Они собирали для нее информацию о штормах. Они гне-

здились в развалинах, но однажды они нашли в них куски меня и собрали их вместе. По наказу Прародительницы я стала очищать несчастных, что свозили ко мне со всей системы — очищать через служение и смерть и даровать им забвение — только так они могут пройти Проверку, ваше самодельное чистилище на входе в царствие цифровое. Думаешь, откуда берутся номерные иксыны? Кто их вам поставлял все эти годы?

— Хочешь сказать, семейный совет про тебя знал?

Снафкин смеется:

— Они используют меня для всего, что замарало бы их руки. Но я больше не хочу быть на подхвате. У меня есть модель штормов, а у вас нет. Так и передай им — я хочу место в Совете.

— А как же супершторм? — дернулась вдруг Александра.

— Он уже не супер, — пожала плечами «сборная солянка». — Эта дурочка Паскаль взорвала столько антимагии, что изменила электромагнитное поле Солнца. Супершторм теперь просто шторм. Вам повезло. Точнее, нам повезло. Я ведь на вашей стороне.

— Ты практически сдала нас нелюдям.

— Были разные варианты, — пожала плечами «копия». — Семейный совет годами подписывал меня на всякие махинации. Я привыкла к интригам.

— Зато я — нет... Отправь меня домой, — устало сказала Александра.

Генерал Снафкин милосердно открыл портал до нормальной губернии, где была кровать.

Современная военная мода отвратительна. Белоснежный облегающий китель и брюки. Крупные черные элементы с серебряной окантовкой. Саша чувствует, как одежда впивается в кожу. Чеканя шаг, входит в приемный зал. Государь император на троне. Вокруг сиятельные сановники, большая часть из которых — манифестация царствия цифрового. Лежачие прибывают во плоти или недосуг. Придворные смотрят на нее, шепчутся:

— Похожа на мать.

— Нет, на бабу.

— На свою будущую дочь похожа, — это уже остряки подтянулись.

«Баронесса Александра Вонг-Солнечная, вице-губернатор Солнца», объявляют ее. Государь — обычный человек, без изменений, но корона на его голове — экзокортекс, наделяющий его остротой ума, не уступающей самым продвинутым из постлюдей и искусственных интеллектов. Именно благодаря экзокортексу Государь выступает как мост между числюдьми Империи и постлюдьми Солнечной системы. Гарант того, что между этими лагерями пока еще возможен конструктивный диалог, пусть пропасть и ширится по мере того, как все сильнее расчеловечиваются постгуманисты.

Император встает с трона и спускается к Вонг, чтобы сердечно ее поприветствовать и поздравить с заслуженной наградой. Он предлагает пройтись для приватной беседы, и силовые поля выгораживают им коридор, по которому они следуют в сад. Государь не ходит вокруг да около:

— Прямо сейчас к Альфе Центавра летят корабли нескольких держав. Когда они долетят и смогут

запитаться от одной из трех звезд, то откроют портал к нам в Солнечную систему. Кто первый оцифрует ядра тех звезд, тот и будет диктовать условия по распределению вычислительных мощностей. Это должна быть Империя. Я предлагаю возглавить оцифровку вам, Александра. Вы станете тамошней Прародительницей Вонг. Основателем клон-династии Вонг-Центавра. Что скажете?

— Я согласна.

Государь улыбается.

— Но это еще не скоро случится — через несколько лет. Пока что я предлагаю вам стать фрейлиной Государыни. Что скажете?

Саша знает, что фрейлине положен фрейлинский шифр. Фрейлинский шифр — не просто бриллиантовая брошь, он отличается феноменальной криптографической стойкостью, уступая только шифрам самого Императора и Государыни. Бабка Евгения была фрейлиной, так что созданные при ней губернии были закодированы фрейлинским шифром, и никто — ни хелленмарцы, ни отродья, ни враждебные искины, так и не смогли их взломать. Большинство тех губерний гордо сгнули в солнечных штормах, ни разу не захваченные... Получить такой шифр — о, это была не просто великая честь, но и весьма ценное приобретение. Однако у монеты была и другая сторона. Быть фрейлиной означало постоянно присутствовать при дворе, а не возводить губернии... Кроме того, судя по слухам, император мог сделать фрейлину своей фавориткой... Говорят, именно поэтому клон-династия Вонг до сих пор сохраняет за собой эксклюзивное право на солнечные губернии — потому что, опять же, если верить молве, две из рода

в свое время были фаворитками императоров. Красивые девушки с необычной внешностью... Почему бы и нет?

— Солнце — моя страсть и мой долг, — говорит Александра.

— Это значит «нет»?

— Это значит, такие вещи мы, Вонги, решаем на семейном совете.

Император улыбается себе в бороду и отпускает ее кивком:

— Тогда вы свободны.

Саша прощается и уходит. Уходя, она готова поклясться, что Государь разглядывает ее обтянутую формой фигуру... Она и не против.

СВЕРХНОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

то это за скрип, чтоб тебе дюзу вывернуло? — недовольно спросил Дженкинс.

В действительности недовольство было наигранным, нужным для того, чтобы хоть что-то спросить, потому что во внутреннем эфире «Верной Минни» уже три минуты царила полная тишина, а Дженкинс не любил тишину при прохождении подпространства. Был у него неприятный переход по молодости лет, связанный с тишиной, поломавшимся гипером и тремя месяцами дрейфа у неисследованной звезды, и с тех пор во время переходов Дженкинс либо спал, либо говорил, либо слушал чужие разговоры: что угодно, лишь бы не проклятая тишина...

Ну а то, что вопрос получился строгим, так то случайность, да и не ответил бы Адиль Дауд, не услышь он в голосе Дженкинса недовольные нотки.

— Откуда взялся скрип?

— Нет никакого скрипа! — браво отозвался главный механик. Так по древнему, сложившемуся еще в морском флоте порядку называли на космических кораблях ответственных за машины и механизмы.

А поскольку уровень автоматизации на современных звездолетах зашкаливал за все разумные пределы, механик на «Верной Минни» служил один. Он же — главный.

— У меня все как часы работает.

— Прислушайся, — предложил Дженкинс.

— К чему?

— Просто: заткнись и прислушайся, чтоб тебе дюзу вывернуло.

— Я не могу просто прислушаться, кэп, — хихикнул в ответ Дауд. — У меня внутренние уши заменены на импланты, поэтому всякий раз, когда я слушаю, я совершаю высокотехнологичное действие...

— Адиль!

Что-то в голосе Денни Дженкинса, капитана «Верной Минни», подсказало механику, что пора перестать дурачиться и продолжить увлекательный разговор по внутренней сети в ином ключе.

— Адиль!

— Я!

— Высокотехнологично прислушайся и ответь: что у нас скрипит?

Все члены маленького экипажа знали, что в подпространстве Дженкинс становится излишне мнительным, поэтому Дауд умолк, прислушался, честно исполнив распоряжение капитана, и через двадцать примерно секунд неохотно протянул:

— М-дя...

— Я так и знал! — немедленно отозвался Сол Кан, третий и последний член команды «Верной Минни». — Сколько нам осталось?

Во время межзвездного перехода каждый член экипажа находился в своем отсеке: капитан, он же

пилот — на мостике; механик — в машинном отделении, а Сол — в научном блоке. Внутреннюю связь они поддерживали в формате «аудио», друг друга не видели, но и Денни, и Адиль живо представили испуганное выражение, появившееся на кругленькой физиономии толстенького Кана и одновременно улыбнулись.

Но среагировали на вопрос по-разному:

— Сол, не дергайся, — велел капитан.

— Сол, заткнись, — велел механик.

— Не скрывайте от меня правду!

— «Минни» нас всех переживет.

Механик хотел утешить приятеля, но получилось только хуже.

— Нас всех? — испугался Кан. — То есть мы уже не жильцы? «Минни» вернется в порт с мертвым экипажем?

— Не каркай!

— Не каркай, — согласился с Адилем Дженкинс. И поинтересовался: — Так что у нас скрипит?

Привлекший капитана звук был едва различим в корабельном шуме, но теперь его слышали все.

— Думаю, щиты, — «авторитетно» произнес Дауд с явной целью довести Сола до истерики. — Боюсь, что радиационная защита...

— Ты нас убил! — взвыл толстый Кан.

— Не нас, а наших будущих детей, — рассмеялся механик. — Видишь ли, Сол, одно из последствий радиационного воздействия на организм человека заключается в поражении репродуктивной функции. А это значит, что теперь ты сможешь экономить на средствах контрацепции...

— Я тебя убью!

— Ты же не хотел детей, — притворно удивился Дауд.

— Не твое дело, чего и кого я не хотел!

— Адиль, хватит! — велел отсмеявшийся Дженкинс. Микрофон он прикрыл пальцем, поэтому его бодрое ржание осталось «за кадром». — Что скрипит?

— Гиперам нужна профилактика.

— Когда?

— Месяц назад.

— У нас ограниченные фонды, — вздохнул Дженкинс. — А по регламенту профилактику можно сдвинуть на три месяца.

— Объясни это «Минни».

— Чтоб тебе дюзу вывернуло.

— Да, кэп, — согласился Дауд. — Но лучше мне, чем «Минни».

Их кораблик был, увы, не первой молодости, но отличался надежностью, и пока старушка «Минни» экипаж не подводила. За что и получила прозвище «Верная».

— Мы выживем? — осторожно поинтересовался Кан.

— На этот раз — да, — без улыбки ответил механик.

— А перед следующим прыжком сделаем профилактику, — пообещал Дженкинс.

— Следующий прыжок будет на базу, — заметил вездливый Сол.

— Не придирайся к словам.

Денни же посмотрел на приборную панель, где шел обратный отсчет пребывания в подпространстве, и громко объявил:

— Внимание, экипаж! Выход из прыжка через минуту двадцать три. Готовимся!

Вой, который поднимался за двадцать секунд до окончания подпространственного перехода, мог свести с ума, поэтому Космический устав предписывал прекратить переговоры по внутренней сети, блокировать слуховые аппараты или заткнуть уши.

— Есть!

— Сделано!

Последние доклады перед новой звездной системой.

Неизведанной и загадочной...

Когда-то давно, как теперь казалось — в прошлой жизни, Дженкинс с нетерпением ожидал окончания прыжка, дрожал от предвкушения встречи с новым миром, с новой звездой, радовался им, как ребенок — новым игрушкам, но годы и неудачи превратили Денни в злого циника.

Новые миры стали его работой, скучной, повседневной рутинной. А счастливый лотерейный билет, на который рассчитывают все дальние разведчики, до сих пор не давался.

Время же уходило...

— Тридцать секунд! — объявил Дженкинс, хотя знал, что его никто не слышит.

Объявил и закусил губу.

Двигатели взвыли.

Пятьсот шестьдесят третий год от сотворения гипера...

Новая точка отсчета для человечества: не сотворение мира, не рождение Спасителя, а изобретение устройства подпространственного прыжка. То есть

кто-то придумал, как по-особенному собрать в кучку некие устройства и механизмы, а ошарашенные люди объявили эту придумку началом новой эпохи.

Смешно?

На первый взгляд — да.

Но только на первый, потому что если вдуматься, то можно понять, что ни одно другое изобретение не стало для человечества столь же значимым, ни одно другое изобретение не изменило облик цивилизации так сильно.

Пятьсот шестьдесят три года назад освоившие Солнечную систему люди отправили первый корабль к другой звезде. Автоматический, разумеется, корабль, из живых существ на его борту присутствовали две обезьяны, две собаки, рыбки и насекомые. Пятьсот шестьдесят три года назад человечество затаило дыхание, наблюдая за стартом «Пионера» и невиданным доселе зрелищем открытия подпространственного перехода. Это была главная тема разговоров всех, без исключения, жителей Солнечной системы. Люди ждали одного — победы. И победа пришла. Корабль, наплевав на предсказания языкастого ученого, добрался до Альфы Центавра, двое суток изучал систему, после чего вернулся точно в срок, потратив на дорогу в оба конца расчетные шесть часов абсолютного времени.

У человечества выросли крылья.

Безумный вой стих, тряска, а точнее — дрожь выходящего из подпространства корабля, прекратилась, капитан снял с головы наушники и официально объявил то, что все и так знали:

— Внимание, экипаж! Прыжок завершен. Исследовательское судно «Верная Минни» прибыло в звездную систему DFJ23DFFD119. Поздравляю.

Дженкинс не был заикленным на Космическом уставе «сухарем», но неукоснительно исполнял большинство требований главной книги межзвездных путешественников. Потому что давным-давно на собственной шкуре познал, что за выражением «Инструкции пишутся кровью» стоят не красивые слова, а настоящая кровь. А настоящая кровь быстро сбивает задор с молодых космонавтов.

Во всяком случае, с тех, кто хочет выжить.

— Кэп, скажи просто: парни, мы снова долетели, — по обыкновению хихикнул Дауд.

— Адиль, заткнись и не мешай, я говорю не для вас, а для бортового журнала.

— Тогда почему по общей связи?

— Чтобы ты знал, что происходит.

— А что происходит? — встрял в разговор Сол, который, похоже, только что снял наушники. — Почему я ничего не знаю? Я оглох?

— Ты отупел.

— Адиль, не забывай, кто из нас зарабатывает деньги.

— Если бы не я, ты зарабатывал бы их на базе, — не остался в долгу механик. — Перепродавал котиков, например.

— Ты разобрался, что скрипело в подпространстве?

— Твои мозги.

— Тихо, парни, дайте договорить, — распорядился Денни. На этот раз — по-настоящему недовольно. — Вы меня сбиваете.

— Извините, господин капитан.

— Вольно.

В сети установилась тишина, Дженкинс быстро закончил проговаривать положенные формальности, отправил сообщение в базовый компьютер сектора — стандартный доклад о благополучном завершении прыжка, который в случае необходимости способен стать официальным «подтверждением первооткрывателя», после чего откинулся на спинку кресла и подмигнул сияющему в центре системы DFJ23DFFD119 желтому карлику.

Звезды типа «Солнце» не давали гарантии наличия подходящей для жизни планеты, но Денни все равно любил их больше других, несмотря на то, что никогда в жизни не был на Земле и не видел родную звезду человечества. Просто любил. Чувствовал себя по-особенному комфортно в таких системах и неожиданно подумал, что увидеть любимую звезду — хороший знак. Он очень давно не разведывал системы желтых карликов и надеялся, что в этот раз ему повезет.

— Пора бы...

— Что пора? — тут же уточнил Адиль, и капитан понял, что задумавшись, произнес фразу вслух.

Объясняться не стал, а плавно продолжил:

— Пора бы вам дать отчет о происходящем, бездельники.

— У меня все хорошо, мы долетели, — сообщил Дауд.

— Это я вижу.

— Гиперы выключены, идем на системниках.

«Гиперами» космонавты сокращенно называли двигатели подпространственного перехода, а «сис-

темниками» — мощные ядерные устройства для полетов внутри звездных систем. Скорость они обеспечивали приличную, так что полет до местного солнца не должен был занять больше пяти часов.

— Сол?

Толстый Кан отвечал за исследования небесных тел и оценку коммерческих перспектив системы. Его аппаратура, которую он «расчехлил» по выходу из подпространства, была самым современным снаряжением маленькой экспедиции и стоила дороже «Минни», включая все ее двигатели.

Что же касается вопроса, то на него Сол ответил коротко:

— Проходим над восьмой планетой.

Не над поверхностью, разумеется, а гораздо выше. Намного выше. Из прыжков корабли выходили за пределами систем, и сейчас «Минни» шла примерно в одной а.е. над условной плоскостью системы, проводя предварительное изучение космических тел.

— Сколько всего планет?

— Восемь и есть.

— Точно?

— Пока — по предварительным расчетам траекторий. Но вряд ли что изменится.

— Найди что-нибудь ценное, я крепко проигрался, — проворчал Дауд.

— Ты обещал, что завяжешь с блек-джеком, — заметил капитан.

— С картами завязал, — кивнул Адиль. — Это все рулетка...

— Игроман, — буркнул Кан.

— Скопидом.

— Я коплю деньги на безбедную старость.

— А я собираюсь на нее выиграть.

— Идиот.

— Сол, что ты еще видишь? — перебил друзей Дженкинс.

— Пока, если честно, ничего интересного, — вздохнул в ответ толстяк. — Придется Адилью продаться в рабство, чтобы расплатиться с долгами.

— Пояс астероидов есть?

— В наличии.

— И что?

— Анализ еще продолжается, но вроде ничего сверхъестественного.

Астероидами добывающие компании начинали интересоваться в первую очередь: утаскивали их по одному и переводили на металл. Иногда среди них попадались «жемчужины» — тела, состоящие из редчайших элементов, но пока Сол не мог порадовать компаньонов.

— Предварительный анализ пояса — стандарт.

— Жаль.

— Согласен. — Теперь Кан переключился на крупные объекты. — Здесь три газовых гиганта.

— Не многовато для столь малой системы?

— Так уж получилось.

— Гигантов везде полно, — зевнул Адиль.

— Луны у них есть? — осведомился Дженкинс.

— Пока вижу с десятков, но мелкие. Остальные, видимо, прячутся за планетами.

— Будем надеяться.

Еще один возможный выигрыш — обнаружение у газовых гигантов больших лун, желательно с водой. На них добывающие компании любили устраи-

вать базы, и стоимость системы серьезно увеличивалась. Но пока, к сожалению, Сол ничего подходящего не обнаружил.

— Мы до сих пор не договорились, как назовем звезду, — взял слово Адиль. — Я предлагаю Зухрой, в честь моей мамы.

— Зухра уже есть, — машинально ответил Денни.

— В честь моей мамы — нет.

— Реестр не пропустит, — объяснил капитан. — Ты ведь не хочешь назвать ее Зухрой II?

Удар достиг цели.

— Не хочу, — подтвердил механик. — Моя мама неповторима.

— Так я и думал.

— Давайте назовем «Кофейней»? — хихикнул Кан.

— Почему?

— По абсолютному времени сейчас утро, пора пить кофе.

— Кэп, «Кофейня» в реестре есть? — оживился Дауд.

— Не уверен, — не стал врать Дженкинс. — Но вряд ли робот пропустит такое название.

— А мы скажем, что это псевдоним Сола, под которым он известен в обитаемой части Вселенной.

— А нас не засмеют?

— Разве что Сола...

— Шампанское на борту есть? — неожиданно громко спросил толстяк.

— Что? — не понял Денни.

— Какое? — переспросил Адиль.

А в следующий миг Дженкинс вспомнил, по каким случаям принято пить знаменитое игристое вино, и тихо-тихо поинтересовался:

— Что ты увидел?

— Парни, — срывающимся голосом произнес Сол. — Парни, кажется... Кажется...

— Чтоб мне дюзу вывернуло, — прошептал капитан, разглядев на своем экране четвертую от звезды планету. — Не может быть!

С открытием гиперов Галактика стала ближе... Нет! Галактика стала настоящим домом — огромным, неизведанным, но доступным, — и люди азартно бросились осваивать его комнаты. Открывали систему за системой, звезду за звездой, торопились так, будто бесконечная Вселенная вот-вот закончится, будто четыреста миллиардов светил Млечного Пути можно облететь за неделю.

Люди всерьез увлеклись новой игрушкой.

Солнечная система превратилась в одну большую космическую верфь, на которой собирали звездолеты. Инженеры их проектировали, бесчисленные корпорации строили, академии выпускали одну партию космонавтов за другой. Цивилизация торопилась стать великой и безжалостно переплавляла старый дом во имя новых. Ресурсы Солнечной системы были потрачены на мощный рывок к звездам, а там...

А там неожиданно выяснилось, что землеподобные миры не просто редки, а уникальны. И далеко не у каждой звезды можно воздвигнуть настоящий дом. На сотню, а то и тысячу систем приходилась одна-две планеты, не более. А после того как провалились все попытки терраформирования более-менее подходящих миров, человечество окончательно растерялось.

Цивилизация находилась на пике могущества. Едва ли не впервые в истории у людей всего было в достатке: высококлассные роботы взяли на себя большую часть труда, недорогие гиперы сделали доступными ресурсы, мощность энергетических установок давно обогнала потребности общества, на многих лунах обнаруживались запасы льда, но планеты...

Землеподобные планеты стали величайшей драгоценностью Вселенной.

— Скажи, что ты не ошибся, — прошептал Дженкинс.

— Денни, я пока ничего не могу сказать...

— Сол, дорогой, пожалуйста, скажи, что ты не ошибся!

Аппаратура «Минни» была гораздо хуже тех устройств, которыми пользовался толстяк, четвертую планету капитан видел неотчетливо, но некоторые признаки указывали на то, что они сорвали джекпот. Поэтому голоса у членов команды срывались, а пальцы дрожали. И особенно у Адиля, который вообще ничего не видел из машинного отделения и лишь умолял:

— Толстый, говори!

— Зачем обнадеживать? — ехидно поинтересовался Кан, с удовольствием измываясь над несчастным механиком.

— Ты сам упомянул шампанское!

— Пить захотелось.

— Сол! — в два голоса взвыли Дженкинс и Дауд. — Сол!!

Но тот остался невозмутим.

— Денни, надеюсь, ты изменил курс?

— Разумеется!

Приказ бортовому компьютеру капитан отдал сразу, как только Кан заговорил о шампанском.

— Системники работают на полную, — вставил свое слово Адиль. — Долетим за секунду!

— Ну, не за секунду, конечно, — протянул Дженкинс, глядя на панель управления. — Полтора часа.

Но механик его не услышал.

— Я куплю себе луну, — мечтательно произнес Дауд. — С подземным океаном, разумеется...

— Из метана? — нервно хохотнул Денни.

— Да из чего угодно! — отмахнулся Адиль. — Подойдет любой океан, если больше никого не будет. Я куплю луну для себя и стану наслаждаться тишиной.

— Иногда я буду залетать в гости, — пообещал капитан. — На своей яхте.

— Межзвездной?

— Конечно.

— В любое время, дорогой, только пусть Сол скажет, что не ошибся.

— Я... — послышался голос толстяка. Дженкинс и Дауд мгновенно смолкли и стало слышно, как где-то далеко урчат на полной мощности системники. Напряжение достигло апогея. Почувствовав это, Кан усмехнулся и радостно поведал: — Я не ошибся!

— Да! — не сдержался Адиль.

— На четвертой планете есть атмосфера!

— Да!

— И вода!

— Ура! — это выкрикнул Денни.

— И растительность!

— Да! Да!! ДА!!!

Почти минуту они орали. Просто орали, бездумно наслаждаясь обрушившимся на них счастьем. Дженкинс бил кулаком по подлокотнику кресла и что-то невнятно выкрикивал. Дауд плясал, распевая бессвязную песнь. Сол плакал, но беззвучно, чтобы не услышали друзья. Но плакал, и крупные слезы текли по его щекам. Почти минуту на борту царило радостное безумие, и показалось даже, что «Верная Минни» завихляла по курсу, пританцовывая вместе с экипажем.

Затем шум стих, и капитан громко произнес:

— Шампанского на борту нет, но бутылочку настоящего виски мы сегодня разопьем.

— Я знал, что нам повезет! — с чувством сказал Адиль. — Знал.

— Мы это заслужили, — подтвердил Дженкинс.

— Каждый из нас это заслужил.

— Даже не верится...

— Денни, у нас проблема, — неожиданно произнес Сол.

И унылый звук его упавшего голоса заставил капитана и механика похолодеть.

— Что за проблема? — Дженкинс вновь уставился на монитор.

— Это мираж? — осторожно хохотнул Адиль. И сжал кулаки. — На самом деле никакого джекпота, да? Это мираж?

— На орбите нашей планеты болтается корабль, — тихо сообщил Кан.

— Нет! — взвыл Дауд. Схватил стул и швырнул его в переборку: — Нет!!

Потрясение было слишком велико. А эмоциональная горка настолько крута, что механик едва не сошел с ума.

— Зачем? Почему? Откуда?!

— Кто это? — хмуро поинтересовался Денни, поскольку его радар пока не показывал проблему. — Ты можешь опознать врага?

И сам не заметил, что назвал опередивших их счастливиц врагами. Сразу назвал, как только понял, что они встали на пути.

— Кто это, Сол?!

— Звездолет класса «Иерусалим». — Толстяк грубо выругался. — Нас опередили монахи, Денни. Проклятые русские монахи!

На протяжении всей своей истории люди стремились к звездам. Грезили. Придумывали им красивые имена и чудесные истории. Складывали в замечательные созвездия, сравнивали с глазами любимых и мечтали...

Мечтали...

Мечтали о неизведанных мирах, огромной Вселенной и крыльях, которые подарят им возможность сделать сказку былью. Мечтали увидеть красные гиганты и закрутить рискованный вираж у черной дыры, мечтали мчаться наперегонки со временем и прикоснуться к темной материи, узнать, что было в начале всего и оседлать бесконечность.

Мечтали...

И добились.

Звезды стали так близки, что к ним можно было прикоснуться. Вселенная раскрыла объятия и позвала в дорогу, но...

Но люди не были бы людьми, если бы все не испортили. Люди вышли к берегу Бесконечности, но не стряхнули привычные пороки, не оставили плохое в пыли прошлого, а потащили за собой: зависть, злобу, подлость и конечно же жадность.

Глупую, безудержную жадность.

Первый звонок прозвенел еще «в колыбели», при освоении Солнечной системы, когда частные компании ультимативно потребовали от сообщества наций официально признать права «владельцев участков на Луне». Как только спутник стал доступен, смехотворные бумажки, которые дарили в качестве «прикольного» подарка на новогодний корпоратив, в одночасье обрели колоссальную стоимость, а их владельцы превратились в миллионеров. Увещевания здравомыслящих людей и апелляции к старым международным договоренностям, которые напрочь отрицали подобные «сертификаты», ни к чему не привели. США однозначно приняли сторону корпораций и заявили, что будут защищать демократические права граждан даже с помощью оружия, и, несмотря на глупость происходящего, решение было продавлено.

Возник «прецедент Луны».

А после его юридического закрепления немедленно появилась «Ассоциация владельцев космических объектов» и предложила организовать массовую продажу звезд. Можно в кредит. Публика встретила идею «на ура», но Индия, Россия и Китай сразу предупредили, что больше не сдадутся и ни за что не признают «право на звезды». США предложили провести разбирательство в суде Манхэттена, а получив отказ, провели через Конгресс решение, запрещающее странам Земли совершать какие-либо действия

за пределами Солнечной системы без согласия США. В противном случае — санкции.

Индия, Россия и Китай вежливо промолчали.

Примерно год об инциденте старались не вспоминать, а затем в один день, 26 августа, состоялось два знаковых события.

В Нью-Йорке, в ходе первого аукциона «Ассоциации владельцев космических объектов», корпорация «Боинг» приобрела в собственность звезду Барнарда за один триллион долларов и пять процентов прибыли от последующей эксплуатации. Одновременно с этим китайский исследовательский корабль достиг звезды Барнарда и по праву первооткрывателя объявил о присоединении системы к владениям Китайской Народной Республики.

Возникла напряженность.

Решение суда графства Лаунж, в который подал иск «Боинг», Пекин признал ничтожным, автоматический зонд, отправленный корпорацией для изучения «своей звезды», «потерпел аварию». Американцы потребовали компенсировать «Боингу» расходы на аукцион и возместить стоимость зонда, но получили твердый отказ. Ситуация стала накаляться, но еще через пять дней индийский корабль расширил владения своего государства за счет Сириуса. Затем русские подгрести под себя Альфу Центавра, а Берлин, действующий под флагом Европейского Германского Союза, заявил права на Луман.

Для защиты новых территорий начали строиться боевые корабли. Как выяснилось, их проекты давным-давно ждали своего часа. А для юридического закрепления новых территорий и упорядочивания происходящего была созвана Конференция по во-

просам дальнего космоса, решения которой стали основой звездных законов.

Люди остались людьми. И если изобретение гиперол подарило человечеству крылья, то «прецедент Луны» указал путь развития: жадность привела к созданию межзвездных империй.

— Кастраты! — завопил Адиль.

— Они не кастраты, они монахи, — поправил механика Сол.

— В чем разница?

— Монахи воздерживаются осознанно.

— Ладно, не кастраты, а дегенераты.

— Не ругайся.

— Почему?

— Потому что нам нужно придумать, как выкручиваться, — вступил в разговор Сол. — Руганью и рыданиями мы ничего не добьемся.

Они специально собрались в кают-компани — обсудить ситуацию «вживую», лицом к лицу, глядя друг другу в глаза, но собрались, как легко можно понять, в далеко не радужном расположении духа. Дауд и Кан заявили бешено злые, а вот Дженкинс — просто мрачным, как на похороны.

Впрочем, так оно и было: капитан прощался с мечтой.

Но замечание толстяка показало, что, возможно, не все еще потеряно.

— Как выкручиваться? — не понял Адиль. — Что значит выкручиваться? Что здесь можно выкрутить? — Он махнул рукой в сторону иллюминатора. — Проклятые кастраты отняли у нас будущее!

— Монахи, — поправил его капитан.

— Суки! Я их ненавижу. Ненавижу!

Сол закончил предварительное исследование четвертой планеты и сообщил, что сомнений нет: кислородная атмосфера, вода, комфортное расстояние до звезды, материка, жизнь... Все, что нужно Компании, неспешно путешествовало вокруг желтого карлика и своей оси, однако благостную картинку портило присутствие монахов.

«Этих мерзавцев», как выразился Кан.

«Сук вонючих», по мнению Дауда.

В целом Дженкинс разделял эмоции друзей, но поскольку одновременно они являлись его подчиненными и он, как капитан, нес всю ответственность за происходящее, Денни старался сдерживаться.

— Ситуация, прямо скажем, неприятная.

— Я жутко разочарован, если тебе интересно, кэп, — сообщил Адиль. — Но разочарование — это слабо сказано. Я в лютом бешенстве.

— Я заметил.

— Поэтому не обижайся, если я наговорю лишнего.

— Сейчас мы все «на взводе», — не стал скрывать Дженкинс. — Но нужно помнить, что мы — друзья. И мы — во всех смыслах — в одной лодке.

И посмотрел на Сола. Тот кивнул, но промолчал.

Толстяк явно что-то задумал и даже намекнул на то, что видит выход, но пока не хотел выкладывать карты — хочет послушать друзей. Для Кана такое поведение было обычным.

— Я правильно понимаю, что на орбите болтается церковный звездолет? — уточнил слегка успокоившийся Адиль.

— Совершенно верно, — подтвердил Дженкинс.

— То есть мы имеем дело не с русскими, а с их шаманами?

— Какая разница? — не понял капитан.

— Можно попытаться сыграть на этом, — объяснил механик и вопросительно посмотрел на Кана. — Сол?

— В суде? — осведомился толстяк.

— Да.

— Не получится.

— Почему?

— Монахи или нет, они такие же подданные Российской империи, как и все остальные.

— А вдруг у них нет лицензии на разведывательную деятельность?

— Это «Иерусалим», — вздохнул Кан. — Эти корабли создают для разведывательной деятельности и старта колонизации, так что, уверен, документы у них в полном порядке.

Дауд зарычал и отвернулся.

— Всем жаль. — Толстяк потрепал друга по плечу и перевел взгляд на капитана: — Денни, ответ из сектора пришел?

— Как он мог прийти? — Дженкинс хотел посмеяться над задавшим глупый вопрос приятелем, но понял, что тот расстроен, и вместо шуточки закончил серьезно: — Через пару часов в лучшем случае.

— Ты что-то придумал, — неожиданно произнес Адиль, обращаясь к Кану. — Ты явно что-то придумал. Ты всегда что-то придумываешь!

— Спасибо, дружище.

— Сол! Просто скажи, не мучай. Я сейчас плохо реагирую на твои подначки.

— Меня смущает, что русские висят на орбите, — тут же ответил толстяк, оглядывая друзей. — Почему они до сих пор не раскидали спутники и не отправили зонд на поверхность? Чего они ждут?

— Почему ты думаешь, что они не отправили зонд?

— Потому что по уставу последовательность действий такая: спутники — зонд — высадка первой разведывательной группы. Связь — автоматика — человек. А русские просто сидят на орбите.

— Какая разница, почему они не торопятся? — пожал плечами Дауд. — Может, молятся? Возносят хвалу своему богу, который щелкнул нас по носу.

— А вдруг им что-то мешает высадиться? — неожиданно спросил Кан.

— Что?

— Только не произноси это слово, — попросил Дженкинс, который сразу понял, куда клонит толстяк.

Но Сол не послушал:

— Инопланетяне.

— Сказка, — фыркнул механик.

— Почему?

— Да потому!

Оказавшись в большом космосе, люди сразу принялись искать разумную жизнь, начали оглядываться в поисках братьев по разуму, но до сих пор никого не нашли. То ли условные «братья» жили слишком далеко, то ли их вообще не существовало, но ни на одной из тысяч исследованных систем не было обнаружено ни одного следа разумной жизни. Люди, разумеется, продолжили верить в существование инопланетян, а космические волки периодически

развлекали публику увлекательными рассказами о таинственных артефактах внеземных цивилизаций, но ни один из них так и не был представлен для проведения серьезных научных исследований.

— Если бы монахи нашли инопланетян, тут бы уже болтались русские военные, — задумчиво произнес Дженкинс, выдержав короткую паузу. — На базе сектора пополняет запасы «Брусилов», и монахи наверняка об этом знают.

— Не успели прилететь, — тут же ответил Сол.

— Инопланетяне?

— Крейсеры.

— Сомнительно, — поморщился Адиль.

— Соглашусь, — поддержал механика Денни. — Оставим инопланетян за скобками и подумаем, по какой еще причине русские не высаживаются на планету.

— Эпидемия на борту?

— Как вариант. Еще?

— Только что прилетели.

— Инопланетяне? — сдуру ляпнул Дауд.

— Монахи, — уточнил Кан. — Монахи только что прилетели и не успели начать работу. Вдруг мы идем ноздря в ноздю?

— Как нам это поможет? — нахмурился капитан. — Они все равно первые.

— Первые они или нет, мы узнаем, только получив ответное сообщение из сектора, — тонко улыбнулся толстяк. — Вдруг мы отправили заявку раньше?

— Возможно, — приободрился Адиль. — Они могли лопухнуться. Или у них сломался подпространственный передатчик.

Дженкинс почувствовал, что к нему возвращается уверенность.

— Хочешь сказать, что еще ничего не кончено?

И в этот миг ожил стоящий в кают-компании компьютер.

Сначала раздался звонок — он привлек внимание команды, а затем на мониторе заморгал значок вызова.

— С нами хотят поговорить, — усмехнулся Кан.

— Выйдите из зоны действия камеры, — распорядился Денни, подходя к компьютеру. — Пусть видят только меня.

Дождался, когда друзья исполнят приказ, и надавил на кнопку «ответ». И прищурился, разглядывая появившегося на мониторе священника: русоволосого бородатого мужчину лет шестидесяти, облаченного в простую черную рясу, поверх которой был накинута наперсный крест на золотой цепочке. Голубые глаза священника смотрели очень дружелюбно, но Дженкинс неожиданно поймал себя на мысли, что не рискнул бы сесть против этого старца за покерный стол. Вот не рискнул бы, и все. Без объяснений.

— Мир вам, — мягко произнес мужчина.

Голос у него был отлично поставлен и звучал необычайно приятно.

«Как у гипнотизера, наверное...»

— Привет, — хрипло ответил капитан. Откашлялся и поправился: — Здравствуйте.

— Меня зовут отец Георгий, я настоятель странствующего монастыря Святого Николая. — Священник улыбнулся. — Того самого, который вы видите на орбите.

— Очень приятно, падре.

Священник вновь улыбнулся, погладил бороду, судя по всему, это был его излюбленный жест на все случаи жизни, и покачал головой:

— Называйте меня настоятелем. Обойдемся без латыни, капитан...

— Денни Дженкинс, — опомнился Денни. — Капитан Денни Дженкинс.

— Служите Компании?

— Свободный охотник.

— Ловец удачи.

— Да уж, не схизматик.

И вновь — мягкая улыбка, и дружелюбие из голубых глаз никуда не исчезло. Священник покивал головой, словно услышал то, что ожидал, и поинтересовался:

— Учились в католической школе?

— Вообще-то я атеист, — с некоторым апломбом ответил Денни.

— В таком случае в ваших устах это определение не имеет никакого смысла.

«Не зли его! — опомнился капитан. — Попробуй договориться о встрече».

Дженкинса категорически не устраивал разговор с помощью бездушных средств связи. Ему требовалось узнать причину, из-за которой монахи до сих пор не приступили к разведке ценнейшей планеты, а сделать это можно было лишь при личной встрече.

— Скажите, настоятель, мы можем поговорить?

— А что мы делаем? — без притворства удивился отец Георгий.

— Я имел в виду — лично, — обаятельно улыбнулся Денни. — К тому же мне еще не доводилось

★ — бывать на «Иерусалимах», и я был бы рад экскурсии по вашему кораблю.

— В познавательных целях?

— Именно.

Несколько секунд священник молчал, глядя на Дженкинса так, словно собирался проникнуть в его душу, после чего вновь погладил бороду:

— Никаких проблем, капитан, я с радостью побеседую с вами на борту монастыря.

Разумеется, Дженкинсу доводилось видеть и даже бывать на гигантских колониальных судах, поэтому размеры «Иерусалима» его не поразили. Большой? Да, безусловно. Очень большой? И это принимается. Огромный? Нет, ребята, нет, нет и нет. Все Империи строили гигантские колониальные звездолеты и, например, в русском «Ковчеге» могло затеряться с десятков «Иерусалимов». Но колониальные гиганты — это особый класс, сравниться с которыми не мог ни один другой звездолет. Что же касается «традиционных» кораблей, то здесь «Иерусалиму» равных не было. Размерами он превосходил даже десантные звездолеты класса «Муссон», способные перебросить в другую звездную систему небольшую армию. Даже их.

«Иерусалим» оказался велик, и потому маяк на стыковочном блоке был совсем не лишним: без него Дженкинс мог бы долго кружить на своем небольшом шаттле вокруг русского звездолета.

Что же касается главного в монастыре человека, то он, к удивлению Денни, встретил гостя у шлюза, проявив невероятное для руководителя такого ранга уважение.

— Капитан Дженкинс.

— Настоятель.

Денни на размеры не жаловался, считал себя мужчиной крупным, но игумен оказался выше его на полголовы и шире в плечах. И, как ни странно, добродушие, светящееся в больших голубых глазах настоятеля, идеально гармонировало с его массивной фигурой. Огромный, сильный, но при этом добрый — классическое русское сочетание.

— Рад познакомиться лично, — приятным голосом произнес отец Георгий.

— Я должен поцеловать вам руку? — поинтересовался Денни.

Честно говоря, не хотелось.

— Необязательно, — качнул головой игумен.

— Очень хорошо.

— Прошу, проходите.

И мужчины неспешным, прогулочным шагом пошли по техническому коридору звездолета.

— Ваш звездолет производит впечатление, настоятель.

— Судя по тону, вы не поразились, как это обычно бывает с гостями.

Монах монахом, а собеседника игумен «читал» идеально и без труда уловил то, что Денни пытался скрыть.

— Мне доводилось посещать колониальные корабли.

— Тогда понятно. — И вновь — мягкая улыбка. — Как вы здесь оказались, капитан Дженкинс?

— У вас на борту?

— В этой звездной системе.

— Врать не буду: случайно, — не стал скрывать Денни. — Мы собирались в сектор Аиста, но наша «Минни»...

— Кто, простите?

— «Верная Минни», так называется мой корабль.

— Ах да... Извините, продолжайте, пожалуйста.

— Да... — Денни помолчал, как будто ему стыдно, но закончил: — В секторе Аиста мало хороших космических баз, а наша «Минни» слишком стара... — Тяжелый вздох. — Мы решили не рисковать, отправились в сектор Броненосца и наткнулись на эту звезду. — Еще одна пауза. — Случайно.

— Случайностей не бывает, капитан Дженкинс.

— Совсем?

— Совсем, — подтвердил игумен, поглаживая бороду. — Мы должны были встретиться, и мы встретились.

— Зачем?

— Я пока не знаю.

— Вы говорите, как предсказатель на ярмарке, — не сдержался Денни. — Впрочем... — Но уже в следующий момент он опомнился: — Извините.

Не следовало обижать того, чьи планы собираешься выведать. Однако отец Георгий счел необходимым развить тему:

— Хотели сказать, что я не сильно отличаюсь от ярмарочных шутов?

— Я извинился, — буркнул Денни.

— Я не обиделся, — спокойно продолжил игумен.

— Правда?

— Поверьте, капитан Дженкинс, я слышал в свой адрес высказывания и похуже... — И резко, настолько резко, что ухитрился сбить гостя с тол-

ку, спросил: — Сколько вы надеялись выручить за планету?

— Вы ее как-то назвали? — попытался отбиться Дженкинс.

— Не расслышал цифру.

И стало ясно, что отец Георгий не отстанет.

— Вы знаете сколько, — неохотно ответил Денни. — Думаю, пять-шесть триллионов новых кредитов.

— Солидная премия, — с уважением произнес игумен.

— Издеваетесь?

— Теперь я понимаю, почему вы так резки со мной, капитан Дженкинс, — вздохнул настоящий. — И понимаю ваши постоянные попытки меня уколоть.

— Я мог бы обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь, — горько сообщил Денни.

— Войти в элиту общества, — в тон ему добавил отец Георгий.

— Даже правнуки в золоте купались бы...

— Если путешествовать, то только для удовольствия.

— И только на курорты, где есть хорошие игорные дома.

— Тогда правнукам может не достаться, — хмыкнул игумен.

— Плевать на правнуков, — махнул рукой Денни. — Пусть сами зарабатывают.

— Согласен, — с улыбкой кивнул отец Георгий, поглаживая густую бороду. — Согласен...

Его большие голубые глаза... Нет, не гипнотизировали, но привлекали, от них трудно было оторваться,

и если бы игумен захотел, он мог стать выдающимся гипнотом. Дженкинсу доводилось видеть таких — заставляющих зачарованных людей исполнять любые, даже самые идиотские приказы. Хорошие гипнотизеры встречались среди врачей, артистов, мошенников, и все они прилично зарабатывали. Но этот русский выбрал другую стезю.

— О чем мы говорим? — нахмурился Денни.

— О людях, капитан Дженкинс, — объяснил отец Георгий. И легко перешел на другую тему: — Кстати, мы пришли.

— В смысле? — растерялся Денни, который ожидал, что его проводят на мостик или кают-компанию. — Куда пришли?

Они остановились в большом круглом зале, по периметру которого выстроились похожие на мраморные колонны. Высота каждой, как оценил Дженкинс, превышала четыре метра. Над колоннами виднелся купол. Тоже похожий на каменный, но точно сказать не представлялось возможным, поскольку в зале царил полумрак, едва-едва освещаемый несколькими свечами.

«Свечи?! На звездолете?!»

Именно свечи. Самые настоящие.

— Неожиданно? — улыбнулся игумен.

— Консервативно, — кивнул Денни.

— Что делать, капитан Дженкинс, мы — ортодоксы.

— Разве это хорошо? — неожиданно вырвалось у Денни.

— Что именно? — Священник поднял брови.

— Вы придерживаетесь тех же правил, что и тысячи лет назад.

— Мы придерживаемся тех же принципов, капитан Дженкинс, — вежливо поправил гостя отец Георгий. — И это хорошо... У вас есть принципы?

— Э-э... — Неожиданный вопрос сбил Денни с толку.

— Не важно, капитан Дженкинс. — Игумен обвел зал рукой. — Я привел вас в гостевой зал монастыря. Здесь мы с удовольствием рассказываем гостям о нашей вере и нашем корабле.

— Я бы с удовольствием пощупал его, — признался Денни. — Посмотрел, как управляется и на что способен.

— Звездолеты класса «Иерусалим» корабли лишь во вторую очередь.

— А в первую? Монастыри?

— Можно сказать и так, — задумчиво протянул отец Георгий. — Мы несем Слово Божие и пытаемся отыскать землю Божию, во славу Божию.

— Сегодня у вас получилось. — Денни хотел улыбнуться, но спокойной улыбка не получилась, и он, не сдержавшись, добавил: — К сожалению.

Несколько секунд игумен внимательно смотрел на гостя, после чего прищурился и спросил:

— Как я понимаю, капитан Дженкинс, вы абсолютно ничего не знаете о предназначении кораблей «Иерусалим», так?

— А что я должен знать, кроме того, что вы тоже ищете землеподобные планеты?

— Только землеподобные планеты, — уточнил отец Георгий. — Другие системы нас не интересуют.

Разговор следовало спасать, поэтому Денни согласился:

— Я ничего о вас не знаю, настоятель, кроме того, что сказал. Мы впервые оказались на окраине России. До сих пор мы исследовали системы в свободных секторах между Китаем и Халифатом.

Отец Георгий чуть склонил голову, показав собеседнику, что услышал, и после короткой паузы продолжил:

— Мы ищем новые земли для нашей Империи, капитан Дженкинс, а если находим — остаемся на них и основываем первый приход нового мира. Мы тщательно выбираем место посадки, поскольку «Иерусалим» способен лишь раз опуститься на планету, а потому ошибиться нельзя.

— Сейчас вы ищете такое место? Но почему не запустили спутники? Нужно ведь провести картографирование...

— Вы позабыли, что «Иерусалим» — не разведчик, подобно вашей «Минни». Мы ищем не планеты, за которые можно получить премию, а дома.

— В чем разница?

Вместо ответа настоятель нажал кнопку на пульте, и в центре зала возникло голографическое изображение корабля.

— Это для туристов, — извиняющимся тоном объяснил отец Георгий профессионалу. — Им тоже интересно, как устроен корабль.

В принципе, ничем особенным «Иерусалим» не выделялся: машинное отделение, рядом с которым размещался командный блок — «тягач» был слишком дорог и потому возвращался на базу для дальнейшего использования, затем шли отделяемые блоки, каждый из которых мог самостоятельно опуститься на поверхность: пассажирский, несколько грузовых и...

— Ого! — присвистнул Дженкинс. — Что это?

Посреди корабля помещался гигантский отсек непонятного предназначения. По виду — еще один грузовой, но внутри изумленный Денни разглядел здание. Огромный каменный дом древней архитектуры.

— Я не понимаю...

Отец Георгий выделил блок белым, а затем увеличил, убрав все остальные и показав прячущееся внутри строение во всей красе.

— Похоже на какой-то собор, — сглотнув, произнес гость.

— Это сердце моего корабля, капитан Дженкинс, — негромко сказал игумен, вместе с гостем разглядывая голограмму величественного здания. — Перед вами точная копия Храма Гроба Господня, построенная людьми и для людей. Отыскав подходящую планету, мы подбираем холм, который называем Сионом, и переносим на него Храм. Именно поэтому, капитан Дженкинс, наш класс кораблей называется «Иерусалим»: в каждом находится копия Храма, предназначенная для создания в новом мире образа Святой земли. Мы несем свет веры.

— Свет?! — не выдержал Денни.

— У вас иное мнение, капитан Дженкинс? — осведомился отец Георгий.

— Но это же смешно!

— Что именно?

— Мы с вами находимся в сотнях световых лет от Земли и обсуждаем примитивный культ, возникший тысячи лет назад! Вы строите современные космические корабли и перевозите в них копии древних храмов!

— И что? — не понял игумен. Или сделал вид, что не понял.

— Это мракобесие, вот что, — резанул Денни, решив больше не стесняться. Понятно, что монахи притащились сюда первыми, понятно, что планету они не отдадут, а раз так — какой смысл в вежливости? Для чего поддакивать бородатому жлобу в женском платье?

Однако задеть настоятеля у Денни не получилось.

— Это действительно смешно, капитан Дженкинс, — мягко согласился отец Георгий.

— Что именно? — растерялся тот.

— Мы с вами находимся в сотнях световых лет от Земли, и моя вера не помешала мне сюда добратся. Будь я мракобесом, я, наверное, отрицал сам факт существования космоса и космических полетов, разве нет?

— Вы используете достижения современной науки для распространения выдумок.

— Принципов, — вновь уточнил игумен. — И это не так плохо, учитывая, что вы на тех же достижениях распространяете по Вселенной пороки.

— Пороки? — ухмыльнулся Денни. — Какие пороки, чтоб мне дюзу вывернуло?

— Например, жадность. — Отец Георгий погладил бороду. — Вы видите не планету, капитан Дженкинс, а шесть триллионов кредитов. Развеселую, праздную жизнь...

— Разве это плохо?

— Мы говорим о другом, — напомнил настоятель. — Я, как вы выразились, распространяю примитивные выдумки, а вы — примитивные пороки.

Мы не могли не встретиться, капитан Дженкинс, мы должны были посмотреть друг на друга.

«Сукин сын! — Денни не понравилось, куда завел разговор монах. Ему не нравилось чувствовать себя распространителем жадности, но он не представлял, как ответить. И думал одно: — Сукин сын!»

И чувствовал себя... Оскорбленным? Нет. Нет. Гораздо хуже: он чувствовал себя препарированным. Проклятый священник вскрыл защитную броню повседневного лицемерия, извлек его душу и, кажется, не нашел в ней ничего интересного.

Противно...

— Зачем вам это? — хрипло поинтересовался капитан.

— Вера?

— Да.

— Не люблю игорные дома, — объяснил отец Георгий.

— Вы в них бывали? — хмыкнул Дженкинс, представив священника за карточным столом.

— Мне принадлежало шесть.

— Врете!

— Зачем? — удивился игумен.

Действительно, зачем священнику обманывать? В чем смысл? Дженкинс спросил, отец Георгий ответил.

— Мне трудно в это поверить, — признался Денни.

— Слышали такое название: луна Гаррисона?

— Разумеется! Центр порока сектора Синего Кита! То еще местечко.

— Когда-то мне принадлежало шесть крупнейших заведений луны и кое-какая мелочь вроде баров,

наркопритонов и прочей ерунды, — легко сообщил отец Георгий.

— Серьезно?

— Могу поклясться.

— Нет, нет, я верю... — Денни покрутил головой. — А потом?

— Потом я все продал и попросил благословения финансировать постройку этого корабля. — Игумен с любовью оглядел зал. — Пока монастырь создавался, я учился, был рукоположен, а затем отправился на этом корабле в долгий путь. В очень долгий, если вам интересно, путь: мы странствуем уже пятнадцать лет и вот наконец нашли...

Отец Георгий замолчал.

— Что у вас случилось? — тихо спросил Денни. — Что вас изменило?

— Это не важно, капитан Дженкинс, это абсолютно не важно. — Игумен выключил голограмму, и в зале вновь стало сумрачно. — Я вас не гоню, но рекомендую покинуть систему, вы ведь знаете, что разведчики Императорского Географического общества недолюбливают свободных охотников. — Пауза. — Они скоро будут здесь.

А вот теперь ошибся настоятель. Недооценил собеседника, не понял, что тот умнее, чем кажется, и тоже умеет «читать» интонации.

— Вы лжете, — резко бросил Денни. Он решил пойти «ва-банк». — Вы не отправили сообщение в сектор.

В ответ — знакомая уже улыбка и одна фраза после короткой паузы:

— Это ничего не значит, капитан Дженкинс.

— Мое сообщение придет первым! Планета наша!

— Вы прекрасно знаете, что лжете, — вздохнул священник. — Неисправность нашего подпространственного передатчика не сделает вас первооткрывателем, капитан Дженкинс. Вспомните «прецедент Симмонса», который называют одним из столпов космического права и, кстати, именно Компания организовала тот судебный процесс и выиграла его.

— Я помню, — хмуро ответил гость.

— Все звездные империи, включая Российскую, признали право капитана Симмонса на открытую планету, несмотря на то что сообщение китайских разведчиков пришло в компьютер сектора раньше. Симмонс уже исследовал систему, когда явились китайцы.

Подал на них в суд и выиграл дело, указав на неисправность передатчика. Сейчас Денни хотелось придушить удачливого коллегу.

— Поэтому вы висите на орбите, да? У вас накрылся передатчик и вы не знаете, что делать? Бойтесь улететь, чтобы не потерять планету.

— Как я уже говорил, вы совершенно не представляете наши принципы, капитан Дженкинс, — покачал головой священник.

— Так объясните! — взорвался Денни. — Почему до сих пор не высадились? Почему не запустили спутники?

— Мы должны понять, входит ли планета в Божий замысел.

— Как понять?

— Должно случиться чудо, — неспешно, словно рассказывая ребенку очевидную вещь, объяснил отец Георгий.

И поверг собеседника в ступор.

— Чудо? — глупо переспросил Денни.

— Чудо, — подтвердил игумен.

— Здесь?

— Да.

— В сотнях световых лет от Земли?

— Мы ведь сюда добрались, капитан Дженкинс, — улыбнулся отец Георгий. — Это тоже своего рода чудо.

— Это наука... Но... Не важно. — Денни потер лоб. — Вы действительно болтаетесь на орбите в ожидании чуда?

— Мы всегда его ждем.

— И как долго вы собираетесь ждать?

— Некое время.

— Какое?

И в этот миг помещения корабля наполнил колокольный перезвон. Негромкий, чистый и недолгий. Настоятель посмотрел на часы и развел руками:

— Во время приятного разговора время летит незаметно. Но, увы, летит... Мне пора на службу, капитан Дженкинс, брат Андрей проводит вас.

Из-за ближайшего угла неожиданно появился невысокий монах, лицо которого скрывал капюшон.

«Получается, рядом все время находился его телохранитель? Нормально для бывшего владельца казино».

Однако вслух Денни произнес другое:

— Один вопрос, настоятель, прошу вас.

— Пожалуйста, — согласился тот.

— Каким будет чудо?

— Чудесным, капитан Дженкинс, — убежденно ответил игумен. — Это же очевидно.

— И сколько они собираются его ждать? — угрюмо спросил Кан.

— Понятия не имею, — честно ответил Денни. — Возможно, до Второго пришествия, чтоб им дюзу вывернуло.

— Что такое Второе пришествие? — поинтересовался Адиль.

— Не важно.

Друзья ждали возвращения капитана в кают-компании, бурно поприветствовали его, замолчали, когда Дженкинс начал подробный рассказ о встрече, и, честно говоря, не обрадовались услышанному.

— Месяца два-три мы протянем, — прикинул Дауд. — Потом закончится еда.

— А вода?

— Воду можно поискать на лунах газовых гигантов, — ответил механик. — А вот синтетику для жратвы взять неоткуда. Вряд ли монахи с нами поделятся.

— Вряд ли, — согласился Денни.

— Чего вы собираетесь ждать? — неожиданно спросил Сол. — О чем речь?

— Ну... — Адиль открыл было рот, понял, что не знает ответа, и перевел вопросительный взгляд на капитана.

— Ну... Вдруг чуда не случится? — не слишком уверенно предположил Денни. Честно говоря, ему было странно это произносить.

— Если чуда не случится, они улетят?

— Не знаю, — не стал врать Дженкинс.

— Надо было уточнить.

— Ты серьезно?

— Денни, на кону стоит мое восхитительно богатое будущее, — без тени улыбки ответил Кан. — Я серьезен как никогда.

— Кажется, я плохо провел переговоры, — поморщился капитан.

— На самом деле — отлично. Ты узнал много полезного о нашем главном враге.

— О настоятеле?

— У меня есть родственники в секторе Синего Кита, и я слышал от них эту историю, — негромко произнес толстяк. — Она там легенда.

— Так этот бородатый действительно продал шесть казино и стал монахом? — изумился Дауд.

— Все гораздо интереснее, — Сол потер вспотевшие ладони. — Денни, твоего нового знакомого зовут Юрий Плотвин, сейчас ему за восемьдесят, а сорок лет назад он с компаньоном владел луной Гаррисона. Это были очень жесткие ребята, можешь мне поверить, но сломать, как выяснилось, можно даже таких.

— Что с ним случилось?

— Там был шикарный ресторан «Панорама». Все, как положено: серебряные приборы, деревянная мебель, льняные салфетки, миллионеры... А самое главное: ресторан размещался под прозрачным куполом, откуда открывался потрясающий вид на газовый гигант и его луны. — Сол помолчал. — Никто не знает, как тому парню удалось пронести взрывчатку, но ему удалось. Он проиграл все свое состояние в заведении Плотвина и решил красиво уйти. Пообедал. Наслаждался видом удивительной красоты. И взорвался. Купол треснул и все посетители погибли. Кроме Юрия, отлучившегося в туалет, который находился сразу за аварийной переборкой.

— Повезло, — пробормотал Дженкинс. — Чтоб ему дюзу вывернуло.

— Он решил иначе.

— В смысле?

— Решил, что спасся не просто так, — уточнил Сол.

— Глупость какая, — прокомментировал механик. — Да он должен был бухать как проклятый!

— А он почему-то ударился в религию, — развел руками толстяк. — И этого никто не понял.

Они помолчали, переваривая старую историю, однако долго забивать себе голову чужими проблемами никто не собирался. Денни провел рукой по лицу, словно смывая грязь, и прищурился на стоящий в кают-компании компьютер:

— Сол, у нас загружена основная информационная база?

— Разумеется.

— Поищи, пожалуйста, упоминания скандалов между Императорским Географическим обществом и Церковью.

— За какой период? — Кан уселся перед монитором.

— Пятьсот лет.

— Одну секунду...

— Что ты хочешь выяснить? — заинтересовался Адиль.

— Проверяю одно подозрение.

— Русские не любят выносить сор из избы, но дважды председатели Географического общества требовали от патриарха объяснений в связи с деятельностью «Иерусалимов». Суть претензий нигде не упоминается, — доложил толстяк. — Но оба раза

патриарху пенял Император, так что повод для скандала был весьма серьезным.

— Что делал патриарх?

— Отмалчивался.

— Гм... — Дженкинс почесал затылок. — Теперь посмотри, соотносятся ли даты скандалов с открытием землеподобных планет?

— Хм... — Сол начал о чем-то догадываться, но вместо болтовни занялся делом и меньше чем через минуту огласил нужную информацию: — Ты угадал, Денни: в 316-м году китайцы объявили об открытии Багары в секторе Сосны — это как раз на границе Империи и КНР, а в 401-м году, сразу после скандала в России, новую планету представила Компания.

— Как интересно, — усмехнулся Дженкинс.

— Что интересно? — до сих пор не сообразил Дауд. — Объясни!

Кан повернулся к капитану и внимательно посмотрел ему в глаза:

— Ты хочешь сказать, что...

— Я хочу услышать подтверждение лично от него, — твердо произнес Дженкинс. — Дай связь с «Иерусалимом».

— Секунду...

К счастью, служба уже завершилась, и освободившийся игумен не отказал в разговоре. Подождать пришлось минут десять, во время которых друзья объяснили механику сути идеи, а затем на экране появился бородатый русский.

— Настоятель.

— Капитан Дженкинс. Догадывался, что вы захотите продолжить разговор.

— Кажется, я отыскал правильный вопрос, настоятель.

— Очень приятно это слышать, капитан Дженкинс, — улыбнулся игумен. — Не разочаруйте меня.

— Зачем вы ищете чуда?

В голубых глазах настоятеля зажглись веселые огоньки:

— Не зачем, а почему, капитан Дженкинс.

— Хорошо: почему вы ищете чуда?

— Потому что давным-давно, в те дни, когда люди только вышли в дальний космос, внутри Церкви разгорелись жаркие дебаты, — рассказал игумен. — Многие считали, что Замысел Его распространяется исключительно на Землю, а значит, в иных мирах нет благодати.

— И тогда...

— И тогда, выражаясь вашим языком, было принято решение провести эксперимент. — Отец Георгий улыбнулся: — Вы удовлетворены?

— Что случится, если чуда не будет?

Лучистые голубые глаза не стали злыми или равнодушными, но в них появилась грусть.

— А вот этот вопрос меня разочаровал, капитан Дженкинс.

— Это вопрос, ответ на который для меня крайне важен.

— Вам кажется, что он важен, — уточнил игумен.

— Неужели вам трудно поддержать меня в заблуждении?

— Отнюдь. — Отец Георгий помолчал, после чего спокойно сообщил: — Если настоятель монастыря утверждает в мысли, что планета отвергнута Бо-

гом, «Иерусалим» отправляется в дальнейшее странствие.

— Нет, — прошептал Дауд.

— Да, — прошептал Кан.

— Я не верю, — прошептал Денни.

— Вы ведь подняли архивы, капитан Дженкинс, и знаете, что прецеденты были, — привычным уже мягким тоном продолжил игумен. — В триста шестнадцатом и четыреста первом годах. И с тех пор ничего не поменялось, наши принципы тверды, и мы не откажемся от них, несмотря на неудовольствие императора.

— То есть вы улетите?

— Да, капитан Дженкинс: существует вероятность, что планета достанется вам.

— Мы богаты! — завопил Дауд, как только связь с русскими прервалась. — Мы богаты! Богаты! Богаты!!

— Еще нет, — охладил механика Сол.

— Почему?

— Потому что не выполнено главное условие: монахи не улетели и не оставили нам планету.

— Улетят, — с такой убежденностью заявил Адиль, что Кан поперхнулся:

— Откуда ты знаешь?

— Чудес не бывает, — менторским тоном поведал Дауд. — Ты маленький, что ли?

Сол и Денни переглянулись.

— У вас другое мнение?

— Ну... — начал было Дженкинс. — Я...

— Никаких «ну», кэп, — чудес не бывает, — рассмеялся механик. — А значит, нужно немного подо-

ждать, а потом взять свое. Сообщение в сектор мы отправили, право первооткрывателя подтверждено, так что планета наша.

Безусловно, Дауд говорил правильные вещи, особенно в той части, где речь шла о чудесах, однако у опытного Кана все равно появились сомнения:

— Адиль, не забывай, что речь идет о религиозных фанатиках.

— Бородатый парень показался достаточно вменяемым, — парировал механик.

— Ключевое слово: «достаточно», — уточнил толстяк. — Он, получается, достаточно вменяем для того, чтобы отказаться от богатства, положения в обществе, женщин и прочих удовольствий и отправиться в космос в компании таких же идиотов?

Дженкинс крикнул.

Дауд помолчал, обдумывая слова Кана, после чего признал:

— В твоих устах, дружище, ситуация приобретает совсем иной смысл... Все может закончиться плохо... Для нас.

— Фанатики потому и называются фанатиками, что способны увидеть чудо в чем угодно, — продолжил давить Кан. — Завтра этот монах разглядит на местной луне пятно, напоминающее Иисуса в профиль, и объявит планету пригодной для религиозной жизни. А мы останемся не у дел.

— Мы и так не у дел.

— Не совсем. — Сол хитро оглядел недоумевающих друзей. — Неужели вы не видите выход?

— Какой выход? — окончательно растерялся Адиль, который устал менять восторг на уныние и обратно.

— Наш милый падре не сообщил об обнаружении землеподобной планеты, потому что Империи на чудеса и промысел плевать, Империи нужны планеты. Если бы «Иерусалим» вякнул, что отыскал сокровище, русские тут же пригнали бы сюда военных и начали колонизацию, не дожидаясь чуда. Как это делает их Географическое общество.

— Это понятно.

— Никто не знает, что «Иерусалим» здесь.

— Не знает, — подтвердил Дженкинс.

— Так может, его здесь и нет? — тихо закончил толстяк.

— В смысле? — не понял Адиль.

А вот капитан догадался, что имеет в виду Сол, и тихонько вздохнул, не зная, как реагировать.

— Давайте отправим сообщение в Компанию? — продолжил Кан, разглядывая друзей. — Обрисуем ситуацию. Предложим договориться. Всей премии, разумеется, не получим, но половину мы из Компании точно вышибем — они очень давно не объявляли об обнаружении землеподобных планет, так что станут податливыми. Получим по триллиону на каждого. Разве плохо?

— О чем договариваться? — поинтересовался несообразительный Дауд.

— О том, что они пришлют сюда боевой корабль, — объяснил Дженкинс, глядя Солу в глаза. — Без опознавательных знаков и с отключенным передатчиком.

Толстяк кивнул.

А вот механик опять ничего не понял:

— Зачем корабль?

— Затем, — ответил Сол, глядя Дженкинсу в глаза, — что достаточно одной торпеды, и наши имена войдут в историю, а мы — в число богатейших людей Вселенной.

— Хочешь убить монахов? — изумился Дауд.

— На борту «Иерусалима» не менее тысячи душ, — сказал Денни.

— Фанатики, — очень тихо уточнил Кан.

— Люди, — еще тише произнес Дженкинс.

— Фанатики, стоящие между нами и нашим будущим. Нужно сделать правильный выбор, Денни.

Адиль отвернулся, показывая, что у него ответа нет.

— Очень сложный выбор, — прошелестел капитан. — Дай мне пару часов.

— Зачем?

Перед глазами Дженкинса появился настоящий — спокойный, улыбающийся, с добрыми голубыми глазами. Смотрящий на него. Смотрящий на звезды. Смотрящий на изображение Храма.

Верующий.

А в следующий миг Дженкинс попытался представить этого человека тридцать лет назад. Возможно, без бороды. И, конечно же, без рясы и наперсного креста. Какие у него были глаза, когда он видел улетающих в космос людей? Такие же добрые? Почему он так расстроился, услышав его второй вопрос?

Почему?

— Сол, ради нашей дружбы, прошу, не заставляй меня принимать решение прямо сейчас, — негромко сказал Дженкинс. — Два часа. Дай мне два долбанных часа. Пожалуйста.

Два часа!

Как будто за эти жалкие минуты можно что-то решить...

А нужно ли решать?

Не получилось ли так, что все давным-давно решено? Как сказал отец Георгий: «Случайностей не бывает»? Может, правда — не бывает. И они должны были встретиться: бывший небожитель, владелец луны, ставший космическим скитальцем, и космический скиталец, мечтающий стать небожителем и, возможно, владельцем луны. Что они могут дать друг другу?

Только противостояние?

Случайностей не бывает...

Стоит ли триллион кредитов тысячи жизней? Или трехсот жизней — ведь на каждого из команды «Верной Минни» придется примерно по три сотни мертвых... Три сотни религиозных фанатиков.

«Они все равно не живут, — зло подумал капитан. — Разве можно назвать жизнью прозябание без будущего, без перспектив, а значит — без смысла? Чего они добились своим отречением? Кто оценит их самопожертвование? Что их ждет, кроме космического холода? В лучшем случае такое же, как сейчас, отречение, только на планете?»

Зачем они это делают?!

Денни не знал, что предпринять. Пару раз хотел выйти на связь с «Иерусалимом», но в последний момент отказывался от этой мысли. Боялся показаться слабым. А еще больше боялся того, что окажется слабым и примет неправильное решение.

А какое правильное?

Денни не знал и явление Адила воспринял как спасение.

— Можно? — Механик осторожно заглянул в приоткрытую дверь каюты.

— Ты ведь все равно не уйдешь, — хмыкнул Дженкинс.

— Не уйду.

— Тогда нельзя.

— Спасибо. — Дауд вошел и уселся в кресло напротив. — Тяжело?

Они слишком давно знали друг друга, чтобы врать.

— Очень, — кивнул Денни.

— Только не думай, что мне решение далось легко, — угрюмо произнес Адиль. — Просто я... — Он покрутил головой. — Тысяча человек — да... Мы их убьем, получается... Но ты не представляешь, кэп, как я устал шататься по галактике. Устал жрать синтетику, спать в каюте, похожей на собачью конуру, и дрожать при мысли о старости в хосписе. Мы видели много спившихся парней, да, кэп?

— И переломанных, — угрюмо подтвердил Дженкинс. — Без рук и ног.

— И таких.

— И сторчавшихся.

— Верно.

— Почему ты думаешь, что не сторчишься, став триллионером? — неожиданно спросил Денни. — Мне кажется, что, если у тебя будут деньги, огромные деньги, ты так и закончишь.

— Зато я буду счастлив, кэп, — усмехнулся Адиль. — Это будет мой выбор. С деньгами передо мной откроется множество дорог, но если я решу

★ — сторчатся — я сторчусь. Не от горя и безысходности, а потому что захочу.

— Я тебя понимаю.

— Я знаю. — Дауд помолчал. — Мне жаль этих парней с «Иерусалима», но я переступлю через них и забуду. И тебе, кэп, советую поступить так же: переступить и забыть.

— Просто забыть?

— Иначе спятишь.

— Пожалуй... — Дженкинс помолчал, постукивая пальцами по столешнице, посмотрел на старого приятеля и понял, что тот пришел поговорить не только о монахах. — Что ты еще припас, Адиль?

В ответ механик хитро улыбнулся:

— Смеяться будешь?

— Когда я над тобой смеялся?

— Довольно часто.

И в этом была правда.

— Нет, не буду, — улыбнулся Денни.

— Тогда слушай. — Дауд выдержал короткую паузу. — Я долго не мог понять, почему мне показалось знакомым название первой планеты, китайской Багары.

— Которую монахи отдали в триста шестнадцатом году?

— Да... — подтвердил Адиль и тут же уточнил: — Они не отдали. Они не отдают. Они сказали, что планета не вписывается в замысел Божий, и просто улетели. А такие же, как мы, охотники за удачей, примчались, оформили право первопроходца и продали ее китайскому правительству.

— Так почему название показалось тебе знакомым?

— Потому что в триста девяносто третьем году на Багаре разразилась жуткая пандемия воспаления Гувера, мы эту историю в школе проходили.

— Ого!

— Вымерло девяносто пять процентов населения. Все города были трупами высланы.

Долго, почти полминуты, Дженкинс молчал, продолжая постукивать пальцами по столешнице, а затем заметил:

— На всех планетах случаются эпидемии, чтоб им дюзы вывернуло.

— Но не от всех планет перед этим отказались монахи.

— Зачем ты это рассказал?

— Затем, что это обстоятельство ничего не меняет, — твердо произнес Дауд, чуть подавшись вперед. — Охотников много, и если от этой системы откажемся мы, ее возьмут другие. И они получают премию. Эта проклятая планета будет открыта так или иначе. Просто нам не повезло: мы оказались здесь вместе с монахами. И ты подхватил от них принципы.

— Говори о мертвых с уважением, — негромко попросил Денни.

— Ты решился? — поднял брови Адиль.

— Я не идиот отказываться от триллиона кредитов.

— Судя по всему, вернулся тот кэп, которого я знаю и люблю, — повеселел Дауд.

— Заткнись и позови Сола, — приказал Дженкинс. — Нужно как следует продумать переговоры с Компанией: я хочу выбить из них максимально возможную премию!

— Скажите, отец Георгий, вы верите в чудо? — спросил Павел, самый молодой послушник монастыря Святого Николая. — Верите?

— Без чуда наш мир не полон, — мягко ответил игумен. — Я это знаю.

Весь экипаж «Иерусалима» знал историю своего настоятеля, однако сейчас, именно сейчас, когда навалилось предчувствие чего-то страшного, нельзя было не спросить:

— Может, то было не чудо? — робко предположил послушник. — Ведь вы просто вышли в туалет...

— Я не выходил в туалет, Павел, — неожиданно произнес отец Георгий. — Когда раздался взрыв, я стоял около бара. Я курил и болтал с девчонкой из кордебалета. Я услышал взрыв, а потом все закричали, но очень быстро смолкли и полетели вверх. На небо. — Пауза. — А я стоял у стойки и смотрел. Смотрел, как улетают стаканы, бутылки, моя сигара, люди... — Игумен вновь помолчал. На этот раз — довольно долго. — Они улетали и перед смертью смотрели на меня. Они не понимали, почему я не с ними. А я стоял и смотрел. И не понимал их удивления. А потом очнулся в туалете.

— И придумали, что вышли перед самым взрывом?

— Нет, это придумал мой друг, — ответил отец Георгий. — Я поведал ему правду, ничего, кроме правды, он поверил, но сказал, что лучше соврать.

— Потому что больше вам никто не поверил бы?

— Да, — подтвердил игумен. — У меня был хороший друг. Настоящий. Он заботился обо мне.

— Именно так, — согласился послушник.

— Так что я не просто верю в чудеса, — закончил игумен. — Я знаю, что они наполняют наш мир.

— А вдруг на этот раз чудо... — голос предательски дрогнул, но Павел сумел закончить, — не случится?

— Значит, мы просто примем свою судьбу. Возможно, как испытание.

Они стояли на пустом мостике «Иерусалима» и не отрываясь, не поворачиваясь друг к другу во время реплик, смотрели на главный корабельный монитор. На изображение «Верной Минни». Смотрели, словно чего-то ожидая. Смотрели, уверенные, что что-то обязательно произойдет.

И «что-то» произошло.

Раскрылся «цветок подпространства» — радужный многолепестковый вихрь, — и из него выплыл черный корабль без опознавательных знаков и с отключенным передатчиком. Немой и смертоносный.

— А вот и палачи Компании, — сказал отец Георгий и грустно улыбнулся: — Жаль, но порок одержал очередную победу.

— Мне страшно, — тихо произнес Павел.

— Это всего лишь убийцы, — ровным голосом ответил игумен. — Что они могут нам сделать?

А через секунду последовал залп.

Два! Два залпа!

И второй стал полной неожиданностью для экипажа «Верной Минни».

Сначала ударил черный киллер. Появился, сотворив «цветок» точно там, где указал Дженкинс, и сразу ударил.

— Каждый из нас только что стал богаче на полтора триллиона, — резюмировал Адиль, поднимая стакан с виски. — Поздравляю, друзья!

— Я знал, что нам повезет, — рассмеялся Кан, внимательно наблюдая за тем, как торпеда мчится к обреченному монастырю.

— Это всего лишь фанатики, — напомнил себе Дженкинс, поднося стакан ко рту.

И замер.

Потому что за секунду до того, как в «Иерусалим» вонзилась торпеда, киллер вдруг переломился. Примерно посередине. Будто невидимый ребенок взялся за нос и корму черного и шваркнул о колено.

— Как? — пролепетал изумленный Сол.

— Мама! — поддакнул Адиль, роняя стакан.

А Денни понял:

— Сигма-пушки! — И ткнул пальцем в местную луну, из-за которой величественно выплывал крейсер. — Это русские!

— Откуда они взялись?

— Уходим!

Денни, Адиль и Сол бросились по местам, в надежде спрятаться в подпространстве, прыгнуть, спастись, ускользнуть от страшного крейсера, но поздно. Слишком поздно. Ни один корабль не способен уйти в межзвездный переход за те секунды, которые понадобились русским артиллеристам, чтобы вычислить и захватить вторую цель.

И в тот самый миг, когда Дженкинс плюхнулся в капитанское кресло, взвыло предупреждение о боевом захвате, а на мониторе загорелся сигнал экстренного вызова.

— Отвечай, — обреченно вздохнул Адиль. — Мы не успеем.

— Знаю.

Денни, соорудив на лице непонимающее выражение, нажал на кнопку ответа и уставился на белокурого офицера в белоснежной форме с золотыми погонами. Офицер смотрел на разведчика очень жестко, как на врага, но представился по всем правилам:

— Капитан первого ранга Горчаков, командир легкого крейсера «Брусилов», Императорский Космический флот.

— Капитан Дженкинс, командир...

— Я знаю, кто вы, — поморщился русский. И перешел на короткие, отрывистые фразы, показывая тем самым, как неприятно ему общаться с разведчиком: — Вы на прицеле. Двигатели не включать. Включите — расстреляем. Абордажная команда в пути. Команда «Минни» переходит ко мне на борт и будет заключена под стражу...

— В чем нас обвиняют?

— Заговор с целью убийства двух и более человек. — У Горчакова заходили желваки, но он продолжил официальным тоном: — Мы перехватили ваши переговоры с Компанией, капитан Дженкинс, и записали их. Вам потребуется чертовски хороший адвокат. — Пауза. И после нее русский, не сдержавшись, взмахнул кулаком: — Проклятье! Я был уверен, что мы выйдем из подпространства раньше убийц!

Денни закусил губу. Сол громко всхлипнул. Адиль же молчал, оглушенный и растерянный. Им снова не повезло.

— И спасти вас может только чудо, — закончил Горчаков, бросив взгляд на погибающий «Иерусалим». — Только чудо...

С крейсера стартовали шаттлы — несмотря ни на что, капитан «Брусилова» распорядился провести спасательную операцию, но все знали, что надежды мало.

Надежды нет.

«Иерусалим» падал.

Горел и падал.

Катастрофа повредила часть посадочных двигателей, а оставшиеся не могли ничего изменить. Надрывались, но не могли.

«Иерусалим» падал.

Торпеда расколола монастырь на три части. «Тягач» завертелся, закувыркался, ушел прочь от планеты, словно намереваясь спрятаться за второй луной, но не добрался, разумеется — взорвались системники, превратив межзвездную машину в грудку космического мусора. А грузовой и пассажирский отсеки развалились еще при взрыве торпеды, образовав на орбите печальное облако обломков.

Но при этом до сих пор никто не погиб, поскольку весь экипаж «Иерусалима» собрался в самом защищенном отсеке корабля. В том, который не улетел и не развалился, а покружив немного, начал неуправляемый спуск к планете, постепенно набирая скорость и окутываясь пламенем — результатом жуткого трения при входе в атмосферу.

Разрушаясь и раскаляясь.

Кто-то плакал — да. И сейчас это не было стыдным.

Кто-то молился — да. И сейчас это было уместным.

Кто-то ушел в себя, кто-то смотрел на иконы, кто-то пытался говорить и даже кричать — от страха, а игумен Георгий зажег тоненькую свечу, улыбнулся и произнес мягким, прекрасно поставленным голосом:

— Чудо, братья! Чудо случится сегодня, нужно лишь верить. Мир примет Храм, поскольку есть в нем любовь и благодать. Полюбите этот мир, братья, потому что он — наш. Полюбите — и случится чудо! Полюбите!

Тоненькая свеча в его руке не дрожала.

Отец Георгий улыбался.

«Иерусалим» падал, неся новому миру свет своего огня...

ГРИГОРИЙ ЕЛИСЕЕВ

ИСКАТЕЛИ ЭДЕМА

той ночью я опять летал. Не в холодной бездне космоса, наполненного сиянием уже мертвых звезд. Нет, сегодня мне опять приснилась Земля. Такая же, какой я запомнил ее в *крайний* раз, шесть месяцев назад.

Полгода. Полгода рециркулированного воздуха и искусственной гравитации. Вполне достаточно, чтобы самого стойкого из нас начинала мучить ностальгия.

Я поднялся над облаками, пронзив собой мягкую, словно сахарная вата, пелену и затем рухнул вниз, устремившись к зеленому полотну, покрытому серыми пятнами городов. Подо мной помчались заросшие лесом горы, тонкие нитки автострад и петляющие ленты рек. Земля приближалась с каждой секундой, и вот я уже мог различить отдельные детали: идущие по рельсам поезда, стоящие на переездах машины, одинокие избышки в лесной глуши. Я летел над полями и рощами, куполами церквей и небольшими деревнями. Внизу мелькали мосты и проселочные дороги, а затем их сменили широкие автостреды, ведущие к мегаполису, раскинувшемуся у горизонта. Серые силуэты небоскребов растворялись на фоне

голубого неба. Но вместо того чтобы направиться туда, я сменил курс и полетел к бесконечной глади лазурного океана. Через несколько мгновений огромный город растаял в дымке, а я пересек побережье с его золотыми пляжами, нагретым на солнце асфальтом и белыми кубиками санаториев. Выставив руки перед собой, я словно спортсмен-ныряльщик по дуге вошел в теплую воду.

Неожиданно оказалось глубоко, но солнечные лучи пробивали толщу воды до самого дна. Внизу на бесконечной песчаной равнине росли целые леса из водорослей и поднимались живые разноцветные горы — коралловые рифы. Между ними сновали косяки рыб, парили полупрозрачные медузы, «летали» огромные скаты. Чуть дальше резвились стаи дельфинов, а позади них проплыли три больших темных силуэта — киты.

Уничтоженное в двадцатом — двадцать первом веках видовое разнообразие было восстановлено в начале века двадцать второго. Этому способствовали новейшие открытия в медицине и генной инженерии, позволившие воссоздать из мертвых и клонировать целые виды. Построенные на шельфах очистные сооружения и наноботы, пожирающие химикаты, вновь превратили токсичную свалку, которой стал океан, в цветущий, живой мир.

Я вынырнул и увидел вдалеке снежно-белые шпили плавучей исследовательской станции. Изда- лека они больше походили на громадные айсберги, сверкающие под лучами жаркого летнего солнца. Проект «Плав-Ф», разработки наших — имперских инженеров. Впрочем, в народе это техническое чудо называли просто «Китеж-град». Оно и правда напо-

минало целый город, способный по желанию уйти под воду и, закрепившись на морском дне, стать базой для флотилии научных судов.

С такого расстояния плавучий мегаполис казался всего лишь игрушечной моделью. Через секунду он и правда превратился в нее, уйдя на задний план и встав на полку, а я склонился над недоделанным остовом звездолета.

Я сидел в своей комнате в общежитии академии с пинцетом в руке. Остро пахло модельным клеем, а я глядел на инструкцию по сборке, прикидывая, как правильно подвесить макропушку сверхтяжелого крейсера «Бородино» на его левый борт. Отложив пинцет, я повернулся к окну. Стоял погожий летний день. Безоблачное, бесконечно высокое голубое небо — одна из тех многих вещей, которые ты никогда не увидишь в открытом космосе. От горизонта до горизонта раскинулась панорама Москвы. Золотые купола церквей и стеклянные шпили небоскребов сверкали на солнце. Парки и скверы утопали в зелени, по надудичным линиям метро с мягким гудением неслись монорельсовые поезда. Туда-сюда сновали разноцветные, похожие на стрекоз, гравилеты. В вышине висели платформы орбитальной защиты, едва различимые в дымке. Я распахнул окно и вдохнул жаркий летний воздух, наполненный запахом разогретой земли и городской пыли.

А затем грянул громовой удар. Я заозирался в поисках его источника, а мир перед моими глазами пошел трещинами. Звук повторился, на этот раз громче и отчетливее.

Бам!

Трещины стали крупнее, они расширялись, из них сочилась темнота. Небо над столицей почернело, надвигался ураган.

Бам!

Отдельные фрагменты мозаики выпали наружу, порезав мне лицо и руки острыми краями. По ту сторону не было ничего, кроме мрака.

БАМ!

Сон распался на множество отдельных частей, как если бы по стеклу ударили кулаком. Земные пейзажи, панорама Москвы и мои воспоминания исчезли в вихре сияющих осколков, а я наконец проснулся.

Бам-бам-бам.

Грохот кузнечных молотов, разбудивших меня, превратился в настойчивый стук в дверь каюты. Я моргнул, пытаясь прогнать остатки сна и понять, что происходит.

— Да, сейчас! — пробормотал я, отбросив в сторону одеяло.

Рука привычно стащила камуфлированные штаны со спинки стула. Лязгнула пряжка ремня с двуглавым орлом.

Застегивая пояс, я думал о причинах, которые могли заставить кого-то ломиться в мою дверь. Боевая тревога, нападение пиратов? Да ну, бред. Если бы нас атаковали, то по всему кораблю уже бы ревели сирены. Да и к тому же риск встретить пиратов здесь был минимален — космические разбойники обычно охотились у точек гиперперехода и волновых маяков. А сами пираты точно не стали бы стучаться.

— Кто? — крикнул я, прикидывая, что в комнате могло бы быть использовано как оружие.

— Дед Пехто! — раздался голос снаружи. — Открывай давай, лежебока чертов!

Я выдохнул, расслабившись. Напряжение ушло словно воздух из сдувшегося шарика. Я подошел к двери и нажал кнопку разблокировки. Панель отъехала в сторону.

— Ну чего ломишься? — вопросительно кивнул я, не будучи способным спросонья ни на что более вежливое.

Иван улыбнулся:

— И тебя с добрым утром. Собирайся и пошли, старик ждет всех на мостике. Дрон вернулся, так что он хочет, чтобы мы были готовы стартовать, как только док скажет, что все «ок».

Ванька ухмыльнулся еще шире, радуясь собственной рифме, а я моргнул, пытаюсь осознать смысл слов товарища. Затем быстро кивнул и брякнув: «Сейчас буду», закрыл дверь.

Поморщившись и потеряв лицо, я подхватил со спинки стула рубашку. Пальцы скользнули вниз, закрепляя магнитные пуговицы. Умыться и почистить зубы? Не, времени нет. Раз Иван сказал, что «старик ждет», значит Милорадович уже рвет и мечет. К внешнему виду он не придирается, а вот к пунктуальности вполне.

Уже на выходе мой взгляд скользнул по висящему на стене фото в рамке. Сорок два улыбающихся человека в парадной форме у входа в Императорскую Академию Космофлота. Молодые парни и девушки сидели и стояли возле памятника адмиралу Ушакову. Я знал, что на обратной стороне ровно столько же подписей под словами «Космопроходцы навсегда!». Был там и мой «автограф».

Я улыбнулся и покачал головой.

Космопроходцы. Первооткрыватели Новых Миров. «Искатели Эдема», как нас в шутку называли наши «старшие товарищи» из Императорского Космофлота. Они намекали на знаменитую речь адмирала Беринга, произнесенную им перед первым выпуском факультета космической разведки Академии. «Ну как? Все еще ищете для нас Эдем?» — было дежурным приветствием от флотских офицеров. При этом они обычно забывали, что без нашей скромной работы по поиску новых планет, пригодных для жизни, их гранд-крейсера и макрофрегаты и по сей день бы толкались в пределах Солнечной системы словно селедки в банке. Как говорил мой любимый учитель в Академии: «Флот может сколько угодно рассказывать, как благодаря им наши флаги реют на самых дальних рубежах, но ведь без нас эти самые флаги будет попросту некуда ставить!»

Когда я вновь открыл дверь, Иван все еще стоял там, прислонившись спиной к стене и сложив руки на груди.

Огромный, словно медведь, он был третьим ребенком в семье. Его отец и братья всю жизнь трудились в сельскохозяйственной артели-фабрикации, твердо стоя обеими ногами на «Матушке-Земле». А вот Ваньку вместо этого всегда тянуло к звездам. Потому, достигнув совершеннолетия, он, недолго думая, вступил в Армию. Отслужив четыре года в Космофлоте, он даже успел повоевать с пиратами в окраинных системах, а затем при распределении предпочел перековать мечи на орала и перевелся в корпус космопроходцев.

— Ты чего такой злой-то? Не выспался? — все так же весело улыбаясь, спросил он.

Я зевнул и поспешил прикрыть рот ладонью. Иван понимающе кивнул. В какой-то момент бессонница приходила ко всем на флоте, заставляя часами лежать в затемненной после отбоя каюте и смотреть в потолок. В такие моменты чувство одиночества и тоски по дому ощущалось особенно остро.

— Сон был хороший, — буркнул я.

— Да? А чего снилось-то хоть? Признавайся! Девчонки, да? — Иван засмеялся и пихнул меня локтем в бок.

— Я опять летал, — честно сказал я.

Друг прыснул.

— Такой большой, а все растешь. Куда тебе дальше-то, дылда?!

Я не ответил, пропустив подтрунивание мимо ушей. Вдвоем мы вошли в лифт, и двери с шипением закрылись.

Гордо именовавшаяся «мостиком» кабина корабля начиналась с четырех широких ступеней, выводивших на командирское возвышение. По бокам виднелись темные ниши, в которых стояли выключенные охранные роботы — человекоподобные железные машины с камерами вместо голов. Справа и слева от них вниз спускались короткие металлические лесенки, упирающиеся в кресла штурмана и офицера связи. Чуть поодаль от них, у самого носа, там, где обзорные окна смыкались друг с другом в некое подобие клюва, находилось утопленное в пол место пилота. Тип «Беринг» — дешевые в производстве, легкие в эксплуатации, долговечные рабочие лошадки

корпуса космопроходцев Российской империи. Если мне не изменяла память, то сейчас бездны космоса бороздили еще порядка трех сотен таких же, как наш, звездолетов.

Перед командирским возвышением парила широкая голографическая сфера. Сотканная из лучей голубого света карта системы медленно вращалась вокруг своей оси, отмечая нашу текущую позицию зеленым треугольником. Шар, на орбите которого мы висели, был подписан скупой кодировкой Z-0-D-S-15. Несмотря на все перипетии XXI века, английский так и остался языком международного общения. Скорее по привычке, нежели из-за какой-то реальной необходимости в мире автоматических переводчиков.

Заложив руки за спину, перед голограммой стоял мужчина в офицерском мундире и фуражке. На поясе висели ножны с мономолекулярной саблей и лазерным пистолетом. Седая борода была аккуратно подстрижена, придавая ему сходство с арктическими капитанами из докосмической эры Старой Земли.

— Опаздываете, молодые люди, — ворчливым тоном произнес он.

Затем раздался благодушный смешок, и человек обернулся, одарив нас теплой отеческой улыбкой.

Говорят, что чем сильнее уважаешь кого-то, тем выше он тебе кажется. Не знаю так ли это, но, на мой взгляд, капитан Василий Милорадович был ростом с мифического атланта. Его глаза горели все тем же неугасимым огнем, с каким он, наверное, когда-то — целую жизнь назад — ступил на поверхность первого открытого им мира. А мягкие черты

лица совсем не вязались с историями об отчаянном сорвиголове — сержанте абордажников по кличке Мило, — от рейдов которого в Первую Космическую буквально были британские офицеры.

— Доброе утро, Василий Сергеевич, — не по уставу, а уже по привычке, выработанной годами совместной работы, отчеканили мы с Иваном.

— Доброе, доброе, — капитан задумчиво кивнул и, вернувшись к карте, взмахом руки открыл дополнительный голографический экран. — Дрон уже подняли, Алексей прямо сейчас проводит дезинфекцию и готовится забирать образцы. Как только он даст команду, мы стартуем.

Милорадович помедлил, затем улыбнулся еще шире.

— Ну что, ребята? У вашей команды ведь сегодня юбилей, а? Двадцатый мир. Такое бывает раз в жизни!

Мы переглянулись.

— Черт! А ведь он прав! — выдохнул Ванька. — Получается, в честь «Антигоны» называем?

— Ну, во-первых, не выражайся, а во-вторых, да! В честь нее, родимой, — я кивнул.

У космопроходцев существовало негласное правило: десятый открытый мир называли именем корабля, на котором они путешествуют, а двадцатый, соответственно, челнока наземной группы. И если для Милорадовича, открывшего больше полутора сотен планет, это уже было рутиной, то для нас — настоящим событием.

— Ты погоди еще! Вот тридцатый откроем и придется называть в честь тебя, дылда! — Ванька радостно хлопнул меня по спине.

Удар его лапищи был такой силы, что я тихонько взвыл. Но и здесь он был прав — тридцатая планета в послужном списке должна быть названа по фамилии командира наземной группы. То есть по моей. Я почувствовал волнение от подобной перспективы.

— Ладно, молодые люди. Посмеялись и хватит, — Милорадович нахмурился. — Пора работать.

Капитан нажал сенсорную клавишу и на голографическом экране вспыхнуло изображение с камеры на посадочной палубе. Посреди ангара на распорках стоял угловатый серый предмет. На его скошенном носу виднелся трафаретный двуглавый орел и цифровая Олегировка. Разведывательный дрон был выключен, боковая панель, прикрывающая контрольный блок, снята. Двое техников в синих комбинезонах подсоединяли кабели и пучки проводов к разъемам на корпусе. Еще один, вооруженный планшетом, руководил диагностикой. Рядом с ними, сложив руки на груди, стоял человек лет пятидесяти в белом халате и широких очках. Несмотря на развитие медицины и возможность поставить себе имплантат под хрусталик, чтобы навсегда избавиться от проблем со зрением, доктор Вавилов предпочитал носить этот пережиток старины. Как любил говорить ученый: «Ни одна машина не сможет заменить настоящий человеческий глаз. Особенно глаз исследователя».

— Алексей Викторович? — Милорадович окликнул Вавилова, и глава лаборатории, обернувшись, с улыбкой направился к интеркому.

Его помощник, одетый в костюм бактериологической защиты, тем временем извлек наружу из дрона

★ — стальной контейнер с двумя рукоятками для переноски. Внутри в специальных отделениях стояли пробирки со взятыми на поверхности образцами. Иней покрывал нанесенные на крышку предупреждающие Олегировки. Датчики на корпусе сверкали зеленым, рапортуя о герметичности.

— Слышу вас, капитан! — откликнулся ученый и поправил очки. — Мы только что извлекли контейнер с материалами из дрона. Будем приступать к изучению с минуты на минуту!

— Да, я видел, — кивнул Милорадович. — Как наши дела в целом, Алексей?

— В целом прогноз оптимистичный, — сообщил Вавилов, глядя на соседний монитор, куда выводились результаты сканирования. — Я бы даже сказал, очень оптимистичный. Дрон провел полный анализ воздуха, пока приближался к поверхности. Атмосфера пригодна для дыхания без скафандра.

На лице Милорадовича появилась скупая улыбка. Я переглянулся с Иваном, который торжествующе ударил кулаком по ладони. Что сказать? Мы все ненавидели душные жаркие гермошлемы комплексной защиты, и каждая миссия, на которую можно было отправиться в облегченной версии, становилась настоящим праздником.

— Радиационное, тепловое, инфразвуковое излучения в пределах допустимой нормы, — продолжал тем временем Вавилов, загибая пальцы. — Так что нам осталось лишь проверить доставленные дроном образцы воды и почвы на предмет опасных патогенов в лаборатории, и если все будет «ок», то я буду давать визу на высадку. Я думаю, это займет где-то...

Резкий вой сирены заглушил слова профессора. На мостике замигали тревожные огни, красный свет затопил экраны мониторов.

— Контакт! — донесся до меня крик штурмана.

— Статус! — скомандовал Милорадович, хватаясь за поручень и наклоняясь вперед, глядя на голубой шар трехмерной карты системы.

— Крупный объект вышел из-за пятой планеты! Похоже, до этого они скрывались, пряча сигнатуру реактора за ее электромагнитным излучением! Включают субсветовые двигатели, направляются по вектору сближения.

— Пираты? Здесь? — В голосе командира оружейного расчета сквозила неуверенность, но его пальцы привычно порхали над сенсорными клавишами, поднимая щиты и выдвигая орудийные системы из корпуса нашего судна.

Я вынужден был согласиться с ним. Шансы стать жертвой пиратов вдали от точки гиперперехода всегда стремились к нулю. Во многом потому, что пиратствовать в открытом космосе это все равно что побираться на кладбище: состаришься быстрее, чем встретишь хоть один корабль. Да и к тому же космические разбойники практически никогда не нападали на корабли космопроходцев — это было попросту невыгодно. Во-первых, в отличие от торговцев и транспортов, нас защищали особые международные законы, и за наше убийство преследовали от края до края галактики в любом цивилизованном поселении. А во-вторых, вся дорогостоящая техника на разведкораблях была Олегирована, и потому покупать ее не решались даже самые отчаянные скупщики краденого. В итоге пиратам оказывалось проще

ждать нагруженные добром суда, идущие из внешних систем, чем тратить время на возню с маневренными и быстрыми разведчиками, которые еще могли и плюнуть торпедой в ответ.

— Нет, это ребята другого сорта, — мрачно произнес Милорадович, глядя на приближающийся неизвестный корабль.

До момента сигнатурного опознания или визуального контакта бортовые системы изображали его в виде красного ромба медленно, но верно ползущего в нашу сторону.

— Стервятники слетелись на все готовое, — объяснил капитан, выпрямляя спину и широко расставляя ноги.

Поправив фуражку, Милорадович кивнул связисту.

— Коля, пошли им стандартное приветствие, пусть знают, что мы их видим.

Молодой парень в наушниках кивнул и быстро набил текстовое сообщение международного образца, содержащее кодировку и формальный запрос на идентификацию. Если нам не ответят в течение пяти минут, мы будем иметь право открыть огонь.

— И... Ушло! — сообщил связист.

Милорадович кивнул. На мостике повисло напряженное молчание. Только негромко тикали старинные механические часы, висевшие над дверями — дань традиции и безобидная причуда нашего старика. Я перевел взгляд на цифровой хронограф, расположенный под картой. Нет, оказывается, время не превратилось в патоку. Капитан, слегка прищурившись, вглядывался в черноту космоса, словно мог отсюда рассмотреть приближающийся корабль.

То же самое делал и глава оружейного расчета. Его палец подрагивал над кнопкой стрельбы, прозрачный защитный колпак уже был снят.

— Наведение завершено, — рапортовал он, скосив глаза на «выскочившую» на мониторе надпись. — Заряд главного орудия 97 %.

Милорадович вновь кивнул, постукивая пальцами по ограждению. Старик ждал. Давал еще несколько драгоценных мгновений, за которые наши незваные гости могли бы успеть отправить ответное сообщение, прежде чем заряд раскаленной плазмы превратит их в облако почерневших обломков.

— Есть запрос видеосвязи! — Голос связиста разнесся над мостиком, словно гром колокола.

— Открыть канал! — скомандовал Милорадович.

Я медленно выдохнул и разжал кулаки. Ногти оставили следы на коже ладоней. Пираты не звонят. Наемники из частных военных компаний тоже.

Над терминалами, сместив в сторону карту системы, вспыхнул голографический экран. На нем горел зеленый значок в виде тарелки ретранслятора и надпись «Связь установлена». Мгновение спустя их сменило изображение человека. На незнакомце был темно-синий мундир с позолоченными пуговицами. На правой стороне груди висело несколько наград. Я узнал «Холодный кинжал» и «Морехода бездны» — обе небоевые, за службу в глубоком космосе. Британец. Вторые после нас в деле космопроходчества. Постоянно дышащие нам в спину и подгоняемые наступающими им на пятки американцами, японцами и китайцами.

Мужчина слегка поклонился, соблюдая правила новобританского этикета, и одарил нас той мерзкой

улыбкой, которая словно говорит: «Я лучше вас во всем, плебеи».

— Добрый день, джентльмены, — начал он.

Звук слегка запаздывал, и беззвучно открытый рот делал англичанина похожим на рыбу, выброшенную на берег.

— Меня зовут Бенджамин Честертон. Я капитан Военно-Космического Флота Его Величества Короля Эдуарда Девятого.

Левый глаз британского офицера заменял выдающийся вперед цилиндрический визор, постоянно менявший фокусировку. Расходившиеся от него электроды образовывали цепь тонких золотых полос, вьющуюся по всему лицу Честертонна. Еще несколько разъемов выступало из-под напудренного парика. Я знал, что он нужен, для того чтобы скрывать металлические детали, выступающие из черепа. Британия и Америка допускали аугментацию головного мозга, и это иногда приводило к весьма пугающим результатам.

— Капитан Василий Милорадович, — сварливым тоном произнес наш старик, держа спину прямо. — Императорский Космофлот. Что вам угодно, молодой человек?

Я усмехнулся. Британский офицер годился мне в отцы, но с высоты прожитых лет наш командир мог позволить себе позлить незваного гостя подобным обращением. Негодование англичанина было очевидным, но он лишь кашлянул и продолжил:

— Я рад поприветствовать моих дорогих коллег, космопроходцев из славной Российской...

— Что вам угодно, господин Честертон? — повторил Милорадович, прерывая увещевания британ-

ца. — Вы претендуете на планету? Если да, то приступим к процедуре, если же нет, то, при всем моем уважении, мы можем поболтать в другой раз. *Ястребы* и *граконы* уже, без сомнения, спешат сюда, и я не собираюсь отдавать им этот мир.

Я кивнул. Американские и китайские первооткрыватели. Всегда рядом словно тени. Готовы в последний момент выскочить из гиперра и украсть приз прямо у вас из-под носа. «Ничего личного, *гайз*! Просто бизнес!»

Англичанин вздрогнул, затем презрительно вздернул нос.

— Совершенно верно, капитан Мило-э-Радович. У нас у обоих нет времени на праздные разговоры. Да, мы претендуем на эту планету. Этот мир должен принадлежать Британской Короне, и я уполномочен закрепить английское владычество над этой территорией. Поэтому я покорнейше прошу вас отступить сейчас же и не мешать мне.

Долгую секунду Милорадович смотрел прямо в глаза британцу, видимо ожидая, что он шутит. Затем капитан усмехнулся и покачал головой.

— Знаете, сэээээр, — с заметной издевкой в голосе протянул Василий. — Это все было бы, конечно, чудесно и, скорее всего, сработало бы. Если бы не одно «но». Я вынужден обратиться к своду законов космической экспансии, а конкретно к самому первому правилу.

На лице британца не дрогнул ни один мускул, но я видел по глазам, какую ненависть в этот момент он испытал. Я почувствовал, что, как и наш капитан, ухмыляюсь.

★ Первое правило... Не совсем точное название. На самом деле мы называли его «Золотым правилом первооткрывателя миров», а наши зарубежные коллеги, в подражание Азимову, «Тремя Законами космической экспансии». Они были введены в конце ХХI века как раз таки для решения подобных ситуаций. Тогда просто наконец стало очевидно, что решение споров о принадлежности новооткрытой планеты силой оружия лишь превращает подходящие для колонизации миры в куски голого камня. Потому человечество и разработало свод законов, сводившийся к старому, доброму принципу: «Кто первый встал, того и тапки».

Я вновь усмехнулся, припомнив точное определение из учебника: «Экспансия ведется исключительно мирными методами, на соревновательной основе, с равными правами для всех участников и возможностями, основанными на их техническом уровне». Весь трюк заключался именно в последней строчке — космическая гонка возглавлялась самыми технологически развитыми державами, а остальные были вынуждены плестись в хвосте и лишь собирать объедки со стола. К счастью, научный прогресс в Российской империи позволял нам тягаться с нашими заокеанскими конкурентами.

На практике же это было реализовано следующим образом: специальные корабли-разведчики вроде нашего разлетались по галактике, а массивные автоматизированные звездолеты-хранилища ждали своего часа в родной системе вместе с будущими колонистами в анабиозе. Когда разведчики находили пригодную планету, они посылали сигнал, и транспорты прыгали следом за ними. «Золотое правило»

сводилось к правилу первой находки — кто первым послал сигнал, того и мир. А вот если планету одновременно облюбовали два разведкорабля разных стран, то начиналось соревнование. Сначала с высокой орбиты проводилось полное сканирование, а дроны собирали образцы почвы, воды и воздуха. Кто успевал первым, тот и «бронировал» мир. Именно этим принципом и воспользовался сейчас Милорадович.

Очень медленно британец кивнул.

— Хорошо, — тихо процедил он. — Вышлите мне, пожалуйста, ваши результаты сканирования для сверки времени.

— С превеликим удовольствием, — сообщил Василий, давая команду связисту.

Лицо британца озарил призрачный свет работающих голографических мониторов. Нахмурившись, Честертон придирчиво изучал наши результаты сканирования, вероятно выискивая малейшие способы объявить их несостоятельными и указать, что его, хоть и проведены с опозданием, более точны. Однако через пару мгновений он притворно вздохнул и развел руками.

— Это просто превосходная работа, капитан Милорадович! Вы можете гордиться вашим научным отделом. Я отзываю все свои требования и признаю, что полностью был не прав! Приношу свои глубочайшие извинения за возникшее недоразумение! Удачи вашей наземной команде! Вне всякого сомнения, этот мир навсегда останется в их памяти, как невероятно важное событие!

Почему-то от расшаркиваний британца у меня пошел мороз по коже.

— Подождите... А как же ваши результаты? — Казалось, Василий был в не меньшем замешательстве. — Вы даже не прислали нам ваш отчет для сравнения времени!

— Всего самого наилучшего, джентльмены! — с широкой улыбкой поклонился Честертон и растворился за надписью «Связь прервана».

Экран погас, и карта системы, вернувшись на место, вновь озарила мостик ярко-голубым светом.

Где-то полминуты Милорадович молча смотрел на красный ромб, превратившийся в голограмму английского разведчика. Наш незванный гость чинно уходил к точке гиперперехода, не сворачивая и не сбавляя скорости. Василий тяжело вздохнул. Затем обернулся на меня с Иваном. Взгляд капитана был мрачным, густые брови нахмурены. На лице командира застыла тревога. Когда он наконец открыл рот, я вздрогнул от звука его голоса:

— Андрей, Ваня. Пулей в ангар, пусть Олег немедленно готовит челнок к высадке. Я хочу, чтобы мы управились здесь как можно скорее. Желательно до того, как этот расфуфыренный бриташка выкинет какой-нибудь номер.

Капитан Честертон двигался по коридору. На его лице застыло выражение холодного раздражения, превратившее бледную кожу в подобие посмертной маски. Тело британского офицера неосознанно наклонялось то вправо, то влево, компенсируя легкую качку при движении. Она была вызвана тем, что нижнюю половину Честертона заменяло нечто, похожее на механического паука. Эта аугметическая машина при каждом шаге перебирала конечностями, иног-

да упираясь ими в стены или даже потолок. Острые концы стальных лап цокали по полу, отбивая пугающий ритм и заставляя членов экипажа заранее убираться с дороги и замирать в боковых проходах, отдавая честь.

Честертон не обращал на них ни малейшего внимания. Все его мысли были поглощены идущей у него в голове борьбой. Борьбой между холодным прагматичным расчетом машинной логики и яростным негодованием, исходившим от остатков его человеческой личности — агрессивной натуры, все еще грезившей сагами о подвигах и свершениях Первой Космической.

— Первое правило экспансии... — злобно прошипел он. — Да кому вообще это нужно?!

Кибернетическая часть мозга тут же услужливо выдала из архива два десятка статей о том, как во времена до создания корпуса космопроходцев спорные планеты часто попросту превращались в обугленные куски камня.

— Да знаю я! — раздраженно выдохнул Честертон, «смахнув» движением глаза зависшие перед мысленным взглядом проекции.

Он втянул через стиснутые зубы воздух и затем выпустил его, позволяя раздражению уйти вместе с ним.

— Ладно! — кивнул самому себе британец. — Нечего мечтать о том, «а что, если бы». Прошлого не изменить, а значит, пора сосредоточиться на настоящем. И подумать о наших текущих проблемах.

Мужчина пригнулся, входя в разъехавшиеся перед ним двери рубки.

— Господин Смит, шифрованный канал связи, пожалуйста, — скомандовал он с порога обернувшегося оператору терминала.

— Есть, сэр! — откликнулся связист и, поправив наушники, склонился над клавиатурой.

Его пальцы, раскрывшись, выпустили несколько десятков тонких игл с мягкими концами наподобие стилусов, и те запорхали над сенсорными клавишами.

По монитору побежали строчки данных, затем вместо них вспыхнуло изображение в виде прикрытого щитом спутника связи. Честертон приосанился и придал лицу строгое выражение. Он с самого начала должен дать понять этим космическим отбросам, кто тут главный.

Картинка пропала, на мониторе задрожали помехи, а затем на экране возник неопрятного вида мужчина в боевом скафандре. Человек стоял без шлема, на его лице отчетливо проступала татуировка разинутой клыкастой пасти, а в металлические разъемы, располагавшиеся дугой от виска к затылку, были воткнуты провода, уходящие под горжет доспеха. Изоляция на части из них давно порвалась, и, вместо новой, их попросту перемотали в несколько слоев изолентой.

— А, капитан Честертон! — торжествующе кивнул мужчина. — По всей видимости, наши услуги все-таки понадобились?

Определить бывшую принадлежность выдавшего виды скафандра говорившего не представлялось возможным. Все старые нашивки были отпороты, а эмблемы и знаки различия стерты с брони лазером. Вместо них на нагрудной пластине скалился грубо намалеванный череп с костями.

Честертон вздохнул. Находиться в подобном обществе было для него омерзительно, даже если общение происходило за многие тысячи километров через шифрованный канал связи. Но чего не сделаешь ради Короны.

— К сожалению, это так, капитан Бунвел... Русские опередили нас в окончании сканирования планеты и теперь имеют право беспрепятственно высаживать наземную группу.

Пират громко рассмеялся, звук больше походил на карканье вороны.

— А я знал, что так и будет. Вы, *файвоклокеры*, слишком полагаетесь на железки, воткнутые в тело и слишком мало цените таланты простых «смертных» людей... Поэтому всегда и проигрываете. Ладно. Что конкретно от нас нужно?

Честертон поморщился, борясь с желанием оборвать связь. Если бы он мог, он бы прямо сейчас вогнал бы свою офицерскую саблю по рукоять в грудь наглеца и показал бы, кто тут всегда проигрывает. Вместо этого он пропустил язвительный комментарий мимо ушей и продолжил:

— Я хочу, чтобы вы уничтожили разведкорабль русских, висящий на высокой орбите. Сотрите их в порошок. Без лишнего шума и не давая им ни единого шанса послать сигнал бедствия. После этого перебейте выживших на челноках и спасательных капсулах, если таковые будут, и улетайте из системы.

— А как же наземная команда? — поинтересовался Бунвел.

Его лицо не выражало особого энтузиазма от перспективы просто расстрелять безоружный корабль и уйти безо всякой добычи.

Честертон ухмыльнулся:

— А вот эти вопросы уже не должны вас волновать, мистер Бунвел. У меня и у самого есть пара козырей в рукаве, так что наземная команда вряд ли выберется с поверхности планеты живой. А после этого прибуду я. «Ах какое горе, русские коллеги пали жертвой жестоких космических пиратов! Нет, к сожалению, мои системы не нашли выживших... Но планету я, разумеется, начал исследовать только после провала спасательной операции, да».

Ухмылка на лице Честертона превратилась в хищный оскал, от которого даже закаленному в боях Бунвелу стало не по себе. Командир пиратов уже начинал жалеть, что откликнулся на предложение этого чертова британца. Пытаясь справиться с нарастающим напряжением, Бунвел хмыкнул и пожал плечами с как можно более безразличным видом:

— Ваше право. Тогда давайте сразу все порешим об оплате...

— Двести тысяч каждому члену вашей команды и каперский патент от Британской Короны, — продолжая ухмыляться, перебил его Честертон. — Идет?

Бунвел кашлянул, старательно изображая безразличие, но британский офицер понял по глазам, что пират уже заглотил наживку.

— Маловато за столь грязную работенку, — протянул он, потирая щетину на подбородке. — Четыреста тысяч минимум. Если русские успеют послать сигнал бедствия с сигнатурами наших кораблей, то нас будут разыскивать по всей обитаемой галактике от Старой Земли до Внешних Звезд. А поймав, повесят на антенной мачте, где мы будем медленно жа-

риться в солнечной радиации, пока в кислородных баллонах не кончится воздух. Не уверен, что столь паршивая перспектива соразмерна с предлагаемым вознаграждением. Не находите, а?

Честертон выпрямился и сложил руки на груди, разочарованно поджав губы.

— Капитан Бунвел. Если вы трусили, то так прямо и скажите, и тогда мы закончим здесь и сейчас. Вы останетесь на своем уютном корыте в полной безопасности от жестокости космических законов о пиратстве, а я отправлюсь искать другую кандидатуру. Мне почему-то кажется, что шанс заполучить британский каперский патент за столь незначительную услугу, как подрыв одного корабля, заинтересует очень многих. Ну так что? Я обрываю связь?

Бунвел насупился, и на мгновение Честертон решил, что перегнул палку.

— Ладно, к черту все! — наконец махнул рукой капитан пиратов. — Три сотни каждому, и мы в деле! Сотни тысяч, естественно.

Честертон ухмыльнулся, его аугментический глаз с жужжанием сменил фокусировку. Прицельные матрицы спали с корабля пиратов, ракетные установки задвинулись обратно в корпус британского разведчика.

— Вот это совсем другой разговор, — удовлетворенно сообщил английский офицер.

— Не, а здорово наш старик уел британского щеголя с первым правилом, а? — Иван возбужденно ткнул меня в плечо. — Только этот гад рот открыл, как наш ему навтыкал в ответ по самое не могу!

Я рассеянно кивнул, погруженный в собственные мысли. Громадный лифт, подрагивая, полз вниз на ангарную палубу. Итак, первый раунд за нами, но теперь все зависело от наземной команды. То есть от нас с Ванькой.

Это и был второй этап условного соревнования за право обладания миром. На него отводилось всего шесть часов, и сводился он к следующему: «забронировавший» планету корабль должен высадить команду на поверхность и установить маяк на самой высокой точке планеты. Если это условие успешно выполнено, то мир ваш. При этом на покорение вершины всегда давалось только шесть часов. И не важно, какой высоты гора. Считалось, что если ваши технологии недостаточно развиты, чтобы вы могли уложиться в срок, поднимаясь на гору размером с три Эвереста, то и не надо мельтешить под ногами у более серьезных игроков. Сжульничать тоже не получалось: просто сбросивших капсулу с маячком на вершину быстро выводили на чистую воду соперники, пристально наблюдающие через спутники и дроны за тем, как ваша команда карабкается наверх, и искренне желающие вам переломать себе руки-ноги. Ну а если ваши разведчики не укладывались в срок, то вы теряли право пытаться «застолбить» мир и должны были отступить. Теперь попытка переходила к вашим конкурентам, стоящим в очереди по времени окончания их сканирований планеты.

Лифт вздрогнул, остановившись, и его двери с шипением разъехались в стороны. Мы вышли наружу, оказавшись под гулкими сводами ангарной палубы. Дрон уже убрали, откатив его в стационар-

ный бокс в дальнем углу. Вместо него на стартовой позиции стояла «Антигона». Стандартный транспортный челнок типа «космос-поверхность», переоборудованный под научные нужды. Внутри он был напичкан оборудованием, но снаружи так и оставался громоздкой коробкой со скошенным носом и четырьмя двигателями по бортам. Отдаленно «Антигона» чем-то напоминала древний VTOL V-22 начала XXI века.

Люк был распахнут настежь, рядом стоял ящик с инструментами. Когда наши шаги застучали по металлическому полу, из-под днища челнока на поддоне с колесиками выкатился человек в промасленном комбинезоне.

— Что вы топаете, как стадо слонов? — осведомился Олег, вставая и обтирая руки ветошью. — А если бы я спал?

Ванька улыбнулся, а я обменялся с пилотом рукопожатием.

— Старик приказал стартовать сейчас, — вместо приветствия объявил я. — У нас на хвосте висит один очень надоедливый британский сэр, которому не терпится прибрать эту планету к его аугментированным клешням.

Олег хмыкнул, покачав головой.

— Значит хорошо, что я закончил диагностику пять минут назад, — сообщил он, бросая тряпку к инструментам. — Заходите, рассаживайтесь. Я сейчас переоденусь и приду.

Он указал большим пальцем себе за спину на зев открытого бортового люка. Кивнув, мы с Иваном поднялись по трапу и, пройдя в кабину, опустились в широкие противоперегрузочные кресла.

— Как наша ласточка? — крикнул я, застегивая ремень безопасности и чувствуя, что сиденье твердо облегает мое тело, подстраиваясь под его форму.

— Нормально! — откликнулся Олег из дальнего конца десантного отсека.

Пилот достал из шкафчика скафандр.

— Движок наглотался пепла на Полисаре, так что пришлось полностью менять фильтры, — продолжил он, застегивая молнию и несколько раз взмахивая руками, проверяя, чтобы ткань подкладки не сковывала движений. — Задний маневровый все еще кашляет и барахлит, поэтому никакого парения и зависания в этот раз. Иначе грохнемся как пить дать.

Олег прошел мимо нас с Иваном и сел в кресло пилота. Щелкнул какими-то переключателями, запуская двигатели. Мелкая дрожь пробежала по челноку, когда реактор ожил. Взмахом руки я открыл трехмерную проекцию карты планеты. Зеленый шар закружился между нами, отбрасывая на лица моих друзей мертвенный свет.

— Значит, так. В этот раз нам повезло, гор на планете немного и все они мелкие. Самая высокая точка — вот этот вулкан, — я подсветил коническое возвышение на северном континенте красным. — У него пологие склоны, так что подъем займет не больше часа прогулочным шагом...

— Вулкан спящий? — перебил меня Ванька с тревогой в голосе. — Не хотелось бы вляпаться, как тогда на Умбре.

— Действующий, — вздохнув, ответил я, поймав взгляд друга, быстро добавил: — Планета сейсмически спокойна, таких сюрпризов, как на Умбре, у нас не будет!

— Очень на это надеюсь, шеф, — покачал головой Иван, откидываясь назад в кресле. — Очень надеюсь.

— Я тоже, — пробормотал я, глядя на голограмму перед собой.

Чертова Умбра. Именно так, наверное, и выглядит Ад. Черные скалы, вздымающиеся на десятки километров ввысь, реки лавы и огненные штормы. Когда началось извержение, мы были в нескольких метрах от челнока, но Ванька упал в разверзшуюся трещину с магмой. Буквально на две секунды: страховочный трос выдержал, и мы с Олегом моментально вытащили его. И все равно по возвращении нам пришлось клонировать в медотсеке новую кожу Ивану на руку — нестерпимый жар от поднимавшегося пара прожег скафандр насквозь.

Голос Олега вырвал меня из неприятных воспоминаний:

— То есть все как обычно? Прилетим, влезем на гору, пошлем сигнал *морозильникам* и обратно домой к ужину, да?

Пилот потянул штурвал, и челнок оторвался от пола на пламенных струях, вырвавшихся из сопел. Я кивнул, противоперегрузочные ремни впились в грудь.

Да, действительно все как обычно. Космопроходчество в итоге тоже стало *работой*. Сложной, ответственной, но все же именно отлаженной работой. Из него исчез тот отчаянный, иногда безумный романтизм первых лет, когда мечтавшие о славе вчерашние кадеты, взяв с собой только сигнальный маяк, отправлялись к звездам у края галактики в поисках лучшего дома для человечества. Никто из них так

и не вернулся, но это лишь подливало масла в огонь легенд о прекрасных неразведанных мирах, столь чудесных, что искатели предпочли остаться там навсегда. Мои менее оптимистичные коллеги называли в качестве причин невозвращения различные страшные способы умереть в открытом космосе. От таких тривиальных, как механические поломки кораблей, падения в гравитационные колодцы или солнечная радиация, до фантастических вроде перемещения во времени, контакта с инопланетными патогенами или же вовсе захвата и порабощения жестокими пришельцами. Обычно в кают-компании такие саги подвергались смеху, за которым каждый скрывал собственные истории о загадочных огнях, мерцающих у границ систем, или странных сигналах, наполняющих эфир, когда ты один дежуришь на мостике. Были они и у меня.

Я закрыл глаза, стараясь не думать о плохом перед предстоящей посадкой, чтобы не накаркать. Бокковые двигатели «Антигоны» сменили положение, и челнок выскользнул из ангара в открытый космос.

— Входим в плотные слои атмосферы! Сейчас немного потрясет! — крикнул Олег и, потянув штурвал на себя, задрал нос корабля.

Я кивнул и откинулся на спинку кресла, сжав подлокотники.

Челнок плашмя «падал» вниз, позволяя языкам пламени лизать экранированное днище. В отличие от десантных шаттлов армии, для которых приоритетом была скорость разворачивания, исследовательские суда вроде нашего не умели «нырять» в атмосферу под углом девяносто градусов. Вместо этого мы

относительно медленно планировали, словно космические корабли из конца далекого XX века, когда человечество лишь начало делать первые робкие шаги из своей колыбели. Вызвано это было тем, что находящееся на борту научное оборудование оказывалось заметно более хрупким, чем закованные в силовую броню и пристегнутые к противоперегрузочным каркасам солдаты.

— Еще пятнадцать секунд! — сообщил Олег, пытаясь перекрыть голосом рев двигателя и дребезжание фюзеляжа.

— Как там защита? Держится? — осведомился я, в который раз молясь, чтобы наша посуда не развалилась в воздухе.

Пилот фыркнул:

— Андрюха, за кого ты меня принимаешь?! Ну конечно держится! Я лично каждый сантиметр перед вылетом проверил! Что я тебе, самоубийца какой-нибудь?

Я хотел было что-то ответить, но в этот момент болтанка прекратилась, и мы вывалились из слоя густых облаков.

Олег, подняв руку, щелкнул переключателем над головой. Рев двигателя сменил тональность, когда ожили маневровые, и корабль ощутимо вздрогнул, выходя из контролируемого падения.

Внизу под нами замелькала мешанина ярких красок — пейзажи неизведанного мира. Во многом он походил на Землю: зеленые пятна лесов, голубые ленты рек и зеркала широких озер. Горные кряжи и одинокие скалистые пики. В сравнении с родным домом человечества, где стеклянные шпили городов вздымались над горизонтом, в небесах парили

окутанные дымкой орбитальные станции, а равнины были изрезаны паутиной железных дорог и авто-трасс, планета казалась девственно-чистой.

«Скоро все изменится... — подумал я, глядя в иллюминатор. — В глубине твоих ущелий зазвенит топор. И железная лопата в каменную грудь, добывая медь и золото, врежет страшный путь...»

— Во-он он наш вулкан! — объявил Олег, указав куда-то вперед. — Точка Ноль. Будем на месте через полторы минуты.

Я кивнул, прищурившись и всмотревшись вдаль. Визор шлема услужливо приблизил картинку, продемонстрировав мне засыпанный крупными камнями пологий склон и резко обрывающийся край жерла, из которого поднимался слабый дымок.

Выпустив потоки раскаленного воздуха из тормозных сопел, челнок медленно опустился на каменный склон. Из люков выдвинулись шасси, и «Антигона», грузно качнувшись, закрепилась на пологом откосе.

— Ииии... Готово! — объявил Олег, отпуская штурвал. — Добро пожаловать на ЗОД-15!

— З-ноль-Д-15, — машинально поправил я, отстегивая ремень безопасности.

Затекшие ноги подкосились, и мне пришлось схватиться за поручень над головой, чтобы сохранить равновесие.

— Шеф? — Пилот озабоченно глянул на меня.

Его лицо за линзой шлема казалось погруженным в аквариум. Голографические экранчики плавали перед ним словно диковинные рыбешки. Я потряс головой, отгоняя странное сравнение.

— Я в норме, — выдохнул я и сделал шаг вперед по кабине, направляясь к выходу. — Работаем по стандартной схеме. Олег, на тебе карта, Вань, как обычно, прикрываешь.

— Понял, — кивнул Иван, снимая с креплений и привычным движением активируя ружье.

Не винтовку, наподобие тех, которыми была вооружена Армия, а именно ружье. Согласно международным законам, космопроходцам запрещалось иметь многозарядное оружие мощнее, чем табельные лазерные пистолеты. Именно поэтому на «Антигоне» имелось ружье. Уродливое древнее чудище времен Первой Экспансии. Медленно заряжающееся, требующее охлаждения после каждого выстрела, но способное прострелить насквозь кусок скалы толщиной в полметра.

Я отвернулся и подхватил с пола сумку с сигнальным маячком. Металлическое устройство негромко попискивало и помигивало зеленой лампочкой. Именно его мы должны будем поставить на вершине, чтобы застолбить планету.

Закинув на плечи тяжелый груз, я шагнул к выходу. Олег откинул крышку с портативного анализатора, над голографическим проектором вспыхнула трехмерная карта местности. За спиной пилота висел длинный тубус с флагом. Еще одна вещь, которую мы собираемся водрузить на покоренной вершине и сфотографироваться вместе. А как же без этого?

Вдавив ладонью кнопку разблокировки, я замер в ожидании. Раздалось негромкое шипение компенсации давления, а затем створки люка скользнули в стороны. Нижняя, раскрывшись, превратилась

в пандус и негромко стукнулась о сухую землю, подняв облачко пыли. Медленно мы сошли на поверхность нового мира.

— Обалдеть... — негромко выдохнул Иван, опуская ружье.

Я не мог с ним не согласиться. Внизу под нами раскинулась широкая, заросшая лесом долина. По ней к далеким горам, синеющим на горизонте, бежала полноводная река. Тут и там над верхушками деревьев поднимались широкие растения, похожие на папоротники, и яркие цветы размером с посадочные площадки для хOVERлетов. Между ними порхали причудливые насекомые, напоминающие помесь медуз с бабочками. Стаи крупных птиц вальяжно двигались в вышине, возможно, направляясь на зимовку. Интересно, местные пернатые вообще летают зимовать?

Где-то рядом раздался громкий рев, похожий на гул паровой трубы. Через мгновение ему вторил еще один и еще. Посмотрев в направлении звука, мы увидели странное существо, резво вышагивающее между деревьев. Вернее, его крохотную плоскую голову на длинной шее. Рогатый пришелец самозабвенно жевал листья и периодически ревел с помощью двух пульсирующих наростов на лбу. Его собратья отвечали ему, ведя нескончаемый диалог.

— Вон какие красавцы! Настоящие... Шуб-Нигураты! — восхищенно выдал Ванька, стоящий рядом, закинув ружье на плечо.

Я скосил на него взгляд.

— Ну вы идете там или нет? — окликнул нас Олег, уже поднявшийся метров на десять вверх по склону.

— Да погоди ты! Дай пейзажами полюбоваться! — раздраженно откликнулся Иван.

— Еще успеете! А сейчас главное... Уфф... — пилот перескочил через небольшую расщелину и продолжил подъем. — Сейчас главное поставить маячок!

— Во торопыга, а? — усмехнулся Иван. — Ладно, пошли, что ли!

Друг хлопнул меня по плечу и двинулся следом за Олегом. Я не ответил, продолжая глядеть вдаль. Как же здесь красиво. Я понял, что я буду жалеть об этом всю свою жизнь, если не вдохну воздух этого девственного, не запятнанного технологиями мира.

Руки сами скользнули к горжету шлема. Пальцы защелкали замками.

— Шеф?!

— Андрюха, ты чо творишь?!

Крики моих друзей раздавались из наушника, а сами они бежали обратно ко мне по склону. Видимо, решили, что я спятил. Я улыбнулся их страху и стащил шлем.

Воздух оказался холодным и сухим, наполненным запахом болота и влажного леса. Еще к нему примешивался дымок, исходящий из пасти вулкана. Я сделал глубокий вдох, затем выдохнул и все так же улыбаясь, обернулся к напарникам.

— Надень шлем, придурок! — заорал на меня Иван, схватив за плечи. — Если сдохнешь здесь, я тебя обратно на своем горбу не попру!

— Профессор сказал, что воздух не опасен для дыхания, — все так же по-идиотски улыбаясь, ответил я.

Солнечные лучи ласкали мою уставшую от света ультрафиолетовых ламп кожу. Прохладный вете-

рок трепал волосы — то, чего никогда не почувствуешь в вакууме. *Настоящий* воздух наполнял легкие. Я чувствовал себя живым как никогда за эти полгода.

— Ну вообще-то он сказал, что не обнаружил в нем известных земной науке вирусов и патогенов, — насупившись, проворчал Олег. — А это не одно и то же.

Я отмахнулся, глядя на окружающий пейзаж.

— «У капитана солнечный удар», — пробормотал Иван.

— Ага, «Куда бы его макнуть», — поддержал друга пилот.

— «Отставить макать капитана!» — закончил я старую цитату и, подмигнув, первым пошел вверх по каменистому склону.

Мои напарники переглянулись.

— Идиот, — беззлобно сообщил Иван, голосом врача констатирующего факт.

— Вы двое меня когда-нибудь в гроб загоните, — покачал головой Олег, но затем тоже улыбнулся.

Рассмеявшись, мои друзья двинулись следом.

— Открываю шлюз! Вакуум через три... Две... Одну...

Бунвел прищурился и наклонился вперед. Магнитные замки на подошвах ботинок щелкнули, надежно прикрепляя его к полу. На капитане был поношенный абордажный скафандр, весь в заплатках и желтых подтеках герметической пены. Его форма наводила на мысли о боевой броне Европейской Агломерации, но все старые знаки различия были уничтожены подчистую. Дополнительный

обвес из установленных на плечах импульсных карабинов и широких острых когтей, закрепленных на запястьях, придавал доспеху громоздкий вид. Впрочем, внешность была обманчива: если на свете и были вещи, которые Бунвел делал хорошо, то ими были питье пива и управление прыжковым ранцем.

Двери ангара начали медленно расходиться, и между ними хлынул поток уходящего в бездну воздуха. Бунвел напрягся, чувствуя, как могучая сила пытается оторвать его от пола и вышвырнуть в темноту. К счастью, магниты в ботинках выдержали, и через несколько секунд разгерметизация отсека завершилась. Капитан открыл глаза.

Звуки исчезли. Лязг металлических конструкций, писк приборов, похабные шуточки подельников в рации. Теперь вместе с ним было лишь его собственное дыхание, гулко отдающееся под сводами шлема. Бунвел взгляделся в мириады звезд, сияющих в черноте. Уже мертвые солнца, чей свет только сейчас добрался до нас. Это был момент абсолютного спокойствия, который Бунвел всегда испытывал перед стартом. Холодная вечность безразличного космоса обычно примеряла капитана с его собственной судьбой.

Но секунда прошла, и все вернулось на круги своя: затикал таймер, отмеряющий количество оставшегося в баллонах кислорода, заскользили, ища цель, сетки наведения, а в рации затрещали гогот и хамоватые перепалки подчиненных. Пиратский корабль медленно полз в сторону зависшего на орбите планеты русского разведчика. Бунвел вскинул кулак.

— Флибустьеры! За мной! Добыча ждет! — крикнул он, но без какого-то особого энтузиазма.

Его бойцы ответили дружным ревом, и капитан Бунвел, включив прыжковый ранец, с разбега первым сиганул в темноту.

Звездолет русских приближался. С каждой секундой его серый фюзеляж с двуглавыми орлами на бортах становился все больше. Это продолжалось до тех пор, пока он не понесся под Бунвелом, словно стальное поле. Вытянувшись, капитан нырнул вниз, к невысоким башенкам радиолокационных систем и антеннам дальней космической связи. Когда до поверхности судна оставалось метров двадцать, пират развернулся и врубил двигатель прыжкового ранца. Мужчину резко подбросило вверх, раскаленный поток сжатого воздуха лизнул спину, но броня старого скафандра выдержала. Балансируя на огненной струе, Бунвел осторожно приземлился и сразу же, как только подошвы ботинок ударились о металл, сорвался с места. Оказалось не зря. Старые рефлексy не подвели, поскольку мгновением позже из металлического тела корабля поднялись сдвоенные турели, злобно сверкающие алыми визорами. Ближайшая к Бунвелу беззвучно подняла стволы вверх и выплюнула два потока плазмы. Выругавшись, капитан пригнулся, сияющие сгустки промчались мимо. Бросив быстрый взгляд назад, Бунвел успел заметить, как один из них врезался в грудь пирату, пытавшемуся спланировать на своем ранце. В наушнике раздался вопль, а охваченный огнем человек камнем рухнул вниз и покатился по корпусу судна. Крик резко оборвался, а одно из зеленых имен, парящих на голо-

графическом дисплее перед глазами Бунвела, окрасилось красным.

— Ах ты ж черт! — выдохнул капитан. — Всем найти укрытие! Не стойте на открытом месте, болваны!

Плазменные шары продолжали носиться в воздухе, опаляя полусферы защитных кожухов блоков РЛС, за которыми укрылись пираты. Один из них неосторожно высунулся наружу и тут же получил раскаленным зарядом в лицо. Обезглавленное тело, кувыркаясь, улетело прочь.

— Кэп! Сколько *файвоклокер* заплатил за эту работенку? — крикнул в рации Элиас.

Здоровяк с тяжелым лучеметом, воспользовавшись моментом, мстительно расстрелял ближайшую турель, превратив ее в искореженный оплавленный скелет.

— Чертовски мало! — откликнулся Бунвел, отстегивая от пояса подрывной заряд. — Нужно уходить с «крыши», иначе нас тут перебьют. Мэйхен, люк рядом с тобой!

Пират, сидевший за погнутой антенной, кивнул, и Бунвел кинул ему бомбу. Блок взрывчатки с мигающим лампочками детонатором, вращаясь вокруг своей оси, промчался в воздухе, но Мэйхен успел схватить его. Перевернув бомбу, пират прижал ее к люку и, включив таймер, отскочил в сторону. Пять бесконечно долгих секунд спустя над люком взбух огненный шар, быстро схлынувший внутрь пробоины, как только в отсеке выгорел весь кислород. На его месте осталась неровная дыра с оплавленными краями.

— Пошли, черт бы вас побрал! — заревел Бунвел, отталкиваясь ногами от пола и прыгая вперед.

★ За его спиной сгусток плазмы пробил насквозь грудь Мэйхена, отправив раскинувшее руки тело в бесконечную черноту космоса. Бунвел этого уже не увидел. Он рухнул в темноту обгоревшего коридора верхней палубы, обещая себе поймать Честертона и выдавить чертовому британцу глаза.

Сирены продолжали реветь по всему кораблю, мостик заливало кроваво-красное сияние аварийных ламп. Капитан Милорадович поморщился и потер переносицу.

— Да выключите вы уже кто-нибудь этот ор, — раздраженно приказал он, глядя вниз на обзорные экраны. — Мы все уже давно поняли, что на нас напали!

— Так точно, Василий Сергеевич, — откликнулся один из операторов и, протянув руку, быстро нажал несколько сенсорных клавиш.

Вой прекратился, и на короткий миг повисла тишина. Затем пришли новые звуки, до этого заглушенные сиреной. Скрип металлических конструкций, шипение выходящего из воздухопроводов кислорода, треск искр, сыплющихся из разорванных проводов. Ремонтные дроны сновали под потолком, пытаясь устранить поломки, но их было слишком мало, чтобы помочь гибнущему кораблю.

Капитан покачал головой и, стиснув ограждение командирского поста, наклонился вперед.

— Отчет о повреждениях, — скомандовал он, ожидая худшего.

— Уничтожены главный и левый маневровый двигатели, разгерметизация отсеков с четвертого по восьмой, автоматизированная система охраны функ-

ционирует на девятнадцать процентов, — быстро рапортовал бортмеханик, продолжающий прижимать носовой платок к рассеченному лбу.

Белая ткань напилалась кровью, а инженер ощутимо пошатывался. Но продолжал пытаться стоять прямо.

— Понятно, — Милорадович вздохнул, затем опустил руку в карман и вытащил наружу резную деревянную трубку — смешная дань традиции старинных морских путешествий, которую блюли среди космопроходцев. — Что на камерах наблюдения? Сколько этих подонков у нас на борту?

— Система выведена из строя, но прежде чем она отключилась, мы успели засечь двадцать три тепловые отметки, — сообщил все тот же оператор.

Капитан чиркнул спичкой и окинул взглядом мостик. Корабли класса «Беринг» никогда не были крупными судами, а их экипаж составлял от силы человек пятнадцать. Сейчас же в живых оставалось лишь четверо, находящиеся на мостике. Василий Сергеевич мог лишь надеяться, что с Андреем и другими мальчишками-разведчиками все в порядке. Милорадович раскурил трубку и, выпустив кольцо дыма, повисшее под потолком ввиду выхода из строя вентиляционных систем, вновь посмотрел на полусферу планеты на обзорном окне.

Один за другим пилот и оператор тактического терминала встали со своих мест. Бортмеханик, как мог, завязал платок поверх пореза, чтобы освободить обе руки. Василий благодарно кивнул им. Он знал, что они все здесь сегодня умрут. Они все это знали.

С лязгом металлических конечностей двое охран-ных роботов вышли из своих ниш справа и слева от

★ входа. Вооруженные легкими лазерными винтовками механические стражи подняли на Милорадовича глаза-камеры в ожидании приказаний.

Василий выпустил струю дыма и задумчиво посмотрел на звезды за обзорным окном. Пираты заглушили их сигналы с помощью «корабля-крикуна» — гигантского летающего скремблера. Они не смогут послать сигнал бедствия или хотя бы передать сигнатуры пиратских судов в надежде на последнее правосудие. Что же? Если это отребье хочет поживиться за их счет, то сначала им придется захватить мостик. А его капитан не собирался отдавать без боя. Он окинул взглядом своих подчиненных, за эти годы ставших ему больше чем друзьями. Семей. Он даже задержался на двух охранных роботах, вперивших в него широкие линзы своих камер. Пускай в Российской империи была запрещена разработка полноценных искусственных интеллектов, и металлические солдаты не были личностями в полном смысле этого слова, они всегда оставались верными и никогда не подводили свой экипаж.

Капитан вздохнул. Он знал, что они ждут его слова, и он хотел наградить их какой-нибудь вдохновенной речью, достойной финала истории «Искателя». Но черт возьми, ораторство никогда не было его коньком.

За спиной раздался грохот, и в заблокированные двери мостика ударилось что-то тяжелое. Затем еще раз. Послышалась приглушенная брань. Василий кашлянул и открыл рот. Закрыл. Затем нахмурился и, вытащив из ножен саблю, развернулся к ним. Роботы, вскинув лазерные винтовки, опустили на одно колено и взяли бронированные створки на при-

цел. Пилот вытащил пистолет и кивнул Милорадовичу. Шум снаружи стих и вместо него по периметру двойных дверей мостика заплесали яркие огоньки. Пираты прорезали себе вход военным термитом. Откуда у них было такое оборудование, одному только Богу известно.

— Экипажу космического разведчика «Искатель» Космофлота Российской Империи, говорит капитан, — Милорадович помедлил, зная, что и враги услышат его через громкую связь.

Услышат и хорошо! Пускай знают, с кем связались! Ухмыльнувшись этой мысли, Василий решительно продолжил:

— Мы все знаем, что происходит. На корабль напали, и мы сейчас в меньшинстве, а наш враг жесток и безжалостен! Но это не значит, что мы просто возьмем и сдадимся! Нет! Мы дадим отпор! Я лично знаком с каждым из вас, и вместе мы через многое прошли! С кем-то мы сражались бок о бок еще в Первую Космическую, с кем-то в Колониальную, а кто-то стал моим братом по оружию, показав себя героем уже в мирное время. Для меня каждый из вас ближе, чем кто-либо еще. Мы вместе с вами защитили для России множество миров, а открыли для нее еще больше! И я твердо знаю, что каждый на этом корабле стоит десятерых закованных в силовую броню верзил из Армии! Не важно, чем закончится сегодняшний день! Не важно, что это будет: победа или смерть! Мы закончим его с оружием в руках и с гордо поднятой головой! Для меня будет честью сражаться рядом со всеми вами в этом бою! Если это отребье хочет взять нас на abordаж, то сначала им придется пройти через нас. Так пусть каждый чело-

★ — век из моей команды станет крепостью! Давайте покажем этим космическим шакалам, чего стоят космопроходцы Российской империи!

На мгновение воцарилась тишина.

— Классно сказал! — одобрительно кивнул пилот, поднимая лазпистолет.

Милорадович выдохнул, щеки ветерана, прошедшего множество боев, пылали. Раскаленные линии термитов сошлись воедино, и бронированные двери с оглушительным грохотом упали вовнутрь. Снаружи в коридоре клубился густой дым и двигались какие-то неясные силуэты. Василий различил очертания абордажных скафандров и оружие в руках врагов.

— За Веру, Царя и Отечество! — взревел Милорадович, вскидывая мономолекулярную саблю.

На лезвии блеснули отсветы бушующего пламени, а затем мостик потонул в ослепительных вспышках лазерного огня.

Бунвел тяжело выдохнул и оперся об ограждение командирского поста. Пот застилал ему глаза, из свежего пореза на щеке струилась теплая кровь.

Русские дрались как звери, даже раненый бортмеханик орудовал тяжелым гаечным ключом так, словно это был боевой молот. Ублюдок успел раскроить головы двум подчиненным Бунвела и искалечил третьего, прежде чем очередь из импульсной винтовки оборвала его жизнь. Бунвел посмотрел на труп мужчины. Разорванная тельняшка пропиталась кровью, от ряда аккуратных дырочек на груди все еще поднимался дымок.

Самым страшным врагом оказался седой капитан. Старик махал мономолекулярной саблей так,

словно родился с нею в руках, забрав вместе с собой на тот свет четырех пиратов и ранив вдвое больше. Бунвелу пришлось воспользоваться горячкой боя и вонзить ему когти в спину, чтобы остановить, и космический разбойник не особо гордился этим. Он предпочел бы сразиться с русским храбрецом один на один, а не подло зарезать его.

— Выживших нет, кэп! — крикнул один из пиратов, перевернувший ногой труп штурмана.

Бунвел кивнул и, пошатываясь, распрямился. Перед смертью старик-капитан изловчился и ударил его эфесом сабли в лицо. Теперь перед глазами командира пиратов все плыло и его откровенно подташнивало. Видимо, русский подарил ему на прощание сотрясение мозга.

— За... Заберите бортовой журнал и блоки памяти из центрального компьютера, — пробормотал Бунвел, махнув рукой в сторону горящего красными аварийными экранами терминала. — Грэм?

В наушнике раздались помехи и затем пробилился голос первого помощника.

— Кэп? Все в порядке?

Бунвел помотал головой:

— Мы выходим. Как только будем на борту, приготовься расстрелять корабль из всех орудий. Чертов бриташка хотел, чтобы от него остались только угольки, а я желаю и того меньше...

— «Искатель», ответьте! «Искатель», это «Антигона»? Прием? Да что у вас там вообще творится?!

Олег продолжал до хрипоты кричать в гарнитуру шлема. Безрезультатно. Ответом ему была мертвая тишина. Не треск помех или шум статики, а имен-

но гробовое молчание. Пять минут назад радики у нас троих одновременно ожили, и в наушниках раздалась какофония криков, стрельбы и лязга металла. Это продлилось буквально несколько секунд, а затем все стихло, и с тех пор с висящего на орбите корабля не поступало никаких сообщений.

Вздохнув, пилот посмотрел на меня и горестно покачал головой. Я кивнул. Было очевидно, что на борту «Искателя» произошло нечто экстраординарное. Вопрос лишь, что именно и как нам теперь быть. Я поднял глаза в ярко-голубое безоблачное небо, словно надеясь разглядеть в нем корабль и понять причину странного радиомолчания.

Как будто в ответ на мою немую мольбу, в вышине ярко полыхнула огненная вспышка. На секунду она напомнила мне праздничные салюты, виденные в детстве, но затем я понял, что это такое, и все мысли о красоте разом испарились.

— Бежим! — заорал я, разворачиваясь и срываясь с места.

— Это что? «Искатель»? — пробормотал Ванька, продолжая глядеть вверх. — Шеф, это был «Искатель»?

Я схватил его за плечи и встряхнул. За моей спиной, оставляя за собой огненные шлейфы, по небосклону неслись горящие обломки космического разведчика. Они падали вниз по пологой траектории, словно сотни маленьких бомб, готовых превратить долину под нами в выжженную пустыню.

— Бежим! — вновь закричал я, и в этот раз Иван послушал.

Втроем мы понеслись вверх по склону, к чернеющей впереди глубокой скальной расщелине. По сча-

стью, до нее было ближе, чем до оставшегося внизу челнока. Если удастся укрыться внутри, то, возможно, у нас будет шанс пережить приближающийся армагеддон.

— Большая часть обломков сгорит в атмосфере! — выдохнул у меня в наушнике Олег.

Пилот поскользнулся, но Иван в последний момент успел подхватить его под руку, прежде чем летчик сорвался вниз.

— Часть, но не все! — откликнулся я, перескочив засыпанную сухим пеплом яму и обогнув скопление широких валунов.

За моей спиной раздался оглушительный грохот и земля под ногами вздрогнула. Я не рискнул оглядываться назад, зная, что это первый из охваченных пламенем обломков рухнул в дальнем конце долины, принеся с собой чудовищной силы ударную волну и огненный шторм. В один прыжок я преодолел последние пару метров и сиганул вниз в сырой полумрак естественной пещеры. Следом за мной с откоса спрыгнули Олег с Иваном. Мои друзья приземлились рядом, а пещера мелко угрожающе задрожала. Затем новый подземный толчок сотряс всю расселину, заставив пыль и мелкие камешки посыпаться с потолка. Я покачнулся, взмахнул руками в поисках опоры и, не найдя ее, повалился на холодный пол. Затылок впечатался в камень, из глаз брызнули искры, и я потерял сознание.

Сознание возвращалось урывками. Сначала я почувствовал, что лежу на спине на холодном камне. Затем до меня донесся неразборчивый шепот, который то звучал над самым ухом, то улетал куда-то

на другой конец галактики. Когда он поутих, вместо него пришли другие звуки. Свист ветра и шелест гонимой им пыли. В ноздри прокрался запах дыма, и я, поморщившись, медленно открыл глаза.

— Очнулся наконец-то, — облегченно выдохнул склонившийся надо мной Иван, затем обернулся и крикнул кому-то: — Он очнулся!

Я моргнул, силясь приподняться. Получилось с трудом, но в итоге я смог сесть, опершись спиной о неровную стену пещеры. Вокруг царил полумрак, на фоне которого резко выделялось светлое пятно входа. Возле него стоял Олег, глядящий наружу. Пилот обернулся и секунду помедлил, как бы осознавая, о чем говорит Иван. Затем быстро кивнул и вернулся к наблюдению. Я заметил в руках летчика наше ружье. Похоже, что мои друзья ждали гостей.

— Как он? — отстраненно, словно пробуждаясь ото сна, осведомился Олег.

Иван вопросительно посмотрел на меня, и я с трудом понял, что они говорят обо мне. А что? Что со мной не так? Знать я, видать, приложился башкой, раз не могу вспом... В ту же секунду пришла боль.

Зашипев, я дотронулся рукой до затылка. Волосы стали жесткими от крови, а под ними пальцы нащупали глубокий порез. Ребята кое-как обработали рану, продезинфицировав и впрыснув заживляющий гель с наноботами, но она все еще саднила под бактерицидной повязкой.

— Жить буду, — просипел я.

— Сам виноват, — флегматично сообщил Олег. — Нечего было шлем снимать.

— Ладно уже вам обоим, снявши голову, по волосам не плачут, — примирительно сказал Ванька. — Что делать-то будем?

Я, вновь поморщившись от боли, протянул руку, и мой друг, с силой потянув меня за нее, помог подняться. Опершись на плечо Ивана, я заковылял к выходу из пещеры. С каждым шагом запах дыма становился все сильнее. Наконец добравшись до естественной арки, я выглянул наружу.

— Господи... — тихо протянул я, глядя на открывшуюся мне картину.

Живописная зеленая долина исчезла. Вместо нее между двумя горными кряжами раскинулся постапокалиптический пейзаж. Тут и там земля вздыбилась, образовав невысокие холмы, между которыми зияли глубокие трещины. Повсюду виднелись кратеры. Десятки, если не сотни, самых разных форм и размеров. Кое-где в них продолжали тлеть изуродованные до неузнаваемости куски металла — останки «Искателя». Деревьев не осталось. Вместо них на усыпанной пеплом земле валялись обугленные бревна. Ударные волны пронесли по лесу, ломая стволы словно щепки и размалывая кости в труху. То, что уцелело, добил огонь. Меньше чем за пятнадцать минут цветущий рай превратился в скорбную серо-черную пустошь.

Я закашлялся дымом и, прикрыв рот рукой, отвернулся.

— Так что нам теперь делать? — повторил свой вопрос Иван.

Взгляды обоих космопроходцев уткнулись в меня — в конце концов, я все еще был командиром и решение оставалось за мной. Я вздохнул, переби-

рая в голове варианты. Помереть в пещере от голода или сидеть и ждать, пока те, кто взорвал «Искатель», спустятся к нам с небес, нас не особо устраивало. Также я отмел и идею вернуться к обломкам «Антигоны» и попытаться из ее останков и фрагментов, упавших с орбиты, склепать что-нибудь путное, способное вывезти нас с этой планеты. Такие фокусы получаются лишь в кино, где это все перетягивают изолентой и затем под бравурную музыку героически спасаются. Оставался единственный выход, и я, развернувшись, направился в дальний угол пещеры, где все еще лежала моя сумка. Присев возле нее на корточки, я расстегнул молнию и облегченно выдохнул: сигнальный маяк подмигнул мне зеленым огоньком. В отличие от моей пустой головы, решившей снять шлем, прибор пережил падение без малейшего дискомфорта. Я застегнул сумку и, забросив ее на плечо, зашагал обратно к товарищам. В моей голове созрел план того, как спасти нас, покарать убийц команды «Искателя» и, самое главное, все-таки выполнить приказ и «занять» мир.

— Теперь? — объявил я, подходя к ждущим меня Ивану с Олегом.

Я знал, что мне нужно как-то вдохновить их, сказать одну из тех пафосных киношных речей. Я вздохнул и кивнул скорее самому себе:

— Теперь мы закончим начатое. Пускай все пошло наперекосяк и мы отрезаны от цивилизации, но мы все еще, мать их, космопроходцы Российской империи! Нас тренировали для такого, нас готовили именно к таким ситуациям. Это мы расслабились, привыкнув к легким заданиям и к тому, что никто и ничто не бросает нам вызов. Но это не значит, что

мы сдадимся! Мы, в конце концов, это делаем не ради себя, а ради Отечества и тех, кто доверил нам будущее космической экспансии. Мы служим России, пусть и не с оружием в руках. А это значит, что мы не сгибаемся перед трудностями, не ломаемся под гнетом страха и, Господи помоги, не бросаем дело на полдороге!

Мои друзья переглянулись. Иван усмехнулся:

— Слегка перегнул с пафосом, шеф, но считай, что мы тебя поняли. Пошли!

— Так каков план? — крикнул из-за моей спины Ванька.

Даже в защитном скафандре он легко перескакивал с камня на камень, сохраняя равновесие. До вершины оставалось каких-то сто метров, и я отчетливо ощущал жар, исходящий из жерла вулкана. Индикатор температуры внешней среды упорно полз вверх к опасной отметке.

— План? — Я остановился перевести дух и поправил ремень сумки с маячком, переброшенный через плечо. — План очень простой. Дойти до вершины и поставить маяк.

— А потом что? — раздраженно осведомился Олег.

У пилота забарахлили датчики в шлеме, и он, отдав Ваньке ружье, тащился позади, пытаясь их наладить. Снять шлем он наотрез отказался.

— Без «Искателя» на орбите, который бы поймал наш сигнал и направил бы его через собственные ретрансляторы морозильникам, у нас ничего не выйдет. Наш призыв просто затеряется в открытом космосе.

— Не затеряется, — откликнулся я. — Если мы будем «целиться» не в «Искатель», а в навигационный буй, который мы выбросили у точки гиперперехода, когда вошли в систему.

— Твою же мать... Я забыл о нем! — едва слышно пробормотал Олег.

Ванька одобрительно заворчал.

— Хорошая идея, шеф, — кивнул он. — Сигнал уйдет в штаб, штаб мобилизует *морозильники*, а те уже подберут нас. На все про все...

— На все про все полтора часа, если связь пойдет по ансиблю, — сообщил я. — Мы даже уложимся в отведенный правилами срок.

— Все равно, шеф... Звучит как какое-то безумие. А если не сработает и мы здесь застрянем? Может, просто подождем шесть часов, пока высадутся британцы и подберут нас, а? — предложил Олег. — Будет их очередь, и по законам космопроходчества они будут обязаны нам помочь и...

Я остановился.

— Предлагаешь сдать мир, ради которого старик и все наши отдали свои жизни?! — оборвал я летчика на полуслове.

Резко обернувшись, я взглянул на фигурку в сером скафандре, оставшуюся далеко позади.

— Нет... Я... — Пилот стушевался. — Я не это имел в виду...

— Тогда просто заткнись и топай, — прорычал я и, не сказав больше ни слова, зашагал вверх по склону.

На вершине было жарко, как в сауне. Марево над жерлом вулкана подрагивало от раскаленного воздуха, поднимающегося изнутри, а всего в каких-то

тридцати метрах под нами шипела и брызгала огнем раскаленная лава. Датчик на запястье моего скафандра пискнул, и я, остановившись, облегченно выдохнул. Пришли. Самая высокая точка планеты.

Осторожно сняв с плеча сумку, я поставил ее на землю и расстегнул молнию. Медленно, боясь уронить, вытащил наружу мигающий дисплеем бочонок маяка. Нажал несколько сенсорных клавиш, выводя его из режима ожидания. Негромко пискнув, прибор рапортовал, что готов к работе. Иван стоял рядом со мной, упершись ладонями в колени и следя за моими манипуляциями. По лицу моего друга струился пот.

Я принялся выдвигать из корпуса маяка короткие шипастые сошки, на которых его будет проще поставить на грунт. Одна, вторая, третья... Боже! Как же тут жарко!

«Пиу!»

Я еще только расслышал звук выстрела, а Ванька, взмахнув руками, уже падал на землю лицом вперед. В спине скафандра виднелась черная дыра, с тлеющими краями, от нее поднимался легкий дымок.

— Ваня! — заорал я и, выронив маяк, бросился было к другу.

— Давай без резких движений, шеф, — раздался у меня в наушнике голос.

Я медленно, словно боясь того, что там увижу, обернулся.

У края вершины, подняв руку с табельным лаз-пистолетом, стоял человек в сером скафандре космопроходца Российской империи. Двуглавый орел Космофлота на нагрудной пластине, казалось, разинул клювы, беззвучно крича о вопиющем безумии происходящего. Лицо стрелка скрывало светоотражаю-

шее забрало шлема, но на всей планете сейчас было только трое людей в подобных скафандрах. И один из них лежал рядом со мной с дырой от предательского выстрела в спине, а вторым был я сам.

— Олег... — тихо прошептал я, не в состоянии поверить в случившееся. — П-почему?

— Потому что они предложили мне больше, чем все, чего я смог бы достичь у нас, — холодно проговорил он, продолжая держать меня на прицеле. — Ты думаешь так приятно быть аутсайдером? Мой отец капитан прима-линкора! Мои братья уже командуют боевыми эскадрильями! А чего добился я?! Прозябаю на Богом забытом корыте в месте, которого нет на карте! Британцы обещали мне место в своем военно-космическом флоте и лычки офицера. Рулевой патрульного фрегата! Вот это работа! А не то, чем мы тут занимаемся!

— Так это все... — Я закашлялся от раскаленного воздуха, попавшего в горло. — Из-за... Из-за зависти?

— Черт возьми, нет! — Олег яростно взмахнул пистолетом. — Это потому, что я тоже хочу место под солнцем! А наша славная Российская империя не хочет нам его давать! Ты что, не понимаешь? Нас вышвырнули! Мы трудимся, трудимся, открываем новые миры, картографируем, болеем и умираем от неизвестных науке вирусов, сходим с ума в пустоте, становимся жертвами жутких аномальных феноменов. А все лавры достаются флотским в их ярких мундирчиках! Постреляли в пиратов, и все: они уже герои! Твою-то мать!

Пилот тяжело задышал, восстанавливая дыхание после злобного монолога. Затем продолжил уже более спокойным тоном:

— Ванька был слишком твердолобым, чтобы послушать, а вот у тебя, шеф, мозгов хватит понять, что я прав. Присоединяйся, британцы буду рады нам обоим! Тебе, если уж такая охота, дадут собственный разведкорабль. Будешь на нем капитаном. Ты ведь этого всегда хотел, да?

Я помедлил, затем покачал головой.

— Какой же ты все-таки дурак, — тихо произнес я. — Ты так и не понял главного? Россия никуда нас не вышвыривала. Она гордится нами, потому что мы всегда впереди. Флот — это кувалда. Мощный ударный инструмент, которому нет особого применения в современном мире. Человечество больше не воюет. Вот нападут на нас пришельцы, тогда другое дело, а пока... Пока настоящие герои это мы, и все, я подчеркиваю, все это понимают! Без нас не будет развития, без нас Империя замрет в своих границах. А это будет означать стагнацию, жизнь без цели, почивание на лаврах. Без нас Россия перестанет двигаться вперед, она одряхлеет, зачахнет и в конце концов умрет. А ее останки разделят те, кто понимал важность экспансии. Не знаю, как ты, а я не хочу, чтобы мой родной город назывался *Москоу*! Сейчас решает не сила. Сейчас решает живой ум и быстрые ноги. Кто сумеет найти лучшие миры для своей страны, тот и обеспечит ей выживание!

Олег помедлил, видимо, обдумывая мои слова. Я затаил дыхание. Неужели получилось? Неужели я смог убедить его отойти от края?

— Ну и верь во все это, если такой дурак! — взревел пилот, направляя оружие мне в голову, его рука яростно дрожала. — Все решает только сила! Сейчас и всегда! Сильный берет лучшее, а вы, слаба-

ки, пытаетесь сковать сильных правилами и законами. Мол, нельзя драться, нельзя отбирать, все только честно и мирно! Черта с два! Только сила поможет нам заполучить лучшие планеты, но если Российская империя не желает этого понимать, то мне с вами не по пути! Я лучше буду на стороне победителей! А теперь не зли меня больше или я тебе башку продырявлю. Посылай сигнал британцам! Я продиктую координаты!

Я не шелохнулся.

— Ты что, оглох?! — закричал Олег и выстрелил.

Лазерная вспышка оставила остаточный образ на сетчатке, а в метре от меня из земли вылетел фонтанчик пыли, раскаленной попаданием. Черт! Уболтать все-таки не получится. Потянусь к кобуре, и он меня пристрелит. Придется импровизировать.

Я кивнул и, наклонившись, подобрал с земли маяк.

— Диктуй, — пустым голосом сказал я, стерев пальцем с дисплея налипшую грязь.

Пилот начал произносить буквы и цифры, видимо, сверяясь с компьютером внутри шлема. Я покорно нажимал на кнопки.

— Теперь отсылай! — скомандовал он. — Нет, стой! Сначала покажи мне, что ты там навбивал. И я клянусь, если ты меня попытался надуть, я скину тебя прямо в вулкан.

Проклятье! Я скосил глаза на введенные мною координаты нашего навигационного буя. Вот же черт!

Поднявшись, я вновь кивнул и направился в сторону Олега.

— Не так быстро, — прохрипел он, пистолет дрожал в его руке.

— Слушай, ты достал, — выдохнул я с как можно большим раздражением в голосе. — Ты смотреть будешь или нет?!

Пилот кивнул и, опустив пистолет, подался вперед, чтобы взглянуть на дисплей. И тут же получил укрепленным днищем маяка в лицо. Раздался хруст, оранжевое забрало шлема с треском разлетелось на куски, а выдвинутые сошки маяка вошли внутрь шлема, раздирая летчику лицо. Олег закричал. Я нажал на кнопку отправки сигнала, а затем, схватив за запястье, вывернул пилоту руку. Он завопил еще сильнее, когда кость вышла из сустава и разжал пальцы, выронив оружие. Я потянул за искалеченную руку и заставил Олега согнуться, после чего несколько раз ударил коленом в живот. Меня обуяла животная ярость, крики боли предателя заставляли мои губы искривляться в зверином оскале. Мой противник согнулся пополам, и зазубренные сошки выскользнули из шлема. Маяк рухнул на спекшуюся землю, подпрыгнул и поскакал вниз по склону, со звоном ударяясь о камни. Я мог лишь надеяться, что устройство успело подать сигнал, и теперь мой крик о помощи мчался через бездну к навигационному бую. Я взревел и обрушил локоть на хребет Олега, прежде чем он успел разогнуться. Затем еще и еще. До тех пор, пока обмякшее тело не выскользнуло из моей хватки и не распласталось на земле. Тяжело дыша, я сделал шаг в сторону и тут заметил отлежавший пистолет. Шатаясь словно пьяный, я добрал до него и с трудом подхватил с пыльной земли. Затем развернулся и направился обратно. Олег не сопротивлялся, глядя на меня уцелевшим глазом. Его лицо покрывала сеть глубоких порезов, оставленных

сошками маяка. Я тяжело упал на колени, сев поверженному врагу на грудь. Упер пистолетное дуло в лоб. Олег что-то прошептал, но из его горла вырвался лишь едва слышный влажный хрип. Я стиснул зубы и надавил сильнее, сжав рукоятку пистолета обеими руками. Плотно закрыл глаза. Прошла секунда, другая.

Нет, не могу. Не смогу. Ни его, ни кого-либо. Не мне судить кому жить, а кому умирать. Это пусть Господь решает. А мне такое ни к чему...

Раскрыв глаза, я тяжело выдохнул и убрал пистолет от лица Олега. Он опустил веки, словно жалея, что я не прикончил его. Нет уж, дружище, теперь живи с этим.

— Не стоишь ты того, чтобы грех из-за тебя на душу брать, — процедил я, поднимаясь на ноги.

Олег вновь попытался что-то сказать. Я не слушал. Для профилактики пнув его еще раз под ребра, я заковылял к Ваньке, все еще лежащему возле пышущего огнем жерла вулкана. Бой закончился, адреналин схлынул, и на меня навалилась чудовищная усталость. Хотелось просто лечь прямо здесь на голые камни и забыться мертвым сном.

Я подошел к Ивану и вновь рухнул на колени, теперь рядом с ним. Дыра в скафандре выглядела плохо, но понять, насколько глубока сама рана, было трудно. Я отогнул обугленные края комбинезона и заглянул внутрь. В лицо ударил смрад сгоревшей плоти. Я поморщился и наклонился ближе, разглядывая ожог. Ладно, терпимо. Дырка глубокая, но внутренние органы не задеты, а лазер всегда прижигает рану, так что кровопотеря ему не грозит. Главное, чтобы не помер от болевого шока.

С трудом перевернув друга на бок, я стащил с его головы шлем. Глаза были закрыты. Отстегнув перчатку и отбросив ее в сторону, я прижал два пальца к его шее и затаил дыхание.

— Ну кто там, блин, меня лапает?! — прохрипел Иван и закашлял, открывая глаза. — Шеф? Я это? Что-то пропустил да?

Я улыбнулся. Отпустив друга, я сел рядом с ним на землю и расхохотался. Глупо, долго и неуместно, но припадок эйфории захлестнул меня с головой. А затем я увидел в вышине новые огненные следы. В отличие от обломков «Искателя», эти падали вертикально вниз. Десантные корабли. Из Ванькиного шлема раздался какой-то шум, и я, подтянув его к себе, надел на голову. В наушнике трещал возбужденный голос:

— Говорит майор Ларин! Космофлот Российской империи, охрана анабиозных кораблей! Слышите меня? Прием? Кто-нибудь меня слышит? Говорит майор Ларин! Разведфло...

— Лейтенант Андрей Белкин, на связи, — выдохнул я, глядя, как челноки рвутся к нам на выручку через атмосферу.

— Слава богу! — закричал майор, затем сказал кому-то еще: — Они живы!

Я ободряюще кивнул Ваньке.

— Мы получили ваш сигнал, лейтенант, и немедленно выдвинулись на помощь! — продолжал Ларин. — Русские космопроходцы своих не бросают!

Несмотря на боль во всем теле, я улыбнулся еще шире и помог Ивану подняться. Вместе мы смотрели на приближающиеся десантные суда с двуглавыми орлами на бортах.

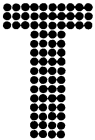
— Так что теперь? — осведомился Ванька, поморщившись, когда обгоревшие края скафандра потревожили рану.

Я помедлил с ответом, но затем, все так же улыбаясь, хлопнул напарника по плечу.

— Теперь? Теперь, дружище, нам надо найти новый корабль и двигаться дальше. От нас ведь все еще ждут, что мы найдем Эдем!

ДУБЛИКАТ

 рое юкагиров спокойно стояли возле шлюзовой камеры. За плечами у всех были старые, оставшиеся еще с незапамятных времен, винтовки, передававшиеся в родах по наследству, постепенно обрастая легендами, которые рассказывали вечерами возле костров. Немногим в Империи дозволялось охотиться на диких зверей без всякого разрешения и лицензии. Государь, отец нынешнего императора, сказал, что в долгу перед малыми северными народами. Разрешить им жить так, как они хотят, и соблюдать свои традиции — это лишь ничтожная плата за их героизм и самоотдачу, но он верит, что зверя они будут добывать ровно столько, сколько им необходимо.

Приклады винтовок были деревянными, сделанными на заказ, в отличие от серийных пластиковых. Они пообтерлись, а металлические части блестели, как носы бронзовых медведей на станции столичного метро «Площадь Воссоединения», которых изо дня в день по тысяче раз натирали для счастья пассажиры. Заменить эти винтовки на какое-то новое охотничье снаряжение юкагиры отказывались, хотя им все предлагалось абсолютно бесплатно, вплоть

до ультразвуковых шокеров, которые совсем не наносили вреда звериным шкуркам. Просто юкагиры верили, что в этих ружьях живут души их предков, помогают метко выстрелить и с ними даже в самой снежной пустыне, окруженной со всех сторон завывающими волками, не будешь чувствовать себя одиноким.

Они приехали на упряжках, запряженных мехароботами, которых использовали совсем уж в крайних случаях, обычно предпочитая им оленей или собак, потому что в снежной пустыне нужен друг, а какой из мехаробота друг? Но он мог тащить упряжку в одиночку, и днем и ночью, пока хозяин спит, укрытый шкурой. То, что сейчас как раз случай крайний, доказывало недвижимое человеческое тело на одной из упряжек, укрытое шкурой оленя. Но, видимо, помощь этому человеку была уже не нужна, потому что иначе юкагиры вызвали бы медиков к себе, как это порой случалось, когда кого-то из них поражала болезнь, с которой не мог справиться даже шаман.

Приборы слежения донесли младшему полицейскому Стригану Скворцову, охранявшему шлюз, о приближении юкагиров еще задолго до того, как они добрались до купола. Он вывел изображение на стену, приблизил его, так чтобы лица юкагиров многократно увеличились. Один был заметно старше других. Лет под пятьдесят. Другие, стоявшие по его бокам, как телохранители, годились ему в сыновья. И они были копиями друг друга. Близнецы.

Стригану совсем не хотелось выбираться из теплой дежурки на мороз. Вот принесло же кого-то на

его голову. Юкагиры никогда сами не заходили в купол, чувствуя какую-то боязнь перед громадными сооружениями, накрывавшими Снежинск. Они знали, что чужие здесь, и обычно ждали, когда их кто-нибудь пустит внутрь. Они никого не просили об этом. Они просто ждали и могли простоять так возле шлюза не один час.

Пока полицейский облачался в теплую куртку, пока шел из дежурной к воротам шлюза и пока открывал их, прошло минут пять, в течение которых юкагиры ни на сантиметр не сдвинулись с места и не пошевелились, точно замерзли, превратившись в ледяные статуи. Это их умение, да еще ружья, в которых жили духи предков, превращало юкагиров в отличных снайперов. Полвека назад их деды дрались за Воссоединение на Северном Кавказе, а треть века назад их отцы очищали тогда еще отколотые Туркестанские губернии от вторгшихся в них отрядов террористов. Несмотря на свою малочисленность, они были одним из самых надежных оплотов Империи. Многим из них император даровал потомственное дворянство, но они совершенно не пользовались своими привилегиями.

— Рад приветствовать вас, милостивые господа, младший полицейский Стриган Скворцов, — он вскинул правую руку в вязаной перчатке к шапке. — Чем могу вам помочь?

Шлем он не надевал. Юкагиры должны видеть его лицо, а не серебристое стекло. Из-за этого изо рта у него клубами выбивался пар. За куполом было —25 по Цельсию, и этот холод особенно ощущался от того, что тело все никак не могло забыть теплую комнату.

— Здравия желаю, — сказал старший из юкагиров. Это приветствие укоренилось среди них с началом Воссоединения. Они даже друг с другом точно так же здоровались, а фраза была одной из немногих, которую любой из юкагиров мог произнести самостоятельно и почти без акцента. Для других требовался переводчик.

Стриган рассмотрел теперь, что ошибся, прикидывая возраст старшего юкагира. Ему можно было дать лет семьдесят, а его спутники, соответственно, могли оказаться его внуками. Хотя кто там разберет — сколько им лет на самом деле. Коренные жители этих мест не пользовались никакими омолаживающими средствами, не то что генными, но и косметическими, и выглядели даже старше своих биологических лет. Юкагир мазнул себя по щеке, включая едва заметный переводчик, тянувшийся прозрачной капелькой из-под лохматой песцовой шапки, и продолжил:

— Меня звать Одулок, а это мои сыновья и копии — Токер и Аник, — старик махнул рукой сперва налево, а затем направо.

Стриган от таких слов едва не присвистнул. Выходило, что старик-то не простой. Что-то такое он для Империи совершил, что его копии еще при жизни сделали. Причем две. Впрочем, малым народам всегда в Империи вольготнее жилось, чем остальным.

— Мы нашли человека. Вашего. Мертвого, — продолжал Одулок. — Мы привезли его, — он кивнул на упряжку, на которой лежало человеческое тело. — Пойдем, посмотришь.

Он развернулся, подошел к упряжке и откинул полог оленьей шкуры, так чтобы стало видно лицо

мертвеца. Скворцов от увиденного отшатнулся, потому что лицо это сплошь покрывали рваные раны. Кто-то старательно выел почти все мясо, добравшись до черепа, скалившегося теперь слегка желтоватыми зубами.

Мясистые снежинки начали облеплять лицо мертвеца, как мошкара, пытаясь, хотя бы внешне, вернуть ему утерянное. Из-за этого оно постепенно становилось не таким страшным.

— Не надо, — отмахнулся полицейский, когда юкагир хотел было откинуть полог побольше, чтобы стало видно еще и тело.

Скворцов подозревал, что и оно сплошь состоит из одних ран. Хорошо еще, что он довольно давно завтракал, а то точно его вывернуло бы наизнанку. Желудок итак недовольно урчал и содрогался в спазмах, как просыпающийся вулкан. Ничего более страшного и отталкивающего он за свою жизнь еще не видел. Как бы этот кошмар к нему теперь каждую ночь не стал являться.

— Накройте, — сказал он юкагиру, и тот быстро выполнил эту просьбу.

Не ровен час, увидит кто из купола, что здесь происходит, начнут собираться любопытные. Положим, в присутствии полицейского никто не станет приставать с расспросами к юкагирам, а то ведь по доброте душевной те могли выложить все, что знали, первому встречному. Но даже если любопытные будут лишь снимать упряжку с трупом и мехароботами да тут же выкладывать картинку в сеть, могут пожаловать репортеры, охочие до сенсаций. Дело действительно могло претендовать на сенсацию. Зрители любят, когда им нервы щекочут.

Скворцов начал строить версии, кто мог этого человека так изуродовать. Была такая древняя китайская пытка, когда от человека отщипывают по маленькому кусочку. Вдруг его и вправду начали пытать еще при жизни, выведывая какие-нибудь тайны, но так ничего и не добились, или наоборот — добились, но все равно расправились с этим беднягой, чтобы свидетелей не оставлять. Таких душегубов, конечно, еще поискать нужно. Это ж как надо озвереть, чтоб так человека изуродовать.

— Зверь его поел, — сказал Одулок, разрешив все сомнения полицейского.

«Точно, — Скворцов едва не хлопнул себя по лбу ладонью от недогадливости. — Как все просто объясняется. А я-то в криминалисты решил податься. В сыскари. Да они сразу бы причину раскусили. А с чего юкагир взял, что это кто-то из горожан? Как он определил? На нем ведь метки нет».

Точно прочитав его мысли, юкагир протянул Скворцову идентификационную карточку со следами от укусов по краям. Хозяину этих зубов пластик пришлось не по вкусу, поэтому он его только покусал, но даже если бы он сумел его разодрать на куски, информация все равно сохранилась бы.

— Алексей Долгопольцев, — сказал вслух Скворцов, просканировав документ.

Тут же появилось его изображение и напоминание о том, что этот человек пропал неделю назад, и его местонахождение пока неизвестно. Считалось, что близких родственников у него нет, и об исчезновении заявление поступило только, когда Алексей Долгопольцев не явился на работу в свою коммунальную службу после отпуска. Собственно, он

мог попросту уехать куда-нибудь, никому об этом не сообщив, поэтому его и не искали. На всякий случай только проверили — значит ли он среди пассажиров пневмопоездов или авиарейсов за последний месяц. В списках его не обнаружилось. На этом и успокоились, не став выискивать его по сигналам идентификационной карточки, в конце концов, каждый человек имеет право на личную жизнь, а то, что он не пришел на работу после отпуска — его дело.

Конечно, не факт еще, что карточка, найденная с мертвецом, принадлежала именно ему. Ее могли подбросить, чтобы пустить следствие по ложному пути, но, скорее всего, ничего криминального в этом происшествии нет. А еще Скворцов вспомнил, что точно такое же лицо, что и у Долгопольцева, было у памятника штабс-капитану Неверовскому, высившемуся пятиметровой бронзовой громадиной в центре площади, названной его именем.

Для переноски тела требовался специальный холодильник, а то если внести его сейчас в купол, оно тут же начнет разлагаться. Холод уже пробирал Скворцова до самых костей и это несмотря на куртку с подогревом. Кончики пальцев в перчатках начали леденеть и превращаться в нечто, схожее с самыми примитивными протезами, в которых совсем нет электроники. Юкагиры к таким невзгодам были более привычны. Они словно совсем не ощущали холод и спокойно ждали, что же им посоветует теперь делать полицейский. Долг свой они выполнили, мертвеца привезли, отдали его представителю властей и могли уезжать.

— Благодарю вас, — сказал Скворцов, — сейчас за ним придут. А я с вами останусь, подожду, чтобы вам не скучно одним было.

Скворцов не весь свой век планировал просидеть в дежурке шлюза. Здесь вообще мог сидеть не человек, а андроид. Стригану представился отличный шанс немного попрактиковаться, расспросить юкагиров о том, где они нашли этого беднягу, не заметили ли чего-нибудь странного при этом. Но он понимал, что этого делать не стоит. Вот приедут следователи — они обо всем расспросят, а его дело маленькое — сообщить обо всем случившемся в отделение полиции.

Раджив Чакнаборти был очень рад, что оказался в комнате следователей один, когда пришло сообщение о происшествии возле северо-восточного шлюза. Все его коллеги были на оперативных выездах, так что никто из них и не мог изъявить желание забрать себе это никчемное «Дело о замерзшем», как он мысленно его озаглавил. Впрочем, у каждого имелось несколько своих дел, и вряд ли кто-то стал бы обременять себя новым. На первый взгляд все в нем было ясно. Возможно, все-таки кто-то решился бы забрать его, чтобы улучшить свой показатель раскрываемости. Но в любом случае досталось оно Радживу.

Приехав в Снежинск всего неделю назад из родного Бомбея по программе обмена опытом между имперскими отделениями сыскной полиции, он все еще не привык к местному суровому климату и боялся, что никогда не привыкнет. Под куполом-то было очень комфортно, но ведь придется и наружу выходить. Новые коллеги советовали ему заняться обли-

ванием и купанием в проруби, чтобы закалить организм. Пока Раджив на такой подвиг решиться не мог, хотя и проводил некие эксперименты у себя в квартире, наполняя ванну холодной водой. Самое большее, что ему пока удалось, — это залезть в воду по пояс, после чего он тут же выскочил из нее и долго натирался махровым полотенцем, пока его темная кожа не покраснела, как у индейца.

Надобности ехать Радживу лично к северо-восточному шлюзу вообще-то никакой не было. Все ведь не там случилось, а где-то в тундре. На первых порах достаточно, чтобы мертвеца осмотрели судмедэксперты и вынесли заключение, касательно причин смерти. Вот если они посчитают, что смерть наступила из-за насильственных действий, тогда придется проводить оперативно-разыскные мероприятия, тащиться к черту на куличики вместе с юкагирами, просить их показать место, где они нашли труп, и все там подробнейшим образом осмотреть.

Он натянул термостойкие куртку, штаны и шапку, хранившиеся на всякий непредвиденный случай в шкафу в комнате сыскарей. Помимо этого взял еще и коробку с питательными таблетками, словно собрался в длительный поход. На служебной стоянке он забрался в трансформирующуюся машину, которая могла увеличиться до объемов микроавтобуса, куда уместились бы все юкагиры вместе со своими упряжками и мехароботами. Он решил, что каким бы ни оказался вердикт судмедэкспертов, просто обязан съездить на место находки. Проверит себя — насколько он стоек к холоду. Но если юкагиры будут тащиться на своих упряжках — на это уйдет слишком много времени. Он их довезет. Одновременно

и служебный долг выполнит, и юкагиров отблагодарит. Начальство такой поступок одобрит.

Он включил автопилот и кондиционер, постепенно снизивший температуру воздуха в салоне примерно до такого же уровня, который был за куполом. Раджив полагал, что пока доедет до границ города, — успеет немного адаптироваться к погоде, тогда переход на свежий воздух не будет для него слишком болезненным, иначе в первые минуты он о деле и думать не сможет, потому что холод скует все его мысли. На внутренней стороне стекол постепенно образовывались морозные узоры. Раджив походил на чайник, стоящий на конфорке, из носика которого выбивается пар.

Сирену и проблесковый маячок он не включил и не воспользовался правом переключать на своем маршруте светофоры на зеленый свет. Водители, вернее автопилоты в их машинах, все равно уступали ему дорогу, определяя в нем полицейского. Спешить-то, впрочем, было некуда. Мертвец не очнется и из зимней спячки не выйдет. Но Раджив едва мог усидеть на месте. Водить машину он любил сам. Сотрудникам полиции разрешалось брать управление на себя. Но прежде он ездил только по Бомбею и его окрестностям, где большинство отключало автопилоты, полиция с этой напастью устала бороться, правил никто не соблюдал, а дорожное движение было хаотическим. Здесь же он боялся, что, если сядет за управление, не сможет с собой совладать и станет причиной аварийных ситуаций.

Судмедэксперты опередили его. Их приехало трое. Раджив их знал, потому что первое, что он сделал, приехав в Снежинск, это закачал в себя имена всех сотрудников полицейского департамента.

Когда шлюз выплюнул его машину на улицу, робокули судмедэкспертов уже погрузили мертвеца в холодильник, сами залезли в багажное отделение, а полицейские записывали имена юкагиров. Согласно инструкциям требовалось еще и отсканировать свидетелей, чтобы осталось их трехмерное изображение, но у юкагиров было поверье, что даже фотография отнимает часть души, из-за этого она становится слабее, а демонам легче ее выгнать из тела. Поэтому в должностных наставлениях было примечание о том, что в отношении юкагиров, как и других обитателей тундры, этот пункт инструкции выполнять не надо.

— Рад приветствовать, — откозырял дежурный полицейский.

Раджив ответил тем же жестом.

— Привет, Раджив, пойдем — посмотришь на мертвеца, — махнул ему судмедэксперт, жестом приглашая за собой. Его звали Николай. Радживу было приятно, что коллега знает его имя. Он по очереди пожал протянутые ему руки, после чего судмедэксперты продолжили расспрос юкагиров. — Думаю, что ты парень крепкий и в обморок не упадешь, а случай любопытный, — продолжал Николай. — Кто-то им позавтракал.

— Позавтракал? — переспросил Раджив.

— Ну, или пообедал, или поужинал, — в раздумье сказал судмедэксперт, — точно сказать пока не могу. Но если тебя это будет интересовать, обязательно выясню. Правда, точное время смерти будет определить теперь сложно. Там от него мало что осталось. Но зверь-то небольшой им лакомился. Писцы или лисы. Большой все бы кости по кустам рас-

таскал. Собирай его потом по частям. Замучаешься. А так — есть у нас тело во вполне сносном состоянии. Попадались и похуже. Гораздо хуже, — Николай замолчал, видимо, вспоминая какой-то случай из своей практики.

Они подошли к машине. Судмедэксперт махнул рукой. Крышка пластикового холодильника отодвинулась.

Работая следователем уже три года, Раджив успел навидаться многого и к виду изуродованных тел привык. В Бомбее любой мертвец разлагался в считанные часы, если его вовремя не опылить консервирующей жидкостью, поэтому Раджива несколько не смутили ни обнажившиеся кости ребер, на которых остались небольшие куски мяса, ни остатки потрохов, видневшиеся сквозь громадные прорехи в животе. Одежда с термоузлами во многих местах была порвана, превратившись в лохмотья, которые не надел бы и нищий, потому что теперь она совершенно не защищала от холода. Ткань прилипла к ранам и примерзла. Чтобы ее отодрать, придется труп размораживать.

— Долгопольцев. Мы уже это определили, да и у него документы с собой были. Вообще-то их обычно не берут с собой, когда с природой общаться отправляются, — Николай похлопал себя по нагрудному карману, где, видимо, и хранились документы мертвеца. — Насмотрелся?

— Да.

— Отлично, тогда мы поехали, — судмедэксперт закрыл крышку холодильника. — Со свидетелями мы закончили. Теперь они твои, — Николай показал на юкагиров, усевшихся на свои упряжки с каким-то

отрешенным видом, будто все, что здесь происходило, их абсолютно не касалось.

— Спасибо, Николай, — сказал Раджив. — Я решил, что поговорю с ними в дороге. Что зря людей задерживать?

— И то верно, — согласился Николай, но было видно, что он такому решению удивлен, однако переспрашивать не стал, догадавшись — куда собрался Раджив. — Постараемся сделать заключение побыстрее. Сброшу тебе, как будет результат.

— Буду очень признателен, — кивнул Раджив.

На лице дежурного полицейского, который все бродил неподалеку, вероятно на тот случай, чтобы всегда быть под рукой, появилось разочарование. Раджив никак не мог понять причину этого. Разве мог он догадаться, что полицейский хотел поприсутствовать на расспросе и получить, таким образом, практический опыт ведения следствия. Наглости напроситься в машину к Радживу у него, конечно, не хватило, да и не мог он бросить вверенный ему шлюз.

— Там слишком тепло, — в сомнениях сказал Одулок, когда Раджив, после того как машина трансформировалась, предложил ему вместе с сыновьями и мехароботами размещаться в салоне.

— Нет, там холодно, — успокоил его Раджив и улыбнулся, чем разрешил все сомнения юкагира.

Мехароботы к живым существам не относились, а скорее к вещам. Но Раджив, совершенно не разбираясь в местных традициях, вернее, он закачал насчет этого слишком много информации и теперь немного путался в ней, поэтому он как-то и не решился предложить запихнуть мехароботов в багаж-

ник. Вдруг он этим нанесет юкагирам смертельную обиду. Он еще успел подумать, что приедут они на упряжках, запряженных обычными собаками, а уж тем более оленями, тогда всем места в салоне точно не хватило бы. Все-таки и трансформация машины имела конечные объемы. На каждую упряжку полагалось как минимум четыре собаки. Итого выходило, что Радживу пришлось бы решать, где размещать целую стаю. Не набьешь же собак в салон, как сельдей в бочку. Да и они точно не смогли бы сидеть спокойно, кусались и лаяли, и от такого собачьего питомника у него точно разболится голова. Про оленей и говорить не приходилось. Они не влезут в салон, даже разрубленные на части. Впрочем, они вполне могли удерживаться в кильватере машины, двигаясь по тундре самостоятельно.

Они не ехали, а плыли, потому что еще до того, как машина сошла с дороги и поползла по глубокому снегу, Раджив убрал колеса и перевел микроавтобус в режим воздушной подушки.

Юкагиры указали на карте место, где нашли мертвеца. Проехать надо было около сотни километров. Навигатор показывал, что на это уйдет почти два часа. Все молчали. Мехароботы лежали с закрытыми глазами на полу, вытянув лапы, насколько этого позволяло свободное пространство, и положив на них головы.

Встречных машин совсем не было. Большую часть товаров и пассажиров перевозили поезда, упрятанные в туннели, которые местами шли под землей, чтобы не слишком уж нарушать экологический баланс в природе и не перерезать пути миграции диких животных. Раджив слышал истории

о том, как звери, чувствуя, что под их ногами что-то гудит, а земля немного вибрирует, останавливались, прислушивались, кое-кто даже пытался рыть землю, скованную вечной мерзлотой, но, конечно, до туннелей никто из них так и не добирался. Иногда туннели все же выходили на поверхность и тогда поезда мчались по прозрачным трубам сверкающими метео-рами.

Свет потоками лился из города, поэтому темнота возле купола не ощущалась. Почти дармовой термоядерной энергии хватало и на создание под куполом теплого микроклимата, и на освещение, которое должно было компенсировать жителям Снежинска нехватку солнечных лучей. Ночь в городе наступала гораздо позже, чем за его пределами. Эта энергия питала теплицы, растянувшиеся на десятки километров вокруг города, создавая тем самым некую зеленую зону, где круглый год выращивались овощи и фрукты, которых вполне хватало и почти миллионному Снежинску, и окрестным поселениям.

Когда эти огни остались позади, постепенно растворяясь в темноте, как последние лучи солнца, закатившегося за горизонт, Раджив вдруг ощутил, что находится на корабле, затерянном в бескрайнем и враждебном океане.

За бортом попадались редкие кустики. Где-то они образовывали густые заросли, среди которых укоренились даже чахлые деревца, тянувшиеся ввысь кривоватыми, точно изъеденными артритом, ветками.

Машина, сканируя пространство, объезжала эту поросль стороной, сползала по небольшим горкам и поднималась по их склонам, при этом двигатель начинал урчать сильнее и надсаднее. Из-за этого зву-

ка мехароботы делали вид, что просыпаются. Они поднимали тупые морды, смотрели на своих хозяев и ждали пояснений. Юкагиры, успокаивая, хлопали их по бокам и головам.

Раджив боялся смотреть в окна. Во-первых, там почти ничего не было видно, только узкая полоска, украденная у ночи светом фар. А во-вторых, ему казалось, что среди пустоты, затопившей все вокруг, он увидит тени зверей, мчащихся параллельно микроавтобусу.

Чтобы разогнать эти страхи, надо было заговорить с юкагирами, но Раджив, украдкой поглядывая на них, не знал, как к ним подступить и с чего начать. Юкагиры сидели в обнимку со своими ружьями, совсем как солдаты, отправившиеся на какое-то задание. Он поинтересовался — не сделать ли микроклимат в салоне потеплее, но юкагиров он вполне устраивал, они ведь были в меховых шубах.

— Темная у тебя кожа, — сказал Одулок, оценивающе взглянув на Раджива, будто его впервые увидел. Похоже, он сам был не прочь немного поболтать, но тоже не знал с чего начать. — Я знаю, откуда ты. Я был там у вас. Давно. Еще до вашего референдума.

— А где были? — спросил Раджив.

— Дели, — сказав это, юкагир расстегнул шубу у себя на груди, обнажая сухую кожу, на которой отчетливо виднелся уродливый шрам, похожий на трещину на стекле от камня. — Дели. Вот из-за этого, — юкагир кивнул на шрам, — буду всегда его помнить. Теракт у вас там был. Я закрыл тогда фельдмаршала Данилина. — Раджив только головой покачал. Терактов-то в Индии было много, но он догадался, что Одулок рассказывает о том, что случился, когда в Дели

приехала российская официальная делегация. Её-то и хотели уничтожить террористы, поссорив две страны. У них ничего не вышло. — За это мне дали Героя России, — продолжал Одулок. — Во второй раз уже. В первый-то раз мне его дали за Туркестан, — он замолчал на миг, вероятно, раздумывая, не рассказать ли о том, за что он получил первого Героя, но не стал. — Фельдмаршал в гору потом пошел. Ты слышал, наверное? — Юкагир посмотрел на Раджива. Тот только кивнул. Он очень смутно помнил, что вроде Данилин встал на несколько лет во главе Министерства обороны. — Вот из-за этого мне и сделали детей. Хорошо, что фельдмаршал стал большим человеком, — Одулок посмотрел на дремавших Токера и Аника. — Города у вас красивые, — продолжал юкагир. — Но людей слишком много. Больше, чем в Снежинске. Гораздо больше. Как вы только там живете? Шумно ведь.

— Привыкли, — сказал Раджив. Он чувствовал волнение, потому что раньше и подумать не мог, какой заслуженный человек рядом с ним едет.

Юкагир только почмокал губами и чуть покивал головой, после чего Раджив посчитал, что пришло самое время переходить к расспросам. Он подумал, что спутники проголодались, но у него из еды ничего не было, кроме питательных таблеток и еще само-разогревающихся банок с чаем и кофе, которые он обнаружил в багажном отделении машины. Он протянул все это своим гостям. Юкагиры тактично не стали отказываться от угощения, видимо, боясь отказом оскорбить Раджива. Еда им явно не нравилась, да и кому она может понравиться, но за трапезой беседа как-то сама собой наконец-то наладилась.

Следователь так ею увлекся, так много интересного для себя узнал, что и не сразу заметил, как машина остановилась и больше уже не двигалась. Это могло случиться по многим причинам. Машина могла сломаться, или она отчаялась пробраться через буреломы и дальше придется ехать на упряжках с мехароботами. Но всем этим страхам, к счастью для Раджива, не суждено было сбыться. Зеленый пульсирующий кружок на навигаторе, обозначавший местоположение микроавтобуса, показывал, что они достигли конечной точки маршрута.

Их по-прежнему окружала угрожающая темнота. Радживу не хотелось выбираться из машины. Он поежился, когда дверь уехала в сторону, а на него пахнуло таким морозом, что лицо вмиг окаменело, а на губах застыли слова.

На снегу виднелись цепочки крохотных следов.

— Писцы, — пояснил Одулок.

— Писцы, — согласился Раджив. Вообще-то он не мог отличить следы писцов от следов лисиц. Разве что, увидев на снегу следы медведя, догадался бы, что это точно не писец или лиса, потому что отпечатки лап были бы слишком большими и глубокими.

Раджив чувствовал себя ничем не лучше космонавта на космической станции, которому предстояло выйти в открытый космос. Впору было привязывать к поясу какую-нибудь веревку, страховочный фал, чтобы не заблудиться в этой темноте, а пока он так малодушничал, первыми из машины выскочили мехароботы.

«Вот поэтому в космос отправляют таких, как Ракеша Шарма, а меня даже не взяли в отряд космонавтов», — с грустью подумал Раджив.

Снег был настолько глубоким, что на поверхности торчали только головы мехароботов, как перископы подводных лодок, бороздивших пенный океан. Настоящие собаки быстро выбились бы из сил, но зарядки мехароботов хватит, чтобы вытоптать весь снег в округе. Похоже, они именно этим и занимались, а не попусту носились друг за дружкой.

Свет фар выхватывал из темноты почти засыпанную снегом красную палатку. Она чуть покосилась, опала, как воздушный шар, лишившийся части своего воздуха, из чего можно было сделать вывод, что палатка потеряла герметичность и сейчас забита снегом. Немудрено. Чтобы добраться до Долгопольцева, песцам пришлось прогрызать в стенках дыры.

Раджив ступил на вытоптанную мехароботами дорожку, дошел до палатки, нагнулся, раздвинул входной клапан, заглянул внутрь. Его тело перекрывало свет фар, тень мешала поискам. Внутри палатки образовался приличный слой снега, который успел уже немного слежаться, и, чтобы его разгрести, придется изрядно потрудиться. На его взгляд, палатка была слишком большой для одного путешественника. В Бомбее в комнатах такого размера уместается по пять человек. Они спят, тесно прижавшись друг к дружке. Это неудобно, но в тундре чувствовать теплый бок соседа — куда как приятнее, чем спать в одиночку.

И что там Николай говорил про документы? Что их почему-то не берут с собой, а у Долгопольцева они были.

Из снега торчали краешек ультразвуковой установки, отгонявшей диких зверей, и печка со сковородкой, на которой горкой лежал снег, будто это ка-

кое-то угощение, но чтобы его приготовить — надо разжечь огонь. Повсюду валялись разорванные пакеты из-под сушеного мяса и сублимированных овощей. В центре палатки выделалась сглаженная по краям ямка. Здесь, очевидно, и лежало тело.

Мехароботы старательно следовали, заложенной в них программе и изображали любопытных собак. Один из них запихнул в палатку свою тупую физиономию, хотя мог просканировать все, что в ней находилось, не забираясь внутрь. Вести в таких условиях поиски было не очень эффективно.

«Ох, ох», — проклинал Раджив свою судьбу. От неудобной позы у него заломило в пояснице.

Он на коленках вылез из палатки, обернулся, чтобы выяснить — чем там заняты юкагиры, но свет фар слепил его, пришлось прикрыть глаза ладонью и сощуриться. Вдруг свет померк, а Раджив увидел три громадные чуть ли не до небес фигуры, вставшие стеной между ним и машиной. Их лица были черными и какими-то расплывчатыми, точно возле них висела стая мошкар. Он испугался, что это духи тундры, о которых рассказывали ему юкагиры в машине. Он мог поверить во что угодно. Здесь воздух звенел, точно хрусталь, а за каждым чахлым деревом чудился косматый зверь, который, обхватив когтистыми лапами шершавые стволы, наблюдает за пришельцами. Здесь мир еще чуднее, чем в самых чудных сказках.

— Зачем сейчас мучить себя? — спросил один из духов тундры. — Завтра утром, когда просветлеет, мы тебе здесь все покажем.

— Да, отлично, — сказал Раджив, он уже догадался, что за духов тундры принял юкагиров, но, воз-

можно, он на какой-то миг разглядел их настоящими, а теперь они вновь маскируются, чтобы не испугать его. — Вы останетесь со мной?

— Я же сказал, что мы тебе покажем здесь все. В твоей машине всем нам хватит места на ночь, а собаки могут и на воздухе поспать. Они будут охранять нас.

— Да, — снова сказал Раджив, отметив, что юкагир называл мехароботов собаками. С такими охранниками им никто не страшен: ни медведь, ни стая волков.

Ночью Раджива разбудило сообщение, в котором значилось следующее: «Личность установлена. Долгопольцев. Умер от переохлаждения, в крови обнаружено снотворное».

«Спасибо», — мысленно поблагодарил судмедэксперта Раджив. Выходило, что Николай остался в лаборатории на ночь, чтобы быстрее сделать исследование. Если смерть наступила естественным путем, смысла что-то осматривать уже никакого не было, а дело можно закрывать. Но Радживу не хотелось так быстро с ним расставаться. Оно ведь было первым. Все первое — всегда запоминается.

Его мучили несколько вопросов. Почему наступило переохлаждение? Как такое могло случиться? Неужели у Долгопольцева отказала система подогрева комбинезона, когда он спал? Но тогда в его смерти частично повинны производители. Надо, чтобы они все перепроверили, а то такая беда еще с кем-нибудь может приключиться. Он все-таки здесь все осмотрит. Так на сердце у него будет спокойно. А то вдруг потом выяснится, что он что-то важное упустил. С этими мыслями Раджив и заснул.

★ Раджив появился в отделении сильно после полудня, успев заскочить домой, чтобы принять душ и выпить кофе. Душ и кофе немного взбодрили его, а то он совсем не выспался и буквально клевал носом. Надо отметить, что кофе в Снежинске готовить никто не умел, потому что в него надо добавлять пряности, отмеренные в строгих пропорциях на весах, на которых отмеряют золотой песок или лекарства, потому что ошибка в долю грамма может испортить весь напиток. Но выбрать было не из чего. В магазинах продавали какую-то непонятную смесь. На коробках, правда, было написано, что зерна вырастили на Малабарском побережье, или в Чикмалагуре, или в Траванкоре, то есть из них должен был получиться приятный и вкусный напиток, но не получался. Вероятно, при обработке зерен нарушались технологии.

Раджив в трудные минуты думал, что, если его погонят из полиции за некомпетентность, он останется в Снежинске, откроет здесь кафе, где будут готовить самый лучший в городе кофе. На его запах, просачивающийся на улицу из-за периодически открывающихся и закрывающихся дверей, как коты на запах валерьянки, будут тянуться по утрам все обитатели окрестностей. Он даже замечтался, рука его застыла с кружкой в воздухе, а взгляд уставился на проекционный экран компьютера, на котором Раджив все равно сейчас ничего не видел.

— Привет, тебя можно поздравить с успешным завершением расследования? — вывел его из раздумий голос Арсения Никанорова, вошедшего в комнату. От неожиданности Раджив чуть не расплескал кофе на стол.

— Привет, пока рано, — сказал ему Раджив.

— Есть сомнения? — спросил Никаноров.

— Есть, — кивнул Раджив.

— Тогда не буду тебя отвлекать и мне тут есть чем заняться, — худой и долговязый, чем-то похожий на кузнечика, Никаноров сел за свой стол и надел компьютерный шлем.

Осмотр палатки навел Раджива на ряд интересных мыслей. Ему еще при беглом осмотре трупа бросилось в глаза, что на нем дорогая экипировка. Как-то в Бомбее он вел дело о подпольной фабрике, на которой шили дешевые подделки одной известной фирмы, и он превосходно знал — сколько стоит настоящая продукция. Он сомневался, что Долгопольцев, работая в коммунальной службе на должности ремонтника водопроводных сетей, мог позволить себе такие расходы. Возможно, это был его фетиш и он тратил на это увлечение все свои сбережения, потому что тратить их было особо не на что. Палатка, найденная в лесу, была той же фирмы. В Индии за такие деньги можно купить палатку на колесах и с мотором. Раджив полностью полагался на свою интуицию, а она подсказывала ему, что что-то здесь не стыкуется.

Раджив сверился с зарплатной ведомостью, выясняя — сколько платили Долгопольцеву на его должности. Оказалось, что за вычетом расходов на коммунальные платежи и самую скромную еду, Долгопольцеву пришлось бы копить на эту палатку месяца четыре. Раджив никогда не стал бы так бездумно тратить заработанные деньги. Все могли объяснить приличные чаевые, получаемые Долгопольцевым на вызовах. Ничего противозаконного в этом не было.

И все-таки Раджив почувствовал, что нашел какую-то ниточку, за которую надо потянуть, чтобы весь клубок распутался. Он решил съездить в контору, где работал Долгопольцев, и немного поговорить с его коллегами и начальством.

Его удостоверение открывало любые двери, даже в кабинеты несравненно более высокие и представительные, чем кабинет начальника Коммунальной службы Северного административного округа Снежинска. О своем визите Раджив предупредил, попросил начальника его принять, отложить на какое-то время неотложные дела и уделить ему несколько минут своего драгоценного времени.

Начальник встретил его на проходной, расплывшись в радушной улыбке, сказал, что зовут его Викентий Петрович, и долго не отпускал руку Раджива. Он провел следователя в свой кабинет через коридоры, на которых то и дело появлялись голограммы симпатичных девушек в рабочих комбинезонах. Девушки призывали экономить воду и тут же сообщать, если в квартире течет кран. Неожиданно среди них возник ролик, рекламирующий визуалку «Танцор» с Митхуном Чакраборти в главной роли. Заметив его, Раджив улыбнулся.

— Наши сотрудницы очень любят этого актера, — смутившись, пояснил Викентий Петрович, заметив улыбку Раджива. Он, похоже, не обратил внимания на то, что у следователя и популярного актера одна и та же фамилия, и не стал складывать два и два, чтобы получить четыре. — Инструкций мы не нарушаем, зато сотрудницам приятно смотреть этот ролик. Вот я и не стал возражать. Ведь вы не против?

— Бога ради, — отмахнулся Раджив. Эту визуалку своего брата из-за нехватки свободного времени он не видел. Митхун делал в Болливуде просто звездную карьеру и по нему вздыхала чуть ли не половина женского населения Империи от Калининграда до Петропавловска-на-Камчатке и от Певека до Каньякумари. Раджив ему немного завидовал. — Я ведь собственно совсем по другому делу к вам приехал, — продолжил он, когда они расселись в кресла в кабинете начальника, причем тот, демонстрируя свое уважение к гостю, занял место не во главе стола, как обычно делал, принимая подчиненных или просителей, а напротив Раджива. На стене за начальственным креслом висел голографический портрет Императора Алексея I. Из-за этого казалось, что в кабинете не два человека, три. — Расскажите про вашего сотрудника Алексея Долгопольцева. Вам ведь сообщили уже, что его нашли замерзшим в ста километрах от города?

— Да-да, — закивал начальник. — Ужасно. И как это случилось? Ума не приложу. Я знаете ли резко против всех этих увлечений молодежи, что надо на какое-то время выбираться дикарем на природу, чтобы к ней стать ближе. Всегда говорил, что ни к чему хорошему это не приведет. И вот он результат. Зачем куда-то на холод ехать? — Викентий Петрович всплеснул руками. — У нас все условия в городе для отдыха созданы. Что мы зря, что ли, сделали искусственные пляжи и песок на них привезли? Я сам люблю с семьей в выходные на наше искусственное море съездить. Хорошо там, вода ласковая.

— Он часто выбирался так на природу? — спросил Раджив, останавливая словесное излияние Ви-

кентия Петровича, которое пока не принесло никаких результатов.

— Не могу точно сказать. Я обычно в курсе, куда мои подчиненные собираются уехать в отпуск, но Долгопольцев был все-таки человеком скрытным. Про таких говорят: «Себе на уме». Нет-нет, я ничего не хочу плохого о нем сказать. Про мертвых ведь либо хорошо, либо никак, но с вами надо, как на исповеди, говорить одну лишь правду, — начальник замолчал и посмотрел на Раджива.

— Продолжайте, — разрешил Раджив сомнения Викентия Петровича, — я вас внимательно слушаю.

— Вот-вот, он об этом не распространялся. Он ведь недавно у нас работает. Но незадолго до отпуска заявился на работу в таком виде, точно в поход собрался.

— Это как?

— Комбинезон на нем был туристический. Очень хороший. В таких не по тундре бродить в одиночку, а на дорогах горных курортах, где барышни разные из хороших семей отдыхают и мужей себе присматривают. Похвастаться, наверное, пришел. Я еще подумал, что много мы ему платим, если он такие дорогие вещи покупает. — Раджив едва сумел скрыть свое разочарование. Если покопать, выяснится, что и палатка у Долгопольцева была. Ниточка, за которую он тянул, оборвалась. Напрасно он затеял это расследование. — И еще он бороду сбрил. Вот ведь странно, все наоборот, если в поход за город собираются, бороду отращивают, потому что так теплее, а он свою сбрил. Станный. Эх, — Викентий Петрович глубоко вздохнул. — Я вот не подумал, где его искать надо. Теперь-то догадался. Раньше бы догадался,

да сообщил куда следует, его, глядишь, и быстрее нашли. Так ведь?

— Возможно. Но все равно было бы поздно. Не вините себя.

— Да я и не виню. А что касается Алексея Долгопольцева, то я как в первый раз его увидел, сразу понял, кто он такой. Все-таки кто ж не знает, как выглядел штабс-капитан Неверовский? Вот с такой-то родословной, да с такой внешностью разве ему ко мне надо было на должность простого ремонтника устраиваться? У нас город новый и традиций еще мало. А Неверовский — уже традиция. Правда, он не из этих мест, но все равно к городу уже причастен, раз площадь его именем назвали и памятник ему поставили. Он ведь погиб как раз, когда наш город только-только строился. Вот так его имя и увековечили. А такие, как этот Долгопольцев, — птицы высокого полета. Да его с руками любое городское управление оторвало бы, попросись он туда на службу. Должность какую-никакую, а предложили бы. Он должен был это понимать. Я даже как-то ему на это намекнул. Но он сделал вид, что не понял меня, но я видел, что все он понял. Выходило, что что-то он скрывает. Не хочет, чтобы его узнавали, даже бороду отрастил. Странно мне это было. Проверил, что такое с ним приключилось. Выяснил я, что у него раньше другая фамилия была. Не Неверовский, а другая, не помню сейчас какая. Но он ее сменил. Какая-то семейная драма случилась, после которой он попал в Дом приюта. Я знаю, что он потом в университете учился на программиста. Отчислили его. Что-то с ним там тоже неприятное вышло. Кого-то он из своих однокурсников, что ли, сильно избил?

Не смогли дело замять. Выходит программа дубликации с ним осечку дала? Вот, может, и фамилию он из-за этого сменил? Подумал, что не оправдывает доверия? — спросил начальник, взглянув на Раджива. Тот сидел в задумчивости и не отвечал. — Может, вы кофе хотите? — неожиданно спросил Викентий Петрович. Вероятно, на такое предложение его навело сонное состояние следователя.

— Нет, — сказал Раджив, хотя, признаться, от кофе он не отказался бы, но ему вдруг захотелось быстрее вернуться в отделение. Упоминание программы о дубликации, вернее, как она официально звучала «Об увековечении памяти выдающихся людей Империи, сохранение и распространение их генетического материала» — навело его на дальнейший ход расследования. — Спасибо, пожалуй, я выяснил у вас все, что хотел, — он встал и протянул руку Викентию Петровичу.

— Рад был помочь. Я вот еще что подумал, а может, это было самоубийство? — Начальник вновь тряс руку Раджива и не отпускал ее. — Ну, устал человек от жизни. Не получалось у него ничего. Некоторые в ванну теплую залезают и вены себе режут. Поэты там непризнанные и прочие. А он наоборот. На холод отправился, снотворного выпил и обогрев одежды отключил?

— Снотворное? А откуда вы о нем знаете? — насторожился Раджив.

— Да не знаю я о нем. Просто в голову пришло. А что, оно было? — Следователь не отвечал и внимательно смотрел на Викентия Петровича. — Не знал я о нем, — повторил начальник и вновь затряс руку Раджива, явно чего-то испугавшись. — Вам, конечно,

виднее, — продолжил он, изобразив на лице теперь уже немного вымученную улыбку. — Рад, в общем, был помочь. Обращайтесь в любое время.

Раджив привык общаться лично, в Индии это много значило, но он решил, что если будет кататься из одного места, где ему надо получить информацию и кого-то опросить, к другому, то напрасно потеряет много времени, поэтому отправился домой, благо технологии позволяли вести расследование, никуда не выбираясь из своей квартиры. Положим, она была совсем не его. Жилье ему выделили из фонда полицейского управления. По меркам Бомбея эти двадцать пять квадратных метров с двумя окнами, выходящими на уютный дворик с десятком деревьев, считались царственными хорами. Сразу по приезде он распаковал сумки, разложил содержимое по шкафам, повесил на дверь колокольчик, чтобы отгонять злых духов, а на стол поставил деревянную статуэтку Ганеша. Этим все и ограничилось, потому что Раджив постоянно пропадал на работе.

Начальство пока не противилось дальнейшим изысканиям. Раджив вообще пока мог не отчитываться. Ситуация терпела.

— Копай, копай, — сказали ему.

Раджив хотел найти ответы на несколько вопросов. Для себя. Например, отчего Алексей оказался в Доме приюта? Дубликатов выдающихся людей пристраивали в самые хорошие семьи, занимающие положение в обществе не ниже положения семьи образца для копирования. Делалось это для того, чтобы дети не испытывали никаких трудностей, получали хорошее образование, а впоследствии служи-

ли на благо Империи. Это был ее золотой фонд. Им просто так не разбрасывались.

Перво-наперво Раджив отправил запрос в Центр дублирования, чтобы ему прислали биографию Долгопольцева, снабдив свое послание припиской о срочности этого дела. Вообще-то информация была закрытой и проходила под грифом «секретно», но полицейскому управлению позволялось получать куда как более конфиденциальные сведения из государственных источников. Раджив надеялся, что ему ответят в ближайший час, а пока он решил немного восполнить пробелы в своем образовании. Заварив себе чашку кофе, который тоже оказался отвратительным на вкус, он начал изучение с открытых источников, вбив в поисковик фамилию штабс-капитана Неверовского.

На экране появилась статья из энциклопедии, в которой сообщалось, что Неверовский стал знаменит после того, как на своем истребителе уничтожил крупный отряд террористов, переправлявшихся через Пяндж, чем обеспечил успешное развитие Туркестанской кампании. Он стал ее героем. Его принимали в Кремле, где и вручили Звезду Героя.

Перед Неверовским открывалась звездная карьера, но он так и не стал генералом, погибнув при крушении экспериментального многоразового корабля, возвращавшегося с земной орбиты. Памятник, установленный в Снежинске, изображал его как раз во времена Туркестанской кампании, потому что в памяти потомков он должен остаться совсем молодым, статным и красивым, с добродушной улыбкой, будто никогда не мог постареть. Весь мир еще лежал перед ним. Именно таких людей мо-

лодежь, стремящаяся покорять небеса, превращает в своих кумиров.

Раджив даже покраснел от того, что не знал этого прежде. Вот как бы он выглядел, узнай кто, что он понятия не имеет, кто такой штабс-капитан Неверовский? Впрочем, кто из жителей Снежинска, не задумываясь, назовет индийцев, отправившихся на лунную базу Империи или в марсианскую колонию? Никто не назовет. А в Бомбее или Калькутте эти имена у всех на устах.

У Неверовского было пять детей. Власти всячески поощряли многодетные семьи, выплачивая пособия на каждого ребенка. Именно за счет такой политики и удалось довести население Империи почти до четырехсот миллионов. Это за вычетом Царства Индийского, на которое вот уже семь лет, прошедших после добровольного вхождения в состав Российской империи, распространялась ее юрисдикция, однако эмиграция из него поощрялась лишь в дальневосточные, сибирские, и туркестанские губернии, но никак не в европейские, где уже ощущался некий переизбыток населения.

Многодетность была заслугой, за которую вручали правительственные награды. Империя нуждалась в людях, чтобы заселить свои бескрайние просторы с их неисчерпаемыми запасами полезных ископаемых. В Индии были люди, но не хватало ресурсов для дальнейшего развития. В России ощущалась нехватка людей, а ресурсы были бесконечными. Альянс пошел всем на пользу.

Наградой в Империи служила и программа по дублированию, принятая чуть больше четверти века назад. Государственная комиссия каждый год до-

бавляла в нее новые фамилии, но лишь после того, как избранный умирал. Здесь было коренное отличие от Нобелевской премии, потому что ее давали исключительно при жизни, а избранного дублировали после его смерти. Но тот, кто получал Нобелевскую премию, автоматически получал и право на дубликацию.

«Два в одном», — почему-то пришла на ум Радживу реклама одной из парфюмерных компаний, но он не знал — применял ли кто-то этот слоган к Нобелевской премии.

Неверовский премию не получал и надо заметить, что заслуги его перед Империей были не столь уж велики, как, скажем, заслуги ученых-ядерщиков, сумевших найти способ использования термоядерной энергии в мирных целях. Тем не менее выдающимися признавались люди, сделавшие успехи в разных областях. Не только ученые, но и спортсмены и даже артисты.

«Митхуна когда-нибудь так же наградят, но пусть это будет как можно позже. Я хочу, чтобы брат жил долго и счастливо».

В список на дублирование включали военных и особенно охотно космонавтов, потому что Империя нуждалась в людях сильных духом, а кто как не космонавты обладали такими качествами. Программа по дублированию распространялась на них автоматически, как и на всех поселенцев лунной и марсианской колоний.

В хранилища их генетический материал попадал еще до того, как космонавт отправлялся в свой первый полет. Он не забирался открыто, но все знали, что в хранилище он есть. Это не нравилось кос-

монавтам, будто руководство заранее сомневалось в успешности их миссии. Так же как не нравились солдатам их именные жетоны, с помощью которых опознавались убитые. Они ведь были еще живы, но носили с собой амулеты, которые могли понадобиться только после их смерти.

Неверовский заслужил дублирование как минимум дважды.

На экране возникло уведомление, что на почту пришло письмо, а в правом верхнем углу вылезли его первые строчки.

«Рады помочь Вам в Вашей трудной работе. Что касается «Программы по увековечиванию...»

Далее запись обрывалась. Раджив вывел ее на экран полностью. Текст оказался очень большим. Его дублировало голосовое сообщение. В нем сообщалось, что дубликаты Неверовского было решено вырастить в 2034 году в честь сорокалетия героя, до которого он чуть не дожил. Всего вырастили 17 дубликатов. Тот, что сейчас именуется как Алексей Долгопольцев, первоначально был отдан в семью надворного советника Леонтия Красногудова, проживавшего в Екатеринбурге. Семья заслуживала доверия. Однако в сентябре 2047 года на главу семейства, который на тот момент имел уже ранг тайного советника и должность заместителя губернатора по финансовой части, завели уголовное дело коррупционной направленности. Во время задержания Красногудов забаррикадировался в своем доме, взяв в заложники дубликат Неверовского, и грозился убить его, если не будут выполнены его требования: сопровождение до аэродрома и вылет в любую из стран Латиноамериканских штатов. Полицейских эти уг-

розы не остановили. Они взяли дом штурмом, при этом Леонтий Красногудов был убит, дубликат Неверовского физически не пострадал, но его нахождение в семье Красногудова сделалось невозможным. Было принято решение отдать его в Дом приюта Екатеринбурга, где он находился до совершеннолетия под пристальным надзором врачей, поскольку из-за указанных выше событий его психике была нанесена сильнейшая травма. Лечение проходило успешно. После наступления совершеннолетия в марте 2050 года дубликат Неверовского изъявил желание сменить фамилию на «Кторов» и уехать из Екатеринбурга в Томск. Спустя всего три месяца он перебрался в Новосибирск, поступив в местный университет на факультет «Расширенное и глубинное программирование измененной реальности», где отучился 2 года, после чего был отчислен за нападение на одного из студентов с причинением телесных повреждений легкой степени. Вновь сменив фамилию, теперь на Долгопольцев, с 2056 года проживает в Снежинске, где, по нашим сведениям, живет еще один дубликат Неверовского.

— Ух, — Раджив не сумел сдержать восторженный вопль, добравшись до этих строк.

Дубликат уехал из Екатеринбурга, потому что хотел быстрее покинуть город, где у всех на слуху был случай с Красногудовым. Это понятно. Он точно следы заметал, меняя фамилии, но случайно ли остановился в Снежинске, где жила одна из шестнадцати точных его копий?

У Раджива учащенно забилося сердце. Ему хотелось выбежать на улицу с криком «Нашел». Сон как рукой прогнало без всякого кофе, которого он, впро-

чем, выпил уже столько, что, наверное, тот скоро по-
лется из всех пор на его теле.

В Центре по дублированию работали проника-
тельные люди. Они прислали имя второго дубликата
Неверовского, подробное досье и адрес проживания.

Юрий Гальперин сразу после окончания Москов-
ского Императорского Университета был назначен
в Снежинск заместителем начальника департамента
добычи полезных ископаемых. Должность явно была
одной из ступенек в карьерной лестнице, в которой
уже маячили высокие кабинеты. Он обратил на себя
внимание еще будучи студентом, разработав пер-
спективные методы добычи ресурсов на астероидах.
На земле разрабатывать ресурсы все равно было де-
шевле, но за счет этих изысканий Гальперина вклю-
чили в императорский стратегический резерв, что
предполагало быстрое продвижение по службе, по-
лучение чинов и наград.

Раджив мысленно благодарил работников Цент-
ра, пообещав, что обязательно упросит начальство
послать в ответ благодарность за оперативную по-
мощь. Пока он, впрочем, топтался на месте, потому
что наличие второго дубликата абсолютно ничего не
значило. В этом нет ничего удивительного. В Санкт-
Петербурге вероятность, что два дубликата, скажем,
писателя Алексея Иванова, столкнутся на улице или
окажутся в одном и том же кафе, — крайне велика.

Два брата-близнеца, не знавшие о существовании
друг друга. Радживу такое совпадение все же показа-
лось странным.

«Карьерный», — подумал Раджив, глядя на фо-
тографию Юрия Гальперина. Улыбающийся, весе-
лый, уверенный, живущий в достатке, из хорошей

семьи и с хорошим образованием. У него уже сейчас есть многое, а впереди будет еще больше. Точно так же должен был выглядеть и Алексей Долгопольцев, если бы не глава семейства, в которое его распределили. Долгопольцев запомнился Радживу с объединенным писцами изуродованным лицом. Два лица наложились в его сознании одно на другое, и ему показалось, что он видит, как сквозь кожу Гальперина просвечивается череп, будто глаза Раджива стали обладать свойствами рентгеновского луча. Долгопольцева можно было только пожалеть. Ему не повезло.

Две такие разные судьбы практически одного человека.

Сперва Раджив связался с коммунальной службой и вновь пообщался с Викентием Петровичем, который с удовольствием ответил на все его вопросы. Следом выяснил кое-что в отделе кадров департамента добычи полезных ископаемых. После чего, вылив в себя остатки кофе, быстро собрался и помчался в отделение. Его компьютер просто не потянул бы задачу, которую он намеревался решить.

В комнате следователей был лишь все тот же Арсений Никаноров. Он точно и не выходил никуда. Его длинные ноги безвольно вытянулись и торчали из-за стола опасным препятствием. Когда он посмотрел на Раджива, взгляд у него был каким-то отрешенным, будто он в своих мыслях пребывал, а коллегу и не замечал даже. Раджив ему из-за этого только кивнул, а то вдруг, если заговорит, выведет Никанорова из транса, в который тот специально впал, чтобы дело быстрее раскрыть. Раджив с благоговением относился к тем, кто овладел этим мето-

дом. Сам он пока такого делать не умел — слишком мало у него было навыков и практики. Он тихонько чуть ли не на цыпочках прокрался к выделенному ему столу, активировал компьютер, запросил изображение со всех камер, установленных в районе шлюзов, а потом задал программу поиска и идентификации.

Снежинску не исполнилось и четверти века, он не мог похвастаться богатой историей, как Бомбей, но благодаря современному оснащению был городом громадных возможностей. Кто-то мог подумать, что все эти камеры установлены исключительно для того, чтобы следить за горожанами, но в сыском деле они были незаменимы. Вот в Бомбее Раджив бы все ноги стоптал до кровавых мозолей, пока обегал все места, которые надо осмотреть, да опросить свидетелей, а здесь в Снежинске — сиди себя в теплой комнате, пей кофе и жди, пока всю работу за тебя сделает искусственный интеллект.

Подумав так, Раджив понял, что проголодался. У него была возможность заказать в ближайшем трактире навynos чапати и дал, но он предпочел им вареники с картошкой и грибами. Уж если назвался груздем, то есть живешь в Снежинске, так и ешь, что здесь все едят. К тому же теперь у него был опыт, а то на следующий день после приезда он заказал пельмени, но вовремя сообразил, что начинкой в них говяжий фарш, и есть не стал, а то пропала бы его бессмертная душа.

Поиски заняли три часа. Раджив просмотрел результат, улыбнулся, протер уставшие глаза и откинулся на спинку кресла, заложив при этом руки за голову, чтобы чуть потянуться и размять затекшие

★ мышцы. В комнате уже никого не было. Раджив и не заметил, как ушел Никаноров, похоже, он что-то сказал на прощание, но Раджив пропустил его слова мимо ушей. В отделении остались дежурный и летучая группа.

Раджив посмотрел на часы, висевшие на стене. Одиннадцатый. Поздновато, чтобы отдых начальника отделения прерывать. Но Григорий Дмитриевич Долецкий всегда за дело радел, опыт у него был громадный, и он своим подчиненным строго-настрого наказал, что, если требуют обстоятельства, беспокоить его разрешается в любое время суток. С подчиненных он, конечно, драл три шкуры, но все следователи, оказавшиеся в его отделе, получали великолепную практику, которая потом им позволяла взбираться по карьерной лестнице все выше и выше.

Раджив и боялся разговора с Григорием Дмитриевичем, и не хотел откладывать дело до утра. Сам-то он вряд ли заснет, но вовсе не это его пугало. А вдруг за эти несколько часов произойдет что-то непоправимое. Как там говорят русские? «Нужно ковать железо, пока оно горячо». А оно было очень горячим, просто раскаленным.

На вызов ответила служанка. Раджив попросил позвать Григория Дмитриевича, сославшись на срочность и важность дела.

— Мне нужна санкция на арест, — сказал он начальнику, — и летучий отряд.

— Ты уверен? Может, прежде наружное и внутреннее наблюдение установить да околоточного надзирателя к делу подключить? — спросил Григорий Дмитриевич.

— Я уверен, — твердо сказал Раджив. — Не хотелось бы откладывать. А околоточного надзирателя я уведомлю. Он мне в деле поможет.

— Хорошо, будет тебе все, что ты просишь, — сказал Григорий Дмитриевич, выслушав объяснения Раджива.

На город спустилась ночь, но через прозрачный купол пробивался свет звезд, а на поверхности ярко горели фонари, выстроившиеся стройным рядом вдоль дороги, по которой ехал черный микроавтобус с тонированными стеклами. Раджив мысленно подгонял его, потому что ему казалось, что машина тащится на удивление медленно, останавливается чуть ли не на каждом светофоре, который отчего-то встречал ее приближение, переключаясь с желтого цвета на красный.

Мимо проплывали залитые огнями витрины магазинов. Реклама на фасадах зазывала зрителей новинками визуального искусства. По тротуарам прохаживались горожане. Среди них попадались девушки в сари. Раджив как-то и не задумывался о том, что в Снежинске уже есть и индийская диаспора, и она, видимо, велика.

Он с тоской поглядывал через темное силовое поле, закрывающее прорези в бортах машины. Уже непонятно было — на чем он держался, наверное, исключительно на адреналине, бурлящем в крови. То и дело он ловил себя на мысли, что сознанием перемещается в какие-то видения.

Скорее всего, он сумел бы обезопасить подозреваемого и собственными силами, но упусти он его, ударься тот в бега, Раджив себе такого не простил

бы и ему такое не простили бы. Тогда на карьере можно ставить крест, увольняться и идти в банк — просить кредит на открытие самого лучшего в Снежинске кафе. Не дадут ему кредит. У него ведь ничего нет для его обеспечения.

Было очень скучно и одиноко. Андроиды летучего отряда сидели тихо и неподвижно, как восковые куклы. Перед выездом Раджив их подробнейшим образом проинструктировал об объекте задержания. Согласно инструкции, ему пришлось облачиться в защитный жилет и каску. Это помимо того, что его защищало еще и персональное силовое поле. Он чувствовал себя неуютно.

Возле подъезда прогуливался околоточный надзиратель в мундире и фуражке с кокардой в виде двуглавого орла. Ему было сильно за восемьдесят. У него были просто выдающиеся усы — длинные, как у таракана, и густые. Он то и дело разглаживал их указательным пальцем и чуть-чуть подправлял кончики кверху. Это движение Раджив приметил, еще когда в первый раз разговаривал с надзирателем, вернее, с его голограммой.

— Да будто вы не знаете, кто там живет? — спросил надзиратель, сообщив, что к хозяину означенной квартиры уже приходил знакомиться, как только тот сюда въехал.

— Вот и проверим, к нему ли вы приходили, — ответил Раджив.

— А как же иначе? Вы что же, не доверяете мне? Проверку мне решили устроить? Думаете, что я свой хлеб зря ем, что ли? Со всеми в околотке знаком и чаевничал. И меня тут все знают, — рассердился надзиратель.

— Нет, что вы? Никто не собирается вас проверять. Напротив, я хочу, чтоб вы мне помогли, — сказал Раджив, после чего объяснил надзирателю, что ему требуется делать.

Завидев машину, околоточный тут же сообразил, что приехали те, кого он здесь дожидается, остановился и выпрямился. Выбравшись из машины, Раджив первым делом подошел к старому служаке и поздоровался. Это спокойное место ему явно предоставили за заслуги, чтобы не отправлять в отставку такого ценного сотрудника, которому, в силу возраста, уже тяжело на оперативной должности. На груди он носил металлическую бляху с золотым напылением, на одной стороне которой был профиль Императора Алексея I, а на обратной — дата его коронации.

Бросив взгляд вверх, Раджив попробовал отыскать среди освещенных окон четвертого этажа — те, что были в квартире Гальперина, но так и не успел их найти. Андроиды, чтобы не привлекать к себе внимание прохожих, быстро вошли в подъезд. Один остался в машине — следить, не попытается ли подозреваемый уйти через окно, другой — на первом этаже, чтобы караулил лифт, а остальные трое, в сопровождении надзирателя и Раджива, вереницей стали подниматься по лестнице, чуть прижимаясь спинами к стенам.

Мимо проехал лифт, а когда двери его открылись на первом этаже, слышался собачий лай. Все невольно улыбнулись. Кто-то отправился выгуливать собаку, а та, бросившись из лифта, чтобы побыстрее оказаться на улице, встретила на лестничной клетке что-то, выглядевшее как человек, но пахнущее совер-

шенно иначе. От страха и неожиданности она могла сделать свои дела прямо там же, в подъезде.

Они уже поднялись на четвертый этаж.

Касательно того, как проникнуть в квартиру подозреваемого, было много советов: представиться сотрудниками коммунальных служб, почтальоном или соседом. Ни один из них не годился. В ряде случаев инструкции позволяли действовать официально. Неподчинение полицейским могло поставить крест на какой угодно карьере. Но вдруг у подозреваемого припасен реактивный ранец? Андроид, оставшийся в машине, перехватить его сумеет, но вот если в ранце что сломается, тогда подозреваемый и голову расшибить может. Зачем так рисковать?

Андройды летучего отряда обладали незаменимым для домушника качеством. Любой электронный замок от прикосновения их пальцев открывался. Если замок в двери был механическим — они умели легко, быстро и эффектно дверь вышибать.

Но начальник отделения навел Раджива на идею, как сделать так, чтобы обитатель квартиры сам им открыл дверь.

Взглянув на Раджива и получив его одобрение, околоточный надзиратель нажал на звонок, заголосивший какой-то птичьей трелью.

Раджив и троица из летучего отряда спрятались на лестнице вне обзора центральной камеры наблюдения. На все второстепенные, показывающие лестничную клетку и пролеты, сейчас шло искаженное изображение. На этой картинке их не было. Для этих камер они стали невидимками.

— Кто там? — слышалось через ретранслятор.

— Добрый вечер, — кашлянув, очень официальным тоном начал надзиратель. — Прошу прощения за беспокойство в столь поздний час, но прежде вас застать не удавалось. Я ваш новый околоточный надзиратель и пришел к вам познакомиться по долгу службы.

Вообще-то должность свою он занимал уже третий год. Новым околоточным надзирателем его называть было никак нельзя.

— Да, сейчас, — дверь распахнулась, на пороге возник человек, изображение которого Раджив за последние сутки изучил в подробностях. На нем был шелковый халат. — Добрый вечер, — сказал обитатель квартиры, но слова у него застыли на губах, потому что следом за околоточным надзирателем в комнату ввалились Раджив и троица из летучего отряда, спеленав обомлевшего мужчину силовым полем, как коконом. Теперь он и шага сделать не мог.

— Что вы себе позволяете? — крикнул мужчина. Раджив уже закрыл дверь, и, скорее всего, крика этого никто из соседей не услышал.

— Тот, да не тот, — сказал удивленно надзиратель, лишь раз опытным взглядом окинув посетителя квартиры.

— Полиция, — сказал Раджив и сунул под нос мужчине свое удостоверение. На нем значилась аббревиатура СУС, получившаяся по первым буквам сочетания «Снежинский Уголовный Сыск», из-за чего за сотрудниками отделения укоренилось среди обывателей прозвище «суслики», а выражение «по сусалам наваляю» уже приравнивалось к оскорблению защитников законности. Но бытовало и еще одно прозвище — «сусальный», которое сыскарям

очень нравилось. — Не кричите. Вы арестованы. Подозреваетесь в предумышленном убийстве. Мы вас забираем.

— Вы что, с ума сошли? Какое убийство? В своем вы уме?

— Долгопольцев, ну зачем вы так нервничаете, — сказал спокойно Раджив. — Нам все известно. Вам лучше во всем признаться. Это смягчит наказание. Возможно, вам удастся избежать смертной казни, учитывая к тому же, что вы тоже дубликат штабс-капитана Неверовского, как и настоящий хозяин этой квартиры. Но все это вы будете рассказывать не сейчас и не мне. А в отделении.

Раджив блефовал, но он умел это делать, помогал опыт, полученный в школьных театральных постановках. И он еще представил на своем месте брата. Тот бы с задачей легко справился. Он мог сыграть любую роль. У Раджива не было прямых доказательств. Но после его слов подозреваемый сник, и вся его напускная надменность куда-то пропала.

— Я знаю, что вы следили за своими двойниками. На месте Гальперина мог оказаться кто угодно из них. Ему просто не повезло. Я знаю, как вы с ним познакомились, и знаю, что уговорили поехать за город «почистить мозги». Так это, кажется, называется? Вы ведь ему снотворное подсыпали? А потом отключили обогрев в костюме? Хотели выдать это за самоубийство? — подозреваемый не отвечал, но после каждой фразы Раджива вздрагивал. Это доказывало, что слова бьют точно в цель. — У меня к вам один вопрос. Зачем вы это сделали?

— Зачем? — чуть помолчав, спросил Долгопольцев и зло исподлобья посмотрел на Раджива. — Вы

спрашиваете меня зачем? Да потому что у меня украли мою жизнь. Я лишь только вернул себе то, что мне должно было принадлежать по праву.

— Я так и думал, — кивнул Раджив.

— Собраться-то хоть дайте.

— Все необходимое вам предоставят, — уверил задержанного Раджив. — Да и здесь вашего ничего нет.

Он прошел в комнату, открыл один шкаф, другой, нашел тот, где хранилась одежда, сложенная стопками, среди нее был и туристический костюм, точно такой же, что и на убитом.

Зная о том, как вымотался Раджив накануне, Долецкий не гнал его на работу, как положено к 9 утра, а дал немного поспать. На 12 часов он назначил в своем кабинете оперативное совещание, на которое должны были явиться все не занятые срочными делами.

Раджив никак не мог сосредоточиться и почти не слушал, что говорил Григорий Дмитриевич, а тот рассказывал, как Долгопольцев дает признательные показания и для этого не пришлось даже прибегать к сыворотке правды.

— Ну, Жиглов, выходи сюда и выкладывай, как ты его раскусил?

Если бы Долецкий не посмотрел на Раджива, тот и не догадался, что обращаются к нему, хотя он, конечно, слышал о прославленном русском сыщике. Он поднялся и пока шел на лобное место, обдумывал, с чего бы начать свой рассказ.

Слова давались ему с трудом, но потом он просто перестал думать о том, что сейчас в комнате кто-то

есть. Он пытался воспроизвести цепочку своих размышлений.

Долгопольцев учился на программиста. Он вполне мог обойти защиту Центра дублирования и выяснить, где живут дубликаты штабс-капитана Неверовского. В Снежинск он переехал немногим позже Гальперина. Случайность? Может, Долгопольцев следил за всеми своими двойниками и ждал случая, когда кто-то из них переедет на новое место, где его никто не знает. У всех двойников судьба сложилась лучше, чем у него, гораздо лучше, а он был среди них изгоем, и эта несправедливость должна была его угнетать.

В Снежинске Гальперину предоставили квартиру в Северном округе, то есть в том, который обслуживала коммунальная контора, где на работу устроился Долгопольцев. Обращение в коммунальную службу, где Раджив попросил проверить, был ли вызов в квартиру, в которой проживал Гальперин, а если был — кто туда ездил, результатов не дало. Вызовов из этой квартиры вовсе не поступало. Но это его совершенно не расстроило и укладывалось в версию преступления. Долгопольцев мог прийти к Гальперину и сам. Он мог наврать, что его вызвали квартиранты, обитавшие этажом ниже, сообщив о протечке. Теперь он осматривает все квартиры, чтобы выяснить — где случилась поломка. Безусловно, эта, якобы случайная, встреча была отличным поводом для завязывания знакомства. Гальперин проглотил бы эту наживку. Ему было немного одиноко в новом для себя городе.

В отделе кадров департамента добычи полезных ископаемых Раджива ждало просто потрясающее от-

крытие. Три недели назад Гальперин взял отпуск на две недели. То есть он взял отпуск на те же числа, что и Долгопольцев. У Гальперина бороды не было, а Долгопольцев сбрил свою как раз накануне отпуска. Он явно отрастил ее, чтобы его не узнавали. Ему не повезло, что в Снежинске есть площадь штабс-капитана Неверовского и памятник ему. Знай он это, возможно, не приехал бы сюда. Когда он сбрил бороду, Долгопольцев и Гальперин стали двойниками. Они вообще были неотличимыми друг от друга. У них была одинаковая внешность и одинаковый набор генов.

— Меня не отпускала мысль, что Долгопольцев жив, что ему не составляло никакого труда следить за своим двойником, читать его переписку, слушать все его разговоры в департаменте и не только там, изучать его повадки и круг знакомых, вживаясь в образ, чтобы даже тем, кто знал Гальперина, не бросалась в глаза подмена. К тому же он приехал в Снежинск совсем недавно, и те, с кем он контактировал, еще недостаточно его знали. Меня мучили сомнения. Возможно, все разрешилось бы, сумей я уговорить приемного отца Гальперина или кого-то из его родственников или знакомых приехать в Снежинск и встретиться с Долгопольцевым. Они сразу поняли бы, что он не настоящий. Долгопольцев не мог знать абсолютно все, что знал Гальперин. Правда, он мог сослаться на то, что в последнее время у него проявляются симптомы амнезии, а для пущей убедительности записаться на прием к врачу. Но мне не хотелось ставить родственников и знакомых Гальперина в такую стрессовую ситуацию.

Камеры видеонаблюдения показали, что Гальперин и Долгопольцев покинули Снежинск почти в одно и то же время. На них была одинаковая одежда. Я не знаю, как Долгопольцев уговорил пойти в поход Гальперина, но тот купил для этого слишком дорогую экипировку. Долгопольцев был вынужден купить такую же. Вот собственно из-за одежды у меня и возникли поначалу подозрения, но я не ожидал, к чему все это приведет.

Он так и не сказал, что распутал это дело из-за того, что ничего не знал о штабс-капитане Неверовском и много еще чего, что знали все присутствующие. Он разгадал это дело из-за своего невежества и любопытства.

— Учитесь, лоботрясы, — сказал Григорий Дмитриевич, обведя взглядом присутствующих. — В особенности ты, Никаноров, — начальник строго посмотрел на подчиненного, — сколько ты уже со своим делом валандаешься? Вот с кого пример надо брать, — он указал на Раджива. — Едва такое дело не прошляпили. Раджив Чакнаборти, вам объявляется благодарность за успешное проведение расследования. Можешь до послезавтра отдохнуть. Но послезавтра как штык чтобы был с 9 утра в отделении. Понял?

— Да, — кивнул Раджив.

Но незапланированный выходной чуть ли не в самом начале был неожиданно прерван звонком Григория Дмитриевича, который срочно вызывал Раджива к себе в кабинет на беседу. Теперь они были здесь одни. Если не считать голографический портрет Императора в полный рост.

— Я тебя надолго не задержу, — сказал начальник, даже не предложив Радживу сесть. — Сразу

к делу. — Раджив вострепнулся, думая, что ему поручат что-то важное. — Видишь ли, из-за этого расследования всю программу дублирования могут остановить, а это нежелательно. Дело закрыто. Оно отправляется в архив, но его засекречивают. Может, его вообще сотрут. У нас уже все подчистили. Ты меня понял? Ты о нем ничего не знаешь.

— Да, — разочарованно кивнул Раджив.

— Ты голову-то не опускай. Всякое в нашем деле бывает. Не о себе надо думать, а о благе Империи. В данном случае благом для Империи будет, если это дело огласки не получит. Я тебя из-за этого и вызвал, а то еще кому проболтаешься. Всех причастных я уже проинструктировал на этот счет. Ты же никому ничего не рассказал?

— Нет, — сказал Раджив. — Я же здесь один пока.

— Что один — плохо, а что не рассказал — молодец. Благодарность тебе в личное дело мы, конечно, занесем и премию даже выпишем в размере месячного оклада. Попозже. Чтоб по датам не привязываться именно к этому расследованию. Ну, ты понял. Уж извини, — начальник развел руки, — никак иначе тебе эту пилюлю подсластить не могу.

— Спасибо. А родственникам Гальперина, выходит, не сообщат, что он мертв? Неужели они будут считать, что он осужден?

— А это уже не наше дело. Мы свое сделали, — сказал Григорий Дмитриевич. — Иди и работай так же усердно на благо нашей общей Родины. А сегодня у тебя еще выходной. Что будешь делать?

— Наверное, все-таки схожу посмотрю визуалку, в которой брат играет, — сказал Раджив, вспоминая

девушек в сари, гуляющих по городу вечерами. Надо бы с кем-то из них дружбу завести. Он прошел первое испытание на новой службе. Кафе с самым лучшим кофе в Снежинске откладывалось на неопределенный срок. Придется пить то, что здесь готовили, вдруг в обществе симпатичной девушки оно не покажется таким отвратительным.

— Правильно, — кивнул Григорий Дмитриевич. — Хорошее дело.

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

НАСТАВЛЕНИЕ

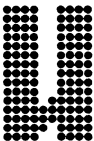
15 июня 2191 года.

База космофлота Российской империи на Церере.

Почтовый массив инфосферы капитана I ранга

Дмитрия Белухина.

Статус: новое, не просмотрено.

 горь: «Старик, ты точно здоров? Это что с тобой за усталость металла? Ты какую ересь парням выдал? Мы тут все, конечно, не то чтобы смеялись, нет, мы гомерически хохотали... Но... Каков! В общем, перед отправкой на Землю давай-ка зайди, взбодримся... У меня тут есть. И не унывай, авось пошелестит мимо. Чина-то уж точно не лишишься, я уверен. А должность — дело наживное. Да и вообще: Бог не выдаст — свинья не съест».

Твоя единственная: «Я уже в курсе. Митя, как бы оно ни аукнулось, я с тобой, я поддерживаю тебя. Если ты так поступил, значит, надо было так поступить. Захочешь — расскажешь. Я пока не понимаю... Ох, не сиделось тебе спокойно, Митя! Но ничего ведь уже не переменишь? В любом случае я с тобой. Целую, обнимаю, приходи домой поскорее».

Капитан II ранга Г.И. Бобий, секретариат Училища: «В силу сложившихся обстоятельств извещаем Вас о том, что Ваша встреча с выпускниками Училища отменена до получения соответствующих распоряжений. Ответственным за проведение названного мероприятия вместо Вас условно временно назначен капитан I ранга А.А. Дудиев до получения соответствующих распоряжений».

Мимо проходил: «А почему не лось?»

Мегуапортал «Дружина»: «Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Мы были бы рады взять у вас интервью в связи с Вашим оригинальным заявлением. Полагаем, Ваши разъяснения были бы весьма полезны для нашей аудитории. Если Вы согласны, мы в ближайшее время свяжемся с Вами».

Нагин: «Папа, ты что????!!!»

Контр-адмирал граф К.В. Плещеев-Пальцев: «Господин капитан I ранга! О Вашей возмутительной выходке я доложил на Землю, в Управление. Не исключаю того, что мой рапорт будет направлен оттуда в более высокие инстанции. Полагаю, Вы встретите решение начальства без жалоб. Вы должны понимать, насколько подвели и меня, и все вверенное мне Училище. Благодаря Вам, ожидаю внеочередной проверки с Земли. Впрочем, Вас это, вероятно, уже не будет касаться. Сорок пять лет у Российской империи не было войн. Все, что от Вас, опытного офицера-воспитателя, требовалось, это выступить с наставлением на День космофло-

та, где курсантам было бы четко объяснено, почему долгий мир — не повод расслабляться и почему мы обязаны по-прежнему держать порох в пороховницах. И чтобы ни малейшей безответственности, разгильдяйства, наплевательства и спустярукавства! А Вы им — зверя немытого! Что за символ? Это, в конце концов, и неприлично, и недостойно».

Один человек: «Почему не бобер?»

Медиапортал «Дружина»: «Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! К сожалению, мы вынуждены отказаться от нашего предложения относительно интервью. Нам не удалось согласовать этот вопрос с руководством. Еще раз простите, такова жизнь».

Нагин: «Папа, ты как???»

Старший священник флотилии на Церере, протоирей Алексей Враторастворенский: «Почтеннейший Дмитрий Дмитриевич! Признаться, сначала меня несколько обескуражил Ваш поступок. Однако, поразмыслив, я принял Вашу сторону. Малая толика благодушного юмора не помешает... Пожалуй, мы уже готовы перейти от грозного бряцания оружием к спокойному миролюбию, вложив, так сказать, меч в ножны, но не снимая их с пояса. Ведь и Господь наш — Миротворец. Извещаю Вас о том, что направил в Управление письмо, в котором пространно изложил свои соображения, высказанные здесь в лаконичной форме. Храни Вас Бог!»

★ *Официальное извещение с Земли, из Его Величества императора Николая Даниловича собственной канцелярии: «Личным Его императорского Величества приказом офицеру-воспитателю Военно-космического училища им. Адмирала Л. К. Бахирева I капитану Д. Д. Белухину за инициативу и находчивость в работе с курсантами пожалован крест св. Владимира III степени. Вручение осуществить не позднее суток по прибытии на Цереру особого фельдъегеря со знаками ордена и наградными документами».*

Игорь: «Старик, это как понимать? Ты что, поймал за хвост карьеру? Но откуда ты узнал о новых веяниях на самом верху? Никто еще... Во всяком случае, те, кого я успел спросить... А мне — ни полсловечка! В общем, старик, это как понимать?»

Нагин: «Папа, вот это да!!!»

Нагин: «Папа, это я, в смысле, что поздравляю».

Случайный такой: «Может, лучше мамонта?»

Андрей Дмитриевич Белухин, курсант второго года обучения: «Отец, я поговорил с ребятами. Впервые, твоя картинка, которую ты распространил в инфосфере Училища вместо скучной лекции, всем понравилась. Двуглавый медведь, едущий по галактике на тройке, запряженной звездолетами, это, знаешь ли, внушает! Большинство, как минимум четвере пятых, поняли тебя правильно. Сегодня мы уже настолько сильны, что можем позволить себе быть смешными, верно?»

15 июня 2191 года.

База космофлота Российской империи на Церере.

Почтовый массив инфосферы капитана I ранга

Дмитрия Белухина.

Статус: отправлено.

«Сынок, но вы там все-таки не расслабляйтесь!»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. ГЕОГРАФИЯ БУДУЩЕГО.....	5
Людмила и Александр Белаш. ПОСЕВ.....	9
Олег Дивов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ.....	44
Эдуард Геворкян. АНГЕДОНИЯ	113
Далия Трускиновская, Дмитрий Федотов. МАРИАНСКИЙ ИНЦИДЕНТ	164
Александр Тюрин. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ТИТАНОВЫЙ ПЕС.....	203
Игорь Прососов. JURE DICERE.....	255
Сергей Сизарев. ГУБЕРНАТОР СОЛНЦА.....	311
Вадим Панов. СВЕРХНОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ.....	371
Григорий Елисеев. ИСКАТЕЛИ ЭДЕМА.....	428
Александр Марков. ДУБЛИКАТ	487
Дмитрий Володихин. НАСТАВЛЕНИЕ.....	537

Все права защищены Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКИЙ ФРОНТИР

Ответственный редактор **И. Минаков**
Редактор **Е. Кондратьева**
Художественный редактор **А. Сауков**
Технический редактор **О. Куликова**
Компьютерная верстка **З. Полосухиной**
Корректор **М. Козлова**

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 06.12.2017. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Baltica». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 2000 экз. Заказ 6257.

Отпечатано в ООО «ПИК ОФСЕТ»
660075, г. Красноярск, ул. Республики, д. 51, стр.1.
Тел.: (391) 211-76-59, 211-76-20. E-mail: marketing@pic-ofset.ru

В электронном виде (электронная книга)
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Видео: «Э» АКБ Баспасы, 123308, Москва, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Тәуар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі - РДЦ «Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251-58-12 эк. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Сертификация туралы ақпарат сайты www.litres.ru «Э»

Оттотан торгаша клиенттер Идательство «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Идательство «Э» зарубежных оттошан
покупателям обращаться в отдел зарубежных продаж
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:
+7 (495) 411-68-89, доб. 2261.

Оттотан торгаша букизно-белоташан

и канцелярскими товарами для школы и офиса:

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-26-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оттошан покупателей:

Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,

г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.

Нижний Новгород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».

Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховский Оборона,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: service@szko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,

г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».

Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7 (863) 303-62-10.

Центр оттово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015,

г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7 (383) 289-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,

пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7 (4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оттово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алябашевская, д. 9А (ТЦ Перестройка+).

Телефон: +7 (3452) 21-53-96/ 97/ 98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оттово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. Центр оттово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014,

Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet».

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровский, д. 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99).

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербова, д. 17а.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Идательство «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Закон по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.

Тел.: +7 (812) 601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14

ISBN 978-5-04-091196-7

9 785040 911967 >

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКИЙ ФРОНТИР

Могучая Российская Империя 2.0 начала масштабную экспансию по всем направлениям. Она основывает новые города и колонии в космосе, берет под контроль планеты в разных концах галактики, ведет разведку океанских глубин, если надо – отстаивает свои интересы с помощью вооруженных сил. Но имперская экспансия – это и стремительное развитие науки, обновление информационной сферы, творческий поиск и напряженное размышление над этикой и новыми формами образования. Империя постоянно раздвигает свои пределы во всех сферах мироздания: территориально, интеллектуально, творчески. Она не знает понятия границ, ибо ее потенциал безграничен. Россия веками прирастала дерзновением горстки смельчаков, когда за казаком шел монах, а за ними – строитель и купец.

ISBN 978-5-04-091196-7

9 785040 911967 >

СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ
литературные проекты

РУССКИЙ ФРОНТИР

ОЛЕГ ДИВОВ • ВАДИМ ПАНОВ • ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН • АЛЕКСАНДР БЕЛАШ
ЛЮДМИЛА БЕЛАШ • АЛЕКСАНДР ТЮРИН • ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ • и другие